

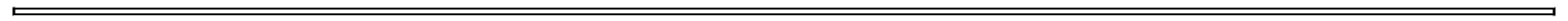
A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a dark brown color, framing the central text.

**Покоренная
поцелуем**

Валентина Донна

- [Донна Валентина](#)

-

Донна Валентина

Покоренная поцелуем

Валентина ДОННА
ПОКОРЕННАЯ ПОЦЕЛУЕМ

Анонс

...Ротгар, некогда хозяин замка Лонгвальд, стоял на коленях перед леди Марией де Сюрси. Сейчас этой норманнке приходилось решать судьбу отважного саксонского воина, вернувшегося на родное пепелище, где правили бал захватчики. И все же только Ротгар и мог помочь Марии сохранить поместье и приумножить доставшееся ей имущество.

Мария освободит Ротгара, но сердце и душа ее окажутся пленены этим благородным рыцарем. Страсть цепью скует этих несчастных, родившихся врагами. И замок Лонгвальд непреодолимым препятствием станет на пути к счастью. Сможет ли любовь одолеть крепостные стены?

Пролог

Март 1067 года

Ноги его дрожали мелкой дробью, пробежавшие по икрам слабые судороги говорили о том, что сегодня он отмахал немало. Но он упрямо, подчиняясь силе воли, продвигался вперед, выставляя сначала правую, затем левую ногу.

Волосы у него слиплись от пота, от тела шел пар, несмотря на холодный и влажный воздух, - настолько он был изнурен. Его истертая до нитки одежда, которую ему ни разу не меняли за время пребывания на принудительных работах, не предохраняла от неожиданностей стихии.

Услыхав клекот ястреба, он остановился, наблюдая, как тот хищник витал кругами. Вдруг он камнем бросился вниз.

- Я бы многое отдал за зоркость твоего зрения, приятель, - прошептал он.

Идея поговорить с птицей во весь голос показалась ему забавной.

Ястреб продолжал кружить у него над головой в легком ленивом полете, и с высоты, он, конечно, мог бросить взгляд на Лэндуолд. "Скажи, приятель, хотелось ему крикнуть, - скажи, мой дом превращен в дымящиеся руины? Неужели все крестьянские дома разрушены? А люди умирают с голоду? "

Ястреб продолжал бесшумно парить в воздухе и вдруг, заметив внизу беспечную жертву, ринулся вниз, словно покрытый перьями снаряд. На губах пешехода заиграла ироничная улыбка. У него не было никаких сомнений в том, что в этой схватке победа окажется на стороне ястреба, что он закогтит, захватит дичь и поступит так, как поступили норманнские завоеватели, когда с неба на головы англичан посыпались их диковинные, более прицельные стрелы, которыми они намеревались их сломить.

Когда их мужественная, отчаянная оборона была прорвана, все те, которые, как и он сам, сплотились вокруг обреченного на поражение короля Гарольда, лишились своих титулов, земель, а многие и самой жизни. Этих можно назвать счастливыми. Те, кому повезло меньше, и они остались в живых, были отправлены назад в свои владения, - только теперь они уже не были их хозяевами, - они стали слугами новых норманнских лордов. Обреченных на гибель, закованных в кандалы, их заставляли работать, как рабов, их всячески унижали, чтобы поскорее приблизить их смерть. Тех, кто осмеливался бежать,

превращали в живые мишени, - их пронзали мечами во время бесконечных боевых учений норманнских рыцарей.

И все же ему удалось бежать. Предприняв еще одно усилие над собой, он сделал несколько шагов вперед, вспоминая без особого чувства гордости, но и без угрызений совести ту ночь, когда ему удалось выбраться из кучи мертвых тел, проклиная затяжную зиму, которая никак не желала уступать дорогу весне. Из-за холодов он вначале хотел изменить свой план. Он дрожал и зуб на зуб не попадал, пар шел изо рта, но ему все же удалось притвориться мертвым, а стоявшие в то время сильные морозы стали для него спасением.

Его промерзшее насквозь тело, его задубевшие от долгой неподвижности руки и ноги не вызвали ни малейшего подозрения у тех, кому на следующее утро поручено было подбросить мертвых в навозную яму.

Ночью, когда голодные волки начали рыскать возле горы трупов, ему с большим трудом удалось вылезти из-под мертвецов, отталкивая от себя их цепкие одеревеневшие руки и ноги. Шатаясь, он направился к лесу, молясь о том, чтобы подгоняемые голодом волки заметали лапами его следы на снегу.

Если, паче чаяния, захватившие его в плен норманны, роясь в куче трупов, не обнаружат его тело, то они, конечно, первым делом явятся в Лэндуолд. Он знал об этом. Всем своим существом он осознал, что теперь у него нет дома, средств к существованию, что теперь он уже не хозяин своей судьбы.

И все же он был не в силах остановиться, отказаться от медленного мучительного продвижения вперед по направлению к Лэндуолду, - ведь и лосось бессилён оказать сопротивление влекущему его вверх бурному течению реки с наступлением весны. Сплошная безнадежность. Несомненно, впереди его ожидает смерть. Он отлично это понимал, и все же был не в состоянии не повиноваться страстному, увлекающему его вперед порыву, не подчиниться причиняющей боль необходимости продолжать свой путь.

Приближался конец его изнурительному путешествию. Еще день-два, от силы три, и он наконец увидит свои земли, примыкающие к Лэндуолду. Медленным взглядом он обвел невысокий холм, расположенный в нескольких милях к западу. Если повезет, то можно оказаться на его вершине до захода солнца. Погибший в битве при Гастингсе, его брат Эдвин, уверял, что оттуда, с вершины, весь Лэндуолд виден как на ладони. Ему всегда хотелось убедиться в правоте его слов, но все было некогда.

Как поступить? Потратить полдня на переход к вершине холма, чтобы увидеть оттуда Лэндуолд во всей красе, или продолжать свой путь вперед, не сворачивая никуда, чтобы самому, собственными глазами за два или три дня увидеть масштабы захвата норманнами того, что принадлежало ему по праву рождения. Если пойти к холму, то, значит, на целый день задержать окончательное прибытие в Лэндуолд.

Может, Эдвин просто хвастал, поддразнивал его, заставлял зря потратить время, чтобы убедиться в его не правоте. Доводы в пользу отказа от такой затеи роились у него в голове даже тогда, когда он невольно свернул с пути и направился к холму. Когда он подошел к его подножию, то пошел дождь со снегом. Он увидел кружева следов оленя под деревьями и в подлеске. Шагнув на тропинку, он вдруг почувствовал, как его всего охватило жгучее желание увидеть, и эта потребность преодолела усталость, заставила его идти далее к своей цели.

Шипы колючего шиповника цеплялись за его изорванную тунику, но он, не обращая на

это внимания, упрямо поднимался на холм. С трудом дыша, он закинул голову, закрыл на несколько секунд глаза. Он боялся их открыть. Ведь Эдвард мог и обмануть, и отсюда не видно вообще никакого Лэндуолда, но он мог сказать и правду, - в таком случае перед ним предстанет обуглившееся, выгоревшее почти до тла поместье Лэндуолд, и он увидит картину, которую уже неоднократно видел на пути сюда. Собрав все мужество и твердо решив не поддаваться эмоциям, он продолжал взбираться на холм.

Да, Эдвин ему не лгал.

Усадьбу Лэндуолд было так хорошо видно, что, казалось, не существовало вовсе миль, отделявших ее от вершины холма. Облако дыма висело над его крытой соломой крышей, постепенно расширяясь, оно захватывало расположенные впритык друг к другу, словно грозди, дома его селян. Чуть выше, на лугу, паслись овцы. Праздные, обнаженные в это время года поля являли собой весьма интересную картину, которую трудно заметить снизу. Большой квадратный участок, расположенный дальше к востоку, - там находились аккуратные торговые ряды гончара Бритта. А вон там, рядом с домом, был садик, разбитый его матушкой.

Необычное оживление приковало к себе его внимание, и он, скосив глаза, заметил на самой высокой точке в Лэндуолде все население деревни, занятое, казалось, срочным делом. Казалось, что они суетятся вокруг большого, вырытого в земле котлована. Понятно, закладывают фундамент для норманнского замка. Еще одно осквернение любимой им земли!

Он тихо зарыдал, но попытался успокоиться. Ему казалось, что это организм мстит ему за то, что он, как оголтелый, взбирался на вершину холма. Выйдя из-под крон укрывавших его от непогоды деревьев, он почувствовал, как тает на голове снежная крупа, как маленькие ручейки текут у него по липу, смешиваясь с соленым потом, который больно щипал его оцарапанные щеки.

- Лэндуолд, - прошептал он, вытирая пот с лица, не в силах оторвать напряженного взгляда от того, что ему больше не принадлежало.

За спиной он почувствовал мягкое шуршание. Последовал сильный удар по голове. Больше он ничего не помнил.

Глава 1

Сознание вернулось к Ротгару, оно выскользнуло из тайных глубин его рассудка, словно призрак. Он слышал все, что происходит возле него, кудахтанье резких по тону норманнских голосов выражало негодование, возбуждение, может, даже небольшую тревогу, но Ротгар вовсе не намеревался тратить вернувшееся к нему сознание понапрасну на то, чтобы понять значение произносимых ими слов, хотя уроки, которые когда-то давно давала ему мать, а также несколько месяцев, проведенные в норманнском плену, позволяли ему неплохо овладеть их языком. Вместо этого он старался сконцентрировать все свои оставшиеся силы, чтобы не дышать глубоко, не наполнять до отказа легкие укрепляющим живительным воздухом; он заставлял себя лежать тихо, не двигаясь, несмотря на острую боль от заломленной у него за спину руки, и не обращать внимания на учащенное болезненное биение крови в голове.

Чья-то нога опустилась возле его головы. Он плотно зажмурил глаза и поэтому не мог ее видеть, а только почувствовал, как под ней прогнулся дощатый пол, нб ожидал дикой боли, когда этот тип, проходя мимо него, задел лежавший под ним острый тростник.

"Нельзя двигаться, нельзя издавать ни малейшего звука, чтобы не напомнить этой

норманнской свинье о своем присутствии". Он видел немало добрых бравых саксов, над которыми норманны учиняли кровавую расправу. Их извращенное понятие о "честной игре" заставляло их не хвататься за мечи до тех пор, пока они не услышат дыхания врага, не заметят, как он корчится после того, как к нему вернется сознание. Посему он прикусил язык и старался чуть дышать.

Вдруг он снова почувствовал чье-то присутствие рядом, мягкое шуршание, чей-то такой легкий шаг, который не потревожил доски пола у него под головой. После этого ему на лоб легли чьи-то руки - мягкие, ласковые холодноватые, это стало для него такой неожиданностью, что все благие мечты тут же покинули его и он резко открыл глаза.

- Эдит, - прохрипел он сдавленным, дрожащим от непривычки голосом, но тут же понял, что ошибся.

Глаза этой женщины были очень похожи на глаза Эдит. Она смотрела на него с таким презрением, с таким холодным безразличием, давая ему понять, что ее уважением пользуются совершенно другие мужчины. И хотя глаза его невесты были похожи на голубизну зимнего неба, глаза этой женщины напоминали ему масть его любимого коня - темно-коричневые с золотым отливом. Ее лицо, не такое продолговатое, как у Эдит, обрамляли мягкие кудрявые волосы коричнево-золотистого цвета. Они, казалось, придавали коже лица цвет приготовленного на меду крема, и на него было значительно приятнее смотреть, чем на монастырскую бледность Эдит - следствие нескольких лет, проведенных среди монахинь, которые воспитали ее.

Услышав его голос, женщина отняла руку и торопливо вытерла ее об юбку.

- Он жив, - произнесла она по-норманнски медленно и мягко, так, что ему не потребовалось особых усилий, чтобы понять их смысл.

Тотчас же гвалт в комнате смолк. Ротгар болезненно поморщился, когда под тяжестью грузных тел норманнов пол под ним заходил ходуном. Он увидел, что окружен грозно глядевшими на него норманнскими рыцарями, которые, все как один, крепко сжимали рукоятки мечей. Притворяться и лежать неподвижно больше не было необходимости, но ноги его отказывались выполнять его волю, - они не желали вставать, чтобы отразить нападение. Редко ему приходилось чувствовать себя таким беспомощным. Он напрягся всем телом, исполненный решимости встретить достойно, как полагается, свою смерть от руки одного из этих рыцарей. Он знал, что вот-вот будет нанесен роковой удар, но вдруг та же женщина, словно вновь почувствовав его тяжелое состояние, ослабила повязку на его голове, мягким движением выпростала руку из-под спины, положив ее ему на живот.

- Он назвал ее имя. Приведите сюда леди Эдит, - сказала она на англо-саксонском, обращаясь к девушке, лицо которой, казалось, ему было знакомо. Ей каким-то образом удалось втиснуться между двумя рыцарями, и она стояла, широко открыв рот, и глядела на него, словно испуганный кролик.

Онемелость руки прошла. Отчетливое понимание своего положения не выходило у него из головы, напоминало о себе острыми, как иглы, уколами, которые могли вызвать последнюю агонию. Через широко расставленные ноги рыцарей и их головы он видел знакомую, почерневшую от дыма резьбу, бледные пятна на стенах там, где когда-то висело оружие. Значит, имя Эдит им известно. Знает ее и эта девушка, которой предстояло выполнить распоряжение норманнки, - он это сразу понял.

Итак, он в поместье Лэндуолд. Совершив чудовищную ошибку, он очутился снова здесь. Но ведь он хотел только взглянуть...

Теперь слишком поздно проклинать себя и называть дураком. Напрасно он не прислушивался к предостережениям тех, кто советовал ему бежать со всех ног в противоположном направлении, если ему на самом деле удастся сдержать свою клятву и убежать от норманнских тюремщиков.

- Как тебя зовут? - обратилась к нему женщина. - Говори, я понимаю ваш язык.

Ее мягкий голос утишил его боль, укрепил сломленный дух. Он испытал поразительное чувство, сродни тому, которое испытываешь, когда опаленную солнцем кожу смазывают гусиным жиром. Ротгар закричал зубами, пытаясь попридержать язык, преодолеть охвативший его порыв ответить на этот простой вопрос. Он ведь еще раньше утратил контроль над собой, позволив ей к нему прикоснуться, но он станет мертвецом в тот момент, когда скажет ей: "Меня зовут Ротгар. Норманнские завоеватели убили моего сеньора и превратили меня в раба в благодарность за мою преданность".

- Все англичане глупцы, - фыркнул смуглый рыцарь. А эти саксы, с которыми мы здесь возимся, еще глупее их. Приходится только удивляться, Мария, почему Вильгельм питает такое уважение к Хью, почему он навязал ему этот тупой, грязный и нищий народ.

Она вздрогнула, вся напряглась, словно произнесенные рыцарем слова нанесли ей личную обиду.

Через щелочку опущенных век Ротгар разглядывал этого рыцаря, и ему казалось, что он все понял. Внешне ласковый, даже льстивый, старающийся всем угодить, этот рыцарь вызывал у него иные чувства. В глазах этого человека цвета слоновой кости сквозило коварство, а чуть заметное подергивание уголков губ, особый оттенок смуглого лица свидетельствовали о его высокомерии, граничащим с жестокостью.

Кто он, муж Марии? Непонятно почему, но эта мысль его огорчила. Она поднялась на ноги с такой грациозностью, словно и не почувствовала тех долгих минут, когда она сидела на корточках возле Ротгара. Не обращая никакого внимания на замечание рыцаря, чего, естественно, никак нельзя ожидать от жены, она обратилась к другому неуклюжему норманну, сторожившему его. Ротгар наострил уши, когда они начали говорить на норманнском, так как, несомненно, этот разговор касался в первую очередь его.

- Уолтер никогда не отдает приказа умертвить нарушителя границы, покуда не узнает причину его появления. Скажи, Данстэн, этот что-нибудь говорил, называл ли он свое имя до того, как ты его трахнул по черепу.

Данстэн, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, густо покраснел. Чувствуя свою полную беспомощность, Ротгар поглядывал на мускулы этого норманна, от которых едва не трескались рукава его тужурки, и с удивлением думал о том, как это он не отправился на тот свет сразу же после удара, нанесенного этой мощной рукой.

- Нет, миледи, - бормотал Данстэн. - Я бы не ударил этого человека, ведь сразу видно, что у него давно не было во рту ни крошки. Бедняга совсем обессилел. Сэр Уолтер уехал в лес, а милорд Гилберт поманил меня...

- Это я приказал Данстэну ударить его, чтобы он потерял сознание.

Эти слова произнес смуглолицый рыцарь, который назвал его глупым англичанином. Теперь Ротгар знал его имя - Гилберт.

Подойдя поближе к Ротгару, Гилберт ткнул его в ногу острым концом меча.

- Ну подумай, Мария. Мы обнаружили его на вершине невысокого холма, всего в каких-то десяти милях отсюда. Оттуда он разглядывал Лэндуолд с рвением, свойственным священнику, отыскивавшему истинный крест. Он - шпион, и я весьма сожалею, что мы не

расправились с ним прежде, до того, как ваши нежные чувства не затмили здравый смысл.

Он незаметно перенес весь свой вес на рукоятку меча, и наточенный до остроты бритвы его конец проткнул кожу на ноге Ротгара, проник в его плоть, оставляя рану с палец толщиной. Ротгар ощутил, как теплая струйка крови потекла по икре ноги, он чувствовал на себе насмешливый долгий взгляд норманна.

Враг есть враг. Ногу пронзила острая боль, но Ротгар никогда не доставит удовольствия врагу, не отдернется назад, не закричит. Он встретил упорный взгляд Гилберта с кривой усмешкой на губах, отлично понимая, что его дерзость вызовет еще больший гнев у Гилберта и лишь ускорит его гибель. Лучше умереть, чем подчиниться столь знакомому проявлению чисто норманнской жестокости, лучше покинуть этот мир, в котором норманны захватили всю лучшую собственность саксов, такую, как поместье Лэндуолд.

- Поосторожнее, Гилберт, - резко крикнула Мария, ударив рукой по мечу, ненароком еще больше расширяя рану и вызвав еще более острую боль в ноге Ротгара. Гилберт вытащил меч. На сей раз Ротгар не смог сдержать стона, но она, не обращая на него внимания, обратила весь свой гнев против Гилберта.

"Милая моя защитница", - пронеслось в голове Ротгара. До его окутанного болью сознания с трудом доходил смысл сказанного Марией: "Это вы оставили его здесь истекать кровью, как заколотую свинью, а вот этот тростник положен здесь три дня назад".

Затем он увидел Эдит. Она стояла, высокая, среди норманнских рыцарей и глядела на него с такой враждебностью, которую, насколько он знал, она всегда к нему испытывала, но, тем не менее, никогда ему не демонстрировала открыто.

Ротгар никогда не рассчитывал встретиться со смертью в таком беспомощном состоянии, лежа, словно олень с подрезанными сухожилиями. Он наконец попытался приподняться на локтях, отлично понимая, что достаточно Эдит произнести несколько слов, чтобы вынести ему смертный приговор, но его руки очень ослабели.

Подчиняясь неизбежности, он наблюдал за Эдит, которая, подняв руку, ткнула в него своим длинным пальцем. Он заметил злобную, самодовольную улыбку.

По его телу пробежала волна отчаяния, такая мощная, которая наверняка опрокинула бы его на спину, если бы ему только удалось приподняться на локтях. И Ротгар, которому приходилось видеть смерть почти ежедневно за последние полгода, Ротгар, который давно приучил себя к этому, Ротгар, который только несколько минут назад своей дерзостью хотел ускорить смертельный удар Гилберта, - этот Ротгар теперь вдруг страстно захотел жить, захотел всеми фибрами души, малейшей частичкой своего тела.

Сузив глаза, Эдит уставилась на него, вздернув свой длинный нос. В это мгновение у него промелькнула надежда, что его изможденный, грязный внешний вид настолько его изменил, что она, может, и не узнает его. Но вот ее улыбка расплылась еще шире. Обращаясь к Марии, она сказала:

- Ну, мне кажется, это Ротгар. Мой суженый, мы были с ним помолвлены до того, как милорд Хью взял меня в жены.

Ротгар затаил дыхание, опасаясь продолжения рассказа и мысленно умоляя Эдит попридержать язык. Но она подошла к нему поближе, притворяясь, что внимательно его изучает.

- Да, миледи, теперь я в этом уверена. Она выпрямилась, благочестиво сложив руки на груди, как учили ее монахини. Снова улыбка искривила ее губы. Это Ротгар, бывший владелец Лэндуолда.

Норманны, все еще окружавшие Ротгара, громко хмыкнули. Гилберт отдал Данстэну приказ:

- Проткни его мечом.

Эти слова означали для него смерть, а Эдит, которая презирала его самого и с не меньшим презрением относилась к поместью Лэндуолд, будет продолжать жить в этом месте, которое он так любил, будет процветать в полной безопасности под крылышком своего мужа, одного из этих норманнских захватчиков. Такая несправедливость вызвала у него ярость, которая укрепила его - она не позволит ему раболепствовать перед ним, съезживаться от страха или закрыть глаза в тот момент, когда меч Данстэна пронзит его сердце.

- Не смей, Данстэн. - В голосе Марии чувствовалась властность, и она остановила неуверенную руку Данстэна. Норманн попятился назад, украдкой бросая взгляды на распростертое тело Ротгара.

- Мария! - возразил Гилберт, и в этом одном слове чувствовалось и предостережение и осуждение, но она лишь холодно посмотрела в его сторону.

- Не вам и не мне решать это, Гилберт, - ответила она. - Хью здесь господин, он должен принять решение.

Ротгар сражался рядом с Гарольдом и при Стэмфорд-Бридже и Гастингсе. Он из первых рук знал, какое раздражение и разочарование вызывает необходимость выполнять лишние смыслы приказы, он понимал всю бесполезность убеждать находящегося у власти человека в том, что он избрал пагубный курс. В этот момент, судя по выражению лица Гилберта, перед ним возникли точно такие проблемы. Он глядел на Марию с нескрываемой яростью, которая могла стать чудищем, дай он ей волю, но она восприняла его гнев с абсолютным безразличием.

Все это было весьма любопытно. Но у Ротгара не осталось энергии, чтобы биться над этой загадкой, настолько он был ослаблен внезапным отливом эмоций, которые только что охватили его, - верная смерть, и вдруг помилование.

- Значит, будет решать Хью, - Гилберт вложил весь свой сарказм в эти слова. - В таком случае отойдите в сторонку, чтобы я мог поставить этого сакса на ноги и отвести его прямо к Хью. Его просьба вызвала замешательство среди норманнских рыцарей, сдержанное гудение со стороны сакских слуг. Чувствовалась напряженность, обычно предшествуемая бою петухов.

- Сейчас не время беспокоить Хью, - начала было Мария.

- Мария, я настаиваю на этом. Все это мне уже изрядно надоело.

Несколько норманнских рыцарей, пробормотав сквозь зубы "мы - за", подошли к Гилберту и встали за его спиной. Воцарилась настороженно-тревожная тишина. Гилберт самодовольно улыбаясь, словно ему удалось одержать верх над Марией, постукивал ладонью по рукоятке меча. Ротгар почти ничего не понял из того, что он говорил, но чувствовал, что его слова имели гораздо более глубокий смысл, что перепалка между Гилбертом и Марией касалась чего-то более важного, чем его участь.

Мария беспечно разглядывала стоявших рыцарей. Никто из них не находился на таком близком от нее расстоянии, кроме Ротгара, никто не увидел, как глубоко уязвлена ее гордость, никто не почувствовал, как она переживала предательство, переводя вопросительный взгляд с одного норманна на другого. Она продолжала стоять в одиночестве, в отдалении от всех, словно не могла переступить через внезапно отверзшейся

у ее ног зияющей бездны.

- Ты тоже такого же мнения, Данстэн? - мягко спросила Мария.

- Да, миледи. - Смущенный рыцарь разглядывал собственные сапоги. - Все это дело слишком затянулось.

- Отлично! - Ее резко брошенное слово вызвало еще большее волнение. Гилберт бросил на нее ошалелый взгляд, давая тем самым понять, что смуглолицый рыцарь не надеялся на ее такую скорую капитуляцию.

- Хорошо, Хью встретится с саксом, только не в таком виде, в каком он находится теперь. От него разит помойкой. После того, как установлена его личность, кто-нибудь из вас должен его покараулить, покуда он не вымоется и не приведет себя в порядок.

Она принялась внимательно изучать Ротгара, словно снимала с него мерку для гроба, которого он только что избежал.

Хотя в таком положении у него не оставалось иного выхода, Ротгару все же было не по себе из-за грязи, коростой покрывшей все его тело, из-за разорванной одежды, которая едва прикрывала его тело.

- Ему потребуется новая одежда. Что-то должно здесь остаться из его прежних вещей. Она посмотрела ему прямо в глаза. За все это время он произнес всего одно слово, - в своем несдержанном порыве он произнес имя своей невесты-предательницы. Когда его глаза встретились с глазами Марии, ему захотелось сказать что-нибудь еще, но он не знал, что именно. Он не мог поблагодарить ее за то, что она спасла ему жизнь, так как он все равно мог умереть после встречи с этим таинственным Хью. Слабые знания норманнского не позволяли ему найти нужные слова, чтобы сказать, насколько ему понравилось ее смелое противостояние Гилберту, что ее лицо и ее голос он всегда будет вспоминать с удовольствием, даже если ему будет вынесен смертный приговор.

Мария, казалось, совсем не чувствовала ни его восхищения, ни его уважения к себе.

- Постригите его, - приказала она, обращаясь к рыцарям. - И сбейте бороду. У него такая... английская внешность.

Гилберт подождал, покуда его друзья-рыцари не вынесли Ротгара, покуда возбужденные, тараторящие рабочие-саксы не приступили к выполнению своих обязанностей, и только тогда подошел к Марии, стоявшей перед еле тлеющим камином. Он делал вид, что греет руки над огнем, надеясь, что его умирающий жар умиротворит их дрожание, и устраним испытываемое им желание сжать ими прекрасную шейку Марии.

Она, следуя его примеру, тоже протянула руки, склонив при этом голову, чтобы пламя лучше высвечивало в ее волосах золотистые пряди. Вся ее поза, сильно увеличившиеся в объеме из-за протянутых рук груди, ее мягкое и задумчивое лицо, ее зубки, терзающие нижнюю полнокровную губу, ее волосы, спадающие на плечи, ласкающие ее грудь..., все это было так похоже на тот женский образ, который мучил его во сне по ночам.

- Вам не следовало противоречить моим приказам перед другими людьми. Когда Уолтера здесь нет, то последнее слово остается за мной. Мне ничего не оставалось другого, как втянуть Хью в это дело.

- Но за вами и было последнее слово, Гилберт.

Пленника сейчас готовят для встречи с Хью, на чем вы и настаивали.

Из-за ее податливости он почувствовал себя великодушным.

- Мне очень нравится, что вы видите, какую позицию занимаю я в этом деле. Вряд ли стоит из-за этого беспокоить Хью.

- Ах, но я на этом настаиваю. - Ее слова были полны сарказма и как бы эхом его прежде сделанного замечания. - Вы оказались правы, потребовав организовать такую встречу. Саксы видели, как вы принесли Ротгара. Вам было угодно пощеголять знаниями их языка, выступая с таким требованием. Они поняли абсолютно все, что вы сказали. Конечно, они начнут нас подозревать, полагая, что здесь что-то нечисто, если бы мы не решили прежде посоветоваться с Хью. Кроме того, от такой встречи может произойти обоюдная выгода.

"Будь проклята эта женщина! Ей удалось все перевернуть, перехватить его скромный триумф и организовать встречу, которая ей больше нужна. Ничего, наступит день, - поклялся он про себя, - когда он возьмет над нею верх". Гилберт фыркнул, не скрывая насмешки.

- Каким же образом? Не думаете ли вы, что Хью удастся выведать у него какие-то секреты?

Как всегда, она продемонстрировала свою ершистость при первой попытке бросить тень на способности своего брата.

- Могу только с уверенностью сказать одно - мы ничего не узнаем от мертвеца. Вы сами убеждали меня, что в таком богатом хлебом и скотом поместье обязательно должно быть спрятано где-то золото, но мы до сих пор его не обнаружили.

- Может, мне стоит присутствовать при этой столь просвещенной беседе. Будет очень интересно понаблюдать за встречей нового хозяина Лэндуолда со старым, так сказать, с глазу на глаз. Может, прежний владелец дружески похлопает нынешнего по плечу, передаст ему свои спрятанные золотые сокровища и пожелает всего наилучшего нам, норманнам. Очень интересно поглядеть, какой будет на это реакция Хью. - Он засунул руки под тунику - этот умирающий огонь так и не смог избавить его от соблазна обхватить ими нежную шейку этой женщины. Но позыв к убийству вдруг сменился непреодолимым желанием почувствовать, как у нее бьется кровь в венах горла, стать господином ее дыхания, контролировать его до тех пор, пока она не взмолится и не произнесет, задыхаясь, его имя так, как ему хотелось бы его от нее услышать.

- С Хью могут возникнуть трудности, - согласилась она. - Но вам нет никакой необходимости манкировать своими обязанностями. Я выполню данное слово и сама представлю сакса Хью.

- Вы так настаиваете на моем уходе, Мария? На вашем месте я бы поступил иначе. - Гилберт весело ей улыбнулся.

Он оставил ее одну возле камина, одну, как и в тот славный момент, когда рыцари Хью стали на его сторону. Он надеялся, что это мгновение отпечатается надолго у нее в мозгу, что она будет думать об этом снова и снова, пока не осознает, что и ей было бы не худо присоединиться к нему.

Если бы Ротгара бросили к ногам Марии раньше, в те дни, когда Хью впервые заявил о своих притязаниях на поместье Лэндуолд, она бы тут же приказала бы его казнить. Так поступали на территории в Англии все норманны, опасаясь, как бы изгнанные ими землевладельцы не начали будоражить народ и способствовать в той или иной мере мятежу против новых правителей.

По правде сказать, если бы был наместо Уолтер, пользующийся всеобщим доверием, если бы кто-нибудь другой, а не Гилберт отдал приказ убить пленника, она бы смолчала. Если бы этот сакс получил бы другое ранение, а не удар по голове, ее сердце наверняка бы ожесточилось, но вмешался Гилберт, и ей пришлось вызвать его праведный гнев и охлаждающий душу переход на сторону Гилберта рыцарей Хью, отказавшихся тем самым

впредь хранить ему лояльность.

Она ждала такого перехода и молилась, чтобы это событие произошло как можно позже, когда обстоятельства в жизни Хью улучшатся. Может, ее согласие с публичным требованием докучать Хью из-за отсутствия здесь сакса, смогло умиротворить его рыцарей, что давало ему самому больше времени для маневра. Никто из них не должен знать, что Гилберт отказался от своего требования, что ее собственное упрямое желание унижить его не оставляло ей иного выбора, как самой представить сакса Хью.

Какой она была одинокой!

Как трудно сейчас вспоминать, с каким облегчением они вздохнули, когда, приехав сюда, в Лэндуолд, чтобы заявить на него свои притязания, не обнаружили в поместье владельца. Местные крестьяне сердито ворчали, признав, что их господин куда-то исчез приблизительно в то время, когда Гарольд призвал своих землевладельцев присоединиться к нему при Гастингсе. Хотя никто открыто об этом не говорил, было ясно, что их владелец взял в руки оружие, чтобы бороться с Вильгельмом, а это означало, что как его земли, так и сама жизнь подлежали конфискации. С течением времени мучившие ее по ночам кошмары, в которых фигурировал этот лишенный имущества безликий сеньор, прекратились и ее больше не беспокоило, что в один прекрасный день он может вернуться. И рот теперь он живет, только благодаря ее милости, этот обломок человека, вовсе не такой страшный враг, каким она его себе представляла.

И все же в этом человеке, несмотря на его отвратительный внешний вид, было что-то такое, что требовало к нему достойного отношения.

- Леди Мария!

Напыщенный, властный зов заставил ее вздрогнуть всем телом.

- Филипп! - отозвалась она, крепко сжав зубы, стараясь, однако, оставаться грациозной. Этот повелительный, вечно во все вмешивающийся Филипп Мартел постоянно сует свой докучливый нос в двери поместья Лэндуолд! У этого человека было какое-то пристрастие появляться в самый неподходящий момент, в такой, как сейчас, например, когда все ее мысли были в полном разброде, ее терпение подходило к концу из-за жалкого поведения Гилберта. Ей вовсе не хотелось слушать его лицемерных замечаний, она не желала, чтобы его суждения порождали в душе сомнения в отношении ее мудрого решения не лишать жизни Ротгара.

- Этого не может быть! - Перед ней стоял Филипп, его нос дрожал, как у хорька, вынюхивающего мышь. На самом деле он и сам был похож на этого юркого вонючего зверька: у него было узкое длинное тело, беспокойные глазки, неопишущая шевелюра темных, тронутых сединой волос. Даже статус рыцаря, которого он так ждал, но так и не смог получить, вряд ли улучшил бы его внешний вид.

- Вам, должно быть известно, что я считаю своим долгом донести обо всем Вильгельму, если вы намерены даровать жизнь заклятому нашему врагу, - сказал он. - Но это не одно дурное известие, которое я обязан довести до его сведения. Почему стены нового замка не возводятся с той быстротой, на которую мы рассчитывали?

- К Пасхе все войдет в свою колею, - торопливо и необдуманно пообещала Мария только ради того, чтобы унять его без толку мелющий, раздражающий ее язык. Она понятия не имела, как ему удалось втереться в доверие Вильгельма. Может, его статус незаконнорожденного смог внушить к нему любовь также незаконного короля. Черт с ним. После Пасхи Филипп будет совершать частые поездки в Нормандию, куда удалился

Вильгельм, где ему предстояло решать какие-то чиновничьи дела, поэтому сейчас ей нужно было его как-то успокоить и умиротворить.

Стены будут возводиться гораздо быстрее после того, как будет вырыт ров.

- Сильно на это надеюсь, - фыркнул Филипп. Казалось, его оскорблял тот минимум внимания, который она уделяла его личности.

Может, это было и так, но, хотя она и старалась заручиться благосклонностью Филиппа, хотя знала, что нужно бить тревогу по поводу растущей власти Гилберта над людьми, Хью, она в данный момент не могла сосредоточиться ни на чем другом, кроме как на подборе людей для кухни и тех девушках, которые таскали ведра с чистой водой в тот дом, в котором пребывал сейчас Ротгар Лэндуолдский.

Она притворялась, что слушает болтовню Филиппа, а сама в это время наблюдала, как они отвозят от дома другие ведра, содержимое которых вначале было похоже на болотную вонючую грязь, и воображала, что в результате от Ротгара ничего не останется, - нечего будет предъявлять перед Хью.

Филипп все болтал, а Мария гадала, какой может быть цвет волос у Ротгара Лэндуолдского.

У нее не было никаких сомнений в отношении цвета глаз - они были голубые, постоянно голубые эти глаза англичан, хотя, конечно, оттенок их менялся.

Негромкий голос сэра Уолтера заставил умолкнуть Филиппа и нарушил ее праздную созерцательность - Теперь сакс никого не беспокоит, миледи.

- Уолтер! А я и не знала, что ты вернулся! - Мария, схватив за руку этого пользующегося ее полным доверием рыцаря, подвела его к Филиппу:

- Позаботьтесь, чтобы Филипп как следует отдохнул в тепле перед отъездом в Стиллингхэм.

- Но мне хотелось увидеть этого сакса...

- Вы будете тихо сидеть возле камина, а я буду сторожить свою даму. Уолтер произнес эти слова таким тоном, который не вызывал никакого желания с ним спорить. Мария пыталась скрыть улыбку, когда Филипп, недовольно ворча и шаркая ногами, пошел прочь, словно наказанный отцом нашкодивший мальчишка. Даже Филипп Мартел не мог преодолеть его бесстрастной, флегматичной решимости до конца исполнить порученное задание. Слава Богу, этот Уолтер, который долгие годы служил у ее отца, перешел на службу к Хью как раз перед славной победой, одержанной норманнами. В нынешние, пропитанные насквозь предательством времена, не так просто сыскать честного человека.

Уолтер сказал, что теперь сакс никого не беспокоит. И вправду, нос Марии больше не морщился от запахов, исходивших от тела Ротгара. Но что-то внутри нее восставало при виде его беспомощности и кротости. Она вспоминала, как она опустилась перед ним на колени, вспоминала тот мимолетный, иллюзорный момент, когда вдруг вообразила, что он станет на ее сторону, защитит ее от Гилберта, придаст ей сил, чтобы она смогла разоблачить коварство Гилберта и организовать эту встречу с Хью. Теперь, под наплывом безотчетных чувств, она хотела все это сделать ради него, Ротгара.

Его рыжевато-коричневые, с золотистым отливом волосы не были похожи на норманнские жесткие прически. Они не желали лежать ровно у него на лбу, и вместо этого образовали целый ворох неукротимых, довольно плотных, мокрых после купания колечек. Кожа у него на лбу и вокруг глаз была темной, как у человека, проводящего немало времени на солнце, а его подбородок и впавшие от голода щеки были огненно-красного цвета

после того, как ему сбрили бороду.

Он стоял, и Мария впервые увидела в таком положении Ротгара Лэндуолдского. Рядом с ним все его пленившие норманны казались карликами, если бы только у него, как верно заметил сэр Данстэн, не был такой вид, словно он сто лет не ел. Кроме того, он не мог до конца выпрямиться, он все время сгибался в талии, словно только что получил сильный удар в живот. На нем была туника рыжеватого-коричневого цвета с голубым оттенком и, хотя ее расцветка и размер вполне ему соответствовали, она висела на нем, как дурно скроенная крестьянская блуза, хотя плотно, как и требуется, облегалась его широкие плечи.

Одной рукой он оперся о крышку массивного дубового стола. Марии показалось, что Ротгар просто боялся потерять равновесие.

- Вы можете ходить? - спросила она, надеясь заполучить предлог для невыполнения своего обещания отвести его к Хью.

- Да, могу. - Это был даже не голос, а лишь шепот, исходивший из глубины его горла. Мария обменялась недоверчивым взглядом с сэром Уолтером. Покачав головой, норманнский рыцарь подошел к нему и схватил его за предплечье. Ротгар увернулся, но при этом чуть было не упал на пол.

- Вы с трудом даже стоите, не говоря уж о том, чтобы ходить, - заметила Мария.

- На голодный желудок много не находишься. После этих слов у него в животе сильно заурчало. Ротгар схватился за Уолтера одной рукой, а второй старался не потерять равновесия, чтобы не упасть. Вдруг он ей улыбнулся. Вот он стоял перед ней, человек, едва не умерший с голоду, в плохо подогнанной одежде, отвратительно побритый и постриженный, но в выражении этих искривленных, умяющих собственное достоинство, дергающихся губ она видела все свойства человека, который когда-то был правителем Лэндуолда.

Его жалкий вид пробудил в ней чувство сострадания.

- Я прикажу принести вам еду, - сказала она, удивляясь внезапно возникшей сухости во рту, и до сих пор не теряя надежду отложить встречу, которую сама обещала организовать.

- Боюсь, я нахлебался во время мытья воды, словно рыба, которую снова выбросили в воду из сетей и это заставило вновь заработать мой желудок.

Мария вдруг вспомнила эту грязную, вонючую воду, которую носили из купальни, и ее сразу же стошнило. Она быстро поднесла пальцы к горлу.

Кажется, он понял причину ее реакции.

- Нет, нет миледи. Я пил чистую воду, и только потом смывал ею грязь.

- Вы, я думаю, можете теперь съесть немного хлеба.

На него, казалось, снизошла задумчивость, словно он мысленно совершал путешествие в другом пространстве и времени.

- Я не стану, миледи, есть, пока не станет известна моя дальнейшая судьба. Было бы ужасно... неприятно вначале снова приучить желудок к добротной пище, в которой тебе потом все равно откажут.

Его слова намекали на тот тяжкий опыт, на те жестокие лишения, через которые ему пришлось пройти. Все это она была в состоянии только вообразить. Его неожиданная осторожность пробила похожий на сон туман, который окутал все ее существо при первом, брошенном на этого человека, взгляде. Она не должна забывать ту угрозу, которую он представлял для них, и не кудахтать над ним, как курица-несушка, не воображать, что он желает ей успеха в ее борьбе с Гилбертом. Однако он мог бы пойти на это, принимая во

внимание, какая судьба ожидает его, попади он в руки Гилберта. Его могли запереть где-нибудь и держать там, покуда он не умрет с голоду, либо вышвырнуть вон из Лэндуолда без средств к существованию, - такие последствия вполне реальны после предпринятых ею шагов по представлению его Хью.

- В таком случае пора идти, - сказала она. - Хью, господин Лэндуолдский нас ждет.

Тут она поняла, что голубые английские глаза могут выражать куда более острое отчаяние, чем перед угрозой голодной смерти.

Мария пошла впереди Ротгара. Она делала какие-то странные рывки и постоянно оборачивалась. Хотя его походка не была столь целеустремленной, как ему бы того хотелось, все же он, спотыкаясь, выдерживал ее темп, хотя вечно бдительный сэра Уолтера несколько раз врезался в него сзади. Он старался предотвратить столкновения с ней, и такое занятие по крайней мере отвлекало его от необходимости озираться вокруг, жадно поглощать взглядом то, что больше ему не принадлежало, и ему оставалось глядеть только на Марию.

Она была хрупким созданием с тонкой костью и, казалось, вся состояла из широких глаз и пышных волос. На ней, судя по всему, было одно из платьев его матери, которое, вероятно, заботливо хранилось в сундуке после ее смерти. Насколько мог судить Ротгар, Мария оставила его ширину без изменений, укоротив только длину. Но как он ни старался, как ни напрягал память, ему никак не удавалось представить свою мать в этом платье.

Он почувствовал, как его желудок протестует против того количества воды, которое он проглотил, как его свело резкой судорогой. Но он был только рад испытываемой боли. Она напоминала ему о его нынешнем положении: побежденный, сакский воин, беглый раб, слабый, словно только что появившийся на свет котенок. Рассудок его, казалось, настолько же ослаб, что и тело, в противном случае, он немедленно принялся бы за организацию нового побега, а не наблюдал бы за тем, как облегает сакское платье узкие норманнские бедра.

Она остановилась возле двери в его покои, как он и предполагал. Это была единственная отдельная комната во всем замке: с камином, широкими затянутыми кожами окнами с прекрасным видом на уходящие далеко вдаль земли Лэндуолда. Она по праву принадлежала владельцу поместья. Сэр Уолтер, следуя слишком близко за ним, подтолкнул его на пороге. Ротгар впервые увидел Хью, и возникшие у него две мысли заставили его лишиться дара речи.

Первая была достаточно простой: Мария командовала норманнскими рыцарями абсолютно безнаказанно, она осмеливалась противоречить этому негодяю Гилберту с такой властью, которая редка у женщин. Он сразу оценил, какой властью здесь пользуется Мария, как только она подошла и стала рядом с сидящим мужчиной, единственным, кроме него самого, находившимся в комнате. Так вот он какой, этот Хью. Если отставить различия пола и физических габаритов, они были похожи друг на друга, словно две капли воды. Хью и Мария - это не господин и госпожа, нет, это брат и сестра.

Вторая оказалась более жестокой, а посему и труднее воспринимаемой. Наклонившись, Мария что-то шепнула ему на ухо, а затем своей нежной рукой повернула его голову, удерживая ее на одном месте, покуда Хью разглядывал Ротгара своими мутными, безжизненными глазами. Он широко раскрыл рот, но затем громадной рукой, непонятно почему, сильно сжал куклу из пшеничной соломы.

Поместье Лэндуолд: земля, замок, люди, которых он любил и за которых чуть не

потерял жизнь ради их спасения и защиты, - все это теперь силой вырвано из его рук и передано какому-то безумцу.

Глава 2

- Стоило бы Данстэну ударить вас по голове мечом посильнее, вас могла бы ожидать такая же судьба.

Марии стало куда легче на душе после того, как она произнесла эти слова, тем более, что Ротгар в это время поднес руку к коротко остриженным волосам, к тому месту, где скрывалась его собственная рана.

- Значит, он не всегда был таким? Выражение лица бывшего владельца Лэндуолда стало иным. Презрение уступило место настороженной жалости. Теперь в его словах чувствовалась странная смесь любопытства с облегчением.

- Достаточно бросить на него один только взгляд, чтобы заметить все характерные черты истинного норманнского рыцаря, - сказала Мария, хотя сейчас ее хвастовство не имело того эффекта, который оно, несомненно, имело бы шесть месяцев назад.

Предплечье Хью, величиной с ее бедро, все еще было невероятной мускульной силы. Однако когда она пару дней назад, ухватившись за него обеими руками, повела его к столу, почувствовала едва заметное расслабление плоти, словно она начала усыхать от груза того оружия, которым Хью прежде владел с таким мастерством.

- Его ударил копьем один из ваших, ударил трусливо, сзади. Вот почему он сейчас такой.

Они стояли молча, наблюдая за тем, как Хью, не обращая никакого внимания на них, своей могучей рукой пытался обмотать соломенную куклу лежавшим на столе куском проволоки. Мария отвернулась, не желая видеть, как беспомощно возился ее брат, вновь и вновь пытаясь соединить концы проволоки на талии куклы.

- Жителей Лэндуолда, вероятно, раздражает его правление.

Если бы в словах Ротгара Мария уловила презрение, если бы она почувствовала, что тот насмеяется над Хью или высмеивает его состояние, она немедленно вызвала бы Уолтера и приказала, правда, с опозданием, предать его казни. Однако его слова свидетельствовали лишь о крестьянах, которыми он когда-то управлял.

- Их раздражает норманнское правление, - призналась она.

На губах Ротгара появилась тень улыбки, словно известие об ослином упрямстве его крестьян и их нежелании сотрудничать с новыми хозяевами очень ему понравилось. Мария верно подыскала слова, чтобы приглушить его радость.

- Они не знают, насколько он недееспособен.

Ротгар пожал плечами:

- Я не умею ни читать, ни писать, но ведь у него на лице написано, что он неполноценный человек. - Они не видят его таким. - И чуть было не поддалась порыву, чтобы прикрыть ему уши, но он, судя по всему, не прислушивался и не замечал, что беседа между ними касается его. И все же ей было не по себе - не хотелось обсуждать его слабость в его присутствии. - Сейчас он находится под воздействием сильных лекарств. В противном случае, его мозг раздирают когтями демоны... Я не даю ему успокоительного, когда он должен предстать перед народом. Можете себе представить, какие боли тогда он испытывает... - Теперь по ее лицу пробежала улыбка, окрашенная глубокой печалью. - Крестьяне считают его самым свирепым, самым вспыльчивым сеньором. Они очень боятся навлечь на себя его гнев, и ни один из них не претендует на особое внимание владельца к

себе.

- Несмотря на все это, я очень сомневаюсь, что вам удалось скрыть от них правду. Даже я не мог скрыть ни малейшего секрета от людей Лэндуолда. - Он вновь посмотрел на Хью:

- Как это случилось?

Как случилось.., эти двусмысленные английские слова заставили Марию усомниться в том, правильно ли она поняла вопрос Ротгара. Как он сам был схвачен и брошен в темницу в Лэндуолде? Как был ранен Хью и как ему удалось жениться на невесте Ротгара? Таким образом права, принадлежавшие Ротгару по рождению, были отторгнуты и переданы норманнским правителям? Как могло случиться, что одержавший победу норманн и понесший поражение сакс обсуждают подобные вещи, не чувствуя при этом никакой злобы? И почему она испытывает необъяснимое облегчение от того, что доверила свою обременительную тайну потенциальному врагу. По выражению его лица было трудно догадаться, что же больше всего его интересовало.

Казалось, его ничуть не волновало, что она его пристально изучает из-под опущенных ресниц, но ей вдруг стало ужасно стыдно за то, что она позабыла о терзавших его муках голода, о его плачевном физическом состоянии. Он сказал, что не станет есть, покуда не узнает, что ожидает его в будущем, но и не стал жаловаться, когда стало очевидно, что Хью не может принять столь скоропалительного решения. Он молча стоял перед ней, давая ей время подумать.

- Жизнь моя кончена, - сказал он, сильно напугав ее.

- Что привело вас к такому выводу? Он кивнул в сторону Хью:

- Вы выдали мне свою тайну. Разве вы не боитесь, что я могу ее разболтать?

Он не лгал. Она должна опасаться обретенной им силы в результате ее неосмотрительного поступка. Ей следует подумать о том, как воспользоваться его умом, его методами, чтобы обуздать упрямых, как волов, крестьян Лэндуолда. Но ей это не приходило в голову. Она смотрела на него, видела, как он прислонился к стене, сложив руки на груди, чтобы была менее заметна его худоба, и очень сожалела, что отдала приказ постричь и побрить его. Ей бы очень хотелось увидеть его спадающие до плеч густые коричневаторыжеватые с золотым отливом волосы, и она считала, что если какому-то человеку идет борода, то этим человеком непременно должен быть Ротгар Лэндуолдский.

Наконец Хью удалось справиться с проволокой. Он издал, выражая свое удовлетворение, слабый радостный крик, который заставил вздрогнуть Марию и отвести пристальный взгляд от Ротгара, на которого она глядела с затаенным восхищением волчицы, околдованной ярким огнем. Моргая, она вновь обратила все свое внимание на Хью. При этом ей показалось, что Ротгар дал волю долго сдерживаемому дыханию.

Она осыпала своего брата щедрыми комплиментами и даже поаплодировала его успеху.

- Вот видите, ему становится лучше с каждым днем! - Она обращалась с этими словами к Ротгару, пытаясь проворными пальцами развязать узел, который стоил стольких трудов Хью. Она понимала, что он вновь займется этим и уделит своему занятию гораздо больше времени, и подождала, пока он снова займется куклой. У нее не выходили из головы слова Ротгара: "Как это случилось? "

Она решила пока ответить на самый простой из вопросов и, отойдя от Хью, взяла в руки его шлем.

Когда она подала ему его шлем, Ротгар выпрямился. Она повернула его поврежденной частью. Ее ловкие движения привлекли внимание Хью, и, заметив шлем, он весь побледнел,

тяжело и прерывисто задышал, словно охваченный паникой. Вдруг кто-то неожиданно понесся навстречу Хью. Он метался из стороны в сторону, убыстряя свой бег. Это был мальчик лет тринадцати, почти уже мужчина, но удивительно маленький, очень смуглый с коротким пучком черных, как смоль волос, увенчивающих его голову, с ушами скорее заостренной формы, с косыми карими глазами и узкими бровями. Он уселся возле ног Хью, и рыцарь, сразу успокоившись, принялся гладить ребенка по голове.

- Боже мой! - отшатнулся Ротгар. Его глаза расширились от испуга. - Это лесной человек!

- Насколько вы, англичане, суеверны! Это всего лишь Фен. - Ротгар был не первым саксом, проявившим такую реакцию при виде мальчика. - В тот самый день, когда ему нанесли удар по голове, в результате чего он стал таким, Хью спас Фена от неминуемой гибели. С тех пор Фен верой и правдой служил ему и заботился о нем. - Она улыбнулась Фену, а затем дала шлем Ротгару, закрыв его своим телом от глаз Хью, а Фена от взора Ротгара. - Вот, смотрите, куда был нанесен удар, - сказала она, указывая на вмятину в шлеме. Она вложила в нее кулак, затем распрямила пальцы. - Четыре пальца глубиной - ширина ладони, - и невольно вздрогнула, вспоминая такую же вмятину на черепе Хью. Ротгар, посмотрев на пышную шевелюру Хью, перевел взгляд на шлем и нахмурился:

- Никогда не носил таких. Куда пришелся Удар?

Она мягко погладила его свежесбривший затылок с короткими, плотными, кудрявыми волосами. Ей пришлось задрать голову, так как ее макушка от силы доставала до его подбородка. Может, из-за различия в росте, ее короткой руки, его голова покорно склонилась ей навстречу. Его лоб чуть не коснулся ее лба, губы его дрожали всего в нескольких дюймах от ее губ.

- Удар пришелся вот здесь, - сказала она почему-то сразу охрипшим голосом. Она не была уверена, что ее пальцы указывали точное место, но, казалось, была не в состоянии их оторвать. Они, казалось, пульсировали в унисон с потоком жизненной энергии, будоражащим его тело.

- Понятно.

Его теплое дыхание было мягким, словно первый весенний ветерок. Она чувствовала его на своих губах, хотя произнесенные шепотом английские слова смущали ее еще больше. Что видел он, когда его глаза сверлили ее глаза, когда ее пальцы запутались в нежной шелковистости его кудрявых волос? Видел ли он в ней родственницу дворянина.., или просто продажную девку, предающуюся непристойным ласкам?

Мария отдернула руку.

Еще никогда, с тех пор, как умер ее муж Ранульф, пульс ее так не учащался, когда мужчина был рядом с ней. Но если быть честной до конца, то не с тех пор, как умер Ранульф.., а даже и тогда, когда он был жив. Осторожно взяв в руки шлем Хью, она поспешила к своему брату.

- Мария! - прозвучал у нее над ухом голос Ротгара, его приятный, чуть хрипловатый тембр взволновал ее так, что по всему телу забегали мурашки. Вероятно, он бесшумно, словно кот, последовал за ней.

Ей следует отплатить за бешеные удары пытающегося вырваться из груди сердца.

- Уолтер! - Ее обращение по имени к рыцарю прозвучало насмешкой над Ротгаром, который осмелился также обратиться к ней.

Он ворвался в комнату, держа руку на рукоятке меча. Только после этого она

соизволила отреагировать на долгий взгляд Ротгара. Заметив в нем озадаченность и боль, она постаралась не выдать своих чувств.

- Уведите его! - приказала она.

- Прошу вас, но я многого не понимаю. - Уолтер резко схватил его за руку. - Что прикажете с ним сделать, миледи?

Было достаточно одного ее слова, чтобы его верный меч либо пронзил сердце Ротгара, либо снес ему голову с плеч. Стоило ей это сделать, как она избавится от его навязчивого присутствия, сможет умиротворить Гилберта, а также вернуть себе лояльность рыцарей Хью, но таких слов не последовало.

- У него не вызывает аппетита ни норманнская еда, ни норманнское питье. Заприте его где-нибудь, - приказала она.

- Где же, миледи? В этом доме нет подвалов.

- Посадите его в курятник, - решила она. - Это избавит нас от лисиц и прочих хищников. Там ему будет неплохо.

Уолтер с Ротгаром давно ушли, как вдруг Мария почувствовала, как кровь в ее жилах явно замедлила свой бег.

Эдит, плотнее прижимаясь к стене, дюйм за дюймом приближалась к главному входу, двери которого не были закрыты на засов - впервые на ее памяти. Само собой разумеется, это результат неосмотрительности одной из этих глупых девиц или парней с вытаращенными глазами, которые так разволновались из-за вести о пленении Ротгара и возвращении его в Лэндуолд.

Добродушный смех доносился от группы норманнов, сгрудившихся вокруг тех рыцарей, которые выловили в лесах Ротгара. Эдит сделала еще один шаг по направлению к двери, уповая на небо и надеясь, что те неотесанные парни, которые обычно ее здесь сторожат, сейчас разделяют веселую компанию рыцарей. Может, на сей раз ей все же удастся избежать их сверхбдительных взглядов и их прилизанных фраз: "Не беспокойтесь, миледи. Я принесу все, что вам нужно"; "Я провожу вас, миледи, и подожду снаружи, пока вы закончите";

"Нет никакой нужды разговаривать с ними. Я могу доставить им любое сообщение от вашего имени". До елейности вежливые, неизменно куртуазные, тем не менее, они держали ее в плену под присмотром этой стервы Марии, словно на ней были оковы или кандалы.

Осталось совсем немного. Порыв свежего воздуха донесся до нее через щель между створками, и ледяная свежесть стужи только дразнила ее обещанием свободы. Еще три шага.., нет, только два...

- Сегодня дует колючий ветер, леди де Курсон, а на вас даже нет плаща.

Если бы раздавшийся у нее за спиной голос принадлежал одному из ее обычных охранников, Эдит, вероятно, взвыла бы от отчаяния и неудачи. Но демонстрировать такую слабость перед Гилбертом Криспином отнюдь не мудрый шаг.

- Я заметила, что дверь не закрыта на засов, - сказала она. Эта ложь ей удалась легко, сложнее оказалось выдать из себя такую улыбку, чтобы отбить у этого всесильного рыцаря задавать ей дополнительные вопросы в отношении причин ее нахождения в опасной близости от выхода.

Она не успела собрать в кулак все свое мужество и повернуться лицом к нему, как почувствовала его руки у себя на плечах. Потом всю ее охватило тепло наброшенного на нее плаща на меховой подкладке. Ей и не нужно было поворачиваться, так как Гилберт, выйдя

вперед, раскрыл перед ней двери.

- Не желаете ли сопровождать меня во время инспектирования нашей обороны? - Эдит потребовалось собрать всю свою силу воли, чтобы медленно, с достоинством, выйти из дверей, словно не прошло и полгода с тех пор, когда она это делала в последний раз.

Ей удалось пройти рядом с ним около десяти шагов, а потом ноги у нее задрожали, подкосились, и она уже не могла идти дальше.

Гилберт, вероятно, предполагал заранее, что случится такая беда. Он сжал ее за локоть.

- Пройдет, - заверил он ее. - Мне приходилось видеть многих осужденных, которые бегом удирали из плена, а потом падали на землю, как подкошенные. Мне кажется, что сейчас вы испытываете такие же чувства, которые одолевают воина, который выживает в битве, несмотря на полное отчаяние.

Она, полагаясь на его силу, шла, прихрамывая, смущенная и возбужденная до предела. Она наслаждалась порывами ветра, ей доставляли удовольствие комки мерзлой земли, которые впивались в ступни через мягкие подошвы ее шлепанцев. Вот из-за облака вышла луна, а она подняла к небу голову, чтобы сильнее, острее воспринять ее желтоватый блеск.

Кружащее голову чувство свободы и неожиданное соучастие в ее проступке Гилберта развязали ей язык.

- Каждую ночь, когда раздается храп и кашель Хью, я предаюсь мечтам о побеге из Лэндуолда. Мне кажется, что я буду бежать быстро-быстро, как заяц, а не ковылять, как убогая старуха.

- И какую же борозду на поле изберет мой маленький английский зайчик? Мягкий смех Гилберта не смягчил суровости его слов. Удовольствие Эдит от предпринятой озорной эскапады сразу покинуло ее.

- Мне не нужно ничего иного, кроме того уюта, который был мне предоставлен воспитавшими меня монахинями, - пробормотала она сквозь зубы, внезапно задрожав всем телом от холодного ветра.

- И вы поспешите прямо к своим монашенкам, даже не останавливаясь в пути, чтобы посплетничать о своем муже, правителе Лэндуолда, со своими друзьями, членами семьи?

Щеки Эдит вспыхнули от гнева.

- Вы также недоверчивы ко мне, как и Мария. В Лэндуолде у меня нет ни друзей, ни семьи. И даже если бы они здесь были, у меня нет никакого желания рассказывать всякому встречному-поперечному о том, как я была насильно отдана в жены безнадежному идиоту.

- Но вы же непременно расскажете о своем положении монашенкам.

Серебряный лунный свет резче очертил дерзкое лицо Гилберта. Эдит нравилось любоваться только одним мужским лицом - лицом Христа, распятого на кресте. Некоторым женщинам - она знала это, - Гилберт нравился, они считали его привлекательным, они восхищались его смуглыми чертами, широкими плечами, мощными бедрами. Их любование им вызывало у нее удивление, - они явно никогда не видели его таким, как она сегодня ночью, когда луна отбрасывала зловещую тень на его торчащие брови, на плотно сжатые губы, а какой-то неприятный отталкивающий блеск еще больше чернил его невероятно черные глаза. Она снова задрожала всем телом, но уже не только от холода, и решила, что ему лучше лгать.

- Да, я расскажу монахиням о своих муках. - Он покачивал в такт ее словам головой, и ей очень захотелось хотя бы умерить чрезмерное самодовольство с его лица. - Да, я расскажу настоятельнице, что до сих пор девственница, что готова постричься, и попрошу ее выделить

для меня место. Хью долго не протянет. Мария со своими приспешниками его убьет, или же он сам разmozжит себе голову о стену, чтобы навсегда избавиться от жестоких болей.

Она ожидала, что норманн рассмеется. Она ожидала его язвительных шуток по поводу ее девственности, его поддразниваний, его утверждений, что они правильно поступили, обвенчав ее с Хью, чтобы тем самым установить какое-то подобие нормального положения, одновременно изолировать ее, чтобы никто, кроме норманнов, не знал истины. Но он вдруг заговорил с таким трудом, словно кто-то железными пальцами сжал ему горло.

- Хью был моим другом. Я так по нему скучаю.

- Но ведь он еще не умер. - Непроизвольно она почувствовала приступ жалости к своему мужу, вспоминая, как он сидит, крепко охватив руками свою лохматую голову, вспоминая это отрешенное безумное от диких болей выражение его глаз, когда доза лекарств, выданная Марией, начинает утрачивать силу, и он остается наедине с ней, с Эдит. - Мне кажется.., кажется, что теперь он может воспользоваться нашей дружбой, сэр Гилберт.

- Та человеческая оболочка, которая называет себя Хью де Курсоном, уже не мой старый друг, как и не ваш муж.

Слова Гилберта больно резанули ее. Жутковатые, дрожащие завывания волка доносились издалека, вызывая необычайно громкое кудахтанье в курятнике. Эдит почувствовала, что Гилберт не отпускает ее локтя и по-прежнему сильно сжимает его. Она попыталась было отстраниться, но он лишь сильнее сжал пальцы.

- Нам пора возвращаться домой, миледи.

- Но вы не проверили линию обороны. Грудь ее затрепетала, словно там укрылся один из пищущих цыплят и бил изо всех сил крылышками, чтобы выбраться на волю.

- Я должен прежде доставить вас в полной безопасности к мужу, а потом совершу обход.

- Нет. - Она попыталась упереться каблучками в замерзшую землю, но в результате лишь повредила ногу. - Нет, - упрямо повторила она громче, но уже не столь дерзко, осознавая, к своему стыду, что это слово вдруг у нее приобрело умоляющий оттенок.

Не отвечая, Гилберт молча взял ее под руку.

- Но будут и другие ночи, Эдит.

Она стояла как вкопанная, не осмеливаясь говорить, так как уже не доверяла самой себе.

Он улыбнулся, но, вероятно, в темноте она не заметила этого.

- Мне кажется, Мария проявляет сверхбдительность, продолжая удерживать вас в таком строгом заточении. Она вряд ли станет возражать, если я вызовусь время от времени сопровождать вас в таких кратких прогулках.

Наконец Эдит обрела дар речи.

- Вы намерены это сделать ради меня? Почему? Гилберт гладил ее по руке.

- Кажется, каждый из нас нуждается в надежном друге. Я предлагаю вам свои услуги в качестве сопровождающего, а вы в свою очередь., будете со мной разговаривать. Мне хочется о многом узнать. Мария на редкость неразговорчивая женщина.

Это было, в сущности, невинное предложение, но почему в таком случае оно заставило ее насторожиться, побуждая искать в словах Гилберта более глубокий, скрытый смысл. Но его соблазнительное обещание отодвинуло предосторожность. Эдит одобрительно кивнула, искренне желая в душе избавиться от досаждающего ей чувства, что она заключила неудачную сделку.

Ротгар покорно, словно смертельно уставший мул, шагал через весь двор Лэндуолда, чувствуя, как на каждом шагу в спину ему вонзается острое меча Уолтера. За последние месяцы он смог по достоинству оценить важность внешне проявляемого смирения, хотя внутри у него кипел неукротимый гнев.

Гордость может стать ломким саваном для мертвеца.

Уолтер ухитрился не отрывать конца меча от его спины даже тогда, когда принялся суесться, чтобы открыть двери в курятнике. В нос Ротгару ударил едкий, вонючий запах сидевших на жердочках птиц. От него даже резало в глазах. "Даже самый покорный мул остановится перед входом в такое место", - подумал Ротгар. Он отказался войти в курятник. Его сопротивление" ровным счетом ничего не значило для Уолтера, в жилах которого, вероятно, текла кровь опытных погонщиков скота. Прибегнув к собственному колену в качестве таранного бревна, норманнский рыцарь вогнал спотыкавшегося Ротгара в курятник.

Запаниковавшие птицы взлетели в воздух. Ротгар поспешил схватить руками голову, но это не помогло. Перепуганные обитатели курятника принялись пронзительно кукарекать и кудахтать со страшной силой, протестуя против такого беспардонного вторжения, разбрасывая повсюду перья и пух, который набился Ротгару в рот и нос.

Если ему суждено умереть, то он предпочтет норманнский меч; он не желает, чтобы его заклевали куры, чтобы его настигла смерть от удушья.

Передвигаясь на четвереньках, Ротгар пытался обнаружить в темноте хотя бы луч лунного света. Их оказалось несколько, они просачивались через отверстие меньше булавочной иглки. Он на коленях пополз по направлению к ним, проявляя при этом рвение, свойственное паломнику, приближающемуся к святому месту. Прижавшись поплотнее к щелям, он прежде всего очистил нос от куриного пуха. Лэндуолдский воздух, даже во сне, никогда не казался ему таким сладким, как тот, который он сейчас вдыхал через эти крошечные дырочки.

В конце концов куры присмирели, надеясь, что он будет вести себя спокойно и даст им возможность привыкнуть к его присутствию в их обиталище. Он стоял на коленях, уткнувшись лицом в стену, дышал свежим воздухом и обдумывал свое положение.

Он тщательно осмотрел весь курятник, ощупал каждый одряхлевший колышек, каждую прочно прибитую доску, каждую грубую кожаную петлю.

Дверь в курятник размером с человеческий рост задвигалась снаружи тремя крепкими балками. Несмотря на дикую, устроенную птицами какофонию, он отчетливо слышал, как Уолтер старательно задвинул их все три. Нет, здесь нечего даром терять время. Только одна балка закрывала дверку поменьше, вырезанную в соответствии с размерами самой крупной курицы. Ни один человек в мире, даже такой, каким он стал - одна кожа да кости, - не мог бы проскользнуть через нее и должен был оставить всякую надежду. Мария, хоть она и женщина, выбрала для него камеру весьма искусно, словно опытный мужчина-тюремщик...

Но даже если ему удастся бежать.., что дальше? Ему понадобилось целых две недели, чтобы добраться обратно до Лэндуолда, - такое путешествие нормальный человек совершает обычно за четыре, от силы пять дней. Даже если он выберется из этого проклятого курятника, то сколько он сможет пройти? Милю, две, куда его вновь не настигнет погоня. Такое расстояние не заставит попотеть норманнского коня, а его измученное, хилое тело, болтающаяся на плечах голова станут лишь минутным развлечением для рыцаря, привыкшего запросто рубить головы и у более энергичных и стойких врагов.

И все же его снедала злоба, он не мог смириться с такой судьбой - сидеть в загоне с

курами в ожидании милости норманнов.

Куры вокруг него успокоились, устроившись поудобнее на своих насестах. Они вовсе не были похожи на Марию, которая, хотя и могла предоставить ему убежище получше и поудобнее, все же не теряла своей подозрительности.

Ни одна из женщин его, Ротгара, крута не подготовила его к встрече с такой, как Мария. По своему собственному опыту он знал, что все они прислуживали: пекли хлеб и готовили еду, стирали туники, чистили горшки и мыли полы, грели ему кровать, а на следующее утро уходили.

Его мать строго за ним следила, да и сама она трудилась от зари до зари бесконечно что-то шила, вышивала до тех пор, пока была вынуждена от этого отказаться, когда зрение ухудшилось. Из-за слабого зрения она, оступившись, упала с берега в реку во время весеннего паводка и вскоре умерла из-за простуды после такой купели.

Нет, его мать-госпожа не обладала такой силой воли, как Мария. Он сомневался даже в том, что бесценная настоятельница монастыря в Марстоне могла навязать свою волю мятежным норманнским рыцарям и не допустить управлять народом в Лэндуолде этого безумного человека, любителя кукол.

Нет, даже прикосновение к нему самой аббатисы не могло у него вызвать до такой степени непристойного, похотливого чувства, которое могло бы пересилить муки голода.

Но если посмотреть с другой стороны, вероятно, все же могло бы. Ротгар не видел женщины уже полгода, а может, даже больше. Вероятно, поэтому распущенные волосы Марии показались ему такими красивыми, поэтому он был пленен состраданием, отражающимся в ее карих, золотистых глазах, поэтому ее прикосновение, которое должно было только объяснить ему, куда был ранен Хью, вместо этого заставило ускорить бег его крови.

Ах, может, постоянная диета, состоящая из подавляющей все компетенции Марии сделает как ее лицо, так и формы менее привлекательными? Но малая ее доза показалась ему удивительно привлекательной. Мысли об этом стали для него увлекательным побегом от действительности, и ему очень захотелось знать, что может ему дать время, проведенное вместе с женщиной, способной серьезно мыслить, остроумной, умеющей все схватывать на лету.

Когда вдруг закудахтала курица и хрипло запел петух, Ротгар, чувствуя свои затекшие члены, сразу понял, что причиной их беспокойства не он. Потом он осознал, что проникающий из маленьких щелей свет слегка изменился - теперь это был не мягкий лунный свет, он сиял по-другому, был бледновато-белым, таким, когда наступает заря. Из легкой рези в глазах он понял, что, вероятно, немного вздремнул, размечтавшись о Марии, каким бы невероятным ни казался этот факт.

Рискуя снова вызвать куриный гнев, он медленно изменил положение тела, чтобы хоть немного вытянуть ноги. Его "друзья" выразили кудахтаньем слабый протест, и поэтому он вначале не осознал, что услышанные им царапанье и шорох доносятся сюда снаружи. Глухой удар в дверь привлек его внимание.

Девушки с кухни предпочитали именно этот ранний час перед рассветом, чтобы выбрать нужную птицу для супового котла. Сумрачный свет убаюкивал их, поэтому они не замечали, как некоторым представителям их племени ловко сворачивали головы.

Он чувствовал, что возле двери стоит вовсе не полусонная девушка. Мужские голоса, низкие, спорящие друг с другом, свидетельствовали о силе, которая была явно излишней при

такой операции - скрутить голову курице. Увы, он знал, чья именно голова в этом курятнике вызывает у них интерес.

По звукам их шагов Ротгар понял, что часть пришельцев направилась к тому краю курятника, где находился он, и, вероятно, хорошо зная привычки его обитателей, открыла маленькую дверцу размером с самую крупную курицу. Птицы, моргая на ярком свете своими красноватыми глазами, слетели с жердочек и отправились через проход во двор, оставив его, Ротгара, наедине с грядущей судьбой.

Он напряг спину, расслабил все члены, чтобы собрать все силы и подняться. Он непременно должен встретить посетителей, твердо стоя на ногах.

Глава 3

Когда дверь в курятник широко растворилась, из-за царившего здесь мрака Ротгару пришлось сощуриться и часто заморгать.

В проеме не видно было этих норманнских убийц - там стояли только его хороший приятель гончар Бритт и Альфред, обычно добывавший для него глину.

- Очень рад видеть ваши отвратительные рожи, - пошутил Ротгар, чтобы скрыть волнение. Хотя в их глазах он заметил скрытое беспокойство, что было для него в новинку, сами они выглядели хорошо, были здоровыми и крепкими, без признаков испытываемых лишений, - они были хорошо одеты, а на сапогах поставлены прочные заплатки по случаю необычных холодов. Если все обитатели Лэндуолда так хорошо жили, то он, выходит, зря рисковал своей свободой и самой жизнью. Ну, как бы там ни было, он очень обрадовался их приходу.

Гончар протянул ему бурдюк с водой и полбуханки хлеба. Духовитый запах хлеба вызвал таинственный рефлекс, от которого у него задрожали руки, когда он поднес его ко рту. У него началось обильное слюновыделение, а кадык конвульсивно задергался в предвкушении яства.

Нет, он не станет хрюкающей, жадно поглощающей пищу свиньей на глазах своих друзей. Знаете, как трудно повернуть назад лошадь, когда она почувствовала знакомый запах родной конюшни, но он все же отложил хлеб в сторону.

- А мы думали, что ты умер, Ротгар. Он никогда бы не узнал голоса Бритта настолько он стал грубовато-хриплым.

- Вы послали нам донесение после сражения при Стэмфорд-Бридже. Но мы не получали от вас больше никаких вестей со времени битвы при Гастингсе. А это было в октябре, и с тех пор ни слова.

- Обстоятельства оказались сильнее меня, - ответил Ротгар. Тот самый импульс, который заставил его не подавать вида, насколько он голоден, не позволял ему рассказывать о том, где он провел эти последние месяцы.

Стоя на пороге, Альфред настороженно вскидывал голову, поворачивая ее то влево, то вправо, и в этот момент был похож на тех кур, с которыми Ротгар делил общую площадь.

- Поторапливайся, Бритт, - сказал он. - В доме зашумели.

- Мы придем за вами сегодня ночью, - сказал Бритт, - когда будет темно, хоть глаз выколи. В нашем распоряжении будет несколько часов, чтобы увезти вас отсюда. Вам нужно отсюда уходить. Они убьют вас. Многие до вас здесь умерли.

- Кто же? - спросил он. Хотя у него и без того тяжело на сердце, он должен знать имена тех крестьян, с которыми расправились норманны.

В поминальном списке Бритта, который, называя каждое имя, поднимал при этом вверх

испачканный глиной палец, не упоминались простые люди из Лэндуолда, а лишь такие, как Ротгар, которые когда-то обладали титулом главы клана. Голос Бритта монотонно звучал, и в ушах Ротгара звенел похоронный звон по равным ему почти из каждой деревни, каждой усадьбы в округе, до границ которой можно было доскакать за три дня.

- Со всех мест сюда стекались беглецы, рискуя собственной жизнью, чтобы предупредить нас о грозящей кровавой расправе. Но Лэндуолд расположен так далеко, и мы надеялись, что норманнский бич нас минует. Только все напрасно.

- Но они все же не тронули дом в Лэндуолде, а вы с Альфредом не носите на лбу позорную норманнскую отметину.

Бритт не правильно понял то облегчение, которое испытывал Ротгар в связи с тем, что Лэндуолду не пришлось испытать всех унижений в полной мере. И без того красное лицо гончара еще больше заалело, и он в смущении отвел в сторону глаза.

- Они прибыли сюда спустя три дня после того, как первый беглец доставил нам это известие. Нас предупредили, но вас рядом с нами не было, и наши мужчины трусили. Мы бросили оружие.

- Я не намерен упрекать вас, Бритт. Мне легче от мысли, что народ Лэндуолда оказался достаточно здравомыслящим. Если бы вы расправились с этим отрядом норманнов, Вильгельм прислал бы других, еще больше. - Ротгар тяжело вздохнул. - Я видел собственными глазами, как это делается.

Плотно сжатые челюсти Бритта, кажется, слегка разжались.

- Может, мы поступили правильно, - признался он, но сказал это в таком ворчливом тоне, который не оставлял сомнения в том, что он до сих пор переживает из-за проявленной трусости. И Ротгар сразу это понял.

- Бритт! - зашептал Альфред с порога. Он сделал шаг вперед, но Ротгар крепко схватил его за руку.

- Подожди минутку, Бритт.

Испытывая угрызения совести, знали ли его верные друзья, что они сложили оружие перед таким человеком, как Хью? Мария утверждала, что никому из местных крестьян ничего не известно о его недееспособности. Но личный опыт Ротгара подсказывал ему, что обычно от внимания крестьян никогда не ускользает что-то важное. И все же - мог ли кто-нибудь сказать таким, как Бритт: "Знаете ли вы, что сложили оружие перед человеком, чьи мозги почти вытекли из черепной коробки?"

Если наступит время, когда он выйдет из этого курятника на волю, то обладание такой тайной может оказаться весьма кстати. Но, с другой стороны, он постоянно слышал этот надоедливый горделивый внутренний голос, предупреждающий его, что его крестьяне станут меньше его уважать, если узнают, что его законное место занял какой-то идиот.

Протянув руку на прощание своему другу, бывшему своему вассалу, он, пытаясь скрыть испытываемые им чувства, как бы невзначай спросил Бритта:

- Ну, а как у вас идут дела с этим норманнским правителем?

- Бритт! - послышалось вновь от двери. Голос Альфреда уже был на грани паникерства. Теперь даже Ротгар слышал постукивание горшков, крики голодных животных, что свидетельствовало о начале обычных домашних утренних дел.

Бритт торопливо заговорил:

- У нас здесь все хорошо, Ротгар. Я тебе расскажу обо всем подробно сегодня ночью, но ты должен знать, что новый владелец не обижает ни человека, ни зверя. Прислуга

рассказывает о нем дикие басни, но я не знаю, чему можно верить. На мой взгляд, он похож на монаха или на священника. Он почти не выходит из своих покоев. И брюхо у леди Эдит вроде не располнело, хотя они женаты с Рождества. - Краска снова залила его лицо, словно он вспомнил, что когда-то Эдит была невестой Ротгара. - Простите меня. Этот незаконнорожденный сын шлюхи Вильгельм передал все владения Эдит, как и ваши, этому норманну.

- В таком случае Хью женился на ней по той же причине, по которой я вытащил ее из монастыря. У Ротгара не хватало земли, и, когда отец Эдит умер, не оставив после себя мужского потомства, он посчитал преступлением против здравого смысла требование отписать богатые земли Кенуика монастырю. Монахини, как это ни странно, не выразили особого протеста, когда он ее похитил, и только первый призыв в армию предотвратил их свадьбу и присоединение земельного наследства Эдит к участку Лэндуолда.

Ротгару очень хотелось знать, был ли брак Хью делом рук Марии, думала ли она, как и он, что его брак с Эдит был единственным надежным способом заручиться лояльностью местных крестьян по отношению к новому правителю Лэндуолда.

- Ах, так вот значит по какой причине вы остановили свой выбор на ней. Признания Ротгара нарушили обычную сдержанность Бритта, и он снова проявил свой юмор и добродушие, которые и стали основой дружбы между господином и простым гончаром. - Ну теперь я могу оставить вас здесь с легким сердцем, зная, что вы не станете чахнуть по бледнокожей леди Эдит и ее длинному, острому носу.

Давно уже Ротгар не смеялся так искренне соленой шутке.

- Я мечтаю только вот об этой буханке хлеба, больше ни о чем, - сказал он. - А теперь ступай, покуда твой монашествующий господин не вызнал, что у него в курятнике высиживают не только цыплят.

Лицо Бритта посерьезнело:

- Но я надеюсь, что сегодня ночью вы будете на месте.

- Я тоже, - мягко ответил Ротгар. Груз его затруднительного положения всей тяжестью обрушился на него, когда его друг, повернувшись, вышел, задвинув дверь на три балки.

Трижды за последний месяц Хью просыпался с каким-то чувством озарения. Трижды в течение тридцати дней брат Марии разговаривал с ней и, судя по всему, понимал то, что она ему говорила. Марии оставалось только надеяться, что Бог не сочтет ее легкомысленной и что сегодня это может произойти в четвертый раз.

Когда они с Хью приехали впервые в Лэндуолд, она отправлялась к себе в спальню в полной уверенности, что это поместье отныне принадлежит им. Никогда им больше не придется упаковывать вещи и сниматься с насиженного места по чьей-то прихоти. У Хью будет достаточно времени, чтобы выздороветь. Но затем до них стали доходить слухи о том, что Вильгельм заменял то одного прежде пользовавшегося его полным доверием рыцаря, то отважного воина, находившегося у него в фаворе, из-за куда более невинных причин, которые он мог бы поставить в упрек им здесь, в Лэндуолде. Сам Хью слаб умом и постоянно болеет из-за тяжелого ранения; крестьяне с недоверием и подозрительностью относятся к новому хозяину; работы по строительству нового замка только начались и идут ни шатко ни валко. Если бы только у них было золото, то они могли бы все ускорить, но у них его не было. Она слышала истории о том, что некоторые английские замки набиты золотыми слитками, и отдала приказ обыскать все поместья. Они нашли спрятанный

сундучок, но, когда вскрыли его, выяснилось, что в нем хранилось всего несколько мелких серебряных монет. Что предпримет Вильгельм во время Пасхи, когда Филипп Мартелл сообщит ему о том, как плохо обстоят здесь дела?

Ночами, когда ей не давали спать тревожные мысли, она разрабатывала план, пусть худой, лишь схематичный, со многими недостатками, но, чтобы выполнить его с чистой совестью, ей следовало заручиться согласием Хью. Поэтому она молилась, чтобы сегодня утром рассудок его прояснился.

Если это произойдет, то приготовленная ею для него доза лекарства не понадобится. Но если она войдет в его покои без нее, то Бог может счесть ее слишком самоуверенной и отвернуться от нее. Она взяла в руки кувшинчик с драгоценной жидкостью, которую привезли из далекой Византии. Почувствовав, каким легким он стал, руки у нее задрожали, и она поспешила поставить его на стол, чтобы, не дай Бог, не уронить его на пол, не пролить жидкость, лишая тем самым себя всяких надежд на будущее.

Она купила эту странную настойку из любопытства, задолго до того, как Хью был нанесен удар по голове. Продавший ее старик называл себя колдуном, и она думала о нем всякий раз, когда возникала необходимость перевозить вместе с вещами этот драгоценный кувшинчик из одного поместья родственников в другое.

- Представь себе, это не кувшинчик, - говорил старик, - а поле красных цветов. Каждая капля, вытекающая из него, - это цветок, который ты срываешь своими руками. В конце концов цветов больше не останется, поле оголится, но человек, выпивший их нектар, восстановит свое здоровье.

Мария никогда в жизни не видела поля, усыпанного красными цветами. Она вдруг вообразила, как стоит среди благоухающей алой красоты, и купила этот сироп именно по этой причине, не очень веря в его превозносимые до небес целебные свойства.

Когда Хью был нанесен удар в голову, она вспомнила слова старика об этом зелье. Она также помнила его предостережение - нужно быть очень осторожной с лекарством: только одну его каплю нужно смешивать с глотком вина и выпить все как можно скорее, чтобы зелье не утратило своей целительной силы. Она в точности следовала всем его указаниям, и отрывала красные цветки один за другим, - и вот поле стояло уже почти совсем голое, а до выздоровления Хью было еще далеко.

В последние месяцы иногда ей трудно было преодолеть соблазн и самой не попробовать этот сироп забвения.

Кто-то настойчиво дергал ее за платье. Это был Фен, этот странный мальчик, которого Хью спас от смерти в тот же день, когда и сам был ранен. Фен никогда не разговаривал; молчал он и сейчас, хотя его широко раскрытые глаза, его напряженное тело - все достаточно красноречиво говорило о грядущей катастрофе. Затем из покоев Хью до нее донеслись треск, сдавленный вопль Эдит, рычание агонизирующего человека.

- Уолтер, Стифэн! - крикнула Мария на ходу двум рыцарям, бегом преодолевая несколько метров до комнаты ее брата. Фен бежал впереди, и его скользкие, неуловимые движения помогли ему опередить ее, добраться до покоев первым. Она вбежала сразу за ним и увидела такую картину: Хью глядел ей прямо в глаза, он пребывал в замешательстве, агонизировал, но не утратил еще рассудка - руки его, разбитые параличом, лежали неподвижно по бокам, что, вероятно, явилось следствием уменьшения целебной мощи зелья; воспитанная в монастыре, Эдит стояла на коленях возле его кровати. Казалось, Бог все же на ее стороне. Хью находится в полном сознании, и его доза еще не готова.

- Пошли со мной, Эдит, - сказала Мария, поднимая жену Хью с колен. - Ты знаешь, какие с ним случаются припадки.

- Но он.., он смотрел на меня. - Холодные глаза Эдит расширились от удивления.

- Ему становится лучше с каждым днем, - успокоила ее Мария, и вдруг сама себе сильно удивилась. Точно такие слова она сказала Ротгару Лэндуолдскому, считая, правда, их преувеличением, желаемым, выдаваемым за действительное. Но кто знает.., кто знает... Она потеснила Эдит, пропуская вперед Уолтера и Стифэна, которые стали с обеих сторон ложа Хью. Своими сильными руками они придавили его плечи к кровати, чтобы он не причинил себе вреда, когда начнется припадок.

Сегодня утром, когда все четверо глядели на него, не спуская в большой тревоге широко раскрытых глаз, Хью сумел сохранить контроль над своим телом.

- Кто она такая? - прохрипел он, поднимая трясущийся палец на дюйм от кровати. Мария не могла понять, о ком идет речь - о ней или об Эдит.

- Почему она плачет? - спросил Хью, решив сам тем самым поставленную им загадку. Хотя часто слезы накатывались на глаза Марии, она никогда не позволяла себе ронять их в присутствии других.

- Я же вам говорила - он смотрел на меня! "Может, в ее простодушии виновато монастырское воспитание", - подумала Мария. Ее невестка могла целыми днями, да нет, неделями хранить, словно великомученица, полное молчание, а затем по неизвестным причинам принималась так откровенничать, что впору лучше помолчать.

- Иногда я испытываю к нему жалость, - призналась Эдит Марии, не отрывая взора от Хью. - Вчера вечером.., я нашла причину, из-за которой он может чувствовать себя таким одиноким, поэтому, когда сегодня он поднял на меня глаза, я попыталась понять, как все же тяжело не иметь друзей. И я расплакалась, эта мысль так меня опечалила.

Мария подумала: "Насколько Эдит восприимчива, если сумела почувствовать одиночество Хью. У самой Эдит нет друзей и нет их у меня".

- Никто не соизволил ответить на мой вопрос. - Голос Хью прервал наивную речь Эдит и напомнил Марии, что периоды его просветления носят кратковременный характер.

- Эта леди - ваша супруга, - ответила Мария, отлично зная, что если он что-то задумал, то не успокоится до тех пор, покуда не получит полного удовлетворения. Им нужно было многое обсудить, поэтому лучше сразу удовлетворить его любопытство, чем напрасно тратить время и напоминать ему, что она уже тысячу раз представляла ему Эдит.

Лицо Хью осветилось радостью, и улыбка тронула уголки его губ.

- Тогда я могу потрогать ее волосы, - сказал он, судорожно подергивая пальцами. Это было что-то новенькое.

- Подойдите к нему, - прошептала Мария, подталкивая Эдит к его кровати. Эдит имела привычку носить распущенные волосы, которые доходили ей до нижней части спины и которые она заплетала в косу на ночь. С явной неохотой она выпростала из-за спины косу и концом ее пощекотала пальцы Хью.

- Нет, - дернул он головой, и боль исказила его лицо. Он что-то неслышно шептал, но никто не мог разобрать его слов. - Раскройте ее, - наконец произнес он, и Мария почувствовала, насколько он расстроен, так как не мог сказать того, что хотел.

- Распустите волосы.

- Да, да. - Глаза Хью сияли от благодарности и .., напряженного ожидания.

Пальцы Эдит застыли - она не знала, что предпринять. Потом, наклонив голову, она

ловко принялась распускать косу. Покончив с последним завитком, она провела рукой по волосам, потряхнула головой. Они мягко рассыпались по спине.

- Надо мной леди, жена моя.

Вновь Эдит выпростала волосы из-за спины, на сей раз они спадали двумя пучками с обеих сторон головы. Пропустив левый через пальцы левой руки, она направила его мягкие концы на лицо Хью, а правый во всей своей шелковистой прелести опустил ему на руки и грудь. Мария увидела, как Хью погрузил свои пальцы в золотые кудри - она даже слышала, как он шумно вдыхает их соблазнительный запах.

Мог ли рассчитывать Ротгар на подобные нежные сценки с Эдит?

- Достаточно, Эдит, - сказала Мария после продолжительного, по ее мнению, наблюдения за проявлением столь любопытной интимности. - Теперь ступайте. Можете все идти. - Рыцари, переминавшиеся с ноги на ногу в неловкой тишине, вылетели из комнаты. Фен, который редко позволял себе не находиться рядом с хозяином, растворился в сумрачных тенях. Эдит покорно встала с края кровати и сделала шаг вперед. Концы ее длинных волос поползли по телу Хью за нею вслед.

"Теперь Эдит будет еще больше меня ненавидеть", - подумала Мария, наблюдая за грациозными движениями Эдит и выражая сожаление, что взяла с ней слишком властный тон, когда приказала распустить волосы. Но когда Эдит, выходя из покоев, бросила на нее последний взгляд, Мария не заметила в нем никакой враждебности. Нервная улыбка блуждала по дрожавшим губам Эдит; розовый цвет на щеках, яркий блеск веселых глаз напоминали те довольные выражения на лицах женщин, которые время от времени украдкой выскальзывали из рыцарских покоев ранним утром. А соответствующее глупое выражение на лице Хью не имело никакого отношения к полученному по голове удару.

До сих пор переживаемые Хью хорошие деньки следовали по одному и тому же образцу. Вначале постепенное восстановление движений, потом способность выговаривать слова, потом формулировать идеи и, наконец, высказывать здравые мысли - все это находилось в полном соответствии, но лишь до тех пор, покуда он не испытывал острого желания погладить волосы Эдит, запустить в них пальцы, и тогда начинались эти глупые умозаключения.

Ротгар Лэндуолдский заперт в курятнике, и все последние эти часы не имеет ни воды, ни хлеба.

Боже праведный, ее мысли становились такими же бессвязными, как и мысли ее брата. А поврежденный рассудок Хью мог отказать в любую секунду. Больше нельзя было терять напрасно время.

- Вы меня знаете?

- Да. Ты - Мария, моя сестра..

- Вы знаете, где в данный момент находитесь? Осторожная осмотрительность промелькнула у него в глазах.

- В своей кровати.

Мария попыталась подойти к нему с другой стороны.

- Назовите эту местность.

- Я, - снова его губы беззвучно зашевелились, - это не Эвре. - Он произнес эти слова достаточно убежденно, но потом, выражая сомнение, повысил голос.

Мария отрицательно покачала головой.

- Тогда Мортен? Пуатье? Авранш? - Хью выплеснул целый водопад названий различных

местностей, причем все они находились в Нормандии, и ни одно из них он не посещал за последние два года.

- Хью, вы лежите в своей кровати в своем поместье Лэндуолд. Вам его подарил Вильгельм вместе с местностью под названием Кенуик. - У нее упало сердце, когда она поняла по глазам брата, что он не узнает названных ею мест. - Постарайтесь припомнить.

Словно почувствовав ее отчаяние, он отвернулся от нее, нахмурился, стараясь получше сосредоточиться. Мария молчала. Она насчитала пятьдесят ударов пульса. Потом сто.

Хью повернулся к ней, его лицо вдруг возбужденно озарилось.

- Мне нужно построить замок, - сказал он в каком-то благоговейном ужасе.

- Да, Хью, наконец-то!

- И..., и...

Вновь лихорадочные взгляды, беззвучная работа губ, но слова отказывались выговариваться. Хью, застонав, обхватил голову руками - верный признак того, что злые демоны начали свою болезненную работу. Будь проклята эта Эдит вместе с ее волосами!

- Нет, все пропало, исчезло, - прошептал он, и в его голосе чувствовался полный отказ от новых усилий.

- Нет, так не пойдет. - Она противопоставила отчаянию Хью свою властность. Охватив его голову руками, она запрокинула ее вверх. Он поморщился от ударивших ему в лицо солнечных лучей, проникающих в комнату через отверстия в натянутой на окне шкуре, дернулся назад, но она держала его крепко.

- Хью, вы должны внимательно меня выслушать. Ротгар, тот человек, который правил здесь до вашего приезда, вернулся домой. По декрету Вильгельма он должен быть либо казнен, либо сурово наказан за сопротивление с оружием в руках.

Хью удалось освободить голову, и он лег в кровати так, чтобы на него не падали солнечные лучи.

Во время кратких периодов просветления наступали такие моменты, когда, по мнению Марии, он слышал и понимал все, что ему говорили, даже если злые демоны не ослабляли своей хватки. Хотя он сейчас от нее отвернулся, она продолжала говорить ему о том, что намеревалась высказать, умоляя Бога, чтобы ее слова отыскали какое-то надежное местечко в его мозге и удержались бы там, покуда он вновь не придет в себя.

- Крестьяне постоянно жалуются на тяжелый труд, к которому мы их принуждаем. Приближается Пасха, и Вильгельм ожидает вашего доклада по поводу состояния дел. Вы помните Филиппа, Хью? Он просто облизывается от предвкушения того, какие басни о нас он расскажет Вильгельму.

Подобно этим крестьянам, Хью, который сейчас стонал, бился в агонии из-за чудовищных головных болей, казалось было абсолютно наплевать на все ожидания Вильгельма; но, в отличие от этих крестьян, именно он, Хью, будет лишен поместий в Лэндуолде и Кенуике, если только стены нового замка не будут впредь своевременно возводиться.

- Я предлагаю вступить в торг с этим Ротгаром, - сказала Мария, раскрывая самую сокровенную часть своего плана. - Он испытывает большую любовь к этой земле. Мы удерживаем его как пленника, и он готов волей-неволей принять наши предложения. Кажется, я смогу убедить его, заставить его понять, что если Вильгельм назначит сюда другого правителя, то народу Лэндуолда придется страдать еще больше под еще более жестокой рукой.

Ничего не отвечая, Хью зарылся лицом в волчью шкуру, толстый мех которой заглушил пронзивший его вопль от острой боли.

Мария опустила на колени перед кроватью, обнимая крупное, дрожащее с головы до ног, тело брата.

- Простите меня, Хью, - шептала она, пытаясь унять его страдания. Но вы должны сказать мне "да". Должны сказать, что мы поступили правильно, сохранив ему жизнь, чтобы я могла передать другим, что Хью, господин Лэндуолда одобрил этот план.

Его ничего не понимающие, отсутствующие глаза смотрели на нее.

- Скажите же, - побуждала она. Потом, намереваясь во что бы то ни стало вытащить это слово из горла Хью, она намеренно медленно начала повторять, откуда это слово не стало отражаться от стен, словно эхо. - Скажите - да. Да! Да! Да!

Как ребенок, подражающий, словно обезьянка, своей матери, он наконец сумел овладеть этим словом.

- Да, - сказал он. А затем, чуть слышно прошептал:

- Помогите мне.

Если говорить об одобрении вообще, то полученное от Хью оставляло, так сказать, желать много лучшего. Но теперь она может выступить против Гилберта, против любого из тех, кто посмеет оспорить ее действия.

- Да, брат мой, - сказала она, покачивая его, прижав к себе, словно убаюкивая ребенка. - Я помогу тебе побороть болезнь, я помогу тебе сохранить это место, каких бы трудов мне это ни стоило.

Глава 4

Лопата в чьих-то более мощных, чем у других руках, звякнула о промерзшую землю и заскрежетала, словно по поверхности льда, и этот неожиданный звук напугал лошадь сэра Гилберта. Выругавшись, он осадил отпрянувшее животное.

- Мне это не нравится, - сказал его товарищ Данстэн.

- Мне тоже, - ответил Гилберт, натягивая поводья. Его лошадь замотала головой и зацокала копытами в знак протеста, привлекая к себе удивленные взоры работающих крестьян.

- Они ужасно хотят поглядеть на него хотя бы одним глазком. - Данстэн бросил ненавидящий взгляд в сторону курятника.

Гилберт не стал опровергать слов Данстэна, он знал, что его приятель, храбрый рыцарь, говорил правду, хотя его несколько удивляло, что более молодой, чем он, рыцарь выражал свое беспокойство. Обычно на такие откровения отваживался только похожий на отца Уолтер.

Весь отряд рабочих за сегодняшнее утро лишь погрузил в жидкую грязь собственную обувь и лопаты - это было все, чем они могли похвастаться. Новость о поимке Ротгара распространилась, как огонь по степи, среди крестьян Лэндуолда. После каждой брошенной лопаты мерзлой земли, после каждого удара ногой или утрамбовочного бревна наступал перекур, во время которого все бросали многозначительные взгляды в сторону темницы Ротгара. Вся эта картина напоминала созыв двора бывшим господином поместья в Лэндуолде, а сам он сидел на троне, возвышаясь на куче куриного дерьма.

- Повторяю, Гилберт, я начинаю сожалеть о том, что мы заключили договор, когда Хью получил удар в голову.

Казалось, лошади Гилберта передалось удивление ее седока, она попятилась немного назад и заржала, почувствовав, как сжали его ноги ее бока. Гилберт успокоил разволновавшееся животное и, вновь овладев им, попытался каким-то образом

прореагировать на неожиданное признание Данстэна. Никто из тех, кто, казалось, хотел выступить вместе с ним против Марии, не считал нужным заговорить с ним об этом. Плотно сжатые челюсти и губы Данстэна говорили об упрямстве этого человека, умевшего настоять на своем, не говоря уже о его налитых кровью глазах и темных мешках под глазами.

- Не слишком ли ты опустошил бурдюк с элем? - спросил Гилберт с обманчивым безразличием.

- Может быть. Ну, а что еще остается делать в этом забытом Богом месте?

- Не думал, что ты так низко ценишь собственный дом.

Данстэн недовольно заворчал:

- Дом? Мне его только обещали. Ну, а теперь я в этом далеко не уверен. Он сплюнул. - Прошло больше полугода с тех пор, когда Вильгельм поручил Хью построить замок и содержать у себя с лошадьми и полной амуницией десять рыцарей. Оглянись вокруг, Гилберт. Ты видишь где-нибудь замок? А где эти десять рыцарей? Нет, этот негодяй Филипп Мартел прав. Нет, ни одно из требований Вильгельма так и не выполнено, если не считать наполовину вырытого котлована и четырех людей, присматривающих за правителем, у которого здравого рассудка меньше, чем у младенца. Скоро наступит Пасха, и мы все знаем, что этот раболепствующий Филипп скоро после этого повезет через море к Вильгельму все сплетни, которые он здесь собрал. Могу ли я рассчитывать в таком случае на собственный дом?

Пусть теперь все эти крестьяне лягут спать, ему все равно - теперь все свое внимание Гилберт должен уделить своему мятежно настроенному товарищу по оружию.

- Не забывай, ты дал Хью клятву на верность, - напомнил он Данстэну.

- Да, я дал клятву, - согласился Данстэн. - Но только Хью, а не его сестрице. Покуда мы продолжаем мириться с таким пошлым обманом, наше боевое искусство ржавеет вместе с нашими доспехами, а наши лошади жиреют и становятся все ленивее. Стоит этим саксам поддержать этого пленника, и они перебьют всех нас вот этими лопатами и кирками.

Неловкую тишину, воцарившуюся между ними после запальчивых слов Данстэна, вдруг нарушили звуки: издалека донесся пронзительный вопль ястреба, а рядом с ними раздался крик разгневанного крестьянина, которого окатили с ног до головы жидкой грязью со дна котлована.

- Уолтер, конечно, не разделяет твоих воззрений? - наконец спросил Гилберт.

- Уолтер всегда был человеком Хью, - признался Данстэн. - Но в последнее время он кажется таким же недовольным и мрачным, как и все остальные, и в самые ответственные моменты обычно куда-нибудь скрывается. Может, он вынашивает свои личные планы мятежа. Он проводит кучу времени с этим негодяем Филиппом, хотя мне невдомек, как он может выносить его компанию. Может, когда этот Филипп ехал сюда, ему кто-то сильно стукнул по голове?

- Может, он не уедет отсюда невредимым, если намерен осуществить свою угрозу и сообщить обо всем Вильгельму, - ответил Гилберт обманчиво безразличным голосом. Зачем открывать свои опасения в связи с тесной дружбой между Филиппом и Уолтером.

- Стефэн, наши оруженосцы и я сам... - Данстэн, стиснув зубы и пожав плечами, бросил недовольный взгляд на Гилберта:

- Тебе хорошо известно, что все мы стали на твою сторону против Марии, когда шла речь о сохранении жизни этому саксу. Ну, как всегда, она нас проигнорировала. Моя цель сегодня заключается в том, чтобы сказать, что мы не станем толковать превратно твой шаг,

если ты сможешь положить конец всем этим уверткам и взять в свои руки полный контроль над Лэндуолдом.

- Клятвопреступник, - сказал Гилберт, хотя в душе он ликовал, услышав свои тайные желания в словах другого.

Данстэн продолжал ворчать, но Гилберт почти уже не обращал внимания на то, что, ему казалось, было лишь "первым пробным шаром". Он в это время обводил долгим взглядом поля Лэндуолда, его луга и леса и впервые в глубине души осмелился рассмотреть такую возможность. Все - мое. Все это может стать моим. Как и эта леди, чтобы украсить мой дом. На него обрушился прямо-таки потоп чувств собственника, охватил его всего целиком при этой мысли, и ему показалось, что он начинает в нем тонуть.

- Клятвопреступник, - повторил он, словно пытаюсь отвергнуть возникший у него в голове план, который, тем не менее, был настолько подробно разработан, что, вероятно, его мысли в этом направлении работали давно, а он боялся в этом себе признаться. - Время еще не пришло.

- Чем скорее, тем лучше.

Гилберт отрицательно покачал головой. Он улыбнулся, вспомнив свою прогулку по морозу в компании с Эдит.

- Мария всегда скрывала от других те советы, которые она дает Хью ради успеха его дела. Теперь у меня есть доступ к человеку, обладающим живым рассудком, готовым, развязать язык, и отныне он будет в курсе того, что происходит в покоях Хью.

На Данстэна, казалось, его слова не произвели никакого впечатления. Он рукой указал на мрачных крестьян:

- Ты можешь воспользоваться ушами и глазами тысячи летучих мышей, висящих на потолке покоев Хью, но только какую ты от этого получишь пользу?

- Они будут подслушивать все, что происходит вокруг человека, стремящегося рассечь их прежнего господина напополам.

- Ты имеешь в виду Ротгара?!

- Да, его. - Гилберт остановил взгляд на одном из крестьян, который в эту минуту уставился на него. Вдруг этот человек, проявив громадный интерес к работе, начал энергично, как заводной, отбрасывать в сторону рыхлую землю. Скоро, если замыслы Гилберта осуществляются, все крестьяне в Лэндуолде будут работать с таким же рвением.

- Сам Вильгельм постановил декретом, что те, кто выступят против него с оружием в руках, утрачивают как принадлежащие им земли, так и свою жизнь. Сегодня я улучу мгновение, чтобы напомнить Марии о правлении Вильгельма.

- И все же она остановила мою руку, когда ты потребовал от меня расправиться с Ротгаром, - напомнил ему Данстэн.

- Я остановил твой меч только по одной причине, - сказал Гилберт, чувствуя, как легко ему удастся эта ложь. - Мне неизвестны намерения этой женщины в этой связи. Но, по моему мнению, казнить этого человека нужно на глазах у его народа, чтобы наполнить страхом их сердца, ибо одно дело смерть, которую видишь перед глазами, а другое, слышать об этом акте, совершенном где-то с тихой милостью.

- В таком случае ты расправишься с ним и положишь конец их сопротивлению. Этот негодяй Филипп не должен увезти с собой никаких сведений.

- Да, - сказал Гилберт, испытывая мрачное удовлетворение и подтверждая его слова. - Мы продемонстрируем этим англичанам, насколько они безрассудны, отказывая в

поддержке их законным властителям. Я лично проткну своим мечом их драгоценного Ротгара Лэндуолдского, может, даже на вершине Норманнского холма, который им так дорог. Может, руки их заработают получше, если они будут постоянно бояться, что еще больше английской крови глубоко пропитает эту землю.

Девушка с кухни резко остановилась на бегу перед раскрытой дверью, ведущей в покои. Она стояла вся дрожа, словно самочка оленя, окруженная послушными охотнику гончими. Мария инстинктивно сделала несколько шагов вперед, чтобы скрыть Хью от взгляда девушки.

- Что случилось? - Выйдя из покоев, она повела ее в глубь коридора.

- Я., миледи... - Девушка так быстро заговорила, что Мария не могла разобрать ни слова. В эту минуту у них за спиной вырос громоздкий Уолтер.

- Что ты здесь делаешь, милочка? - Бросив негодующий, извиняющийся взгляд на Марию, он попытался схватить девушку за руку. Но она увернулась и испуганно замерла, умоляюще взирая на Марию.

- Оставь ее в покое, Уолтер. Тебя зовет хозяин.

Иди к нему. Узнай, что ему от тебя нужно.

Уолтер открыл дверь, но в комнату вошел не он, - туда впереди него проскользнул Фен через узкую щель, словно был готов прежде умереть, чем позволить Уолтеру перешагнуть через порог первому.

Уолтер, выругавшись, хотел было сильно ударить юношу, но Мария перехватила его руку. Время от времени Фен демонстрировал свои странные выходки, не желая подпускать близко к Хью норманнского рыцаря, если только рядом не было ни Марии, ни Эдит. Благодаря его заботам, Хью никогда ни в чем не нуждался.

- Может, Хью заснул. Займи свой пост вот здесь, Уолтер, а дверь пусть остается закрытой.

Как только Уолтер стал на свой пост, Мария вновь подошла к девушке. Она сейчас испытывала облегчение от того, что сумела скрыть от посторонних тяжелое состояние Хью, и теперь не гневалась за неожиданное вторжение этой девушки.

- Наверное, у тебя были на то веские причины, раз ты самовольно оставила кухню.

- Да, миледи. - Намеренно вкрадчивый, успокаивающий голос Марии, судя по всему, восстановил ее уверенность в себе.

- Старый священник просит, чтобы господин Хью поговорил с ним.

- Это невозможно.

Лэндуолдский священник, отец Бруно, сумел доказать на деле, что он является реалистически мыслящим, ценным союзником. Мария не доверяла ему до такой степени, чтобы раскрыть перед ним тайну хаю, она все же не желала ставить под угрозу их взаимоотношения.

- У господина Хью сегодня очень много дел. Налей вина. Я сама встречу его в холле.

- Нет, миледи. - Девушка очень волновалась. Она неловко теребила руками передник. - Отец Бруно ожидает, сидя на муле во дворе. Он говорит.., он говорит, что больше его ноги не будет в поместье Лэндуолд до тех пор, пока новый правитель не наведет повсюду порядок. Прошу вас, пойдите к нему.

На самом деле трудно сказать, кто из них был более упрям - старый жирный мул или такой же жирный священник, сидевший у него на спине. Хотя Мария на ходу набросила на себя плащ, она сразу же задрожала на холодном мартовском ветру. Ее знакомство со

священником приучило ее создавать удобства для людей.

- Входите, входите, отец Бруно, - упрасивала она его. - Сейчас повар подогреет сидр, и мы с вами сразу согреемся. Мы поудобнее устроимся возле камина, и вы расскажете мне, что вас привело сюда.

- Я этого не сделаю.

- Значит, мы должны торчать здесь, на холоде, и кричать друг на друга через дверь, как торговки на рыбном рынке?

- Вы пытаетесь незаслуженно оболгать торговок рыбой, - ответил отец Бруно, выпрямившись в седле. Они обращаются со своим немудреным товаром, проявляя скорое и безболезненное милосердие. Я хочу поговорить с господином Хью по поводу его отношения к Ротгару, бывшему владельцу этого поместья.

Священник говорил с торжественностью и убежденностью, с которыми он поучал грешников с высоты своей кафедры. Его слова долетали до самого дальнего угла двора, привлекая внимание всех людей, находившихся в Лэндуолде.

Мария принялась лихорадочно искать причину, чтобы не допустить решительно настроенного священника до Хью. Она знала, что он испытывал необычайную любовь к своему мулу.

- Вы хотя бы подумали о вашем животном, мой друг священник. Он получит целую меру овса. А мы тем временем, когда он будет жевать овес, поговорим с вами в конюшне. Хью сейчас лежит в кровати - у него лихорадка, и я опасюсь, как бы он случайно не заразил вас.

У отца Бруно задрожали губы, он знал наперед, что она обязательно добьется своего.

- Я слышал, что в Гилуите разразилась чума. Может, господин Хью страдает этой болезнью? Необходимо ли ему... - Священник проглотил последние слова, затем, глубоко вздохнув, продолжал:

- Не следует ли мне причастить у края его ложа?

- Нет, отец. Скорее всего, это рецидив той лихорадки, которую он подцепил, когда был на юге, где принимал участие в рыцарском турнире. Время от времени она возвращается.

По выражению лица священника было видно, что он испытывал от ее слов сильное облегчение и она решила воспользоваться до конца своим преимуществом.

- Пойдемте. Давайте покормим вашего мула. Стоило священнику повернуть голову в сторону конюшни, как его мул живо поскакал в ее направлении. Подобрав юбки, Мария едва поспевала за ним, молодой конюх придерживал мула, пока с него слезал тучный священник, и Мария, после того как кормушку наполнили овсом, выпроводила из конюшни всю прислугу. Когда в конюшню загоняли лошадей, волов и коров, воздух в ней сразу же нагревался от их исходящих паром, покрытых потом шкур. Но в это время дня рыцари обычно тренировали своих боевых коней в полях, коровы щипали первую траву на лугах, а волы возили деревья для строительства замка. Когда здесь не было животных, в конюшне было так же холодно, как и снаружи. А она велела закрыть Ротгара в курятнике. Она потуже запахнула на себе плащ, а отец Бруно учащенно дышал, пытаясь согреться. Без всякого вступления он сразу перешел к существу своей жалобы.

- Народ в Лэндуолде рассказал мне такие вещи, от которых у меня душа не на месте. Разве вам недостаточно того, что новый король пожаловал вам земли, принадлежащие Ротгару? Нет, вам еще нужно его подвергнуть пыткам, морить его голодом, унижить его гордость, чувство собственного достоинства, а уж потом казнить.

- Может, ему на самом деле холодно, но вряд ли это можно назвать пыткой, сказала

Мария, бросив виноватый взгляд в сторону курятника. - К тому же Ротгар сам отказался от еды. Я ему предлагала. Мы с ним обращаемся довольно мягко.

- Мне сказали, что он уже не человек, одна кожа и кости, ну а что касается пыток, то как назвать это иначе, миледи, если вы отдали приказ бросить его в холодный курятник почти без одежды? Кроме того, я слышал, что сэр Гилберт колот его мечом, когда он, беспомощный и невооруженный, лежал у его ног.

- Это был всего булавочный укол. - Воспоминание о проявленной Гилбертом жестокости глубоко ранило ее сердце, но она чувствовала своей обязанностью в данный момент заступиться за своего сторонника-норманна.

- Да, что касается ваших слов о том, что он представляет собой серьезную угрозу для вас. Насколько я понимаю, Гилберт бросился на Ротгара, чтобы тот не мог вскочить на ноги и разоружить всех норманнских рыцарей, присутствовавших в эту минуту в зале.

- Чтобы разоружить нас всех, сэр священник, ему не нужно даже шевельнуть и пальцем, - мягко возразила она. - Все эти долгие месяцы память о нем была сильнейшим возбудителем для всех его крестьян. Теперь, когда он вернулся, боюсь, они отшатнутся от нас еще больше, чем могут навлечь на себя гнев Вильгельма, а это может привести к гораздо большим смертям и к более серьезным разрушениям, таким, что даже трудно себе представить.

- Значит, вы решили его казнить?! В тоне, с которым он произнес эти слова, чувствовалась обреченность, готовность принять все, как есть, а это указывало на то, что он и не ожидал другого ответа, несмотря на свое дерзкое появление перед домом господина Лэндуолда. Основываясь на личном опыте, Мария делила всех священников на две породы: избалованных, маменькиных сынков богатых отцов, у которых не было необходимости ни перед кем заискивать, и неприметных, скромных, угодливых, стремящихся торговать благословениями, отпускать за деньги грехи или даже обещать спасение за приличную сумму. Мария была поражена тем, что этот уже немолодой священник нашел в себе достаточно мужества, чтобы сесть на своего древнего мула и отправиться защищать свое безнадежное дело перед норманнскими завоевателями. Это не похоже на других священников. Она почувствовала вдруг глубокое уважение к отцу Бруно, которое подталкивало ее ему исповедоваться. В студеном воздухе послышался вопль Хью.

- Пытают, - сказал отец Бруно. Он бросил на Марию злобный, самодовольный взгляд, и ее порыв откровенно поговорить с ним погас, увял, словно роза, тронутая морозцем.

- Можете говорить все, что вам угодно, - сказала она ледяным тоном, - но Ротгар не умирает, он не голодает, и его никто не пытается.

Отец Бруно ожидал от нее дальнейших объяснений с привычной готовностью человека, прошедшего не один час в исповедальне.

Мария решила нанести удар по его самодовольству.

- В таком случае что вы нам посоветуете сделать с ним?

Прямо у нее на глазах священник переменился - теперь он был уже не исповедником, а просто просителем.

- Леди, Ротгару было всего семнадцать лет, когда умер его отец. Его несовершеннолетие ни о чем не говорило, так как, клянусь, он родился здесь, в Лэндуолде, и в его жилах течет не кровь, а вода нашей реки, все его тело вскормлено плодородной почвой Лэндуолда. В силу своих обязанностей мне приходится бывать и в других поместьях. Ни одно из них не управлялось ни одним господином, испытывающим такую любовь к своей земле, к своему

народу. Иногда я даже приходил от этого в отчаяние и обвинял его в том, что он ставит любовь к Лэндуолду выше любви к Богу.

Если в эту минуту священник пытался отстоять дело Ротгара, то он оказывал ему тем самым плохую услугу. А когда Мария услышала об одержимости этого человека, влюбленного до такой степени в Лэндуолд, у нее по спине от страха поползли мурашки. Теперь она начинала сомневаться в мудрости разработанного ею плана сохранить жизнь Ротгару.

Отец Бруно, казалось, понял терзающие ее страхи. Он поднял руку, чтобы предотвратить смертельный удар, посланный в направлении Ротгара.

- Эту одержимость, миледи, можно.., обратить себе на пользу.

- Каким образом? - спросила Мария, не скрывая любопытства. Ей очень хотелось узнать, могло ли предложение отца Бруно укрепить ее собственные, наполовину сформированные идеи.

- Можете не сомневаться - сегодня я провел всю ночь на коленях, вознося молитвы Богу, надеясь на божественное вдохновение. И он ниспослал мне его, миледи, в тот момент, когда я чуть не потерял сознание от напряжения. Вероятно, господина Хью в это мгновение посетила та же мысль. Теперь Марии пришлось замолчать в ожидании дальнейших объяснений.

- Сегодня утром я проезжал мимо строительной площадки, где возводят замок. Мои старые глаза все же позволили мне убедиться в том, как мало до сих пор было сделано. А моих старых ушей достигли голоса, выражавшие недовольство и мятежные мысли. Это происходит только здесь, в Лэндуолде. Этого нет в Кенуике. - Мария продолжала хранить молчание, и старик священник тяжело вздохнул, словно преподаватель, раздраженный неспособностью своего ученика постичь простейшую истину. - Кенуик, миледи. Тамошние крестьяне начали поддерживать господина Хью, как только он взял в жены Эдит.

- Хью вряд ли может жениться на Ротгаре, - съязвила, рассмеявшись, Мария.

- Нет, не может. Но вы можете выйти за него замуж, леди Мария.

- Ха!

Один-единственный слог, выражающий скорее неверие, чем юмор, эхом отозвался от стен конюшни, заставив мула задрать голову и направить свои воспрянувшие длинные и неуклюжие уши в сторону Марии. Она благодарила Бога за то, что это четвероногое животное было единственным свидетелем безумного плана отца Бруно.

- Вы сестра господина и, если я правильно все понимаю, не обделены определенным влиянием. Если рядом с вами будет стоять Ротгар, народ Лэндуолда резко изменит обо всем мнение.

- Нет, - сказала она твердым голосом. Ее муж Ранульф любил ее, но, тем не менее, ее жизнь была ничем иным, как одиночеством и отчуждением, как при его жизни, так и после его смерти. Насколько все будет хуже, если связать свою жизнь с человеком, который на полном основании мог поставить ей в вину утрату того, что принадлежало ему по праву рождения, который будет в результате мстить ей, мстить мелочно, не по-мужски. Нужно забыть о том, как встрепенулось ее сердце, когда она прикоснулась к Ротгару. Такое случается в жизни... Теперь у меня есть свой дом. Я больше не выйду замуж, - сказала она.

- Но, леди...

- Нет, - повторила она. - Но я прислушаюсь к вашему совету и постараюсь воспользоваться той любовью, который этот человек испытывает к этому краю. Если он

поймет все правильно, то, может, использует свое влияние на крестьян в нашу пользу. Если он так поступит, я освобожу его - пусть ищет счастья в другом месте.

- Брак станет стимулом для его сотрудничества с вами, леди. Для таких, как он, нет большего счастья в жизни, чем возможность прожить свои дни на земле, которую он любит.

- Да, в этом есть большой соблазн, - сказала Мария, раздражаясь упрямством священника. - Если все будет делать так, как я ему скажу, то он сохранит голову на плечах.

Они оба молчали, когда разочарованный священник старательно выводил из денника мула, и потом долго взбирался в седло.

- Вы должны выпустить его из курятника, - сказал он, - вы должны следить, чтобы он не голодал и чтобы меч Гилберта покоился в ножнах. Если вы этого не сможете сделать, то тогда лучше велите его казнить - тем самым вы проявите какую-то доброту по отношению к нему. Такие люди, как Ротгар, не выносят заточения.

- Хорошо, - согласилась она и, подчиняясь инстинкту, неожиданно добавила:

- Да, я вижу вы его истинный и верный друг, отец Бруно.

- Я просто забочусь о народе Лэндуолда, - священник осенил ее крестным знаменем. - Вильгельм мог прислать сюда кое-кого и похуже вас. И все же я буду молиться, Мария.

Она не знала, услышал ли он, как она прошептала "благодарю вас", в ту минуту, когда мул, упрямясь, выскочил из конюшни во двор, освещенный холодным зимним солнцем.

- Леди Мария!

- Ну что тебе еще? - устало вздохнув, спросила Мария. На пороге, вся дрожа от холода, стояла та девушка, которая сообщила ей о визите отца Бруно.

- Прибыл Филипп Мартел, миледи. Он хочет встретиться с господином..., я имею в виду..., господином Ротгаром.

Судя по всему, у нее так и не будет достаточно времени, чтобы сделать свой выбор в отношении Ротгара Лэндуолдского. То один ей досаждают, то другой, они, право, смогут свести ее преждевременно в могилу. Лучше всего сейчас поговорить с глазу на глаз с саксом, убедиться, намерен ли он сотрудничать.

- Разыщи сэра Стифэна и пошли его ко мне. Поставь для Филиппа табуретку поудобнее возле самого огня и принеси ему кружку эля, - сказала она девушке. Мне прежде нужно кое-что сделать. - Она направилась прямо к курятнику, а в мозгу у нее молоточком стучала мысль - как бы ухитриться поговорить наедине с человеком, который мог бы стать ее злейшим врагом.

Глава 5

Ротгар полулежал, опершись о стену, поддерживая одним локтем вес своего тела. Он поджал длинные ноги, чтобы разместить их на узком пространстве. Он посмотрел в ее сторону, прикрыв свободной рукой глаза от ударившего в лицо снопа яркого света. Узнав ее, он быстро убрал стоявший рядом какой-то предмет и торопливо зарыл его в вонючую солому.

Мария легко ориентировалась во мраке курятника. Она заметила, что он спрятал - бурдюк, в котором можно хранить либо вино, либо эль. У него его не было, когда она велела закрыть его здесь, и она сильно сомневалась, что сэр Уолтер позаботился об удобствах Ротгара.

Вероятно, ночью у него кто-то был, и его попытка скрыть это от нее, означала, что он хочет сохранить ночной визит втайне. Она помнила о предостережениях Гилберта и отца Бруно о народном недовольстве и возможном мятеже, поэтому она, крепко ухватившись за

створку двери, выпалила абсолютно бессмысленное предложение, только чтобы скрыть от него свою растерянность.

- Не хотелось бы вам, Ротгар Лэндуолдский, еще раз искупаться?

- Вероятно, организация купаний является вашей специальностью, леди Мария?

- Что вы сказали?

- Может, я не расслышал вашего предложения? Мысли о купании в последнее время меня просто преследуют.

Его голос, хрипловатый, богатый полутонами добродушного юмора, казалось, приковал ее руку к двери. Его ленивая поза, расслабленное выражение лица превращали в насмешку все ее усилия по охране с тыла своей персоны с помощью рыцаря Стифэна. Поведение Ротгара либо было уловкой с целью отвлечь ее внимание от бурдюка, либо намекало на его готовность услышать то, что она пришла ему сказать. Она решила не подавать виду, что заметила, как он прятал от нее бурдюк.

- Отец Бруно выражает беспокойство в связи с тем, что вас здесь донимает холод.

- Нет, миледи. Я обнаружил, что у куриного помета есть немало достоинств, включая и тот факт, что он излучает тепло.

- Хорошо. В таком случае, выходите, если только у вас есть желание покинуть свое уютное ложе, - сказала она, указывая на стоявшего в отдалении сэра Стифэна. Она сделала шаг в сторону, чтобы пропустить его, но он не торопился подниматься, долго потягивался, почесывался, и она заметила, как ногами он старался придвинуть побольше сена к тому месту, где находился бурдюк. Подойдя к двери, он не знал, как ему поступить.

- Вам следует идти впереди меня, миледи.

- Ни в коем случае, - запротестовал сэр Стифэн и молниеносно схватил рукой его за запястье, протащив его через двор. Потом он заломил руку Ротгара ему за спину.

Пот выступил на лбу у Ротгара, он тяжело дышал, в глазах пробивалась едва сдерживаемая ярость. Если бы Мария не заметила этих признаков гнева, то, вероятно, поверила бы выражению его лица, свойственного кающемуся грешнику, когда он с трудом проговорил:

- Я только.., хотел.., следовать.., за леди. Что это, продуманный куртузанский жест или же уловка, чтобы приблизиться к ней и схватить руками за горло?

Мария отдавала себе отчет в том, что многие жители Лэндуолда, услышав шум в курятнике, собрались во дворе. Нельзя было тащить силой упирающегося, пытающегося вырваться из рук норманнского рыцаря - их прежнего правителя, это только больше разожжет их ненависть. Нужно поступить иначе, - эта мысль сверлила ей мозг с той минуты, когда она увидела искаженное от боли лицо Ротгара.

- Отпусти его, Стифэн, - приказала Мария.

Она бросила взгляд на Ротгара, его обман с бурдюком, его умение быстро подавлять вспыхнувший гнев.

- Мы идем в особняк. Намерены ли вы идти тихо и мирно в сопровождении Стифэна, или же мы должны связать вам руки и относиться впредь как к пленнику?

- Меня не нужно связывать.

Они направились к толпе собравшихся во дворе саксов - Марии приходилось посещать бесчисленные рыцарские турниры, встречать отца и брата, возвращавшихся с победой после многих одержанных побед. Но никому из них не приходилось видеть такой толпы, которая с таким рвением, с таким остервенением приветствовала Ротгара Лэндуолдского на его пути

от курятника до его прежнего дома. Казалось, все крестьяне, которые в это время не работали на полях или строительной площадке, собрались на господском дворе. Они выстроились в два ряда, и между ними шли, направляясь к дому, Мария, Ротгар и Стифэн. Согбенные от старости и болезней старики, беременные женщины, за юбки которых цеплялись смешные карапузы, юноши, отправленные работать на кухню, в конюшню, присматривать за двором, - все они, рискуя вызвать гнев норманнов, позабыв о своих обязанностях, радостно приветствовали своего прежнего правителя.

- Мы ничего не забыли, Ротгар!

- Не отчаивайся, милорд.

- Мы о тебе позаботимся!

- Мы ждем тебя, милорд!

Мария шла впереди, твердым, решительным шагом, высоко задрав голову, но эта дорожка, казалось, никогда не кончится. Лица людей сияли от радости, они махали руками, хлопали в ладони, вытягивали шеи, чтобы только увидеть его, Ротгара, и эти жители Лэндуолда мало напоминали ей тот тихий, словно пребывающий в летаргическом сне, народ, который она привыкла здесь видеть. Они были так все поглощены, выражали такой энтузиазм при виде своего прежнего господина, что на нее никто не обращал внимания.

Однажды она видела замерзшую во льду пруда лягушку, которая растопырила свои лапки, словно не желая умирать в этом ледяном гробу. Она указала на нее Хью, и он тотчас же разбил лед своей булавой, открывая доступ животворящей воде к несчастной жертве. Сейчас крестьяне, казалось, смотрели не на нее, а через нее, и ее не видели и, несмотря на ту обстановку строгой секретности, которую она создала вокруг личности Ротгара, эти люди просто упивались присутствием Ротгара.

Никогда она еще не чувствовала себя такой одинокой.

Ротгар подошел к ней совсем близко. Она чувствовала теплоту, излучаемую его телом. Абсурдное предложение отца Бруно не давало ей покоя. Она вдруг представила себе, как они идут вместе с Ротгаром, как он нежно прижимает ее к себе, - не подозрительный, настороженный чужеземец, а муж, как кладет ей руку на затылок, а она припадает головкой к его сильному плечу. Пропало одиночество. Исчезла необходимость продолжать этот отвратительный союз с Гилбертом, постоянно умиротворять Филиппа. Ротгар, подняв правую руку, приветствует толпу. Она машет левой. И от быстрой ходьбы ее бедро будет касаться его бедра...

Какой-то пятилетний крепыш вырвался из рук матери. Он стал посередине дорожки, и Марии пришлось остановиться на несколько секунд. Этого было достаточно, чтобы заметить его рыжевато-коричневые с золотистым отливом волосы, блестящие голубые глаза, и удивление, сквозившее в знакомом взоре. Засунув грязные пальцы в рот, он в смущении бросал взгляды то на Марию, то на мать, а потом, задрав голову, посмотрел на Ротгара. Торчавшие во рту пальцы не мешали ему улыбаться, и затем, издав обрадованный негромкий крик, он протянул к нему свои маленькие руки.

- Папа! - прокудахтал он, обхватив руками ногу Ротгара.

Лицо Марии залило краской, когда Ротгар поднял мальчика на руки. Две головы - мужчины и мальчика - прислонились друг к дружке, - два лица оказались рядом: одно с пухлыми розоватыми щечками, а другое - изможденное, но между ними нельзя было не заметить признаков родства - родства очень близкого.

Несомненно, один из незаконнорожденных сыновей Ротгара. Одни крестьяне весело

смеялись, другие снисходительно посмеивались, когда ребенок ладошкой хлопал Ротгара, по заросшему подбородку. Она вспомнила, что священник осмелился предложить ей выйти замуж за человека, - который, вероятно, разбросал своих бастардов по всей деревне. Хуже того, ей нравились эти глупые мысли о таком браке.

- Нет, я не твой папа, - ответил Ротгар, пытаясь говорить с притворной строгостью.

- Нет, папа.

- Посмотри получше, - предложил Ротгар и осклабился в страшной гримасе.

Ребенок захихикал, вовсе не испугавшись, и грязным пальцем дотронулся до большого переднего зуба Ротгара.

- Дядя Ротгар.

Он, поставив мальчика на землю, взлохматил ему волосы и похлопал по попке. Ротгара, кажется, привлекала мать ребенка, пригожая сакская молодая женщина, помутневшие от тяжелой работы глаза которой, не отрываясь, глядели на прежнего владельца Лэндуолда. То необъяснимое чувство облегчения, которое испытала Мария от мысли, что ребенок не принадлежит к потомству Ротгара, вдруг исчезло, когда она заметила его беспокойный, задумчивый взгляд, брошенный на эту женщину.

Может, ребенок на самом деле был его, но его научили называть Ротгара добрым дядей. Эти хитроумные представители знати часто отказывались от своих незаконнорожденных детей. Его повышенное, откровенное внимание к этой женщине свидетельствовало явно не о случайном интересе. Мария почувствовала, как тяжело у нее на сердце.

Этот малыш словно открыл невидимые барьеры, и все жители Лэндуолда подступали все ближе к Ротгару, протягивали руки к нему, пытались прикоснуться, дотронуться до него. Путь к дому им постепенно отрезали. Страх остаться здесь, в окружении плотной толпы разгневанных крестьян, пересилил охватившее ее вновь разочарование.

- Миледи, - позвал ее Стиффэн. В голосе его чувствовалось предостережение.

Ротгар, казалось, вовсе не хотел идти вперед, - все его внимание было поглощено этой женщиной с ребенком. Но если она прикажет Стиффэну острием меча подогнать Ротгара, заставить его пошевеливаться, то это наверняка еще больше разгневет толпу. Мария потянула Ротгара за рукав, и только потом осознала, что он, вероятно, не мог бы отличить ее прикосновения от прикосновений дюжины страстных саксонок, питающих к нему особые чувства.

Она осторожно взяла его за руку. Ротгар удивленно взглянул на нее, но она не испытывала никакого удовлетворения от того, что ей удалось отвлечь его внимание от женщины с ребенком. Вновь она почувствовала, как вспыхнуло у нее лицо. Это все от развязности, в этом нет никакого сомнения. Ей следует стыдиться, что сердце так сильно забилося, заставляя еще раз вспомнить тот вечер, когда она дотронулась до его затылка и почувствовала, как его кровь бьется в унисон с ее собственной.

Ее рука, зажата в его руке, казалась такой маленькой-маленькой.

Может, он и слишком тощий, но его рука сохранила и форму и плоть человека, привычного к тяжелому труду. Набитые работой мозоли слегка царапали мягкие подушечки ее ладони, его длинные проворные пальцы старались сжимать ее пальцы мягко, не причиняя боли, и его предосторожность говорила о той могучей силе, которая скрыта в нем.

- Толпа становится неуправляемой. Это небезопасно, - предупредила она.

- Они с нами ничего не сделают.

Ее предательское сердце вновь начало отчаянно колотиться в груди, ее возбуждал его

хрипловатый тембр голоса, когда он сказал - "нам", словно это он решил совершить эту прогулку с Марией. Он продолжал сжимать ее руку, и у нее не осталось никакого сомнения в том, что он не намерен ее выпускать из своей.

Она хотела было выдернуть руку, как только они вновь медленно пошли к дому, но оказалось вполне естественным идти вот так, взявшись за руки с Ротгаром Лэндуолдским, но она не могла не заметить, когда они проходили мимо матери с ребенком, как слезы покатались по щекам этой сакс-кой женщины.

"Может, Мария, - ведьма? " - вдруг пришло ему в голову.

Как ей удалось догадаться, что он упал духом, когда маленький Генрих назвал его публично отцом перед народом Лэндуолда? В силу какой чертовской мудрости она решила вселить в него свою собственную силу, чтобы помочь ему мужественно взирать на свой народ, хотя он был опозорен и побежден, почему она взяла его за руку, словно он был почтенным гостем, а не поверженным врагом?

А что сказать об этом мальчугане Фене, который просто незримо парил над ее братом, - ведь даже норманнам известны старинные сказки о лесных людях. И все же она выносила его присутствие, не обращая на него особого внимания, словно он был каким-то неприметным котенком. И вот теперь, когда отданные ею чуть слышным голосом указания девушке-служанке и весьма простые приготовления дали ему понять, что сегодня она сама будет его мыть, его напрягшееся мужское естество и убыстренный бег крови, - все говорило о том, что он во власти какого-то колдовства. Почему же тело предавало его, так реагируя на близость женщины, которая могла быть лишь его заклятым врагом, и никем больше.

В небольшом алькове, расположенном в дальнем конце зала, всегда было холодно, даже в самые жаркие летние дни. В те времена, когда он был здесь хозяином, он использовал это помещение, а оно было без окна, для хранения сыра, масла и прочих ценных вещей, которые ему было жалко , выбросить, например, покрытую толстым слоем пыли висевшую на кольшке лютню.

Теперь кто-то перед входом натянул веревку и повесил на ней гобелен, вероятно, чтобы скрыть от посторонних глаз скромный интерьер. Что-то наподобие кровати было поставлено в углу, а женская одежда свисала с другого кольшка на стене.

Неужели Мария приспособила для себя эту темную неудобную нишу? Как известно, ведьмы получают удовольствие от холода.

Сегодня, несмотря на то, что огонь пылал вовсю в камине, в алькове было так холодно, что от горячей воды поднимался пар, погружая Марию в странный, загадочный туман. Она была похожа на ведьму, выходящую из густого белого дыма после произнесения заклинаний.

- Вода остывает, - предупредила она, подтвердив это грациозным жестом. Ну кто же еще, кроме ведьмы, мог вызывать у мужчины такое непреодолимое желание простым взмахом руки. От этого жеста ее шерстяное платье растянулось, плотно облекая ее груди, открывая его взору затвердевшие от холода соски.

Черт подери! Неужели он так соскучился по женщине, что больше не мог не думать ни о чем другом, только о том, как поскорее забраться в лохань и вволю поплескаться в ней, чтобы всю ее обрызгать, увидеть, как мокрое платье еще больше обтянет ее восхитительные формы!

Ротгар попытался думать о чем-то другом, но это удавалось ему с трудом. Из

собственного опыта он знал, что норманны никогда не действуют, повинувшись импульсам доброты или сочувствия. Они были великие мастера предательства и обмана. Вряд ли его удивит, если Мария под видом того, что пытается отмыть остатки грязи после его пребывания в курятнике, силой затолкает его голову под воду и будет удерживать ее там до тех пор, покуда он не задохнется.

- Неужели вы выбрали эту мрачную камеру для своей спальни? - спросил он. Мария улыбнулась:

- Вполне приличная обстановка для того, кто никогда не знал, что такое своя личная кровать.

- Но у себя в доме...

- У нас с Хью никогда не было того, что вы называете домом, вот только сейчас. - Она оглянулась вокруг с видом собственника, что заставило Ротгара сразу встрепенуться.

- Могу признать, что здесь мало удобств, но когда будет построен наш замок, то мы не будем испытывать никакой нужды ни в тепле, ни в личных апартаментах.

Ему ужасно хотелось знать, сколько времени потратила эта ведьма, чтобы усовершенствовать свою лживую улыбку, нерешительное выражение на лице, которые появлялись в тот самый момент, когда он отказывался разоблачаться перед ней.

- Разве вам не нравится купание? В ее словах звучал вызов. С той стороны алькова слышались приглушенные мужские голоса, напоминая ему о том, что это не была приятная процедура омовения после напряженного рабочего дня для расслабления уставших мышц, нет, за всем внимательно следили норманнские рыцари там, за стеной, готовые по первому ее зову прийти ей на помощь.

- Вы насмехаетесь надо мной, - сказал он, и его голос необычно огрубел от реакции на ее странное поведение.

Она бросила в воду кусок мыла.

- Я насмехаюсь над вами? Каким образом?

- А вот таким, - сказал он, обводя рукой ее альков и дымящуюся лохань. Вчера это было что-то вроде кухни, где не было недостатка в остолопах. И каких-то два типа с кислыми физиономиями, которые с трудом сдерживали желание схватиться за рукоятки своих мечей, терли и скребли мою вонючую шкуру. Сегодня я нахожусь наедине с хрупкой женщиной небольшого роста. Разве не хотите вы подразнить меня, напоминая о моем безнадежном состоянии, или же все норманнские женщины любят мыть мужчин, и теперь, когда вы до конца стерли шкуру своих рыцарей, вы ищете новых развлечений?

Он тщательно подбирая слова, чтобы пробудить у нее гнев, чтобы положить раз и навсегда конец любой нерешительности, точно узнать, что его ждет впереди, - жизнь или смерть? Пытаясь побудить ее к действию, он сделал провокационный, угрожающий шаг по направлению к ней. Чем она ответит? Выхватит спрятанное острое лезвие ножа или же позовет на помощь своих людей?

Она не сделала ни того, ни другого. Пар по-прежнему клубился вокруг нее, но он не смог скрыть бледного, напряженного лица Марии. Она крепко ухватилась за край лохани.

- Я вовсе не насмехаюсь над вами, несчастный сакс, и прошу не думать, что я получаю такое же наслаждение от купания, как и вы. В ваших неудобных английских домах нельзя найти укромного местечка. Мне нужно поговорить с вами наедине, и это единственный способ, пришедший мне в голову.

Нет, он бы предпочел услышать резкий ответ на свои оскорбительные слова. Вместо

этого ее чувство собственного достоинства заставило его их устыдиться. Он почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, но он надеялся, что пары тумана скроют его от нее.

- Вы крайне осмотрительны, леди. Есть немало таких, которые без всяких колебаний вынесли бы мне смертный приговор в присутствии других.

- Смертный приговор? - Она вскинула голову, и волосы упали с ее лица, открыв ее красивый подбородок. Резкие морщины, свидетельствовавшие о ее раздражении, прорезали лоб. - Неужели все саксы настроены столь мрачно? Отец Бруно ожидает наихудшего исхода только потому, что я заперла вас в курятнике на одну ночь. Вы, в свою очередь, ожидаете смертного приговора только потому, что я предложила вам еще раз помыться.

- Мое нынешнее безвыходное положение навевает на меня черные мысли, ответил Ротгар, обиженный ее отношением к себе.

- Боже, да оставьте вы свою неумную гордыню. - Она вдруг изменила поведение, стараясь казаться нарочито веселой. - Как вы удачно заметили, я уже отмыла свою часть норманских мужчин, поэтому вам никак не оскорбить моих чувств. Я сказала, что хочу поговорить с вами, а поэтому раздевайтесь и полезайте в лохань.

В течение всей жизни Ротгара купали женщины, как здесь в Лэндуолде, так и в других местах, где такое к нему отношение объяснялось тем, что он - почетный гость. Для чего упрямитесь и не выполните то, что ему предлагает Мария? Она обеспечила его безопасность. Но его руки висели по бокам, как плети, отказываясь делать самые простые движения, чтобы снять с себя одежду, и, вместе с тем, вся кожа его горела из-за желания, которому более приличествовало проявляться в кровати, чем в лохани с горячей водой.

- Ротгар. - Она произнесла только его имя.

Оно никогда так не звучало в устах других женщин. Ее смодулированный голос эхом отозвался у него в голове, и был похож на призывы сирены. Чтобы избавиться от наваждения, он заставил себя сорвать тунику.

После этого он думал только об одном - как бы ему хотелось встретиться с ней прежде.

Тогда бы он стоял перед ней, не скрывая гордости, - ведь он знал, что женщинам нравилось его высокое, мускулистое крепкое тело. Когда-то он был господином, человеком, уверенным в себе, самодовольным, могущественным, смелым и отважным.

Но какая женщина сейчас могла наслаждаться, глядя на его тело, все покрытое за последние несколько месяцев шрамами, изможденное и высохшее из-за нехватки пищи? Его статус достиг низшей отметки; он был хуже любого задрипанного крестьянина, был лишен всех прав, у него не было никакой собственности, вся его жизнь теперь зависела от прихоти какой-то женщины.

Сам воздух Лэндуолда способствовал еще большему уродству - из-за холода у него на руках появились отвратительные нарывы, а его мужское достоинство скрючилось и спряталось между ног.

Он хотел, чтобы у него была прежняя прическа, чтобы росла, как прежде, борода, чтобы спрятать свое оголенное лицо, но она не отрывала своих ведьминых глаз от него, и он был уверен, что она способна заглянуть ему глубоко в душу, независимо от того, какую бы маску он на себя бы ни надел.

Он хотел очутиться снова в курятнике, где угодно, только не стоять здесь голым, абсолютно голым перед Марией.

"Скорее всего, это каверзы испаряющейся воды, - подумала Мария. - В противном случае, почему же было так приятно смотреть на его тело? " Само собой разумеется, ему

пришлось поголодать, но в остальном лишения только довели до совершенства все остальное, что сочеталось с его физической силой, равной самому мощному мечу".

Широкие плечи конусом сходили к узкой талии. Между ними был заключен мускулистый живот, а широкая грудь поднималась к мощной сильной шее. Его маленькие соски казались слепком с ее собственных - они тоже заострились от холода и проглядывали в густых рыжевато-коричневых с золотистым отливом волосах на груди.

Она надеялась, что клубы пара, которые скрыли так много его изъянов, скроют и ее покрасневшее лицо от его взглядов.

Он влез в лохань с неохотой, с которой барашек приближается к дворику для стрижки, и как только уселся поудобнее, то весь напрягся, подтянул к себе колени и ухватился руками за края лохани так сильно, что у него побелели пальцы.

- Горячая вода заставит вас расслабиться, - сказала она. - С чего начнем? С головы?

- Я ей займусь сам.

- Но...

- Я сказал - сам.

Ротгар, резко наклонившись вперед, ушел с головой под воду, в которой начал плескаться. Выпрямившись, он откинул голову назад, брызгаясь во все стороны. Она, сама не желая того, взвизгнула, пытаясь укрыться от брызг, которые намочили платье, - оно плотно облегалo ее фигуру.

Ротгар вытер воду с лица и отбросил волосы назад, чтобы они не лезли ему в глаза. Он откинулся назад, млея от удовольствия; он был таким же довольным, как только что вылупившийся утенок, впервые познавший вкус воды в пруде, но вот его взор остановился на ней, и он увидел, что она насквозь промокла. Тут же его беззаботное наслаждение купанием покинуло его. Между ними, казалось, выросла стена неприступного отчуждения, которую, судя по всему, он умел возводить, когда хотел.

Мария провела ладонями по бокам, пытаясь разгладить мокрое платье.

- Я знаю, что это платье вашей матери, - сказала она. - Если бы вы разрешили мне вымыть вам голову, то платье осталось бы сухим.

- Какое это имеет значение? - ответил он.

Она обратила внимание на его запястье, увидев шрам. Обойдя его с левой стороны, заметила точно такой же шрам на левой руке.

Хотя они давно уже затянулись, это свидетельствовало о том, как человеческая плоть боролась с неподатливым металлом, трескалась кожа, как возникала пронзающая все тело агония из-за воздействия ржавого металла на открытую рану.

Мария пальцами левой руки обхватила запястье правой и с удивлением осознала, какая же требовалась сила, чтобы оставить такие отметины. Достаточно ли для этого повиснуть на железных цепях? Может ли человек сознательно пойти на такую боль ради своего освобождения?

Она дотронулась до маленькой, проступавшей на ее запястье косточки, вспоминая неожиданную, мучительную боль, которая прострелила всю ее руку, когда она нечаянно ударилась этой косточкой о край стола. Вероятно, когда пролегли эти шрамы, косточки у него на запястьях крошились от трения о металл.

- Вы носили наручники?

- Да, носил. - Он тут же опустил руки под воду, наклонил голову вперед, и она подумала, что он, вероятно, ищет кусок мыла, который она бросила ему в лохань несколько

минут назад. Мария не могла отделаться от мысли, что, кроме запястий, на теле у Ротгара Лэндуолдского было еще немало шрамов.

- Наручники... Это что, какой-то вид сакского религиозного ритуала?

Он, вздрогнув всем телом, очень быстро взял себя в руки, - только круги на поверхности воды могли выдать охватившее его волнение.

- Если вы себе представляете их как пару браслетов, то, вероятно, вам захочется их иметь как можно больше. Нет, норманны, которые с такой щедростью жаловали их мне, судя по всему, склонны украшать ими только запястья саксов.

- Норманны? Не может быть! Данстэн сам говорил мне, что только раз ударил вас по голове, а эти шрамы не могли появиться у вас на руках за одну ночь.

Он захохотал. Его смех был похож на короткий собачий лай, и в этот смех он вложил весь свой скептицизм.

- Вы не единственные норманны, которые раздирают, на куски Англию, миледи. Где я провел эти последние месяцы, как вы думаете?

- Ну, я .. - Мария осеклась. Она видела терзавший его холод, заросшие волосы, обстоятельства пленения, - все заставляло ее предположить, что он скрывался в лесах после катастрофы при Гастингсе, что мог даже оказаться среди тех саксов, один из которых нанес роковой удар ее брату Хью. Она сравнила свои наблюдения с тем, что заметила в последнее время: его удивительно хорошие знания норманнского языка, алчные взгляды, которые он бросал на свою прежнюю собственность, его нескрываемое очарование той плакавшей, прекрасной саксонской женщиной и малышом, назвавшим его отцом.

Человек такого склада вряд ли мог скрываться в лесах. Он бы этого не выдержал. Нет, его шрамы указывали на правду, просто вопили о ней. Несмотря на заверения отца Бруно в том, что этот человек не в состоянии выносить заточения, он, должно быть, провел последние месяцы в цепях, кандалах, в наручниках, его морили голодом и жестоко избивали ее соотечественники. Разве такой человек мог побудить свой народ в Лэндуолде смириться с норманнским правлением? Мария поняла, как рушится созданный ею план, как он разваливается, словно картонный домик.

- Вы бежали из плена?

- Бежал, - отозвался он и, вздохнув, опустил с головой в воду.

- За вами гнались?

- Трудно сказать. Я притворился мертвым, чтобы обрести свободу. Может, моя хитрость удалась и они считают, что я до сих пор гнию вместе с другими трупами в навозной яме. Зима в этом году, кажется, никогда не кончится. Голодные волки собрались вокруг горы мертвых тел. Я едва успел оттуда выбраться. Их острые зубы могли замести цепочку моих следов.

- Если бы вашим врагам, захватившим вас в плен, удалось обнаружить, что вас нет, они немедленно выслали бы за вами в погоню отряд рыцарей.

- И если учесть мое ослабленное состояние, я наверняка снова бы угодил в плен, - согласился с ней Ротгар.

- Значит, волки прикрыли ваш побег, но в результате вы попали в руки других врагов. Неужели вы так мало цените свою свободу, Ротгар?

Он замолчал, глубоко уйдя в себя. Между ними вновь возникла отчужденность.

- Мне очень мало известно о норманнской кухне, миледи, но мы, англичане, время от времени, во время праздников любим полакомиться розовой плотью рыбы, которая

водится в наших северных районах. Лосось - удивительная рыба. Представители этой породы весь год проявляют осторожность, ловкость и хитрость, но с наступлением весны начинают чувствовать непреодолимый порыв, влекущий их назад, к месту рождения. В такой период любой ребенок может ловить их прямо руками в неглубоких ручьях - настолько велико, всепоглащающе их стремление к родному дому.

- Значит, вы сравниваете себя с рыбой? Губы его тронула кривая улыбка.

- Почему бы и нет? С октября прошлого года какими только словами меня не называли.

Я отлично понимаю одержимость лосося.

Она вдруг увидела луч надежды.

- А этот ваш лосось, вернувшись домой и убедившись, что здесь все хорошо, может вернуться обратно в море, выражая свое удовлетворение тем, что другой, который любит эти края не меньше его, управляет всем вместо него?

- Рыба не обладает способностью мыслить, миледи.

- Но человек, попавший в подобную ситуацию, должен понимать все возможные последствия.

- Наконец-то мы подошли к главной причине моего купания здесь.

- Да, вы правы.

- Ну, вначале я еще немного поплескаюсь, а потом подведу черту подо всем, о чем мы с вами здесь говорили.

Мария кивнула. Кусок мыла легко мылился в его широких ладонях, и она, не отрываясь, наблюдала за тем, как он время от времени опускал его в воду, а затем проводил им по груди, оставляя на ней пенистые полоски.

- Трудно подобрать нужные слова в разговоре с вами, миледи.

Щеки у нее вспыхнули, когда он заметил, что она подглядывает.

- Мне кажется, вы вполне способны удовлетворить мою просьбу и больше не обескураживать меня.

- Ну ладно, спрашивайте.

- Я хочу, чтобы вы встретились со своим народом. Убедитесь лишний раз, что им ничего дурного не сделали. А потом скажите им, что теперь их правителем является Хью, что они должны добросовестно на него работать.

Наконец он отказался от всякого притворства.

- Не знаю, смогу ли я это сделать, - ответил он, и это было чистой правдой.

- Почему же? - спросила она. Как назло, Мария почувствовала, как подступают слезы.

Она не позволит ему дерзко ей перечить. Что бы на ее месте сказал в такой ситуации Хью, столкнувшись с таким упрямым глупцом?

- Если вы не можете этого сказать, то я велю надеть на вас наручники и вы останетесь в них до тех пор, пока вы этого не сделаете.

Эта угроза, как она сразу заметила, ничего не дала, лишь укрепила его решимость не оказывать ей никакой поддержки.

Ротгар, подавшись вперед, обеими руками ухватился за края лохани. Теперь оба его глубоких шрама находились у нее прямо перед глазами.

- Я хочу, чтобы вы знали следующее, миледи. Я на самом деле носил норманнские наручники, но это было самое слабое для меня испытание. И палач; придумывающий для меня различные пытки, никогда не слышал от меня ничего другого, кроме легкого стоны. Ваша просьба вырвет у меня сердце из груди. Так что дерзайте!

- Я вижу, что ошиблась, решив поговорить с вами, - сказала она сквозь зубы. Губы ее, казалось, окаменели от гнева. Она лихорадочно думала о том, что же предпринять, чтобы добиться его согласия, и в голову ей вдруг пришло имя Гилберта с его жестокими методами, которым она то и дело пыталась положить конец.

Она начала излагать перед ним идеи Гилберта, хотя все ее существо протестовало против этого.

- Ваша смерть - это всего лишь пустяк. Мне кажется, можно принести в жертву одного-двух кормильцев, чтобы их бездомные, умирающие с голоду, просящие милостыню вдовы и дети могли служить примером для других. Можно и проткнуть мечом одного-двух пискливых младенцев. Люди Хью ворчат, выражают свое недовольство, - если я отменю запрет на изнасилование, они снова начнут улыбаться и в животах сакских женщин будут расти дети норманнов. Со временем, я думаю, народ Лэндуолда образумится и сам придет ко мне с повинной.

Она испытывала острый стыд, заметив, с каким ужасом, с каким презрением он глядел на нее.

Она считала его холодным, таким далеким, но ледяная ненависть, появившаяся сейчас у него на лице, пугала ее.

- Я вылезаю из этой лохани, миледи, не то с меня слезет шкура и жители Лэндуолда, принимая меня за беспомощную старуху, не станут прислушиваться к тем словам, с которыми вы заставляете меня к ним обратиться.

Глава 6

Картины рыцарских турниров, ощущаемый на себе знакомый вес кольчуги почти пробудил Хью де Курсона ото сна. На какое-то мгновение его притупленный рассудок залил поток воспоминаний - точных, живых, ясных. Беззаботная, беспечная поездка по сельским весям Англии. Мария рядом с ним. Его самые надежные рыцари прикрывают его с тыла. А в кармане возле сердца лежит пергаментная бумага, которая свидетельствует о щедром, редком даре...

Свой дом.

И вдруг из лесу доносятся пронзительные вопли, выкатывается разношерстная толпа оборванных, пришедших в полное отчаяние людей, странный смуглый мальчишка, пытающийся закрываться рукой от занесенного над ним меча. Забыв о собственной безопасности, он хватает мальчишку, чтобы усадить к себе в седло, но в это время получает сильнейший, оглушающий удар по затылку...

А потом...

А потом...

Старая боль слилась с новой.

Лучше всего тихо посидеть, подождать, пока не пройдет.

Подождать прихода Марии, которая принесет горькую настойку.

Нужно подождать Марию.

Эдит, увидев, что Хью сидит, облачившись в боевую кольчугу, подумала, что он все равно никого не может утратить. Его руки в больших латных рукавицах неподвижно покоились у него на коленях, новый непродавленный шлем покрывал голову, а из-под низко опущенного забрала сверкали его умоляющие, любопытные глаза.

Почему же в таком случае у нее так сильно забило сердце? Эдит объясняла это тем, что, несмотря на его миролюбивую внешность, она все же боялась его.

- Для чего вы надели на него все доспехи? - поинтересовалась она у оруженосца, который прикреплял железную ячеистую сетку от шлема к его спине. Фен не сводил с него внимательных глаз.

- Далеко не все, миледи. На нем лишь кольчуга и шерстяные штаны, так что мы легко посадим его в седло.

- Куда же он намеревается сегодня ехать? Она заметила настороженный взгляд, брошенный на нее рыцарем, никогда прежде она не интересовалась делами Хью. "Все это происки Гилберта", - предупреждал ее внутренний голос, напоминая ей о данном этому рыцарю обещании передавать обо всем, что происходит в этих покоях. Она не стала бы его упрекать, если бы он немедленно отправился сообщить о проявляемом ею интересе Марии, но он все же сказал после минутного колебания:

- Леди Мария приказала подготовить его для посещения строительной площадки, где возводится замок.

"Может", - подумала Эдит, - ей удалось заметить нечто большее, чем она себе предполагала. Она теперь вспоминала, что несколько раз, когда у Хью еще было достаточно сил, чтобы прогнать на некоторое время терзавших его мозг демонов, Мария демонстрировала его сакскому населению. Однако никогда прежде он не выезжал в латах.

Хотя многие норманны были ниже ростом по сравнению с саксами, такие рыцари, как Хью, сумели развить громадную силу в плечах и предплечьях. Кроме того, в боях верхом они наращивали мышцы бедер. Надраенная до слепящего блеска кольчуга Хью усиливала общее впечатление и подчеркивала его силу.

В течение долгих, заполненных одиночеством месяцев она в дневное время обычно игнорировала присутствие Хью. Всеми его нуждами занимался Фен, не получая от нее никакой помощи, но этот странный мальчик, судя по всему, не жаловался. Только лишь в присутствии ее самой или Марии он выносил возле своего любимого господина норманнского рыцаря или оруженосца. Каждую ночь она ложилась рядом с ним в кровать, но приготовленная Марией целебная доза вызывала у него глубокий сон и он фактически становился бесчувственным ко всему, и у Эдит не было необходимости, как прежде, забиваться в дальний угол постели, поворачиваться к нему спиной, чтобы только не видеть внушающего ей отвращения его лица.

Сегодня он выглядел совсем иначе, и, кажется, ей было трудно отвести от него глаза. Казалось, это блестящий, звенящий металл полностью овладел ее воображением, распаяя его все больше. Не скрывая удивления, Эдит двумя руками сдвинула его рукав, пытаясь выяснить, что же было тверже, - кольчуга или же скрывающийся под ней железный комок мускулов.

Оруженосец недовольно нахмурился.

- Отойдите подальше, миледи. Вы знаете, каким непредсказуемым может быть его поведение, когда он не получает своей обычной дозы.

Но он явно опоздал со своим предостережением. Мгновенным движением руки Хью схватил ее за запястья. Она вскрикнула скорее от страха, чем от боли, ладонь у него была широкой, а ее рука у запястья такой узкой, что свободно болталась в его железной лапе. Но Хью сидел неподвижно, словно прирос к своему месту, его пальцы в железных перчатках обхватили ее запястье, не позволяя выскользнуть ее руке. Она попыталась ее выдернуть, но он даже не пошевелился. Упершись локтем о бедро, он сильно сжимал ее руку своей. К ним неслышно подошел Фен и осмотрел со всех сторон хватку Хью. Он дотронулся своим

маленьким пальцем до ее руки, и затем вновь исчез.

- Позвольте, я попробую, - предложил оруженосец. - Все его усилия разжать стальные пальцы Хью ни к чему не привели, более того, Хью подтащил к себе еще ближе Эдит, и она была вынуждена сесть, покраснев до корней волос, рядом с ним на грубую деревянную скамью. После этого Хью снова застыл, на его теле не дрогнул ни один мускул, казалось, что перед ней находится каменное изваяние.

- Я приведу леди Марию.

- Погодите.

Затаив дыхание, Эдит прислушивалась, пытаясь уловить короткий выдох Хью, который каким-то образом передавал его чувство всеохватывающей тоски. Его пальцы вдруг сильнее сжались, затем снова обмякли; потом он обхватил ими запястье Эдит, словно браслетом гораздо большего размера. Теперь она находилась в пределах его досягаемости, она чувствовала холод его чешуйчатой перчатки, эти мириады кружков и узелков, царапавших теплую чувствительную кожу на ее запястье.

Она заметила, что хотя ее бедра находились на одном уровне с его бедрами, ее колени доставали лишь до их середины, а ее плечо находилось где-то посередине между его шеей и локтем руки, но она не испытывала страха из-за того, что казалась такой маленькой перед ним. Она потянула назад руку чуть сильнее и почувствовала, что нижняя часть ладони прорывается из кольца его железных пальцев.

Наконец ей удалось выпростать руку.

- Хью!

Она вдруг осознала, что его имя, которое она только что прошептала, стало первым словом, с которым она непосредственно обратилась к своему мужу.

Он не ответил.

Она вглядывалась в его лицо, пытаясь взором проникнуть через тень, отбрасываемую шлемом. Как странно, но она никогда прежде не замечала его глаз, широко открытых, темных с золотистыми крапинками, как и у его сестры. Но у Марии они никогда не отражали невысказанную боль, замешательство, не выразимую словами печаль, которые она видела в этом упершемся в одну точку немигающем взоре. Эдит вдруг почувствовала безотчетное желание распустить волосы, накрыть ими своего мужа, как это она делала прежде не раз, чтобы оградить его от демонов, терзавших его мозг.

Во всяком случае, она получила воспитание в монастыре, среди монахинь, и в ее обязанности входит оказание помощи больным.

- Не нужно беспокоить миледи Марию, - сказала Эдит, обращаясь к оруженосцу. Положив свою руку на колени Хью, она еще теснее прижалась к нему. - Мы с мужем подождем, куда она не освободится.

- Вы в этом уверены, леди? - спросил оруженосец. - Слова сомнения, выражающие неудовольствие и нешуточное удивление, вот-вот были готовы сорваться у него с языка. Он не вышел из комнаты, а, взяв в руки запасной рукав от кольчуги, начал надраивать его железные ячейки, продолжая бросать долгие косые взгляды в сторону этой пары.

Эдит не обращала на него никакого внимания. Она сидела рядышком со своим тихим измученным мужем и старалась убедить себя в том, что об этой молчаливой идиллии не стоит сообщать сэру Гилберту.

- Он сбежал. - Гилберт схватил за руку Марию на ходу, когда она торопливо проходила мимо, вероятно, спеша переодеться в сухое платье. Охвативший его гнев из-за побега Ротгара

даже пересилил его раздражение из-за того, что она так бесцеремонно вырвала руку, словно его прикосновение ее оскорбляло. Мария, я говорю, сакс сбежал.

- Ротгар? Нет, он...

- Его нигде нет.

Мария, оглянувшись, хотела было снова возразить, - ее губы раскрылись в малоприметной умиротворенной улыбке, за которой обычно следовал словесный поток, который всегда оказывал смертельное, словно удар мечом, воздействие на него. Гилберт, в свою очередь, улыбнулся. Наконец-то ей не избежать дурацкого положения, если только она начнет отрицать то, в чем он был уверен наверняка.

Он отцепил от пояса бурдюк из козлиной кожи, который он обнаружил в куче прелого сена и навоза в курятнике, и грохнул им об пол у ее ног. Она тут же отвернулась от ударившей ей в нос вони, а Гилберт решил до конца воспользоваться представившейся ему выигрышной возможностью:

- Это он оставил здесь, предприняв неуклюжую попытку его спрятать. Кто-то в деревне заодно с ним плетет сети заговора против нас.

- Нет, Гилберт, он...

- Нам необходимо отыскать человека, кому принадлежит этот бурдюк. Мы обыщем всю деревню, пока не найдем того, кто выпустил его на свободу. После чего мы...

- Гилберт, это сделала я сама.

Он лишь разинул рот.

Она поспешила все ему объяснить:

- Это я увела его из курятника. А теперь он ждет меня в алькове. Он только что помылся.

- Значит, это вы забрали его из курятника?

- Да. - На ее лице появилось упрямое настырное выражение, которое бросало ему вызов, побуждало попробовать осудить ее поступок. Он чувствовал, как у него закипает гнев, - он разгорался еще больше от ее опрометчивого содержания пленника и того неловкого положения, в которое он попал, представ перед всеми последним дураком.

Сзади к ним подошел Филипп Мартел, - он ткнул пальцем в бурдюк.

- Уж не хотели ли вы с помощью этого облегчить условия его пребывания среди нас? Гилберт утверждает, что это свидетельство хорошо организованного заговора, Мария.

Когда Гилберт с размаху бросил бурдюк к ее ногам, он почувствовал мрачное удовлетворение от того, что она, сделав шаг назад, стояла перед ним, не зная, что ответить. Потом она прошептала:

- Да. Это я ему его дала. - Казалось, ей пришлось предпринять над собой дополнительное усилие, чтобы преодолеть нахлынувшую на нее временную слабость. - Никакого заговора нет. К нам приехал священник, и Ротгар пообещал поговорить с крестьянами от имени Хью.

- Значит, этот сакс только что вылез из лохани, а платье почему-то мокрое у вас. - Кровь прилила к лицу Гилберта, когда он вдруг представил себе, как Мария, распустив до пояса свои прекрасные волосы, моет этого сакса в лохани. Я должен довольствоваться вниманием какой-то кухонной неряхи, а вы в это время награждаете его привилегией, полагающейся лишь почетным гостям?

- А мне принесли всего глоток зля! - обиженно надулся Филипп.

В раздражении Гилберт оттолкнул оскорбленного Филиппа к стене.

Он давно хотел овладеть Марией - с самого первого раза, как увидел ее, когда он еще был неразлучным другом Хью де Курсона. Его желание объяснялось лишь иллюзиями, свойственными юности; он не ожидал никакого ответного чувства, - ее красота и прекрасный характер, конечно, станут достоянием в будущем богатого и могущественного представителя знати.

Однако ее брак с Ранульфом, человеком безземельным и лишенным всяких перспектив на будущее, как и он, Гилберт, огорчил его душу и сердце, он осыпал себя упреками, обвиняя в том, что у него не хватило мужества заговорить с ней об испытываемых к ней чувствах. Все могло быть по-другому. Боже, какие страдания доставляли ему эти ее четыре года замужества! И как он тайно радовался смерти Ранульфа, но, несмотря на это, она по-прежнему оставалась такой же далекой от него, такой же не замечающей его присутствия, как и всегда. Когда Хью получил этот страшный удар, она могла обратить на него внимание, но в этот момент этот сукин сын Уолтер явился вновь на службу к Хью, чтобы воспользоваться щедростью Вильгельма. Она не прислушивалась к его предостережениям, когда он намекал, что длительное отсутствие Уолтера на рыцарской службе, вероятно, имели под собой весьма подозрительные основания. Но она все равно тянулась к старику, словно к своему давно умершему отцу, и не желала слышать о нем ничего дурного.

Но Гилберт всегда желал обладать Марией, хотел он этого и сейчас, хотя характер такого желания изменился. Если прежде он в своих фантазиях мечтал о том, как будет ее лелеять, защищать, то теперь мечтал о том, как укротит ее дух, подчинит ее волю своей, как будет издеваться над ней и унижать до тех пор, пока она сама не изопьет той горькой чаши, из которой потчевала его долгие годы.

- Он поможет Хью, Гилберт!

- Неужели? Может, в таком случае он уже рассказал, где искать пропавшие сокровища Лэндуолда, а?

Когда она ушла в глухую защиту, без слов давая ему понять, что из уст Ротгара не услышала даже никаких намеков на это, в голове Гилберта вдруг эхом прозвучало данное ему Данстэном обещание оказать ему при необходимости поддержку. Он, конечно, не намеревался рассказывать ей об этом до времени. Присутствие здесь сакса мучило его, терзало его мозг воспоминаниями о том, как старательно вытягивали шеи жители Лэндуолда, чтобы только краем глаза увидеть Ротгара, как вспыхивала Мария при одном упоминании об этой свинье. - Я начинаю сомневаться, что кто-то способен помочь Хью. И вообще, хочется спросить, достоин ли он помощи?

- Вильгельму совсем неинтересно слушать о том, как его рыцари грызутся друг с другом, - вмешался в разговор Филипп.

Гилберт хмыкнул, заметив, как вздрогнула Мария от их слов, как тяжело вздохнула.

- О чем вы говорите?

Теперь уже в ее голосе не чувствовалось обычной самоуверенности, и Гилберт приходил в возбуждение от мысли, что всего нескольких его слов хватило, чтобы добиться от нее такой трансформации. Это вновь обретенное чувство власти над ней смягчило охвативший его гнев. Может, все же лучше держать пока в тайне истинные масштабы его тщеславных замыслов.

- Вы должны всегда помнить, Мария, - сказал он, произнося особенно ласково ее имя, не скрывая своего намерения позлорадствовать и высмеять ее, - кто помог вам с этой увенчавшейся успехом уловкой. И помните - ваш постоянный успех в будущем зависит от

моего с вами сотрудничества, а не от бляения этой едва не кастрированной сакс-кой овцы.

Демонстрируя свою гордость и силу, которые так очаровывали и приводили в ярость Гилберта, Мария сказала:

- Я все отлично запомню, сэра Гилберта. Резко повернувшись, она зашагала прочь. "Эта стерва все же хочет, чтобы последнее слово оставалось за ней". Гилберт подавил в себе яростный вопль. Ему удалось обратить его в противный злобный смешок, но за ним последовал поистине веселый взрыв смеха, когда он понял, как слегка оступилась Мария.

Ротгар с любопытством разглядывал разорванную тунику, которую ему вручил норманнский оруженосец после купания. Мария уже копалась прежде в его гардеробе, чтобы одеть его, почему же на сей раз не выбрать что-нибудь попримечательнее, более соответствующее важности поставленной ею перед ним задачи? Потом он увидел осла, на котором, по мнению Марии, ему предстояло добираться до строительной площадки. Если влезть на него, то потребуется человек с острым зрением ястреба, чтобы различить, где кончается вылинявшая, однообразная серая шкура осла и начиналась вылинявшая его туника.

Рядом с ослом переминалась красивая кобыла. Рядом с ней стояла Мария, поглаживая ее мягкую морду, и что-то нашептывала ей на ухо. Громадный жеребец, опустив голову до земли стоял в одиночестве, раздувая бока, весь покрытый потной пеной. От сильного переутомления он с трудом держался на дрожащих ногах и был явно неспособен понести седока. Мария, подойдя к жеребцу, мягкой ладонью погладила его по шее. Сэр Уолтер и сэр Стиффэн, сжимая порученное им оружие, вели Хью де Курсона к изнуренному коню. Фен бежал впереди них трусцой задом наперед, не спуская глаз со своего господина. Уверенными, ловкими движениями, которые говорили об их давнем знакомстве со своими обязанностями, рыцари, расправив затекшие члены Хью, просунули его ногу в стремя, затем, подтолкнув, поддержали до тех пор, покуда он не сел в седло и не выпрямился. Несмотря на привычную работу, они оба тяжело дышали и взмокли не хуже лошади.

Уолтер передал поводья жеребца в руки Хью. Он сразу расслабился, словно какой-то глубоко затаившийся у него в поврежденном мозгу импульс заставил его почувствовать под собой боевого коня.

- Да нельзя же... - Ротгар постарался подавить в себе протест из-за дурного обращения с жеребцом. В конце концов, не его это дело, достаточно было вспомнить перечень тех чудовищных преступлений, которые по приказу Марии собирались совершить норманны в отношении жителей Лэндуолда, чтобы понять, с какой одинаковой жестокостью они относились и к людям, и к животным.

Но, вероятно, Мария услышала его слова.

- Нечего беспокоиться о коне, Ротгар. Его дух еще далеко не сломлен. Мне очень жаль, что пришлось его так погонять, но и в противном случае на него нельзя было бы посадить Хью. Фен за всем внимательно следит. У него поразительное чутье в отношении лошадей.

Откуда-то из складок своей туники она извлекала тонкую и мягкую кожаную полоску и, прикрепив ее к уздечке кобылы, с помощью оруженосца забралась в седло.

Уолтер со Стиффэном тоже вскочили в седла, удерживая с натренированной легкостью копыта под мышкой, - их смертоносные жала были направлены в сторону Ротгара, словно они опасались, как бы его жалкое средство передвижения не ускакало прочь.

- Ну, поехали, - крикнула Мария, натянув кожаную полоску. Медленным шагом, вероятно, чтобы не досаждать и без того изнуренному жеребцу, небольшая кавалькада выехала со двора дома Лэндуолда.

"Какую живописную картину представляем мы собой", - размышлял Ротгар. Новый владелец Лэндуолда ехал довольно легко, голову держал прямо, его могучий конь,

спотыкаясь, покорно шествовал за сидевшей в седле женщиной. Лесной эльф Фен носился взад и вперед, словно вымеряя расстояние между Хью и норманнскими рыцарями. Поднятое облако пыли осело на Ротгаре и его осле, еще в большей степени оттеняя скучный серый цвет, свойственный и тому, и другому. Голова передвижного средства Ротгара доходила до шеи лошадей норманнов, а их уверенная поступь, виляющие широкие зады, заставляли осла время от времени переходить на трусцу, чтобы не отставать от неуклюжего шага лошади Хью. С каждым подпрыгивающим шагом хребет осла больно вонзался в промежность Ротгара, резкой болью отзываясь в позвоночнике, - такое неудобство заставляло его крепче стискивать зубы, но он не мог этого долго делать, опасаясь, как бы вообще не остаться без них, если вдруг осел угодит ногой в яму. Прислушиваясь к этому мрачному приглушенному цокоту копыт, он раздумывал, как будет совершаться насилие над его родным Лэндуолдом.

Он увидел его в тот день, когда его снова поймали, и он уже должен был привыкнуть к этим звукам. Но от вида, который открылся перед ним, когда они въехали на невысокий холм, с такой силой сжалось его сердце, что он был вынужден ухватиться за гриву осла, чтобы не упасть. Несчастное животное встрепенулось, истошно завопило и взбрыкнуло в знак протеста.

- А вот и строительная площадка, - сказала Мария, когда ему наконец удалось справиться с возмущенным животным.

- Вы выбрали неплохое место.

Слова эти дались ему нелегко. В Лэндуолде были сосредоточены, в основном, равнинные земельные участки. Норманны случайно обнаружили невысокий, возвышавшийся над другими холм и заставили покоренных ими англичан трудиться, как рабов, что было отлично знакомо каждому, кто провел немало времени за подобным рабским трудом в таких же, по сути, обстоятельствах.

Подосху холма обнесли веревкой для ориентировки, от нее чуть подалее его окружала другая. Между ними пятнадцать или двадцать человек, стоя по грудь в земле, рыли котлован. Трудно было назвать их точное число. Они бросали через плечо лопатами землю, а мальчишки собирали ее в ведра и быстро затаскивали на вершину холма, который был очищен от леса и зеленых зарослей. Там другие мальчишки передавали им пустые ведра взамен, опрокидывая свежерытую землю на медленно растущий холм.

Казалось, на вершине холма собрались все жители Лэндуолда. От самой старой старухи до ребенка, способного без помощи других стоять на ногах. Они притаптывали ногами свежую землю, утрамбовывали ее лопатами, какими-то другими неведомыми ему инструментами, которые были сделаны из плоского куска дерева с круглой дырой посередине, что позволяло человеку поднимать это приспособление и бросать вниз с большой силой.

Казалось, что вспарывают самую кожу Лэндуолда, а его свежееободранная плоть кровоточит чернотой под лучами слабого зимнего солнца; казалось, высыпавшаяся из ведер земля, потоком устремлявшаяся вниз по бокам холма, была густой черной кровью Лэндуолда.

"Мотте" - так называли норманны создаваемый таким образом курган. "Как это все чудовищно", - подумал Ротгар. Внутри у него прижилось глубокое чувство утраты, но вместе с тем он еще тайно, бессмысленно надеялся, что вернет себе Лэндуолд. Какой же он глупец! Он проклинал себя, не отрывая глаз от свидетельства полного господства норманнов над

тем, что когда-то принадлежало ему.

- Сам Хью подыскал это место и сделал всю разметку, - объяснила ему Мария. Они продолжали медленно ехать к строительной площадке.

Ротгар бросил скептический взгляд на молчаливого норманнского рыцаря, который ехал на лошади рядом с ним.

- Да, это он, - повторила Мария, словно стараясь убедить его в возможности такого странного неведомого ему представления.

- Не нужно убеждать меня, миледи. Ведь я согласился говорить с народом от его имени. - Его губы, словно одеревенев, отказывались выговаривать даже эти простые фразы, - как же ему будет трудно отыскать слова, которые он обещал Марии произнести.

- Я думала... - Я заметила, как вы весь изменились в лице, увидев эти работы; и сразу поняла, что эти места вам куда дороже, чем нам, что вы их любите и должны поэтому получить соответствующие разъяснения.

Любовь? Что могли знать эти норманнские узурпаторы о любви к английской земле? Особенно, когда эти слова исходили из сладких уст той, которая только совсем недавно грозила смертью и пытками тому самому народу, о любви к которому она теперь толкует.

- Меня интересует только обещанная мне свобода после того, как я выполню взятое на себя обязательство, - больше ничего.

Мария проигнорировала замечание Ротгара.

- За это может поручиться Уолтер. Он сопровождал моего брата, когда Хью впервые приехал в Лэндуолд в ноябре, месяц спустя после замечательной победы, одержанной Вильгельмом при Гастингсе.

Славная победа для одного рыцаря означала позорное поражение для другого. В ноябре, когда беззаботный Хью де Курсон галопом носился по английским землям, он, Ротгар умирал с голоду, прикованный цепями к своим несчастным товарищам, которые не оказались такими проворными и не скрылись в лесах, когда разгром их норманнами стал вполне очевидным.

- Тогда Хью был самим собой и обладал великим стратегическим искусством, продолжала Мария. - Вильгельм отправил его осмотреть Лэндуолд и Кенуик, объяснив ему, что намерен подарить эти поместья одному из своих самых преданных рыцарей. Он попросил Хью найти наиболее удачную в оборонном отношении местность и провести границы, чтобы новый владелец мог приступить немедленно к обустройству. Когда Хью вернулся, то не смог воздержаться от восхвалений Лэндуолда и, по сути дела, был готов лопнуть от зависти перед тем человеком, которому предназначался сей щедрый дар.

Даже Уолтер, казалось, был в восторге от Лэндуолда. И тогда Вильгельм сказал, обращаясь к Хью:

- Старательно ли вы искали эти земли, Хью.., сеньор Лэндуолдский? - Мария улыбнулась. - Хью должен был догадаться. Вильгельм всегда любил пошутить с Хью и был очень щедр.

- Мне он представляется совершенно иным, - возразил Ротгар.

До этой минуты здоровый, розоватый цвет на щеках Марии можно было объяснить их прогулкой по хрустящему, пронизанному солнечным светом воздуху. Но от его слов она еще больше покраснела. Бросив быстрый взгляд на его шрамы, она изменилась в лице. Только сейчас она осознала, что она хвасталась удачливой судьбой своего брата перед человеком, который позволил ей осуществиться, утратив при этом свою.

Как просто было бы ее сейчас возненавидеть. Но Ротгару тем не менее приходилось подавлять в себе желание прикоснуться к ней, заверить ее в том, что эти земли все равно были конфискованы, независимо от того, кто из рыцарей был избран в качестве счастливчика, воспользовавшегося щедростью Вильгельма.

Что же он был за человек, который ехал рядом с ней, униженный выбранной ею для него тусклой рваной одеждой, позорного передвижного средства, насильно принуждаемый ее отвратительными угрозами произносить слова, которые застревают у него в глотке, и одновременно с этим чувствовать, как растет его восхищение этой женщиной, как крепнет к ней интерес, не имеющий никакого отношения ни к нему, как пленнику, ни к тем, кто его пленил, интерес, проявляемый только мужчиной к женщине.

- Когда был ранен ваш брат? - спросил Ротгар, пытаясь развеять черные мысли.

Его хитрость не удалась. Благодарный взгляд, брошенный этими теплыми, золотисто-кариими глазами, лишь еще больше разжег пламень его желания, лишь усилил, а не ослабил его чувства от ее присутствия здесь.

- Перед Рождеством, когда мы ехали вместе, чтобы поселиться в Лэндуолде, на наш отряд напали разбойники. Это были люди, которые постоянно жили в лесах, умирая с голоду; они были одеты в какое-то рваньё. Мне показалось, когда я впервые увидела вас, что и вы из их числа.

Ротгар уже пожалел о своем признании, что он был взят в плен и обращен в раба. Пусть лучше она думала бы о нем, как о разбойнике, хотя он не понимал, почему ему этого хотелось.

- Ну а где же были ваши охранники? Вы же не могли путешествовать в одиночку по только что завоеванным землям?

- Конечно, нет. Уолтер прежде совершил сюда несколько самостоятельных поездок, чтобы определить наиболее безопасный для нас маршрут. Уолтер ехал с нами, и Гилберт с Данстэном, и Стиффэн, все оруженосцы и пажи. Вы всех их здесь видели. Даже этот негодяй Филипп сопровождал нас, оказывая тем самым услугу и Вильгельму, так как дарованные ему земли лежали по соседству с Кенуиком, а у Филиппа мало собственных рыцарей. Но все казалось таким мирным, был такой приятный денек, нам с Хью было так легко на душе, мы были так счастливы, так взволнованы тем, что у нас наконец появится собственный дом. Мы с ним ехали впереди, остальные сзади.

- И что же произошло потом?

- Потом все они, выскочив из лесу, начали бить нас дубинами и забрасывать камнями. Рыцари устремились к нам на помощь, но один из этих хулиганов все же успел нанести сильнейший удар Хью по затылку, когда он свесился с седла, чтобы спасти маленького Фена. Те из них, кто несли прямую ответственность за организацию этой вылазки, понесли строгое наказание, а Хью с тех пор пребывает вот в таком жалком состоянии.

Ротгар промышал что-то нечленораздельное, вероятно, в знак того, что он все понял, хотя эта история его несколько озадачила. Он сам орудовал тяжелой дубиной и бросал камни во время битвы с норманнами при Гастингсе и знал, насколько ограничены рамки действия такого оружия. Только человек гораздо сильнее его самого мог проломить крепкий шлем Хью де Курсона каким-то иным неметаллическим оружием. К тому же рыцарь получил ранение сзади, когда четверо вооруженных рыцарей должны были прикрывать его с тыла...

"Я бы не отходил от нее ни на шаг, чтобы избавить от подобной опасности", - подумал

Ротгар, чувствуя как его всего наполняет нежность к Марии, как обостряется в нем желание защитить ее. Ему было не по себе от одной мысли о том, как Мария в ужасе прижималась к лошади, окруженная озлобленными, впавшими в отчаяние саксами. Однако ей удалось избежать ранения, а ее брату - нет. На протяжении этих долгих месяцев ей успешно удавалось обманывать всех, скрывать от нового английского короля и даже крестьян Лэндуолда правду об истинном состоянии хозяина поместья, а он, Ротгар, в это время скитался, попадая из одного норманнского плена в другой. Чистое безумие ожидать от нее, что она потребует защитить его.

Они уже подъехали достаточно близко, и он мог различить лица работавших крестьян, которые, узнав его, побросали тут же свои инструменты и побежали ему навстречу. Хотя ему не терпелось увидеть эту картину, хотя он не мог оторвать глаз от этих хорошо ему известных любимых лиц, он отдавал себе отчет в том, что Мария по-прежнему едет на своей кобыле почти рядом с ним. Они с Хью со своими двумя охранниками немного отстали, когда крестьяне обступили его, ожидая от него ответа, избавления, - на их лицах, за видимыми улыбками, скрывалось необычное лукавство.

Как это ни странно, но он сумел все же оторвать взгляд от жителей Лэндуолда и еще раз посмотреть в сторону Марии.

Она стойко, не таясь, встретила его взгляд. Ему хотелось знать, о чем она думает в эту минуту, не считает ли, что он обманывает ее, не станет ли говорить от имени Хью. Казалось, она глядела на него, не отрываясь со спокойной уверенностью, словно понимая всю трудность той задачи, которая стояла перед ним и, как это ни глупо, даже жалела о своем замысле, в результате которого он приехал сюда.

Он повернулся спиной к народу, умоляя небо придать ему сил, чтобы сказать крестьянам то, что он должен был сказать, не заикаясь и не показывая им, как трудно ему дается выполнение данного обещания. Хотя он предпочел бы скорее умереть от рук норманнов, чем выдавить из себя слезу, он вдруг осознал, что его желание сохранить стойкость имеет крайне мало общего с ролью человека, утратившего все и стремящегося в то же время спасти свой народ.

Сейчас неважно, что о нем подумают люди. Он хотел быть перед Марией настоящим мужчиной.

Глава 7

Мария тщательно разработала свой план. Появление Хью во всей его силе и величии в компании смиренного Ротгара должно было продемонстрировать народу Лэндуолда незыблемость нового порядка. И хотя Хью гордо восседал на своем великолепном коне в его доспехи сверкали на солнце, делая всю его фигуру еще более импозантной, жители Лэндуолда почти не обращали на него внимания, - оно все было поглощено Ротгаром.

Побросав инструменты, они подбежали к нему, окружили, все потянулись к нему, как пчелы к родному улью. Он слез с осла, постоял среди них; она не спускала с него глаз. Его коротко стриженная голова возвышалась над другими, а солнечные лучи отражались от его коричнево-рыжеватых с золотым отливом волос.

- Может, стоит подъехать поближе, миледи? - поинтересовался Уолтер. - Он может там рассказывать им всякие небылицы.

В этот момент Ротгар бросил на нее взгляд через плечо. До него было довольно далеко, значит, она лишь, позволив разыгаться своему воображению, представляла его горящие от уязвленной гордости глаза, которые без всяких слов говорили, что, несмотря на боль в

сердце, он выполнит свое обещание. У нее стало горько во рту при воспоминании о тех угрозах, к которым она была вынуждена прибегнуть, чтобы заручиться таким обещанием.

- Он дал слово, Уолтер, - ответила она рыцарю. - И я ему доверяю.

- У вас так же поврежден рассудок, как и у брата, - съязвил Филипп. Разве можно доверять англичанам? Особенно саксам?

- Филипп! - Грубый окрик Уолтера привел их всех в замешательство. - Не смей разговаривать в таком тоне с миледи! Кроме того, не забывай, ты теперь тоже землевладелец и должен понимать, до каких пределов можно идти, чтобы не навредить самому себе. - В голосе ворчливого рыцаря чувствовалось уважение к Ротгару. Он молча продолжал наблюдать за ним.

Они сидели на лошадях, - она вместе с рыцарями, - и хранили полное молчание, как и Хью, прислушиваясь к невразумительным перешептываниям в толпе. Время от времени глубокий, богатый полутонами голос Ротгара брал верх, вызывая громкие крики одобрения в толпе, которая тут же пыталась еще больше приблизиться к нему, чтобы все могли слышать его слова.

"Вполне естественно с моей стороны, - убеждала она себя, - постараться узнать, что он им сказал"? Он был ее враг, несмотря на безотчетное доверие к нему. И так как он был враг, она была уверена, что лишь вражда, а не какие-то иные чувства заставили учащенно биться ее сердце, когда он наконец вышел из толпы и направился к ней.

Концы туники развевались при ходьбе, напоминая ей вновь о его лишениях, заставляя ее еще раз устыдиться своего полного невнимания к его элементарным удобствам. Ведь она не позаботилась даже о том, чтобы ему принесли плащ, или хотя бы как следует накормила перед встречей с народом. Она тронула рукой привязанный к седлу небольшой узел, подумав о тех деликатесах, которые она хотела передать ему после того, как он выполнит данное ей обещание. Слава Богу, хоть об этом она не забыла. Большой кусок совсем нежирной ветчины, свежее испеченный хлеб, твердый сыр отличного качества, бурдюк лучшего лэндуолдского, настоянного на одуванчиках вина. Все это, бесспорно, такая малость по сравнению с той ролью, которую он взял на себя.

Сорвав на ходу несколько пучков высохшей травы, он подошел к жеребцу Хью и протянул корм. Он стоял, опустив голову, наблюдая за тем, как конь облизывал подарок.

Все жители Лэндуолда не отрывали от него глаз, казалось, воздух вот-вот взорвется от перенасыщенного напряжения.

- Вы должны понять, - сказал Ротгар дрожащим от нахлынувших на него эмоций голосом, - что эти люди ничего не знают о масштабе тех перемен, которые принес в Англию ваш щедрый, наделенный чувством юмора король Вильгельм. Я сказал им все, как меня просили, но они выражают абсолютно нереальную уверенность в моей способности восстановить здесь все так, как было прежде.

Выходит, Гилберт был прав. Его попытки заручиться доверием крестьян по отношению к Хью были обречены на неудачу с самого начала. Разочарование как ножом резануло ее по сердцу.

- И не следует осуществлять свои угрозы, - продолжал он бесстрастным тоном, словно эти слова пришли ему в голову только на обратном пути. - Они ничего не знают, но я придумал, как можно продемонстрировать английское подчинение норманнским владыкам.

Жеребец толкнул его мордой в руку, требуя еще травы, а Ротгар Лэндуолдский в эту минуту опустился на одно колено перед Хью.

Из груди Марии вырвался непрошенный вопль возмущения. Истинно кающийся грешник склонил бы на его месте голову, может, даже весь сжался бы от услужливой покорности, но Ротгар стоял на колене прямо, словно у него вместо позвоночника был вставлен кусок норманнского копья.

Он смотрел прямо впереди себя, туда, где возле дома в Лэндуолде поднимался дым от костров; он был бледен, словно человек, страдающий от приступов лихорадки, на его щеках играл лишь легкий румянец. Его такие голубые, такие живые глаза, казалось, замерли от мрачного отчаяния, он тяжело и хрипло дышал, словно сейчас ему требовались все силы, вся его выдержка.

Филипп негодуяще фыркнул, а другие рыцари отвели глаза в сторону.

Ротгар хорошо знал свой народ. Громко шаркая ногами, перебрасываясь почти не слышными, полными разочарования фразами, они поднимали брошенный инструмент и отправлялись на рабочие места.

Как ей хотелось в эту минуту дотронуться до него, протянуть ему руку, чтобы помочь встать на ноги, но она была уверена, что любое, по его мнению, унижение по отношению к нему могло лишь еще больше ожесточить его сердце, еще сильнее настроить его против нее. "Ты не должна этого делать", - подсказывал ей внутренний голос, и она вдруг вспомнила предложение Бруно о браке.

Голос Уолтера разорвал напряженную тишину.

- Поднимитесь, господин Ротгар. Вы достигли поставленной цели.

Ротгар встал, и его легкое, стремительное движение продемонстрировало всем, что его колено, на которое он перенес весь свой вес, отнюдь не занемело. Мария пыталась заглянуть ему в лицо, чтобы убедиться, что жест уважения по отношению к Хью не вызывал больших усилий с его стороны, но сейчас он все свое внимание обратил на Уолтера.

- Они вас никогда не поймут, если вы будете сравнивать с землей их хижин, - сказал он тоном человека, который лично видел, как это делается.

- Это было необходимо для того, чтобы построить новые, поближе к замку. В таком случае их будет легче защищать. У новых хижин будет хорошая соломенная кровля, они будут значительно прочнее.

- Вам следует самим объяснить эти причины, и сообщить им, что вы позаботитесь о том, чтобы весь их скарб перенесли на новое место.

Уолтер, слегка пожав плечами, бросил взгляд на Марию, словно хотел сказать в ответ на просьбу Ротгара, что ему с этим лучше обратиться к ней. Мария дала ему знак отвечать самому.

- Да у них и вещей-то никаких нет, - сказал Уолтер. - Несколько грубо сколоченных табуреток, деревянные пни, служащие им вместо стола, соломенные тюфяки.

- Может, в представлении норманнов это и мало, но все эти вещи имеют весьма важное для них значение.

- Мы проследим за тем, чтобы они сохранили все, что имели до этого, пообещал Уолтер. - Можете не беспокоиться на сей счет.

- Прошу вас, сэр Уолтер, скажите им обо всем этом, - сказал Ротгар, оглядываясь на своих крестьян. Он глядел на них так, как глядит умирающий с голоду человек на пирог, который поставили остывать у него перед глазами, но до которого ему не дотянуться. - У меня больше нет сил снова смотреть им в глаза.

Резкий, пронзительный крик ястреба, парившего высоко в небе, на какое-то мгновение

приглушил удары трамбовщиков на строительной площадке. Жеребец вновь ткнулся носом в ладонь Ротгару, и он тут же наклонился, чтобы нарвать для него травы, словно обрадовавшись этому занятию.

- Вы забыли про осла.., ведь вам на нем ехать, - сказала Мария. - Хотите, Стифэн сейчас вам его приведет.

Молодой рыцарь прищпорил было свою лошадь, чтобы выполнить ее просьбу, но Ротгар предупредительно поднял руку.

- Нет, не стоит. Я отправлюсь на своих двоих, - сказал он, протягивая очередной пучок травы жеребцу.

Он не видел глаз Марии с того момента, как опустился перед Хью на одно колено.

- Я привезла здесь кое-что из еды, немного вина, чтобы вы подкрепились, сказала она, отвязав небольшой узел. Если взять его у нее из рук, то он непременно должен был поднять на нее глаза.

Он продолжал похлопывать жеребца по широкому носу.

Хотя узел и не был тяжелым, рука Марии дрожала от напряжения, держа его на весу. Уолтер взял его и передал Ротгару. Он засунул его под мышку. Даже не оглянувшись, он пошел навстречу солнцу, его длинноногая фигура удалялась безвозвратно, а на душе у нее было не по себе от такого решительного, неожиданного ухода.

Он ушел. Вот и все.

Мария принялась отдавать распоряжения перед возвращением отряда в Лэндуолд, пытаясь одновременно убедить себя, что она и не рассчитывала ни на благодарность, ни на понимание со стороны Ротгара. Но почему же тогда какое-то болезненное ощущение внутренней пустоты так тревожило ее? Может, она считала оскорбленной свою гордыню тем, что побежденный сакс даже не захотел взглянуть на нее в последний раз перед тем, как уходил из ее жизни навсегда.

Но уязвленное тщеславие не могло объяснить ей, почему усиливалось чувство утраты, на душе было пусто при мысли, что она уже его никогда не увидит.

Может, когда утрачиваешь то, что принадлежит тебе по праву рождения, начинает казаться, что пределы твоих бывших владений сужаются. Вскоре Ротгар уже стоял на границе Лэндуолда, а он еще так и не успел выбрать путь в новой жизни. Наиболее разумным было идти на север - дикая страна валлийцев обладала двумя преимуществами, - там было много мест, где можно было скрыться, к тому же местные землевладельцы, построившие надежные укрепления, ни за что не желали допустить к себе Вильгельма. Если идти на восток, то попадешь на земли Кенуика, которых он когда-то так страстно желал. Маршрут на восток - это выбор для глупцов; в этом направлении простирались земельные участки Лэндуолда, и у него не было никаких иллюзий в отношении своей будущей судьбы, стоит рыцарям Марии поймать его на ее территории. Она сделает все, чтобы подавить очаги недовольства.

Зажмурившись от ярких лучей солнца, оказавшегося у него слева, он сделал шаг по направлению к северу, а затем, глубоко вздохнув, повернул и зашагал на восток, туда, где среди деревьев поблескивала водная гладь реки Лэндуолд.

"Я лишь загляну к Генриху и Хелуит, - пообещал он себе, - и после этого уйду".

И снова, казалось, прошло совсем немного времени, а он уже стоял перед новой границей: здесь начинался лес, который служил отметкой земельного участка Эдвина. Он его так старательно расчистил несколько лет назад. Ротгар помогал ему тащить волов, а

Эдвин обрубал корни пней. Генрих, несмотря на свое малолетство, собирал в кучу небольшие камни, а Хелуит, вооружившись мотыгой, тщательно рыхлила землю. Занимаясь этой тяжелой работой, дюйм за дюймом освобождая эту землю от переплетенных корней, они сумели расчистить с дюжину акров от растительности и камней, что позволило Эдвину вскоре превратиться в процветающего собственника. Отец Бруно торжественно освятил его участок и выдал Эдвину пергаментную бумагу, подтверждающую его, Эдвина, право на него.

Ему показалось, что земля Эдвина слегка вздрагивает под холодными косыми лучами солнца. То здесь, то там пробивались молодые ростки, - их первые мятые коричневатые листочки свисали с хилых стеблей. Непрошенные сорняки наступали, подкрадывались незаметно, словно капли дождя, прорывающиеся через крону деревьев, стараясь замочить сухое местечко под деревом.

Ленивый пес Эдвина, слишком поздно заметив появление Ротгара, лениво залаял. Деревянная дверь, распахнувшись, приглушенно стукнулась о плетеные стены мазанки, и из нее выбежал маленький Генрих, который, увидав Ротгара, резко затормозил.

- Папа? - сказал он точно так, как тогда, во дворе дома Лэндуолда, но на сей раз в голосе его чувствовалась легкая зависть, желание подчиниться, принять все, как есть, а это говорило о том, что он знает правду.

- Нет, Генрих, - сказал Ротгар.

- Дядя Ротгар, - разочарованно протянул он. Из дома вышла Хелуит. Она погладила сынишку по голове, чтобы успокоить его. Мальчик, резко повернувшись, зарылся лицом в юбках матери.

- Я тоже могла ошибочно принять тебя за Эдвина, если бы ты только не стоял в тот момент, когда я тебя заметила. Но увидев тебя так близко, я чуть не потеряла сознание.

- Я бы, конечно, этого не допустил, но от меня мало что зависело в тех обстоятельствах, - ответил Ротгар.

Лицо Хелуит помрачнело.

- Ах, Ротгар, его больше нет. Нашего Эдвина нет больше на этом свете.

Он быстро подбежал к ней, чтобы поддержать ее, тихо проклиная норманнов, и обнимал обеими руками незаконную семью своего брата.

Переводить взгляд с Ротгара на Эдвина было все равно что сравнивать чье-то лицо с его отражением в реке Лэндуолд, но только до той минуты, когда постоянная улыбка не искажала черты Эдвина. Только в этом случае становилось заметным различие между ними, тем, кто был рожден в обход закона на соломенном тюфяке пастушки по имени Анна, и тем, кто появился на свет в роскошной, просторной кровати жены старого сеньора Этефледы.

Молодой Ротгар, законный их наследник, никогда не чурался постоянной тяжелой работы по дому, он не знал, что такое муки голода, и вырос высоким и сильным мужчиной. Эдвин, так и не признанный стариком Ротгаром, никогда не смог дотянуться своим ростом ни до брата, ни до отца. Тяжкий труд почти в младенческом возрасте сторбил его плечи, а с приходом каждой зимы у него становилось на один зуб меньше.

Только после смерти старика молодой Ротгар узнал о существовании Эдвина. Он был слишком гордым человеком, чтобы принять дары, которыми был готов его осыпать Ротгар, - он попросил у него только вот этот участок земли, который предстояло еще расчистить.

Когда Ротгар объявил о своем намерении выступить на защиту Англии, Эдвин упрямил его взять с собой.

- Правда, у меня теперь есть что терять, свою землю, - с гордостью сказал он, оглядывая

свой участок в несколько акров.

В эту минуту Генрих что-то пропищал. Он попытался ему улыбнуться, ободрить его улыбкой, чтобы отвлечь внимание ребенка от матери, рыдавшей на его плече. Голубые глаза Генриха, слишком серьезные для пятилетнего карапуза, встретили взгляд Ротгара с детской беспечностью. Вырвав руку из руки Хелуит, он быстро побежал в поле и скрылся в лесу. Ротгар был уверен, что теперь Генрих никогда не перепутает его с Эдвином.

- Как умер Эдвин? - наконец спросила Хелуит.

- Я мало что знаю, - ответил Ротгар. - При Гастингсе он сражался рядом со мной. Плечо его пронзило копье, но рана, судя по всему, не была смертельной. Но больше я его не видел, так как меня самого ранили и вынесли с поля боя. До тех пор, покуда я не увидел тебя там, во дворе, я все еще надеялся...

Хелуит освободилась из объятий Ротгара и стала вытирать слезы.

- Они все забрали у нас, Ротгар, они лишили нас всякой надежды. Но, слава богу, они отпустили тебя на волю, не причинив особого вреда.

Ротгар молчал.

- А это что такое, Хелуит? - спросил он, показывая на синяки.

Она замолчала, ушла в себя. Наконец сказала:

- Он называет это моей отметиной. Я должна благодарить его, - за то, говорит он, что ему очень нравится моя кожа и что он лишает себя большого удовольствия покрыть ее всю шрамами раскаленным металлом из-за моей постоянной неуступчивости. Когда эти синяки пройдут, он пообещал поставить другие.

- Кто этот человек? - закричал Ротгар. - Я убью его, клянусь.

Слабая улыбка тронула уголки ее губ.

- Он раздавит тебя как червяка, на которого неосторожно наступила копытом лошадь.

- Гилберт, - назвал Ротгар имя, ни на йоту не сомневаясь в своей правоте. Это слово пронзило его мозг, оно раздражало его, так как у него перед глазами сразу возникала другая картина - вот он, высокий, худой, беспомощно лежит на спине, а этот ухмыляющийся норманн отдает приказ: "Проколи его мечом", - от этого его глаза загораются злобной радостью".

- Я не назову его имени, - сказала Хелуит. - Я поклялась убить его собственными руками, а тебе нужно держаться подальше от наших мест.

- Никогда! Я не оставлю ни тебя, ни ребенка. Вы с Генрихом уйдете отсюда вместе со мной. Собирай вещи, мы уходим немедленно.

- Ротгар. - Вскинув голову, она снисходительно смотрела на него нежными любящими глазами, как смотрит старшая сестра на взбалмошного братца. - Ты только посмотри на себя, а потом на меня.

Она мягко погладила рукой себя по юбке, по выпирающему из живота бугорку. - Мне знакомы целебные травы, и в течение этих бесконечно тянущихся месяцев мне удавалось погубить его семя, но на сей раз оно, видимо, все же пустило корень. Некоторые женщины могут работать в поле, уделить немного времени, чтобы прямо там рожать детей. Мне же придется лечь в кровать, если мне еще дорога жизнь, так как я не похожа на племенную кобылу. Ты же помнишь, скольких детей я потеряла до того, как родила Генриха.

- Да, - сказал Ротгар, - помню. Я очень хорошо также помню, что ты жена моего брата. И я не оставлю тебя здесь на милость норманнов.

Хелуит отрицательно покачала головой.

- Его страсть в последнее время поутихла, а известие о твоём приходе может вообще отбить у него всякую охоту.

- Хелуит...

- Ротгар. - Она умиротворяющим жестом положила свою руку ему на плечо. Неужели ты на самом деле считаешь, что я могу бросить землю Эдвина? Это единственное, что осталось после него для Генриха. - Глаза ее смотрели отрешенно. - В один прекрасный день я убью этого норманна, может, вот на этом самом месте, где ты стоишь. Тогда его кровь пропитает землю Эдвина. Это будет ему поделом, не так ли?

В ней чувствовалась горячая целеустремленность, спокойная уверенность в себе, от которых, казалось, являлась аура сильной натуры. Ротгар покачал головой:

- Что произошло с вами, женщинами, за время моего отсутствия?

- Я видела, как ты шел, держась за руку, с Марией. Ты имеешь в виду других женщин, кроме меня и Марии?

- Нет. - От вас двух вполне достанет хлопот, - огрызнулся он. - Неужели все женщины теперь такие кровожадные, обезумевшие от собственной власти?

Хелуит улыбнулась, но потом сразу посерьезнела.

- Ты должен держаться подальше от меня, Ротгар. Он просто убьет тебя, если встретит здесь. После этого мне придется несладко. Иди к хижине дровосека. Если ты отправишься в путь немедленно, то успеешь к наступлению ночи.

- Я тебя не оставлю.

- Я сейчас принесу тебе старый плащ Эдвина, - сказала она, пропуская мимо ушей его слова. - Он, конечно, не достанет тебе и до колен, но в нем все равно будет теплее.

Она мгновенно исчезла в глубине хижины, - он даже не успел вымолвить и слова в знак протеста, и тут же вернулась, не оставляя ему времени для выбора более убедительных аргументов. Она прижимала к груди, словно ребенка, большой узел, поглаживая его грубо сотканную материю, словно это был драгоценный шелк; она не отрывала от него глаз, как будто держала в руках прекрасный, чудесный гобелен, а не комок грязной шерсти.

Хелуит протянула было ему узел, но затем быстро прижала его к груди, обняв его трясущимися руками, пряча лицо в его складках. От ее тяжелого дыхания вздрагивали плечи, и Ротгару оставалось лишь беспомощно глазеть на нее, чувствуя, как у него связаны руки, как они бесполезны перед ее тихим, глубоким горем.

- Теперь не чувствуется даже его запаха, - наконец произнесла она, поглаживая плащ и смахивая слезы. Она сунула узел ему в руки. Он вдруг развернулся на ветру, и Ротгар попытался набросить его себе на плечи. Она остановила его. - Нет, только не сейчас, сказала она, едва сдерживая слезы. Мне будет казаться, что это он его надел. Это выше моих сил.

- Ты идешь вместе со мной, - сказал он, почувствовав, как она протянула руку, чтобы еще раз ощупать плащ Эдвина.

- Нет, не могу, - настаивала она, отрывая от плаща маленькие кусочки шерсти и сворачивая их в маленький комок, - на память.

- Послушай, это препирательство начинает мне надоедать, - сказал он. Ну-ка, позови Генриха! - потребовал он.

Она покачала головой, скрестила руки на груди, то ли, чтобы уберечься от ветра, то ли от его назойливости.

- Послушай, - сказала она, - ведь я же сойду с ума. - Все время смотреть на тебя, на твое лицо, которое не отличишь от лица Эдвина, смотреть постоянно, прислушиваться к сердцу,

которое говорит, - да вот он, твой Эдвин, и осознавать, что это всего лишь ты, а не он. Генрих снова начнет называть тебя "папа", и ты вскоре устанешь поправлять его. Постепенно наша память поблекнет, наши боли утихнут, и Эдвин будет навечно потерян для нас, как вскоре будет утрачена вот эта земля из-за наступающего на нее леса. Нет, я не в силах этого выдержать. - Вновь она ласково погладила плащ. - Лучше оставь меня здесь, где я могу сокрушаться о своей утрате, переносить внутреннюю боль, где я могу вырастить сына Эдвина, ухаживать вот за этой землей и готовить свое отмщение.

Стоя на ветру, Хелуит вся дрожала. Только сейчас Ротгар заметил у нее на голове серебряные пряди рядом с бледно-золотистыми, ее обезображенные тяжким трудом руки, ее усталый, отсутствующий взгляд. Она не теряла ни решимости, ни твердости, напоминая ему о другой женщине, тоже готовой спасти хоть что-нибудь для любимого человека.

- Мария тебе поможет, Хелуит, - сказал он. - Тебе нужно пойти к ней и рассказать откровенно обо всем, что здесь происходит.

- Но она тоже норманнка.

- Но она совсем другая. Она.., угрожала искалечить здоровых, сильных мужчин, умертвить младенцев, разрешить своим норманнам грабить людей и насилловать женщин. И когда она говорила, слезы навернулись у нее на глазах, голос дрожал, а когда я разговаривал со своим народом, то чувствовал у себя за спиной ее поддержку, ее сожаление, когда был вынужден признать здравый смысл предложения, обращенного к своему народу, - принять то, чего нельзя изменить. Она совсем другая, - повторил он.

Хелуит уставилась на него с блуждающей полуулыбкой на губах, словно женщина, которой доверена большая тайна.

- Я могу поделиться с тобой, - сказала она. Узел, который дала ему Мария, и который он держал под мышкой, был слишком маленький, и его содержимого явно не хватит, чтобы поддержать его силы во время длительного перехода. Он бросил взгляд на землю Эдвина, оценивая ее. Лишь менее половины ее сохраняли следы недавней обработки. - А у тебя хватит запасов до нового урожая?

- Мне стоит лишь обмолвиться словом, и он доставит все необходимое, ответила Хелуит.

От мысли, что жена его брата будет унижаться перед норманном, Ротгару показалось, что все его внутренности заливают раскаленным металлом. Пакет с пищей тоже обжигал его, напоминая о его собственном унижении. Да, ему нужно было прислушаться к совету товарищей по несчастью и после побега держаться подальше от Лэндуолда.

- У меня есть все необходимое, - сказал он более грубым тоном, чем прежде. Но чтобы снять резкость произнесенных слов, он прикоснулся рукой к щеке Хелуит. - Я, конечно, пойду, но не без сожаления. Передай мою любовь мальчику. Я всегда, постоянно, буду думать о вас.

- А мы о тебе, - прошептала она. - С Богом, Ротгар.

Покуда они разговаривали, солнце уже опустилось довольно низко, и холодный легкий зимний бриз превратился в ледяной, обжигающий ветер. Но Ротгар чувствовал, что Хелуит все еще смотрит ему вслед, хотя он отшагал уже немало. И хотя холодные порывы насквозь пронизывали его дырявую тунику, он дошел до темного надежного укрытия, и лишь там, в лесу, накинул на плечи плащ своего брата.

Гилберт презрительно отодвинул в сторону кухонную доску, с неприязнью оглядывая на

ней кучу тщательно обглоданных свиных костей. Свирина, каждый день свирина, и лишь в редких случаях кусок жесткой баранины. "Когда я буду хозяином здесь, в этом доме, то у меня на столе всегда будет говядина", подумал он и довольно улыбнулся от этой мысли. Такие идеи, судя по всему, все чаще возникали у него в голове после того, как Данстэн сделал ему соблазнительное предложение об оказании в случае необходимости своей помощи.

Его друзья-рыцари, столпившись в дальнем углу зала, на большом взводе, развлекали оруженосцев и пажей рассказами о своих славных походах. Только Мария с Эдит сидели вместе с ним за одним столом, продолжая есть, и, судя по всему, и та, и другая предавались собственным мыслям.

Эдит, которая всегда была какой-то бледной и даже тусклой, сейчас изменилась, - на щеках ее играл румянец, что было ей к лицу. Пища на ее доске, казалось, оставалась нетронутой, может, сегодня она решила пообедать только вином. Она, словно почувствовав на себе его взгляд, быстро посмотрела на него, еще сильнее при этом покраснев. Эдит опустила глаза и старательно разглядывала свои сложенные на коленях руки. Гилберт вдруг вспомнил, как она опиралась на его руку, когда он хитростью вовлек ее в свои планы и заставил шпионить в покоях Хью, и от этой мысли весь выпрямился, подтянулся. Боже праведный, хорошо еще, что эта глупая баба не влюбилась в него!

Само собой разумеется, это от нее не зависело, принимая во внимание тот факт, что она была замужем за этой развалиной, постоянно скрывающейся в своей спальне. Кто же мог упрекнуть ее за любовь к такому красивому, мужественному рыцарю, каким был он, Гилберт Криспин? Перед его чарами не устоит и другая, та, что сидит рядом с ней.

Мария, как и Эдит, бросила взгляд в его сторону, но в ее широко раскрытых, карих с золотыми блестками глазах сквозили беспокойство и осторожность. Гилберт снова улыбнулся, - он не знал, что тревожит Марию.

- Надеюсь, вы довольны, как идут дела на строительстве замка? - спросил он, вкладывая в свои слова столько патоки, сколько не осмелился бы положить в вечерний пирог домашний повар.

Боже праведный, что бы он делал с дюжиной рыцарей, обладающих такой же, как у нее, смелостью!

- Нет, - ответила она. - Хью очень разочарован.

- Но, само собой разумеется, все резко изменится, начиная с завтрашнего утра, - поддразнивал ее Гилберт, высмеивая ее жалкие потуги втянуть в это дело Хью. - Вам, надеюсь, удался разработанный вами план заставить прежнего владельца поместья обратиться к своим крестьянам с просьбой об оказании поддержки вашему брату?

- Как вы и говорили, план этот был обречен с самого начала на неудачу, резко бросила Мария.

- Как жаль, - притворно начал сокрушаться Гилберт, выражая тем самым ей свое сожаление, хотя ее откровенное признание несколько удивило и разочаровало его. Ему хотелось продолжить в том же духе, чтобы вызвать у нее еще большее замешательство, заставить ее признать собственное поражение.

И вдруг его осенило, что она вновь упредила его. Представила его язвительные замечания как выражение его искреннего соболезнования, сделала вид, что он одобрял разработанный ее куриными мозгами план или, по крайней мере, оказывал ему поддержку.

Она глядела на него в упор, а в ее глазах он читал вызов, приглашение еще немного

поиздеваться над ее бесплодными усилиями с целью добиться поддержки местных крестьян; она, казалось, молча умоляла его бросить тень на ее решение даровать свободу Ротгару Лэндуолдскому. Как его раздражает ее совсем не женское поведение! Как успокаивает этот розовый туман, в который погружаются его мысли, как он снимает гнев, уносит прочь горькие обиды, как; он его умиротворяет, ласково успокаивает, как побуждает раскрыть до конца разрабатываемые им планы, раскрыть немедленно, сейчас. Вновь послышался взрыв смеха со стороны рыцарей, - его люди, преданные ему душой и телом, может, они сейчас себя чувствуют не совсем твердо на ногах, но они, не колеблясь, все станут на его сторону.

- Вам следует, - осторожно сказал он, - больше прислушиваться к моим советам.

- Я прислушиваюсь к ним ровно настолько, насколько они того заслуживают.

- Вы должны, - продолжал он, - привыкать запоминать то, что я говорю. Надеюсь, отныне вы будете более внимательно прислушиваться к моим приказам.

Она так стремительно встала, что табуретка опрокинулась и с грохотом упала на пол.

- В этом доме хозяин Хью.

- В таком случае пусть он отменит мои приказания и даст свои, - сказал Гилберт.

- Вам прекрасно известно, что пока он этого сделать не в состоянии...

- Я знаю, - сказал Гилберт, - что вы нарушили прямой приказ Вильгельма. Те люди, которые выступят против него с оружием в руках должны быть преданы казни. А вы отпустили Ротгара Лэндуолдского на волю...

- Я это сделала только потому...

- Избавьте меня от ваших оправданий, - возразил Гилберт, махнув рукой оруженосцу. - Джеффри, теперь я намерен выслушать твое донесение.

Молодой оруженосец с большой неохотой отошел от группы весельчаков.

- Я следовал за ним, как вы и приказали, сэра Гилберт.

- За кем? - наводил его на мысль Гилберт.

- За Ротгаром Лэндуолдским. - В голосе оруженосца чувствовалась озадаченность.

Гилберт, бросив быстрый взгляд на Марию, заметил, как она снова побледнела.

- Ну и что ты увидел?

- Вначале он посетил хижину Хелуит. - При этих словах Гилберт, подняв брови, посмотрел на Марию. Джеффри обратился к ней:

- Вы, миледи, вероятно, помните того мальчугана, который пристал к вам и бывшему владельцу поместья во дворе? Так вот хижину матери этого ребенка посетил Ротгар.

"Как интересно", - подумал Гилберт, заметив, как меняется на глазах лицо Марии, оно то вспыхивало, то бледнело.

- Ах, да, ведь эта Хелуит - одна из самых пригожих девушек Лэндуолда, не так ли? - опять наводил на мысль оруженосца Гилберт.

- Потом, после страстных объятий и душераздирающей сцены прощания, Ротгар направился в хижину дровосека, в которой тот, правда, давно не живет. Он, судя по всему, устроился там на ночь, так как разжег огонь и закрыл все окна.

- Ты направил этому негодяю Филиппу соответствующее донесение, как я тебя об этом просил, Джеффри?

- Конечно, сэра Гилберт, - с обидой в голосе ответил Джеффри.

Гилберт дал ему знак, чтобы он возвращался к своим бражникам.

- Завтра я отправлюсь верхом, чтобы посмотреть, что же это за хижина, сказал он, обращаясь к Марии. - Там, где есть чурбан для колки дров, - это весьма подходящее место,

где можно срубить предательскую голову.

- Ну и какой цели это послужит? Вот они, эти звенящие нотки отчаяния, которые он так часто слышит в своем, но слишком редко в ее голосе.

- Видите ли, хотя вы и поступили глупо, отпустив сакса на свободу, я все же предупредил Филиппа, что у нас есть еще один шанс завладеть его головой. Я мог бы ее отправить Вильгельму и таким образом предотвратить все его промахи перед королем. - Он сделал вид, что обдумывает эту мысль. - Король может даже наградить того человека, который доставит ему голову врага, может, даже передаст ему бывшее его владение, - Лэндуолд принадлежит Хью!

- В таком случае, может, хозяин Лэндуолда, Хью, сам лично доставит голову Ротгара Вильгельму?

- Гилберт, - сказала Мария. - Не забывайте, что вы давали клятву на верность Хью. - Она в упор смотрела на него, смотрела, не шевелясь, словно окаменев, не скрывая своей самоуверенности. Ее упрямый взгляд говорил о ее намерении снова указать ему на его место, снова подчинить его Хью.

- Все может кончиться, Мария, - тихо сказал он. - Может, Вильгельм больше оценит верность, которую ему выражают сегодня, чем прежние заслуги. Но вам нечего бояться. У Хью все останется, как прежде, все, кроме титула. А вы, моя радость, - он резко привлек ее к себе, и она, спотыкаясь попыталась отшатнуться от него. - У моей жены будет все самое лучшее, что только может предложить Лэндуолд.

- Нет, - злобно прошептала она, от этого отказа кровь бросилась ему в лицо, застучала в ушах.

- Завтра, - проговорил он, - я привезу его голову сюда. При таких морозах она долго сохранится. А после Пасхи мы вместе с Филиппом отвезем ее в качестве подарка Вильгельму.

Глава 8

Нужно предупредить Ротгара.

Он ей доверял. Доверял свою жизнь в обмен на собственную гордыню. Ротгар точно выполнил свою часть сделки. Как ему объяснить, что и она выполнила свою, тем более к нему в хижину вдруг ворвется Гилберт и будет гоняться за ним со своим мечом, покуда не отрубит ему голову. Перед верной смертью он, конечно, осудит ее как обманщицу и вероломную лгунью.

Мария, сидя в холодной темной спальне своего алькова, потуже натягивала на себя теплый плащ. Будь ты проклят, Гилберт Криспин! Их хрупкий договор защищать Хью и оказывать ему помощь сразу же рухнул.

Она внезапно вздрогнула, вспоминая нескрываемую похоть в голосе Гилберта, когда он, бросив на нее любвеобильный взгляд, сказал: "Моя жена". Нет, никогда! Может, он произнес эти слова под воздействием крепкого эля. Самым решительным образом она выбросила все мысли о Гилберте прочь из головы.

Звуки шумного застолья постепенно ослабевали по мере того, как рыцари один за другим покорялись воздействию крепкого лэндуолдского напитка. Когда ночную тишину ничего, кроме храпа пьяных рыцарей не нарушало, она просунула голову через пыльную занавеску, которая обеспечивала ей личную неприкосновенность.

Угасающий огонь в камине бросал слабые красноватые блики на лица спящих. Все они, за исключением Гилберта, растянулись прямо на полу, задрав свои туники, чтобы немного

остудить разогретые алкоголем тела. Но пройдет не один час, прежде чем холод преодолет их опьянение. Сидя на табуретке, Гилберт уронил голову на стол, одна его протянутая рука касалась опрокинутой большой пивной кружки. Разлитый эль образовал вокруг нее лужу. Из предыдущего опыта Мария знала, что прежде взойдет солнце, высушит пролитый эль, и только после этого он, скорее всего, очнется.

В этой полулежащей позе, он демонстрировал ей всю ширину своей предательской спины. Если бы у нее оказался в руках нож, она бы глубоко вогнала его ему между ребер.

Хотя Мария и конфисковала наряды прежней хозяйки дома, она с презрением относилась к сакским украшенным драгоценными металлами ножнам, в которых были усыпанные бриллиантами маленькие кинжалы. Они ей казались красивыми, но бесполезными игрушками, нужными только при снятии кожуры с фруктов. Но если кинжал ловко воткнуть в спину между ребер так, чтобы конец его проник в сердце, то он станет таким же мощным орудием убийства, как и самый тяжелый меч.

Поклявшись в следующий раз обязательно прикрепить такой кинжал к поясу, Мария незаметно выскользнула из алькова.

В пустом коридоре, с почерневшими от дыма стенами, она шла медленно-медленно, почти ползла, радуясь, что ее мягкая обувь спасает ее от лишнего шума. Потом она прошла через кухню, потом мимо будуаров-спален, где обычно отдыхали рыцари, надеясь, что их женщины уже спят, отчаявшись дождаться своих мужчин. Туда, поскорее к конюшне, где тепло от животных и их запахи пропитали насквозь воздух, где приглушенное ржание лошадей и шорох соломы от тяжелых копыт помогут ей удачно осуществить свой план.

- Миледи?

Перед ней возник мальчик - помощник конюха, он еще не очнулся ото сна и энергично протирает глаза. Да, не удастся ее план - выскользнуть отсюда незаметно, чтобы предупредить Ротгара о грозящей беде, но, может, не все еще потеряно.

- Ты знаешь, где находится хижина женщины по имени Хелуи? - спросила она.

- Да, - кивнул мальчик. - Это там, где река Лэндуолд делает большой поворот.

Марии было известно это место. Это сэкономит ей уйму времени.

- Ну-ка, запряги мне мою кобылу.

- Слушаюсь, миледи. - Отойдя на несколько шагов, он повернулся к ней:

- А какую лошадь мне запрячь для себя?

- Меня не нужно сопровождать.

- Но послушайте, миледи, сейчас уже поздно, ночь, а повсюду в лесах шныряют разбойники.

Нужно было каким-то образом рассеять озабоченность этого мальчика, но его нельзя ни в коем случае брать с собой. Она не собиралась останавливаться в хижине Хелуит; Джеффри сообщил, что Ротгар нашел пристанище в хижине дровосека, и она была готова найти ее, если бы для этого ей пришлось провести всю ночь в седле.

- Видишь ли, у Хелуит заболел мальчик, - сказала она. - Боюсь, как бы это не чума.

У мальчишки глаза полезли на лоб от такого известия.

- Ничего никому об этом не говори, - сурово предупредила его Мария. Может, у него всего лишь обычная лихорадка, и если вдруг по деревне поползут слухи о чуме, то я буду знать - кто проболтался. А тебе известно, как поступают норманны с теми, кто распространяет ложные слухи?

Ей совсем не хотелось запугивать мальчика, сгущать краски в отношении зверств

норманнов, но что делать - нужно было, чтобы он не проговорился. Мальчик отрицательно качал головой. Один лишь намек на то, что ему могут отрезать язык, лишило его дара речи, и он даже не пытался выяснить, как ей самой стало известно о "заболевании" малыша, и почему тот человек, который попросил у нее помощи, сам не показал ей, где находится хижина Хелуит.

Очень скоро ей пришлось пожалеть, что она отказалась от услуг юного конюха. Если бы она доверилась ему, то он мог бы помочь ей управиться с этим непослушным и упрямым животным. Кобыла пыталась отомстить за то, что ее ночью вывели из теплой конюшни, и еле передвигалась, каждый ее шаг давался Марии с превеликим трудом.

- Я бы гораздо быстрее дошла пешком, - проворчала Мария, и вдруг поняла, что она, как нельзя, права, но она не могла отпустить кобылу. Та немедленно прискакала бы в конюшню, и этот глупый мальчишка, несомненно, поднял бы отчаянный крик, подумав, что она ее сбросила. К тому же лошадь могла ей еще пригодиться; после того, как она предупредит Ротгара, ей придется поскорее возвращаться в Лэндуолд, она должна оказаться там прежде, чем ее хватят, а ноги у нее так замерзли, что она вряд ли сможет добраться туда бегом. Она направила кобылу в заросли молодого леса, мечтая, вероятно, как и она, укрыться наконец от пронзающего ее насквозь холодного ветра. Небольшие деревца вокруг нее дрожали, сгибаясь на ветру и, она, отыскав среди них самое прочное, слезла с лошади. Она знала, что кобыла обязательно ускачет домой, стоит только ей выпустить из рук поводья. Она старалась идти как можно скорее. Она привязала поводья к дереву. Кобыла задергалась, почувствовав несвободу, и уставилась на Марию своим злым зрачком.

Мария пожалела, что не захватила с собой грубый шерстяной плащ кухарки, не заменила им свой шелковый, на меховой подкладке. У плаща прислуги есть прорези по бокам, что позволяло держать в тепле руки и уберечь их от мороза.

У ее собственного плаща этих прорезей не было. Ей приходилось тащить за собой упрямо животное за уздечку. Да, до хижины, в которой сейчас обитал Ротгар, ей предстояло проделать немалый, изнурительный путь по застывшей от холода местности.

Когда она наконец увидела хижину Хелуит, ей показалось, что прошла целая вечность, хотя луна за это время едва заметно изменила свое положение. Она неуклюже стояла в темноте, словно прижавшись к мерзлой земле, а витки дыма поднимались к небу от ее соломенной кровли.

Ей, вероятно, придется разбудить Хелуит, чтобы спросить, как пройти к хижине дровосека. Это будет для нее неприятная процедура. Ей придется столкнуться лицом к лицу с той женщиной, которая расплакалась, увидав Ротгара. Ее слезы и привлекли к ней его внимание. Это также означало разбудить и малыша, который так похож на Ротгара, который указывал на него пальчиком и кричал "папа".

Мария, натянув поводья, развернула разочарованную кобылу в обратном направлении. Сколько можно стоять на месте, разглядывая хижину Хелуит? Она почувствовала что-то неладное с ногами - они уже не ныли от холода. Она, конечно, радовалась, что больше не чувствует боли, но это было очень опасно, и понимала, что нужно поскорее найти укрытие, не то пальцы ног побелеют и она вообще потеряет их навсегда.

Когда она разглядывала хижину Хелуит, ей в голову пришла одна идея. Прикрыв глаза ладонью от белесого лунного света, она внимательно оглядела окружающий лес.

- Спокойно, спокойно, - уговаривала себя Мария, напрягая зрение, пытаясь обнаружить облачко дыма, курившегося над хижинкой дровосека.

Увы, нет, по крайней мере, в радиусе пяти фэрлонгов.

Спотыкаясь, Мария пошла навстречу дрожащему облаку дыма, которое она наконец заметила над верхушками деревьев. Вначале кобыла упиралась, а потом сдалась, вероятно, почувствовала запах дыма и жилья. Уши ее вздрогнули, напряглись, и она нетерпеливо заржала. Мария, конечно, могла сесть на лошадь и пришпорить ее, но сильно сомневалась, что ей удастся продеть в стремя ногу, не говоря уже о том, чтобы сохранить равновесие в седле, так как она вся - с головы до ног - окоченела. У кобылы было достаточно сил, чтобы сообщить им обоим ускорение. Мария, крепко ухватившись за луку седла, пыталась тяжестью своего отнюдь небольшого веса замедлить резвый шаг лошади, но все равно ей приходилось быстро семенить, пытаясь угнаться за ней на этой неровной, кочковатой местности. Ей казалось, что ее замороженные ноги вот-вот отвалятся, стоит ей только сделать еще один, даже полшага, вперед.

Бедная скромная хижина дровосека обещала ей предоставить такой святой приют, которого не найти даже в самых замечательных соборах.

Кобыла остановилась возле двери. Не дав Марии возможности, ухватиться за поводья, лошадь рысцой направилась по ту сторону хижины. Мария надеялась, что там ожидало приятное для лошади и для нее пристанище, в котором она будет себя неплохо чувствовать все то время, пока она не поговорит с Ротгаром.

Хижина стояла, словно темный кладезь забвения, в объятиях колдовской зимней тишины. Оттуда не доносилось ни звука. Само собой разумеется, он спал, даже не подозревая, какие тучи сгущаются у него над головой. Она правильно поступила, решив его заблаговременно предупредить.

Она быстро подошла к двери, постучала по ее шершавым доскам - напрасно. Дверь была настолько толстой, что в хижину через нее не проникало ни звука. Всей тяжестью своего тела навалилась на дверь.

Наконец ее окатила волна долгожданного тепла, а мерцающий, золотистый свет от умело разложенного костра озарил всю хижину. Всего в нескольких шагах от дверного проема, в котором она в нерешительности стояла, она увидела полуобнаженную фигуру Ротгара - его глаза блестели, изо рта доносилось какое-то звериное рычание, он сжимал обеими руками поднятый топор.

Глаза его расширились от удивления. Она поняла, что он узнал ее, но узнал слишком поздно. Его смертельное оружие, которое он швырнул с такой сокрушающей силой, начало свой полет в тот момент, когда она появилась на пороге. Все его тело мгновенно сжалось, он завыл, словно кто-то причинил ему сильнейшую боль.

- Черт бы вас побрал! - заорал он во все горло. Как это ни странно, но в это мгновение Мария подумала, что ей пришел конец, сопровождаемый звоном в ушах таких сакских выражений, которых она прежде никогда не слышала.

Вероятно, он повредил себе лодыжку, когда в последнюю секунду резким движением тела изменил направление полета топора, чтобы он не попал в Марию. В таком случае, он подбежал бы к ней, перехватил бы ее, не позволил бы безжизненно опуститься на под и лежать на нем неподвижно, словно обтянутый шелком комок.

Корчась от резкой боли в лодыжке, он доковылял до нее и присел рядом.

- Мария? - Она лежала молча, ничего не отвечая, словно умерла. Он поднес к ее носу палец, почувствовал слабое дыхание. Он тут же понял - какой нечеловеческий озноб охватил всю ее с головы до ног. Боже мой! Она же совсем замерзла!

Ротгар поднял ее на руках. Голова ее склонилась к нему на плечо.

Почти не чувствуя ее веса, он опустил ее на пол возле огня. Здесь ей будет лучше всего. Если придвинуть к огню старую кровать из сухого прогнившего насквозь дерева, то достаточно одной шальной искорки, чтобы она сгорела дотла. И сейчас пусть лучше лежит в своем меховом плаще, а не под одеялом, так как он был плотным, добротно сшит, и мог предохранить ее в равной степени, как от холода, так и от жары. "Как же она ухитрилась, - удивлялся он, - так замерзнуть, если на ней был такой плащ?"

Он высвободил ее руки из плаща. - Мария, - мягко позвал он ее, наблюдая за ее глазами, чтобы убедиться - не потеряла ли она сознания. Он принялся осматривать ее руки. Он взял их в свои и заметил порезы от поводьев. Хотя концы ее пальцев были голубоватого цвета, он нигде не обнаружил тревожных белых пятен - ничего серьезного.

Ноги у нее тоже оказались менее поврежденными, чем он предполагал. Он сорвал с нее лохмотья бывших шлепанцев, а затем, разорвав чулки, обнял ей ноги. Ее пальцы настолько замерзли и окоченели, что их можно было с треском оторвать.

Ему не было знакомо искусство исцеления, - он только знал, что нужно ее согреть изнутри, что конечности нужно согревать постепенно, чтобы не допустить "закипания" крови, что может вызвать у нее сильные болевые ощущения.

Схватив с очага глиняный горшок, он выбежал из хижины, чтобы набрать в него снега. Ах, если бы у него было два горшка! Но придется обойтись одним. Он поставит его на огонь и согреет воду. Затем он разбавит ее оставшимся у него вином и медленно напоит ее. Только маленькими глотками и только после того, как она придет в себя. Это, конечно, окажет на нее свое волшебное воздействие. Потом, если ее раны потребуют охлаждения, он сбегает еще раз за снегом, приложит его к больным местам.

Когда он снова сел рядом, она продолжала лежать, не двигаясь. Он взял ее ладони в руки и почувствовал, что они стали немного теплее. Ноги у нее, однако, оставались окоченевшими. Ему нужно передать ей тепло своего тела. Вначале он хотел взять ее к себе на руки и крепко обнять, покуда она не очнется, но потом отказался от этой затеи. Что с ней произойдет, когда она, очнувшись, увидит себя в объятиях сакса! Но нужно было как-то согреть ей ноги. Конечно, он мог придумать способ, избегая при этом ненужного, невыносимого соблазна.

Устроившись поудобнее, Ротгар прикоснулся подошвами своих ног к ее подошвам. При этом он спиной оперся о грубую деревянную кровать, держа при этом неподалеку от себя, наготове, бурдюк с вином, на случай, если Мария очнется. Он медленно выворачивал ноги колесом, покуда ноги Марии не оказались внутри его. Крепко взяв ее за ноги, он начал отталкивать их от себя, согнув их в коленях.

Потом по очереди положил каждую из них на свои бедра, неприятно морщась от холода. Теперь он делился с ней собственным теплом, обхватив руками ее озябшие лодыжки. Туника ее задралась, открывая его взору ее стройные ноги. Этого он не мог предусмотреть, когда отказался заключить ее в объятия.

- Черт возьми! - пробормотал он и поспешил подолом платья прикрыть все, кроме ее икр. Он вновь обхватил руками ее лодыжки. Его взгляд начал блуждать по ее платью, поднялся до того места, где ее талия клинышком уходила между бедер, к ее грудям, к ее кудрявым волосам, рассыпавшимся у нее по плечам.

- Черт подери! - снова выругался он, на сей раз чуть громче и потянулся рукой к бурдюку. Ее порция нагревалась возле огня, и ей не понадобится больше того, что он уже ей

отлил.

Он выпил добрый глоток вина.

Мария вдруг чуть слышно застонала. Она дернула головой, инстинктивно подвигаясь к огню, волосы у нее упали на сторону, открывая прекрасные, нежные черты ее лица - ее длинные ресницы отчетливо выделялись на фоне бледной кожи, губы у нее были полураскрыты, и на них выступала влага, мерцающая, соблазнительная, золотистая.

Ротгар опять приложился к бурдюку.

Она прижалась плотнее к нему ногами. Бедрa ее раскрылись, обнажая чувствительную нежную кожу. Его мужское естество восстало, стесненное грубой тканью штанов. Все его тело охватила жаркая лихорадка, которую он мог разделить с ней, но что он будет за мужчина, если только посмеет облегчить свои муки, воспользовавшись этой беспомощной, лежащей перед ним почти без сознания женщиной?

Решительно переведя свой взгляд с ее бедер на огонь, Ротгар снова приложился к бурдюку, потом еще раз и еще.

Глава 9

Мария очнулась от боли в руках. Лишь наполовину придя в себя, она застонала, заколотила ногами, пытаясь тем самым унять боль. Вдруг она почувствовала, что ее ступням что-то мешает, что ее тело находится в неудобном положении, но ей никак не удавалось до конца открыть глаза, чтобы понять, в чем же дело.

Пытаясь встать на ноги, она искала точку опоры. Они, каралось, уперлись во что-то твердое, но податливое, во что-то покрытое волосами, излучающее восхитительную теплоту. Ее щиколотки тоже были придавлены чем-то и тоже чувствовали это чудесное тепло. Наконец она с трудом открыла глаза, чтобы удостовериться, что же ей мешает.

Картина, которую она увидела, заставила ее издать нечленораздельный вопль, и она принялась яростно двигать ногами, чтобы освободиться от сгорбленного, с вождедением глядевшего на нее Ротгара.

Он на самом деле неуклюже сидел, а верхняя обнаженная часть его тела покоилась в полулежачем положении на покрытом соломой полу. Стоило ли удивляться его вождедению, если ее широко раскинутые ноги лежали у него на покрытом волосами теле, на них не было чулок, а платье ее задралось самым непристойным образом.

Вновь завопив, она все же сумела освободиться от его хватки и кое-как встать на ноги. Ротгар, вскинув голову и приложив к уху ладонь, сказал:

- Кажется, у меня появились мыши.

- Мыши? - взвизгнула она, ничего не соображая.

- Ну, опять этот звук. Не бойтесь, миледи, я вас спасу от их посягательств. - Подняв бурдюк в притворном приветствии, он поднес его к губам, поднимая все выше и выше, а затем потряс им.

Любому дураку было ясно, что в нем ничего не осталось.

- Вы пьяны!

- Да, пьян, - согласился он, ужасно довольный своим состоянием. - Но это ваша вина.

- Моя? - На сей раз она сама поняла, что пищит, словно мышь.

Хотя она стояла перед ним одетой, а на нем, кроме штанов, ничего не было, он чувствовал себя здесь гораздо уютнее, чем она. Он небрежно развалился перед огнем. Он не спускал с нее глаз, - полусонных, хитроватых, в которых сквозило.., желание.

Мария машинально схватила плащ и завернулась в него. Он даже не сдвинулся с места,

но его дернувшиеся вдруг губы хотели, видимо, сказать, что все ее попытки скрыть от него свое тело, были напрасны, что он уже вполне насладился и мог позволить себе далеко не один, и далеко не случайный взгляд.

- Вы хотя бы оставили мне немного вина?

- Конечно, оставил, причем старательно смешал его с водой, - ответил Ротгар, наклоняясь над стоявшим возле огня горшком. - Отличное вино, но его ведь очень много в Лэндуолде. Зачем нужно было ехать за этим в такую даль?

- Я приехала, чтобы предупредить вас об ужасной опасности, - сказала она. - Однако принимая во внимание его полную беззаботность и вспоминая, как он стоял перед ней, сжимая в руках острый топор, она подумала, что предпринятые ею усилия напрасны.

- Предупредить меня? Но вы явились сюда и сразу упали в обморок.

- Нет, я не падала в обморок! - возразила Мария. - Вы ударили меня по голове топором!

- Да вы что?! Если бы я это сделал, то размозжил бы вам голову, как тыкву, и вы бы не стояли сейчас передо мной, жаждая моего вина и бросая на меня похотливые взгляды. - Его наглость лишила ее дара речи. - Ужасная опасность? повторил Ротгар, словно разговаривая сам с собой. - Если бы это было так, то мне на самом деле пришлось бы туго. Лезвие моего топора так глубоко ушло в косяк двери, что мне придется до утра возиться с ним, чтобы извлечь его оттуда. Ваше "предупреждение" лишило меня оружия, и теперь я становлюсь легкой добычей для любого желающего со мной разделаться. К тому же, пытаюсь не размозжить вам череп, я мог запросто остаться калекой на всю жизнь. Вот, полюбуйтесь.

Задрав ногу, он пошевелил своей ступней перед ее носом. Может, его лодыжка на самом деле немного распухла - ей было трудно судить, так как ее взор против ее воли устремился вдоль его ноги, к самому паху.

Мария услышала короткий, громкий смех, когда он наконец понял, на какой части его тела сосредоточилось ее внимание. Он выпрямился, штанина снова скрыла всю ногу, а собравшиеся возле его глаз насмешливые морщинки еще больше подчеркивали во взгляде что-то чувствительное, что-то первобытное. - в нем что-то затаилось, что-то настороженно ждало. Каждый квадратный дюйм на ее теле, каждый волосок, казалось, задрожал в ответ на этот вызывающий взгляд.

- А теперь я выпью свое вино, - пробормотала она, торопливо отворачиваясь от него, чтобы он не заметил похотливой реакции, отразившейся в ее глазах. Она присела возле огня и начала шарить руками в поисках горшка. Она тут же одернула их, нечаянно прикоснувшись пальцами к раскаленному металлу. Потом она все же взяла его в руки, поднесла к губам, несмотря на обжигающую его теплоту и толстый слой сажи, и радовалась этим неудобствам. Она была готова сделать все что угодно, - только бы усмирить незванный порыв, настойчиво влекущий ее все ближе к нему.

- Мария. - Его шутливость и веселость пропали. Он бесшумно подошел к ней и сел рядом на корточки.

Горшок дрожал в ее руках.

- Я и не предполагала, что у вас здесь топор, - прошептала она.

- Но это же хижина дровосека, Мария. - С невыразимой нежностью он, взяв ее рукой за плечо, повернул к себе. Теперь она сидела прямо напротив него. В его глазах пропал хмельной блеск, в них появилось какое-то серьезное, торжественное выражение, словно он хотел изучить каждый сделанный ею шаг, каждое произнесенное ею слово, чтобы постичь их тайный, скрытый смысл.

- Ну-ка Расскажи мне все об этой ужасной опасности, - сказал он.

- Гилберт. - Она больше не могла выговорить ни единого слова, весь ее рассудок был поглощен изгибом его губ, когда он разговаривал с ней, его всклокоченной бородкой.

- Я так и думал. - Он, сосредоточив все свое внимание на огне, потянулся за поленом, затем длинной палкой разгреб раскаленные угли, и пламя вновь взвилось вверх, - в хижине стало светлее и жарче. "Значит, не только она со всем пылом отвечала на знаки его внимания", - подумала Мария. Вдруг она почувствовала, что ей слишком жарко. Она сбросила на пол плащ. Потом громко сказала:

- Гилберт поклялся сегодня утром приехать сюда и отрубить вам голову. Он хочет превратить ее в рождественский подарок для Вильгельма.

Ротгар задумчиво глядел на огонь.

- Мне нужно было предупредить вас, - продолжала она, охваченная внезапным отчаянием от того, что он наконец осознал всю опасность ее положения. - Я не могла допустить, чтобы вы, принимая смерть, думали, что я нарушила данное вам слово.

- Вы уверены, что Гилберту удастся взять надо мной вверх?

- Конечно, удастся. Он прибудет сюда в полной рыцарской амуниции, Ротгар, у него есть пики, булавы, цепи. А вы сами только что сказали, что у вас нет оружия, кроме топора. - Она должна заставить его понять. - На самом деле, было бы лучше, если бы вы спаслись бегством, но раз вы себя покалечили, то придется остаться здесь и защищать себя чем попало.

Он громко рассмеялся.

- Мне, конечно, не стоило тратить столько времени на пустые разговоры с таким горьким пьяницей. Всю ее, казалось, терзал яростный гнев; она злилась на себя за то, что позволила себе растаять как жаждущая любви дурочка от его подогретых алкоголем нежных слов и подчеркнутого внимания; она злилась на него за то, что он опустошил весь бурдюк, не заботясь о том, в каком опасном положении оказался.

Он покачал головой.

- Боже, почему вы всегда такая серьезная?

- Но ведь вы сами сказали, что вам потребуется много времени вытаскивать топор. Вы сказали, что стали почти калекой. - Она показала на его лодыжку. Гилберт, конечно, не протрезвеет до восхода солнца, но вам нужно приниматься за дело немедленно.

- Мария, неужели никто прежде вас не поддразнивал?

- Поддразнивал? - переспросила она, опасаясь, что неверно поняла смысл сказанных слов.

- Да, поддразнивал, подтрунивал, шутил.

- Как можно шутить, когда ваша жизнь под угрозой, а ваши мозги насквозь пропитаны вином? - По собственному опыту Мария знала, что пьяные мужчины обычно шумят и смеются, рассказывают друг другу о своих героических подвигах, их темперамент переливался через край, и они, как правило, утрачивали контроль над собой. Здравомыслящие женщины в такие моменты стремятся уйти куда-нибудь подальше. Но веселый, добродушно поддразнивающий пьяница? Нет, такое просто невозможно.

И все же, один из них сидел рядом с ней на корточках, в его голубых глазах отражалось пламя, поблескивали веселые искорки, а постоянно расплывавшиеся в улыбке уголки губ свидетельствовали о его чувстве юмора.

- Поддразнивание - это только одна сторона того удовольствия, которое получаешь от

выпивки, - сказал он.

- Ну, а обратная сторона, - это удовольствие, получаемое от метания топором в женщин, которые не причинили никакого зла?

- Нет, разделение удовольствия от другой дубинки вместе с желающей этого женщиной.
- Он бросил на нее долгий, малопочтенный взгляд, не препятствуя ей испытывать охватившее ее странное чувство, - словно огонь поджег ее, охватил все ее разгоряченное тело и покрывшееся краской лицо. Мария пододвинулась ближе к огню, надеясь, что покрасневшее лицо - это воздействие огня.

Ей явно не стоило беспокоиться по этому поводу. Уголкем глаза она заметила, как он высоко закинул голову, обращаясь к невидимому небу. Она чувствовала, как он прерывисто дышал, недовольный проявленной в отношении к ней дерзости.

- Простите меня, - еле слышно промямлил он. - Мне не следовало бы так разговаривать с вами.

Она не могла признаться ему в том, что прощает проявленное к ней неуважение, не могла она сказать ему и о том, что все внутри у нее радовалось, ликовало из-за его скабрезных замечаний.

- Вы просто пьяны, - сказала она.

- Может, вы правы. - Он отошел от нее. - В большей степени, чем мне казалось, но в значительно меньшей, чем мне бы хотелось.

За своей спиной она слышала, как он одевался.

- Я прискакала сюда на кобыле, - сказала Мария. - Можете ее взять и не жалеете ее, подгоняйте порезвее. Я доберусь до дома пешком.

- Я больше не намерен бегать от этого сукина сына Вильгельма и его палачей, - сказал Ротгар.

При этих словах она живо повернулась к нему. Ей было плохо от одной мысли, что вот этот человек так свободно, так небрежно сидящий на этой кровати, скоро, как только солнце завершит еще один свой круг, но будет ходить по этой земле. Об этом позаботится Гилберт Криспин.

- В таком случае вы умрете, - сказала она.

- Но не так легко. - Поднявшись с кровати, он прошел через сею хижину, и одним мощным рывком вытащил застрявший в косяке топор. Он покрутил его в руке, бросил оценивающий взгляд на хижину, на ее дверь и единственное, затянутое шкурой окно, - точно так же оглядывался Хью, чтобы по достоинству оценить поле предстоящей битвы.

- Прошу вас, возьмите мою кобылу, - прошептала она.

Ротгар так искусно держал в руке топор, словно он с ним родился. Он повертел в руке топор и метнул его, - через пару секунд он воткнулся в половую доску, не спуская при этом с нее глаз.

- Для чего вы приехали сюда, Мария?

- Чтобы предупредить вас! Прошу вас, возьмите мою...

- Мы ведь с вами враги, вы и я, - перебил он ее. - Его слова вызвали у нее острое желание немедленно их опровергнуть. - Что же, в таком случае, вызвало ваш благородный порыв? Не хотите ли вы меня убедить, что не принимаете никакого участия в плане, разработанном Гилбертом?

- Да, - сказала она, но, спохватившись, поправилась:

- Нет, нет, что вы!

- Что же в таком случае?

Ну как объяснить ему, стараясь не показаться глупой, что одна мысль о том, что он во всем будет винить ее, не давала бы ей покоя, особенно тогда, когда она ощутит болезненный, возникший вокруг нее вакуум после его смерти.

- Вы нужны Лэндуолду, - громко, заикаясь, произнесла она.

"Вы нужны мне", - призналась она себе.

Улыбка тронула уголки его губ.

- Лэндуолд, всегда этот Лэндуолд будет стоять между нами. Я думал, что, может..., ах, да ладно. Он уставился на топор. И вот она, не выдержав, одним духом все ему выпалила:

- Я никогда не считала простым делом ту задачу, которую я перед собой поставила, - спасти Лэндуолд ради Хью, - но мне кажется, мне с ней теперь не справиться. Вся земля полнится мятежами. Разочарованным в щедрости Вильгельма рыцарям достаточно одного слова, шепотка об истинном состоянии здоровья Хью, чтобы тут же начать борьбу за захват власти в Лэндуолде. Я уверена, что в данный момент именно этим занимается Гилберт Криспин, но я не могу прогнать его, так как у нас и без того мало воинов, способных защитить нас от врагов.

- Да, со всех сторон вам угрожает предательство, - согласился с ней Ротгар.

- Включая и жителей самого Лэндуолда, - сказала она. - Не проходит и ночи, чтобы от них не последовал какой-нибудь мелочный акт мести. Вначале все это выглядело смешно. Теперь, когда мы так запаздываем со строительством замка, это озлобление стоит нам все дороже и дороже. Рыцари недовольно ворчат, жители тоже выражают свое недовольство, а Хью осталось совсем немного до полного выздоровления, я в этом уверена. Если бы мне только удалось продержаться до этого.

Ей показалось, что в его взоре она заметила промелькнувшее восхищение.

- Очень немногие мужчины могут надеяться достичь того, на что рассчитываете вы. - Она продолжала:

- Вильгельм в начале этого месяца уехал в Нормандию, в противном случае он мог бы уже узнать о недееспособности Хью. Увы, к сожалению, сразу после Пасхи Филипп должен поехать к Вильгельму по каким-то делам. Он, конечно, все расскажет ему о плачевном состоянии Хью. А Гилберт говорит, что он доставит в качестве подарка Вильгельму вашу голову и скажет королю, что он... Гилберт..., намерен взять меня в жены и поклясться, что будет заботиться о здоровье Хью до конца его дней.

Ротгар снял ногу с обуха топора и прислонился спиной к стене. Его темная одежда настолько слилась с закопченными стенами, что лишь блеск его волос, время от времени вспыхивающие его глаза да белые зубы выдавали его присутствие.

- Судя по всему, вы ничего не теряете, - сказал он наконец. - В случае, если Хью сумеет удержать в руках эти земли, или если Гилберт преуспеет в своих замыслах, вам все равно обеспечено определенное место.

- Вовсе нет, - сказала она, испытывая большое желание подвести его поближе к огню, чтобы лучше его видеть. - Меня окружают люди, которые мне лгут, замышляют против меня недоброе. Я не доверяю ни единому слову Гилберта Криспина. Стоит только Вильгельму согласиться с планом Гилберта, как жизнь Хью будет кончена, а моя станет просто невыносимой.

Что-то в этих словах заставило его выйти из темноты.

- А что вы ожидаете от меня? - спросил он низким, недоброжелательным голосом,

сжимая изо всех сил топорщице. Мария отпрянула от него, опасаясь его с трудом сдерживаемого гнева. - Вы же сами говорили, что у меня нет никаких средств, чтобы предотвратить нападение Гилберта. Я заверяю вас, что могу расправиться с ним, а вы тут же начинаете говорить, что его меч вам нужен для защиты вашего брата. Вы жалуетесь мне на свои несчастья, одновременно напоминая мне о моей полной беспомощности оказать сопротивление тому насилию, которое проявляет он по отношению к моему народу, вы дразните меня намеками о том, что можете оказаться рядом с этой деревенщиной.

Ротгар весь был охвачен приступом ярости. Когда она встала на ноги, то была уверена, что щеки еще больше покраснелись. Она стояла перед ним, едва не касаясь его, пытаясь продемонстрировать уверенность в себе, которой у нее не было, сдерживая его плохо скрываемый гнев своим холодным притворством, подчеркивая свою кажущуюся полную незаинтересованность, к которой она часто прибегала, прохаживаясь между торговых рядов.

Слова могут быть похожими па фрукты. Она выбрала один из них, потом выпустила из рук, подняла другой, взвесив его па руке, потом и этот сменила на другой, у которого, несмотря на ту же форму, была куда более богатая, куда более полная вкусовая гамма, - внутри нее шла торговля, она всячески обдумывала что сказать перед тем, как заключить самую отчаянную сделку в своей жизни.

- Отец Бруно утверждает, что мы должны заключить брак, - наконец медленно выговорила она, надеясь, что верно подобрала не только нужные слова, но и самого мужчину.

Глава 10

Человек все же мог провести спокойную ночь в сакской хижине. Плотный грязный пол, обмазанные глиной стены, толстая кровля в несколько слоев соломы, - все было призвано заглушить посторонние звуки, сделать их почти неслышными. Когда топор выпал из нервно задрожавших рук Ротгара, он вонзился в половицу с тупым звуком; когда же он открыл рот, чтобы заговорить, из него вылетел лишь сдавленный, фальшивый клекот, который он торопливо попытался приглушить.

Почему же в таком случае абсурдные слова Марии звенели до сих пор, отражаясь от деревянных стен, словно эхо от каменных сводов?

- Одно из самых безмозглых предложений, - только и смог сказать он в ответ.

Как это ни странно, Мария выразила с ним полное согласие.

- Да, мне тоже так показалось, когда он впервые высказал передо мной свой замысел. Теперь я понимаю, что не сумела тогда понять до конца, к каким последствиям может привести такой союз. - Лицо ее смягчилось, на нем появилась добрая улыбка. - В отличие от вас, отец Бруно не умеет разговаривать на моем родном языке. Мне тоже иногда довольно трудно понимать вас.

- Нет, что вы, у вас совсем неплохо получается, - ответил он, дивясь тому, что он готов так долго разговаривать только с этой женщиной, и ни с какой другой, кроме, может, матери. - Но вам не стоит мудрить со словами, чтобы понять меня, когда я говорю следующее - нет.

- Почему же нет? - вскинула она брови.

- Ваши рыцари ни за что не согласятся с моей ролью вашего супруга.

- Может, Гилберт и будет вас ненавидеть, но Уолтер наверняка прикроет вас с тыла.

- Ваш король потребует моей головы за то, что я выступил против него с оружием в руках.

- Все это так, - признала она. - Но вы, вероятно, все равно можете ее потерять независимо от того, женитесь или нет.

"Черт подери, какая все же она дерзкая девчонка!"

- Это абсурдная идея, - сказал он, раздражаясь все больше от того, что послушно старался ей все объяснить, ответить на ее вопросы. - Я англичанин, сакс. Вы - норманны. Такой союз между нами будет каким-то чудовищным.

- Неужели? - Она чуть вскинула брови. - Сам Вильгельм призывал норманнов жениться на англичанках, чтобы таким образом заручиться лояльностью этой страны. На территории всей Англии норманнские рыцари брали в жены ваших женщин. Точно также поступил и мой брат с вашей собственной невесткой.

Она, эта женщина, которая только что жаловалась на плохое понимание его языка, тем не менее, ухитрилась говорить колкости, которые, несомненно, были нацелены на то, чтобы вызвать у него еще большую ярость. Или же она старалась унижить его напоминанием о том, каковы масштабы норманнской оккупации? Как бы там ни было, но ее уловка не удалась. Как это ни странно мысль о том, что Эдит лежит в одной кровати с полубезумным Хью, его совсем не трогала, а вот, что Мария каждую ночь отдается Гилберту, - норманнская женщина казалась ему чудовищной, хотя, в общем, ему до этого не было никакого дела.

- То, что произошло между вашим братом и Эдит, - совершенно разные вещи.

- Отчего же?

- Вы сами говорили мне об этом, - с ее помощью ему удалось заручиться лояльностью

народа Кенуика.

- Разве вы не хотите жениться на мне, чтобы добиться такой же лояльности от жителей Лэндуолда?

- Ага! Теперь вы подошли к истинной причине своего брачного предложения! Ротгар очень пожалел, что в данную минуту у него в руке не было топора; он вдруг почувствовал неотразимое желание бросить что-нибудь, бросить со всей силы, чтобы разрядить внезапно охватившее его непривычное напряжение.

- Я не делала вам никакого брачного предложения.

- Нет, делали.

- Нет, не делала. Эта идея принадлежит отцу Бруно...

- Будь он проклят! - заорал он. Это, конечно, святотатство - проклинать священника, - но пусть будет проклято вместе с ним и это святотатство. Бывают моменты, когда защита чести мужчины вызывала в нем настоящее неистовство. Например, в таких, как сейчас, когда женщина с безрассудной смелостью предлагает ему вступить в брак, только чтобы обеспечить дальнейший контроль за землями, чтобы заручиться сотрудничеством дюжины работников...

Ну, а чем это отличается от того, что он сам замышлял сделать, когда силой заставил Эдит покинуть монастырь. Эта мысль заставила его быстро подняться.

Мария стояла перед ним, блики огня отражались на ее взъерошенных волосах: она помахала рукой, словно хотела к нему прикоснуться, но не была заранее уверена в его реакции. Ее широкие беспокойные глаза не вязались с холодной уверенностью в себе, которую она на себя напустила.

Он попытался взглянуть на себя ее глазами. Может, он уже не испытывает мук голода, но все же нельзя скрыть следов от недоедания. Волосы острижены, борода, которой он гордился, сбрита, одет в какие-то крестьянские лохмотья. Настолько тщедушный, такой неприметный по сравнению с сытыми норманнскими рыцарями, что даже она побуждает его спасаться, пытается отдать ему свою кобылу, чтобы только ускорить его трусливый побег.

И все же она не отрывая глаз, с интересом, взирала на его выпиравшее мужское достоинство. Он мог поклясться в этом. Несомненно, ей очень хотелось узнать, оснащен ли хотя бы висячим членом этот человек, так мало похожий на настоящего мужчину). И все же, несмотря ни на что, она предлагала ему жениться на ней. Несомненно, рассчитывая на то, что он отойдет в тень, превратится в подобие сакского евнуха, которого будут время от времени призывать для демонстрации, когда она будет устраивать парады для своего брата перед строителями замка.

Ну, а какой у него был, по сути дела, выбор? Убежать от Гилберта и навсегда навлечь на себя несмываемый позор, продемонстрировав всем свою трусость, оставить ее и Хелуит в руках норманнов. - Нет, об этом и даже думать нельзя. Тогда, может, вступить в любую битву и умереть, как собаке, от рук какой-нибудь норманнской свиньи? Или жениться и дергаться как марионетка, исполняя малейшую прихоть Марии, продолжать взирать, как другие люди управляют его землями, его народом, понимая, что его шея может уцелеть только в том случае, если он будет им полезным и исполнительным.

- Подумайте, прежде чем сказать либо "да", либо "нет", - прошептала она.

Подумать? Казалось, такие мысли кружились у него в голове многие часы, не давали покоя. Огонь, за которым они уже не следили, продолжал весело потрескивать, а черед

затянутое шкурой окно, еще не просачивалась предрассветная белизна.

- Вы должны прежде всего поразмыслить над следующим, - продолжала она, пользуясь его молчанием. - Я полюбила эту землю. Ребенок, который родится от нашего союза, Ротгар, - вырастит на этой земле; он будет называть Лэндуолд своим домом. В любом случае, будете вы жить или погибнете, я постараюсь привить ему любовь.

Он и раньше считал ее ведьмой, а теперь она лишь подтвердила его подозрения. Никто, кроме ведьмы, не мог проникнуть в тайные глубины его мозга и догадаться о его горячем сожалении. Его родственники правили здесь в Лэндуолде, когда римляне высадились на английскую землю, и ему было ужасно больно от мысли, что дальнейшее наследование обрывалось на нем. Ребенок, его сын, хотя он мог и не владеть землями своих предков, хотя у пего в жилах и могла течь норманнская кровь, тем не менее будет скакать на коне по земле Лэндуолда, будет дышать его воздухом, пить его воду.

Из-за нее у него перед глазами стояла какая-то туманная круговерть, она поглощала все его сомнения, мучила его, заставляла представлять, рисовать в воображении, как он прижмет ее к себе, как зароется лицом в ее прекрасных волосах, как он будет, лежа на ней, зачинать с ней ребенка. Мысль об этом взволновала его, его естество восстало; ее бесстрастное перечисление всех ожидающих его впереди привилегий лишь раздражало его, так как он был уверен, что любое телесное соединение с ней будет лишь бледным подобием истинной страсти, лишь долгом, уплатить который требовала ее честь.

Ведьма, умеющая околдовать, очаровать, ведьма, ткущая свою соблазнительную, роковую сеть вокруг него, пользуясь его слишком чувствительной восприимчивостью, высасывающая из него все, и ничего не отдавая взамен.

- Вы готовы раздвинуть перед каждым ноги и стать проституткой Лэндуолда, зарычал он, отлично понимая, что бросал ей в лицо эти обидные, полные ненависти слова только потому, что чувствовал, как безнадежно перед ней капитулирует.

- Да, я раздвину ноги, а вы прольете свое семя, - все это ведет к одной и той же цели. Когда мы соединимся, не испытывая никакой иной страсти, кроме желания обеспечить будущее Лэндуолду, кто разберет, какая у кого роль? Кто из нас уподобится проститутке?

Она пристыдила его, она стояла перед ним, вытянувшись настолько, насколько ей позволял ее маленький рост, не скрывая своей гордости, не пытаясь возражать на его оскорбления.

Ротгар потянулся за топором. Она не спускала с пего глаз. Схватив с кровати плащ Эдвина, он набросил его себе на плечи. Она, слегка вскинув подбородок, молчала. Он открыл дверь. В хижину ворвался холодный ветер, раздувая дремлющий огонь, выбивая из него яркие искры. Здесь еще достаточно дров, и она сможет продержаться до утра.

Он переступил через порог, плотно притворил за собой дверь. Потом подумал: "Ну и что теперь?" Он должен уйти, вот что. Пусть Гилберт думает, что он бежал, спасая себе жизнь, чтобы не сталкиваться лицом к лицу с норманном и его мечом. К черту гордыню.

Он должен уйти, и он уйдет.

Она что-то говорила о своей кобыле. Он, конечно, не возьмет эту лошадь, но воспоминания о том, как она ворвалась в хижину, вся окоченевшая до такой степени, что не могла даже разжать пальцы рук, укрепляли его в мысли, что она, конечно, не позаботилась, как следует, об этом несчастном животном. Сообразительная лошадь, несомненно, нашла бы укрытие позади хижины, где ей был бы не страшен холодный северный ветер. Он увидел, что кобыла там. Стоя, она чутко дремала. "Вероятно, ей в голову никогда не приходила мысль,

что нужно снимать с лошади седло", - пробормотал он сквозь зубы. Подойдя к спящей кобыле, он снял с нее седло и уздечку, почесал ей за ухом, потом, наклонившись связал ей передние ноги поводком. Теперь он должен уйти.

Небольшая горка неколотых дров преградила ему обратный путь. Той вязанки, которая сейчас сушится возле огня, хватит лишь до утра, если только ветер не задует в другую сторону или не разыграется непроглядная метель. Если такое произойдет, то никто, даже Гилберт, уже не спасет ее. Он выбрал из поленьев те, которые поменьше, которые станут гореть без дополнительной рубки, и потащил их к двери. Он бросил их на видном месте, чтобы она сразу смогла их заметить.

Теперь пора уходить.

Казалось, прошла целая вечность, а он прошел всего какую-то сотню шагов.

Однажды, когда он был юным и только познавал этот мир, спросил отца, почему самые нищие крепостные, положение которых было нисколько не лучше положения рабов, даже не пытались бежать от ужасающей монотонности и беспросветности жизни.

- Но ведь это их родина, - ответил старик Ротгар.

- И это моя родина", - кричал внутренний голос. Казалось, Лэндуолд связал его ноги невидимыми путами, так как каждый шаг ему давался невероятным усилием воли. Неудивительно, что крестьяне никогда не убегают. Часто казалось, что, несмотря ни на что, они счастливы.

Но что означает для него брак с Марией, брак без любви? Чем он отличался бы от холодного, рассчитанного наперед союза с Эдит? Да, все верно, подтверждал внутренний голос, но он не мог до конца понять, почему это должно быть именно так, и почему это так было.

С трудом преодолев еще несколько метров, остановился, потом еще несколько, снова остановился. Сыновья здесь, в условиях щедрой природы Лэндуолда, вырастают высокими и крепкими.

Он повернул назад, к хижине, и с такой быстротой очутился возле двери, что был немало удивлен. Он был уверен, что эта ведьма, которая набивалась ему в жены, обеспечила ему какой-то магический перелет. Она стояла на коленях, повернувшись спиной к огню, не сводя глаз с двери, ожидая его возвращения. Глаза у нее ярко сверкали: может, от слез, может, от резкого ветра, проникающего через дверные щели, может, еще от чего-то. Он не мог точно сказать.

- Вы что, на самом деле ведьма? Как вы могли быть уверенной в том, что я непременно вернусь? - спросил он, спиной закрывая за собой дверь. Увидав ее, он почувствовал непреодолимое стремление к жизни.

- Нет, но я слышала, как вы там, снаружи, проявляли обо мне заботу, и молилась. - В доказательство этих слов, она подняла руки, демонстрируя длинные, нежные пальцы, которые переплелись в старинном ритуальном жесте. Вы, конечно, будете меня ненавидеть до конца моих дней за то, что я предпринимаю?

- Как легко сказать, - я никогда не смог бы вас ненавидеть, - но как трудно выдержать, когда возвращалась холодная рассудочность, когда она не стояла на коленях перед ним у огня, когда он должен был передать свою землю Хью, когда его положение раба умаляло его самого в глазах других рыцарей и в его собственных. - Я попытаюсь не делать этого и потом, позже, - ответил он.

Вздыхнув, она быстро оглянулась. Встав на ноги, принялась поправлять смятые юбки.

Потом, наконец, снова повернулась к нему. Она низко опустила голову, волосы закрыли ей глаза, через пряди пробивались только ее круглые розоватые от огня щеки.

Проворными пальцами она начала развязывать ленточки у себя на шее, затем высвободила руку из рукава туники.

- Что вы делаете? - Его голос сразу охрип, когда она, потянув еще раз за тунику, обнажила руки и все остальное, демонстрируя ему кремовую округлость вздымающихся грудей.

- Мы с вами заключили сделку, не так ли? - Когда он с кислым выражением на лице кивнул, добавила:

- У нас есть время. Я предлагаю ее должным образом завершить и кончить дело!

Однажды, стараясь помочь Марии привлечь к себе внимание будущего состоятельного супруга, ее кузина Элисон попыталась обучить ее искусству флирта. Мария, однако, не оказалась способной ученицей.

Ее лицо застывало, на нем появлялись резкие линии в тот момент, когда нужно было соблазнительно улыбаться, когда ей приходилось произносить двусмысленные выражения, слова у нее получались какими-то неуклюжими. Когда пытаясь копировать легкие движения телом, грациозные жесты молодых норманнских знатных дам, все у нее выходило ходульно и глупо. В конце концов, Элисон, подняв руки вверх, сдалась.

- По крайней мере, старайся не полнеть, - убеждала она ее, с упреком качая головой и указывая на недостатки Марии, и добавила:

- У тебя красивые груди. Кто из мужчин не захочет посмотреть на них, хотя бы краешком глаза. Судя по всему, Ротгар Лэндуолдский принадлежал к их числу.

Этот человек, предвкушая прелесть победы, выдавал охватившее его возбуждение торжествующей, вожделенной улыбкой; он от удовлетворения прищурил глаза, постоянно одергивая тунику, чтобы скрыть рвущееся на волю из штанов свое мужское естество. Когда Ротгар все же уклонился, Мария поняла, что ее легкомысленные слова приобретали в его восприятии оскорбительный оттенок, и теперь даже ее голые груди не вызывали никакого набухания в нижней части его туники. "Давай завершим нашу сделку веселым ритуалом плотской любви", - вот что она хотела ему, в сущности, сказать. От смущения кровь бросилась ей в лицо, и она попыталась найти рукав и продеть через него руку.

Он опередил ее, коротко бросив:

- Пусть будет так. И сбрось с себя все остальное. Посмотрим товар, который ты здесь предлагаешь.

Пожав плечами, она спустила платье до пояса. Почувствовав, как он учащенно задыхался, она осмелилась бросить взгляд на конец его туники. Элисон была права все эти годы. Хотя ее кокетливые слова успеха не принесли, обнаженные груди все же подействовали. Либо Ротгар засунул себе в штаны свой топор, либо все же ее груди воспламенили его.

Ей захотелось закричать.

- Ах!.. - Его голос превратился в хрип, свидетельствующий об отвращении. Прикройся.

Он повернулся к ней спиной. Снова одев платье, она ожидала, когда же ее зальет, словно потоком, чувство облегчения, словно она наконец выполнила неприятное задание.

Но она ничего не дождалась, его холодность глубоко ее уязвила.

- Мой муж не считал, что у меня такое внушающее только отвращение тело, сказала она, разглаживая ленточки, чтобы снова завязать их на шее.

- Твой муж? - Казалось, он давился этими словами, не мог их толком произнести.

- Его звали Ранульф Фитц Герберт. Он давно умер от раны, полученной в живот. - Она дотронулась рукой до правой части своего живота, вспоминая ужасную кончину Ранульфа.

- Ты до сих пор по нему чахнешь?

- Нет, - ответила она, иронично улыбнувшись. - Мы были женаты четыре года, он постоянно выполнял повсюду свой рыцарский долг. Он проводил день со мной, а неделю в другом месте. Всего-то мы, наверное, и были с ним вместе не больше четырех месяцев. Он был добрым человеком, но я давно привыкла жить без него, а не с ним.

- У тебя сохраняются и обо мне такие же воспоминания, если моя голова слетит с плеч, как ты на то рассчитываешь?

Она внимательно изучила его напрягшееся, такое неуступчивое тело. Отбрасываемые от огня тени обрисовывали его силуэт на фоне стены до малейших деталей - от торчащих стержней волос на голове до его непокорного мужского естества, все еще выпиравшего из штанов. Она знала, что ей никогда не забыть любого разделенного с ним момента. "Почему он отвернулся от нее? Почему?"

Ротгар, словно прочитав ее мысли, заговорил. Он заходил, жестикулируя, по хижине.

- Нет, я так не могу. - Чувствовалась вся глубина его отвращения и неприязни. Боже праведный, она заключила сделку, чтобы выйти замуж за любовника!

- Я не понял твоих намерений. Мне никогда еще не приходилось совокупляться таким образом.

Она закрыла глаза, охваченная безотчетной печалью, что Ротгар в этом смысле для нее потерян навсегда.

И вдруг она услышала его безотчетный смех. Она открыла широко глаза от неожиданности.

- Неужели тебе всегда нравится самое худшее? Я имею в виду, что лучше всего заниматься любовью в таких местах, в которых не кишат вши и гниды. Где мягкий соломенный тюфяк и меха располагают к любви. Я не привел бы последнюю проститутку в такую хижину, где я должен выносить на ночь на мороз этот вонючий соломенный тюфяк, чтобы кишасшие в нем паразиты не оказались в моих и без того остриженных волосах. Черт подери, как мне хочется, чтобы ты привела мне два бурдюка с вином!

В отчаянии она пыталась догадаться до смысла его слов.

- Значит, тебе нужно обязательно напиться, чтобы совокупиться со мной?

- Нет, - ответил он, чувствуя, как пропадает веселость. Его поведение стало таким же серьезным, как и ее. - Но глоток-другой вина может помочь нам чувствовать себя друг с другом более раскованно, в таком случае легче говорить о том, что у тебя на самом деле на сердце.

- Мне не нужно никакого вина, чтобы говорить правду, - сказала она.

- Ах так? В таком случае скажи, почему ты на самом деле хочешь, чтобы мы женились? - бросил он.

Ей тут же самой захотелось выпить. Ротгар прав; когда по ее жилам разливается смешанная с вином кровь, ей легче говорить о том магическом чувстве, которое пронизало все ее тело, когда она впервые прикоснулась к его коже, о том, как ему удалось добраться до глубины ее сердца. В состоянии легкого опьянения она могла осмелиться и признаться, что из всех мужчин только он, кажется, был способен покончить с ее проклятым томительным одиночеством, чтобы только он был рядом с ней, это бы наполняло жизнью все ее существо.

- Ты прежде пыталась изложить мне истинные причины, - сказал он, выражая нетерпение из-за ее продолжительного молчания. - Теперь я тебе помогу. - Если ты будешь замужем за другим, то Гилберт не сможет принудить тебя выйти за него.

- Ты прав, но лишь частично, - призналась она.

- Даже если он убьет меня, то какой ему толк в останках какого-то сакса?

В этом она не была до конца уверена. - Может, у него что-то есть на уме.

- Все равно люди станут поддерживать только Хью.

- Хотелось бы надеяться.

- А ты можешь рожать детей? - Он вдруг неожиданно нахмурился, словно вспомнив о своей бездетности.

- Я однажды забеременела, но ребенок так и не родился. Ухаживающая за мной старуха заверила меня, что первый раз выкидыши случаются довольно часто, так что не стоит беспокоиться.

Кажется, ее ответ удовлетворил его.

- Завершение сегодняшней нашей сделки означает, что мы можем не объявлять о предстоящем браке с целью выявления каких-либо препятствий, стоящих на его пути, принимая во внимание, что у нас может появиться ребенок.

- Да, ты прав.

Она ожидала, что он что-то скажет еще, но он молча уставился в пылающий огонь. Представленные в таком свете веские причины для заключения брака казались делом рассчитанным и совсем незначительным, и в результате лишь бледное подобие чувства охватило ее сердце.

- Существуют ли какие-нибудь другие причины? - спросил он, словно невзначай.

"Нужно сказать ему, что есть и другие причины", - неожиданно пришло ей в голову, и сердце учащенно застучало у нее в груди от этой мысли. Она понимала, что сорвавшиеся с губ слова, какими бы малозначительными они ни были, не вызовут у него никакой реакции, свидетельствующей о том, что у него тоже есть хотя бы малая частичка тех чувств, от которых распирало все ее существо. Она молча ждала.

Казалось, он старательно пытается выяснить причину ее молчания. Потом он сказал:

- Значит, дело между нами уложено, не так ли? Чувство горького разочарования охватило ее, оно было таким всеохватывающим, всеобъемлющим, что даже такой неумеющий прятать своих эмоций человек, как она, мог зашататься и с головой выдать себя. Пытаясь собрать осколки разбитой гордыни, Мария спросила:

- Ты, значит, удовлетворен заключенной сделкой?

Последовало продолжительное молчание, а тем временем усиливалась жара от огня, который, казалось, отражаясь от стен, изводил их еще больше.

В этой тишине вдруг послышался его голос:

- Да, я удовлетворен. За исключением одного.

- Чего же? - Она почувствовала, как у нее сохнет во рту; ее произнесенные хриплым голосом слова, казалось, все еще дрожали в удушливой, угнетающей атмосфере хижины.

Уголки губ Ротгара дернулись в кривой усмешке. Легким движением руки он теребил свое крепкое восставшее мужское естество, которое неуклюже пряталось за его одеждой. Задыхаясь, Мария широко раскрывала рот, словно большой рост этого человека, его сила, восставшее естество лишали ее возможности в полной мере вдыхать спертый, нагретый воздух.

Его полуулыбка исчезла, все его тело напряглось. Его глаза, в которых теперь ничего нельзя было разглядеть, блуждали по всему ее телу; они, казалось, оставляли жгучее клеймо на том месте, на котором задерживались, и теперь у нее не оставалось ни тени сомнения в том, что он искал, чтобы должным образом заверить заключенную между ними сделку.

Глава 11

Ротгар подошел к ней вплотную, заставляя ее закидывать голову, она попала под чары его искаженного долгим мучительным желанием лица, его роковых для нее движений, словно сильное саднящее влечение охватило все его существо. Его дыхание стало неровным, его грубая мужская хрипотца отзывалась судорогами, пронизывающими все ее тело, даже ее прекрасные волосы, казалось, тянулись к нему.

- Посмотри на мою руку, - прошептал он, словно объятый благоговейным страхом. - Ее притягивает к тебе какое-то колдовство.

Рука дрожала, словно на самом деле действовала чья-то невидимая сила. Он коснулся ее локона.

- Смотри, - сказал он, накручивая ее волосы на свой широкий палец с грубо обрезанным ногтем. При мерцающем огне костра они по-особому блестели на фоне его грубой, покрытой мозолями кожи, словно золотисто-коричневый шелк. Он высвободил палец, и ее волосы мягкими прядями теперь лежали у нее на груди. Он повторял, повторял эту операцию, покуда половина ее волос не очутилась перед ней, у нее на груди.

- Сними платье, Мария, - хрипло прошептал он. - Я хочу видеть тебя прикрытой не одеждой, а только твоими чудесными волосами.

"Я... Неужели прошло всего несколько минут, а не целая вечность с того мгновения, когда он отвернулся от нее, от ее полуобнаженного тела? Все эти разговоры о колдовстве, все его похотливое поведение, - что это, просто уловка, чтобы возбудить ее еще раз, а потом снова унижить?"

- Нет, не буду, - сказала она. Воспоминание о его небрежном отказе лишь усиливало ее раздраженное смущение.

- Значит, мне придется это сделать первым? - Он, казалось, был удивлен ее отказом. За какую-то секунду освободился от туники и штанов. Когда он вплотную приблизился к ней, она сделала несколько шагов назад до тех пор, пока не уперлась спиной в стену.

Наблюдая за тем, как он штурмует прикрытую мехом крепость ее груди, с какой силой выточенных, словно резцом, мышц превратил ее в баррикаду, стоящую возле стены, она удивлялась, почему это ей пришло в голову, что он так страдает от голода. Сейчас она чувствовала, что не это его заботило, что он пытался овладеть самим ее существом, прогнать все ее страхи, все сомнения, покуда ничего не останется, кроме звенящего, дрожащего присутствия двоих, мужчины и женщины. Ничего, кроме жаркого огня, их уединения и комка подбитого мехом шелка, валявшегося на полу. Чтобы успокоиться, она крепко сжала его руки у локтей, потом оторвала их с трудом, чтобы не чувствовать под ними бугры напрягшихся бицепсов.

- Ну что, теперь ты намерена разыгрывать передо мной недотрогу? - спросил он, и его дыхание шевелило пряди волос.

- Ну, а ты намерен разыгрывать безжалостного насильника? - парировала она, надеясь, что ее резкие слова не приведут опять к повергающей ее в смущение перемене его настроения.

Он рассмеялся, его грудь шумно вздымалась возле ее уха, заставляя все ее другие места

пониже вибрировать, в ответ на его прикосновения.

- Что бы ты сказала, если бы я это сделал, когда ты спала без задних ног?

Вспомнив о том далеко нецеломудренном положении, в котором она находилась, когда к ней вернулось сознание, она смущенно опустила голову. Она так близко стояла, что лоб ее касался его такой теплой груди, от которой исходил слабый-слабый аромат лошадиного пота, лесных пожаров, неуловимый запах возбужденного мужчины, и они настолько пропитали все ее чувства, что ей хотелось вдохнуть их еще глубже, глубже, просто задохнуться в их пьянящем буйстве. От Ранульфа, который всегда затаскивал ее в кровать, как только сбрасывал с себя латы, никогда так вкусно не пахло.

- Ты говорил, что не прикасался ко мне во время сна, - сказала она, расставшись с мыслями о Ранульфе так же быстро, как они пришли. Она говорила, уткнувшись губами в теплую грудь Ротгара.

- Ты была похожа на распутившийся передо мной нежный цветок, - прошептал он, поднимая кверху ее подбородок, покуда ее глаза не пересеклись с его глазами. Теперь ей казалось, что она все открыла перед ним, так что он мог запросто заглянуть ей в душу. - Я мог бы дотронуться.

- Удовольствие для одного, - ответила она. Мария все время думала, оставалась ли бы она в бессознательном состоянии, если бы Ротгар гладил всю ее своими длинными чувствительными пальцами.

- Но зато какое долгое. Если бы я тогда это сделал, мне не пришлось бы делать ни этого, ни вот этого. - Он поднес палец ко рту и облизал его языком, - чтобы сохранить твой запах, вкус твоего тела.

- Ах! - Такие шутки, такие провокационные действия вообще лишали ее рассудка. - В таком случае можете продолжить свое алкогольное "путешествие", зачем же возвращаться ко мне?

- Нет, миледи. Твои запахи куда более возбуждают, чем то пойло, которое ты готовишь для своего братца. Стоит только сделать один вдох, и вот я снова рядом, умоляю позволить мне сделать второй.

Он все плотнее прижимался к ней, осмеливаясь провести своими руками по ее бокам, обхватить ее за талию, все сильнее давил на нее всем телом, покуда его бедро не проскользнуло в верхнее пространство между ее ног, покуда ее мягкая податливость не напрягла его крепкие, как железо, мышцы.

- Так как я тогда не получил того, что хотел, то теперь мне придется об этом позаботиться самому, - сказал он, еще ниже наклоняя голову к ее голове.

И вновь у нее в голове пронеслись мысли о Ранульфе. Она представила его вялые, слюнявые губы, его рот, из которого сильно пахло вином, всего его, проголодавшегося по женщине за долгое отсутствие из-за постоянных военных кампаний. Как ей приходилось целовать его член, чтобы он затвердел, чтобы потом доставить ему легкую радость от возможности, наконец, совокупиться. Но любая женщина в конце концов может отвернуться в сторону, чтобы не чувствовать противного запаха из слюнявого, чавкающего рта, и попытаться получить удовольствие от приятного трения у нее между ног, стараясь не замечать времени, думая только о возможности в результате зачать ребенка.

Потом Ротгар ее поцеловал.

От него тоже разило вином, само собой разумеется, но это был пьянящий, сладкий запах, и она испытывала жгучее желание прикоснуться к его губам, чтобы его еще раз

ощутить. Его губы, твердые, требовательные, сильно прижимающие ее собственные, теребящие их шутливым посасыванием.

Он тоже полгода не видел женщины, если верить его словам, но все же он удерживал под контролем свою похоть, о чем свидетельствовал каждый напрягшийся мускул. А его язык, жаркий, желанный, ласкающий ее собственный, до тех пор покуда у нее во второй раз за день не подкосились ноги от прикосновения к ней мужчины.

Боже, как все иначе, все не так.

- Почему? - шептала она, когда он еще крепче прижал ее к себе, не позволяя опуститься на пол. - Почему я так все чувствую? Почему этого никогда прежде не было?

- Ах, Мария. - Он зарылся лицом в ее волосы. - Ты даже не представляешь, как ты красива, одного брошенного на тебя взгляда достаточно, чтобы воспламенить королей, не говоря уже о безземельных деревенщинах вроде меня. Но я ведь тоже не каменный, - сказал он, направляя ее руку к себе между ног, к той части тела, которая, несомненно, опровергла его высказывание. - Сегодня ты будешь принадлежать мне.

- Да, ты со мной. Когда в твоих глазах появляется одинокая слезинка, я мгновенно забываю о всех своих бедах. Одного намека на грозящие тебе невзгоды достаточно, чтобы я ринулся на твою защиту. Забирай мои земли, топчи мою гордыню, преврати меня в тряпку перед моим народом, - нет, только одна ведьма может сделать все это таким несущественным, а важным только одно, - вот это. Он раскачивался, прижимаясь всем телом к ней, сжимая свободной рукой ее грудь, раздражая сосок.

Она хотела чувствовать его руки, губы, язык, всего его над собой, хотела, чтобы его раскаленный, дрожащий мужской ствол проник в нее, зарылся в ее глубинах. И все же она не хотела в этом признаваться, если он соблазнял ее, не испытывая такой же, как она, страсти, в своем сердце.

- Ротгар, - сказала она, тяжело дыша, пытаясь объяснить ему свою непристойную возбужденность, - мы должны подождать..., не то погаснет костер..., погаснет вот сейчас.

Он только застонал в ответ.

- Да, я пытаюсь отпустить тебя, но у меня ничего не выходит.

По ней пробежала волна ликования. Он не хотел ее выпускать из объятий! Он хотел ее, этот красивый, дразнящий воображение, смеющийся, терзающийся человек, - он хотел ее.

- Ротгар... - прошептала она, так как ей хотелось так много рассказать ему, но она не могла этого сделать.

При упоминании его имени он издал какой-то первобытный вопль, который, кажется, застрял у него в горле. Своими пальцами, которые обладали такой невероятной мягкостью и одновременно пылали жаром, - она это чувствовала при их прикосновении, - он задрал ей платье, оголив ноги, оголив самые интимные ее места, впился в них взглядом. И снова мучительно застонал, когда Мария сделала то же самое, - когда она проникла рукой в его плотные трусы и проворными пальцами извлекла из-под грубой материи его набухший ствол наружу.

Она бросила удивленный взгляд на то, что ей удалось выпростать, вспоминая при этом сухость и жесткую боль, которые всегда сопровождали первый тычок Ранульфа после долгих месяцев воздержания. К тому же копьё Ранульфа не обладало ни тяжестью, ни длиной того, что было у Ротгара.

Никогда прежде Ранульф так не дрожал от натуги, пытаясь сдержать охвативший его пыл, никогда он не смотрел на нее такими возбужденными, безумными от охватившей

страсти глазами. Один только вид до такой степени возбужденного Ротгара, возбужденного из-за ее близости, заставил ее почувствовать жаркую топь у себя между ног, и в это мгновение она отринула прочь все сомнения.

- Сегодня ты принадлежишь мне, Мария, - шептал он, прижимаясь к ее губам. - Я больше не в силах ждать, не могу не овладеть тобой. - Его грубая страсть заставила ее задрожать всем телом. Не будучи уверенной в том, что именно он от нее хочет, она вытянулась всем телом, как струна, а когда он поднял ее на руках у стены, она поняла, что от нее требуется, хотя она прежде этого никогда не делала. Он удерживал ее на весу, покуда она не обхватила его ногами за талию, после чего она с опаской, медленно начала опускаться на влажную, трясущуюся, как в лихорадке, голову его мощного ствола.

Она закричала, как и предполагала, но только не от боли.

В таком полуподвешенном состоянии у нее не было никакой возможности все регулировать, чтобы его ствол медленно-медленно входил в нее. Охватившее ее странное чувство, словно она вся тает внутри, все смягчило, и ее жидкость смешалась с его жидкостью. После первого, короткого обжигающего проникновения она сумела приспособиться к необычным по толщине и длине его члена.

- Только тихонько..., только тихонько. - Его страсть говорила о его готовности не терять над собой контроль.

Она сильнее прижималась к нему, не осмеливаясь даже дышать, покуда он, дрожа всем телом, резко не выдохнул весь воздух из легких.

- Крепче сожми ноги, - приказал он ей, и она сжала его крепче, чувствуя, как еще глубже проник он в нее. Поддерживая ее снизу одной рукой, второй он срывал, стягивал с нее одежду. Она почувствовала, как он ее укладывает, подсовывает под спину что-то шерстяное. Свернутый узел оказался у нее под лопатками, предохраняя ее нежную кожу от соприкосновения с шершавым полом.

Обхватив ее одной рукой за талию, придерживаясь второй за стену, он глубоко проник в нее. От продолжительного, чувственного удара его ствола его грудь крепко прижалась к ее обнаженным, легко реагирующим соскам; он продолжал проникать все глубже в нее, покуда не коснулся внутри нее какого-то тайного местечка, которого она прежде не чувствовала; тут же все тело ее, казалось, взорвалось, по нему побежали конвульсивные, лихорадочные волны охватившего ее удовольствия.

Она снова громко закричала, будучи не в силах вынести это обжигающее ее блаженство. Она боялась потерять над собой контроль и все сильнее прижималась к нему, а он, сжимая ее все крепче, продолжал вонзать в нее ствол, и казалось, какое-то внутреннее чувство ему подсказывало, как сочетать каждое из своих движений с теми сладостными спазмами, которые терзали ее тело. Наконец он тоже закричал, сообщая ей о своем облегчившем его приятные мучения извержении, и она почувствовала, как в эти мгновения пульсирующий его ствол все с большей частотой проникал глубоко в нее. Потом он, не отпуская ее от себя, перевернулся, прижавшись голой спиной к стене, которая теперь служила им обоим надежной опорой.

Мария уютно лежала на нем, наслаждаясь ударами его сердца, которые толкали ее в грудь, чувствуя прикосновение внизу живота его курчавых волос и напрягшихся мускулов; она до сих пор не могла прийти в себя от тех, охвативших ее всю с головы до ног пронзительных ощущений, вызванных у нее таким сильным его стволом, таких больших размеров. Вздохнув, она хотела было разжать ноги вокруг его талии, но он предупредил ее

движение, крепко схватив ее своей громадной рукой за бедро.

- Нет, еще рано.

Ей было любопытно, не хотелось менять эту позу, и она постаралась расслабиться, лежа на нем. Она чувствовала его живот, плечи, напряженную спину. Потом он с усилием поднялся вместе с ней, отошел от стены и, широко ухмыляясь, понес ее, поддерживая сзади руками, не прерывая взаимного проникновения друг в друга.

- Ты ведь предупреждала, что огонь гаснет, - заметил он.

- Так быстро? - Она, притворившись, что ужасно разочарована этим, сжимала свои внутренние мышцы вокруг его мужского естества. В ответ на ее движения он начал разбухать еще больше, и она еще крепче сжала бедра. - Может, можно вновь раздуть его с помощью кузнечных мехов?

- Мария! У нас нет мехов, только крупные поленья. Если огонь потухнет...

- Нужно уметь класть в огонь и большие поленья, для этого нужно обладать большим искусством. - Улыбаясь, она все крепче сжимала вокруг его талии свои ноги, приподнимаясь чуть-чуть и затем снова опускаясь на прежнее место. Будет непростительно с моей стороны, если мы погубим огонь из-за нехватки дров.

Теперь наступила ее очередь лечь на спину, в глазах промелькнули коварные искорки.

- Послушай, Ротгар, что тебе известно об искусстве поддразнивания?

Она замолчала, когда он стал целовать ее. Они смеялись над неуклюжими попытками Ротгара, не вылезая из нее, стать на колени на ее плаще. Оба они задрожали от сожаления, когда все их усилия распутать их переплетенные члены привели к их короткому разъединению. Мария тут же, через секунду отправила его член на прежнее место в трусы, однако им пришлось потратить гораздо больше времени, чтобы раздуть потухающий в хижине огонь, которому он должен был уделить большее внимание, чем пожару, полыхавшему у нее внутри. Только после этого он опять глубоко проник в нее, их тела возобновили бесконечные ритмические движения; она удовлетворяла свое желание, чтобы его руки, губы, язык - все владело ею, владело и телом и душой.

Ротгар глядел на игру отблесков огня не лице Марии, изучая ее длинные, покрытые сажей ресницы, выделявшиеся на фоне нежной кожи щек, ее полные, чуть раскрытые губы, через которые вырывалось нежное дыхание спящей женщины. Он вдруг почувствовал, как всего его охватывает волна нежности, порыв защитить это слабое создание. Она принадлежала теперь ему. И хотя у него не было особых средств, он прежде умрет, но не позволит ей попасть в беду.

- Мария, - прошептал он, прикоснувшись губами к ее губам. - Пора просыпаться.

Она зашевелилась, приложив его руку к своему теплему от сна животу, посмотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых вначале промелькнуло сонное смущение, а потом хорошо запомнившееся ей удовольствие.

- Ротгар, - прошептала она, и снова произнесенное ею его имя возбудило в нем острое желание. Черт подери, как ему хотелось вновь обладать ею!

- Еще не рассвело, - прошептал он хрипло. - Нужно поторапливаться.

Она приподнялась, опершись на локоть. Ее перепутанные от его прикосновения волосы спадали ей на плечи, опускаясь до самой талии, а нахальные соски ее груди торчали из-под этого шелковистого водопада.

Глаза у нее горели. Она помнила, какое громадное удовольствие он ей доставил. Сладкая, даже приторная улыбка тронула ее губы.

- Послушай, Ротгар, нужно найти отца Бруно и попросить его нас обвенчать.

Тяжело вздохнув перед тем, как ответить, он отвернулся в сторону, чтобы избежать соблазна при виде ее желанного тела.

- Я не могу жениться на тебе, Мария. Губы у нее раскрылись, словно она хотела закричать в знак протеста, но успела поднести ко рту свои дрожащие руки. И только легкое подергивание ее ресниц выдавало в ней волнение из-за того, что она только что услышала. Он помнил, как искусно она умела прятать свои истинные чувства, понимал, что его слова сильно ее ранили.

- Мы не можем заключить брак, - торопливо продолжал он, опасаясь, что она вот-вот отвернется от него. - Но не потому, что я трушу и не хочу умереть за тебя. Я уж не такой беспомощный дурачок, за которого ты меня принимаешь. Я вырос с сакским боевым топориком в руках. Хотя черепа норманнов столь же крепки, как дерево, но даже самый стойкий дуб не выдержит точно нанесенного удара. Я могу доставить немало хлопот вашим рыцарям, Мария, хотя они и попили немало моей крови, но это ни к чему не приведет.

Он коснулся ее щеки большим пальцем, словно хотел стереть с ее лица выражение печали, пронзившей ее в самое сердце.

- Нет, сейчас наш брак не даст тебе того, к чему ты стремишься. Да, он, конечно, заставит крестьян повиноваться, но, тем не менее, мне кажется, что такой союз между нами приведет к мятежу среди ваших рыцарей.

- Конечно, им это не понравится, - согласилась она, хотя ее дрожащий голос свидетельствовал о том, как трудно ей стоило произнести эти слова. - Прежде всего, Гилберт прореагирует на все со свойственной ему яростью.

- Мы хотим тем самым укрепить единство, но если ты публично свяжешь свою жизнь с моей, то этот брак может внести только разлад среди норманнов, вы лишитесь их лояльности, что лишь усугубит ваше положение. Я знаю, как обстоят дела здесь, в Англии, Мария. Вся страна кишит мародерами, грабителями, ворами всех мастей, которые готовы накинуться на любого, кто проявит первые признаки слабости. Ты не можешь пойти на риск, не можешь настраивать против себя ваши вооруженные отряды, и ты не сможешь, как бы я этого ни хотел, позволить мне снести им головы.

- Я это знаю. - Она говорила чуть слышно, почти шепотом. - Я так надеялась..., но теперь полагаю, что должна пребывать, как и прежде, в полном одиночестве.

- Нет! - воскликнул он, придя в ужас от мысли, что она хочет покинуть его. Ротгар крепко прижал ее к груди.

- Хочу предложить тебе одну хитрость, которая позволит тебе удерживать Гилберта на отдалении, куда твой брат не поправится.

Что бы ни говорили..., о смуглолицем рыцаре, это вызывало у Ротгара острую ревность и отвращение к нему.

- Реакция Гилберта непредсказуема. Одним из его ответов на наш брак может стать вспыхнувшая ярость, которая приведет к убийству. Только представь себе, что может произойти, если ему взбредет в голову отправиться к этому сукину сыну Вильгельму или же назвать тебя перед твоим братом предательницей! Только подумай, как прозвучат его обвинения, если он назовет тебя бессердечной женщиной, которая преднамеренно доводит каким-то зельем до безумного состояния своего брата, а сама тем временем управляет поместьем вместе со своим супругом, который является заклятым врагом самого Вильгельма.

Она побледнела.

- Я об этом не подумала. О какой.., хитрости ты говорил?

- Если тебе удастся вернуть симпатию Гилберта, как ты считаешь, позволит он тебе продолжать вести себя, как прежде, управлять поместьем и делать все, что ты захочешь?

После нескольких секунд колебаний она кивнула:

- Кажется, такое возможно. Многие рыцари похожи на Гилберта, они все, как правило, тупоумные; но они значительно более опасны, так как не украшают свою свирепую силу мудростью. Мне всегда было легко заставлять Гилберта исполнять мои прихоти.

- Тогда я предлагаю тебе приручить еще раз Гилберта. Ты сказала, что он намеревался сегодня утром явиться сюда. А я предлагаю тебе отвезти меня обратно в Лэндуолд в качестве твоего пленника.

- Но...

- Прежде нам нужно придумать какую-нибудь убедительную причину, объясняющую твое появление здесь ночью. - Ротгар продолжал упрямо развивать свою мысль, не обращая внимания на ее возражения.

Машинально она потерла синяк на предплечье.

- Вчера вечером Гилберт повредил мне руку. Я могу сказать, что я, испугавшись, отправилась к тебе за помощью.

- Замечательно, - одобрил ее план Ротгар, хотя ему стало не по себе, когда он представил себе, какую боль ей пришлось вынести от этого негодяя. Он заставит этого рыцаря заплатить за любое пятнышко, оставленное им на ее коже, он заставит его корчиться от боли в десять раз сильнее той, которую пришлось испытать Марии. - Ты должна сказать Гилберту, что была не права, приняв решение отпустить меня на волю. Ты должна сбивать его с толку, всячески предупреждать его вспышки, подчеркивая притворное согласие с ним во всех делах. Пусть звенит его меч, защищая Хью и его дело. Время от времени ты можешь отправлять меня на земляные работы вместе с моими крестьянами, а я постараюсь добиться от них взаимопонимания.

Он изучал выражение ее лица, пытаясь обнаружить в нем признаки страха, но увидел в нем лишь понимание, - она не проявляла никакого трепета от мысли о необходимости обмануть этого низкого норманнского рыцаря. Не отдавая даже себе в этом отчета, он чувствовал, как его распирает гордость за ее смелость и мужество.

- Ну, а что прикажешь делать, если мне придется, чтобы умиротворить Гилберта, пообещать ему нечто зловещее? Как ты поймешь, когда я говорю всерьез, а когда притворяюсь?

Ротгар довольно кивнул, отмечая разумность поставленного ею вопроса.

- Все очень просто. Каждую ночь ты будешь приходить ко мне. - Он лукаво улыбнулся. - Я ожидаю от тебя ежедневных отчетов о твоих коварных действиях.., плюс все остальное.

Сладкая судорога пронзила все ее тело, а его чресла слегка напряглись в ответ. Он наклонился к ней, чтобы поцеловать ее, но она остановила его, выказав дополнительную озабоченность.

- А что если ситуация выйдет из-под контроля и мне придется положить конец всем своим хитростям?

И снова он почувствовал, что этот ее вопрос затрагивал те опасности, которые грозили в будущем им, но не желал на него отвечать. Внутри он почувствовал свалившийся на него тяжелый груз.

- Если ты прекратишь посещать меня по ночам, я пойму, что ты переметнулась к Гилберту.

- Такого никогда не произойдет, - неистово поклялась она, и эта клятва и ее серьезное, торжественное выражение лица привели его в восторг.

- Ах, моя сладкая Мария. Иногда нам приходится делать такое, от чего у нас все переворачивается внутри. - Он поднес палец к губам, умоляя небо, чтобы ей никогда не пришлось бы насильно прибегать к таким постыдным действиям. Скажи-ка мне, а что, если бы я попросил тебя, забыв о всех этих несчастьях, бежать вместе со мной?

- Я... - она с трудом сглотнула слюну, отвернулась от него и, вздрогнув, уставилась на играющий огонь. - Я бы пошла на это, Ротгар. Я просто не в состоянии позволить тебе уйти от меня снова.

При этих словах сердце его возликовало, все у него пело внутри, ему хотелось вот сейчас взять ее за руку и убежать вместе с ней, - пусть все пропадет пропадом. Но его честь требовала, чтобы они остались.

- Каждый день, каждую минуту нас будут обоих преследовать мысли о том, что мы здесь оставили. Ты будешь сожалеть о брате Хью, бояться за его жизнь. Мне будет не по себе от мысли, что я покинул свой народ в Лэндуолде на милость победителя, на милость Гилберта Криспина. Очень скоро мы начнем обвинять друг друга во всех грехах и в таком случае уже наверняка все потеряем.

- Мне тошно от мысли, что тебя опять закуют в цепи, - прошептала Мария, проведя пальцем по его шраму на запястье.

- Цепи не так важны, - ответил Ротгар, хотя, конечно, у него сразу заныло все тело лишь при одной мысли о них. Самое важное, чтобы ты жила, чтобы присматривала за Хью, чтобы добилась его выздоровления. До тех пор, пока человек с добрым сердцем правит в Лэндуолде, я смогу это выдержать. Тебе приходилось выдумывать разного рода небылицы, чтобы сохранить его положение в Лэндуолде. Теперь ты можешь придумывать точно такие небылицы, чтобы добиться к себе расположения со стороны рыцарей Хью. Я постараюсь уговорить крестьян и перетянуть их на твою сторону. Ты, Мария, занимайся своими делами в доме, а я займусь своими, не имея такового.

- Ну, а если нам не повезет, - начала было она.

- В любом случае нам не будет хуже, чем теперь. Она обдумывала то, что он ей сказал.

- Да, ну а если мы победим?

- Если мы победим, - ответил Ротгар с лукавой улыбкой на губах, я потребую вознаграждения. Прекрасную норманнскую ведьму в жены. Отбросив ее шелковистые пряди волос, он обеими руками схватил ее за полные груди. За ними, естественно, последовали губы, которыми он ухватил ее теплый набухший сосок, ласкал его все крепче языком. Мария, эта ведьма, обладающая тайными знаниями, сделала незаметное движение, и вот он уже весь погрузился в ее теплую промежность, их извивающиеся тела вздрагивали в такт, она встречала движением своего таза каждое его напористое движение, сердце ее билось в унисон с его сердцем, - Нет, цепи - это все неважно, - нашептывал он ей на ухо. - Что они могут сделать с теми узами, в которые ты заключила мое сердце?

Глава 12

Грохот сапог по деревянным полам в доме разбудил Эдит. Она продолжала лежать в постели в приятной, предрассветной дреме, наслаждаясь теплотой, излучаемой спиной Хью и передававшейся ее спине. Такой глупышкой была она прошлой зимой, когда, вся трясаясь от

холода, забивалась в дальний угол кровати, не обращая внимания на то, что пышущая жаром, неподвижная ото сна печка находится рядом с ней.

Но в ту пору и Хью был другим человеком.

Она поглубже зарылась в волчьи шкуры, которыми они оба накрывались. Еще слишком рано вставать. И все же она больше не могла заснуть. За дверью их покоев все слышнее раздавались глухие звуки убыстряющихся шагов, а теперь они сопровождалась приглушенными выкриками. Она чувствовала, что Фен крутится где-то рядом с кроватью, услышав его рычание, - единственный звук, который он мог издать. Хью зашевелился рядом с ней, чуть слышно бормоча проклятия. Эдит вся напряглась, памятуя, что он накануне получил, правда, небольшую дозу своего лекарства.

Но было еще рано, и Мария не могла появиться здесь с целебным глотком размешенного с вином зелья для Хью. Плотно натянутая на окне шкура выделялась на стене серым цветом. Эдит и не заметила, как мягкий серебряный свет пробивался из щели под дверью, - вероятно, там, в коридоре, зажгли факелы.

Она резко поднялась, прикрыв шкурой грудь.

Ей прежде никогда не приходилось видеть эту полоску света, так как Джеффри, или другой из ее тюремщиков, обычно спали на тюфяке, расположенном впритык с дверью. Они оставались там якобы для того, чтобы оказать помощь Хью, если тот вдруг проснется ночью в своем безумном припадке, но она-то понимала, что их главной задачей было сторожить ее, не дать ей возможности сбежать и рассказать всем об истинном состоянии здоровья Хью и масштабах его недееспособности.

Крики усилились; люди за дверью шагали все быстрее, насколько только им позволяла тяжелая рыцарская амуниция. Ее сторожей на месте не оказалось. Что же случилось? Застонав во сне, Хью ногой отбросил в сторону волчью шкуру. Эдит силой принялась натаскивать ее обратно на него, чтобы он не замерз в холодной комнате. Вдруг дверь отворилась и она увидела в ее проеме Гилберта Криспина с факелом в руке.

- Где она?

- Кто? Кого вы ищете? - заикаясь, произнесла Эдит.

- Эта стерва, его сестра, - кивнул он на Хью. - Ее нет в ее алькове-спальне, Я думал, что она здесь, оказывает ему помощь.

- Я все обшарил. В рыцарских будуарах никого нет. Она не ночевала дома, тяжело запыхавшись, объяснял оруженосец, резко остановившись на бегу рядом с Гилбертом.

- Миледи Мария не станет играть в такие игры. Проверьте в конюшне. Она ездит на гнедой кобыле. Когда молодой оруженосец побежал прочь, Хью застонал.

- Кто, моя жена?

Гилберт сразу обратил свое внимание на Хью.

- Так, так, ну что у нас здесь происходит? - сказал он, поддразнивая их. Он вошел в комнату, закрыв за собой двери. Эдит хотелось, чтобы в данную минуту в комнате было не так темно. Она почувствовала, как сильно у нее забилось сердце.

Она чувствовала массивную фигуру Гилберта, приближавшуюся к их кровати. Вы, очевидно, забыли о нашей сделке? - спросил он. Его резкий тон лишь подчеркивал его самоуверенность, на что Эдит явно не рассчитывала. - Вы обещали сообщать мне обо всех изменениях его состояния.

- Но.., мне нечего сказать, - солгала она, наклонившись над Хью, словно хотела его прикрыть собственным телом.

- Вы думаете, что я такой безмозглый дурак, как он? - Звон его колычуги говорил, что он подошел еще на шаг ближе.

- Прежде он обращал на вас меньше внимания, чем собака на вошь. А теперь, выходит, вы его жена?

- Жена! - неожиданно заорал Хью. Соломенный тюфяк задрожал под ней, когда Хью начал перебираться через ее ноги. Она вскрикнула, когда он своими грубыми большими руками не слишком вежливо оттолкнул ее на освободившееся место. Свет разгорающейся зари все больше проникал через натянутую на окне шкуру, освещая обнаженную фигуру сидевшего на кровати рядом с ней ее мужа, - он был готов вот-вот встать на ноги, угрожающе растопырил руки, словно давая всем понять, что готов напасть на сэра Гилберта Криспина.

Но затем с такой же быстротой, с какой он изготовился к действиям, он рухнул. Издав пронзительный вопль, он, обхватив голову руками, упал на колени. От его веса тюфяк еще больше затрясся, и Эдит скатилась к его вздрагивающей спине. Откуда-то из-под кровати выскочил Фен. Подбежав к Гилберту, он вонзил свои острые зубы в мякоть его ноги.

- Посмотрите, что вы наделали, - закричала она, позабыв о том страхе, который терзал ее всего минуту назад. Гилберт, заорав от острой боли, отшвырнул от себя Фена. Теперь она думала только об этом большом, неуклюжем человеке, который сейчас дрожал рядом с ней в агонии, который только что пытался за нее вступить, как истинный рыцарь, прийти на помощь своей любимой леди. Она обняла его за громадные покатые плечи, приклонила голову себе на грудь. - Немедленно найдите Марию, - приказала она. - Ему нужна его обычная доза.

Как это ни удивительно, но Гилберт послушно пошел выполнять ее приказ.

Его долго не было, и у Эдит было немало времени, чтобы поразмышлять над тем, почему она не испытывала никакого страха, - ни перед Гилбертом, ни перед своим мужем. Сколько раз по утрам она видела, как ему помогают четверо здоровенных мужчин, а вот теперь, кажется, ему хватало лишь ее нежных объятий. Украдкой она погладила его по волосам, почувствовав вдруг их удивительную мягкость. Она почувствовала, как в одном месте особенно настойчиво билась кровь. Она надавила на него, и он облегченно вздохнул.

- Здесь болит? - прошептала она, пытаясь нащупать пальцами другое такое же место. Он снова с облегчением вздохнул.

- Здесь болит? А здесь? - Она пальпировала его голову, старалась утишить его боли, мягко постукивая по напряженным мышцам на затылке, покуда напряжение не спало. Заснув легко, без всяких усилий, он навалился на нее всем телом, и эта тяжесть заставила ее перевернуться через высокий узорчатый борт кровати. Она испытала при этом какое-то приятное детство.

Гилберт большими шагами вошел в покои, сжимая в руках драгоценную бутылочку Марии.

Теперь вся комната была залита светом, и рыцарь не мог скрыть ухмылки, когда увидел, что Хью спит. Он только хмыкнул.

- Судя по всему, вам не нужно это зелье вообще, - сказал он, небрежно размахивая бутылочкой перед собой, удерживая ее за горлышко двумя пальцами, словно хотел вот-вот бросить ее на пол. Если бы Хью не придавил ее всем своим весом, она бы вскочила, выхватила бы у него из рук бутылочку, но он пригвоздил ее к постели, и она практически не могла даже пошевелиться.

Вошел юный оруженосец с широко раскрытыми от волнения глазами.

- Вы были правы, милорд. Кобылы леди Марии нет на месте. Помощник конюха утверждает, что она уехала куда-то вчера поздно вечером, кажется, чтобы оказать помощь заболевшему ребенку Хелуит.

- Хелуит? Хелуит? Что же он слышал о Хелуит? Ах да. Разве вчера вечером Джеффри в присутствии всех не сообщил, что Ротгар посетил ее хижину, а затем отправился к хижине дровосека. Гилберт рассеянно сунул бутылочку в карман. На лбу у него пролегла глубокая морщина. Дикая, горькая ярость охватила все его существо, изо рта полился поток страшных проклятий, и только после того, когда он иссяк, сказал:

- Мария ускакала к этому саксу.

Оруженосец обменялся с Эдит тревожными, озадаченными взглядами. Когда Гилберт с грохотом вышел из покоев, она теснее прижалась к Хью, позабыв, что рыцарь унес с собой настойку ее мужа.

Положив на плечо топор, Ротгар повел кобылу к прудам, которых здесь было множество в этой части леса. Розоватые и золотистые полосы на небе предвещали скорое наступление зари. Птицы, не обращая никакого внимания на необычные для весны холода, весело чирикали на ветвях деревьев, выражая свою радость по поводу наступления нового дня. Ротгар был лишен музыкального слуха, иначе он тоже зачирикал бы вместе с ними.

Вдруг он поймал себя на том, что насвистывает, делая топором в тонком льду небольшую прорубь, чтобы напоить кобылу. Сколько месяцев прошло с тех пор, когда ему в последний раз хотелось посвистеть, исполнить какую-то мелодию. Он понял, что не утратил этой способности, хотя, конечно, свист удавался лучше, если при этом широко не улыбаться.

- Пей, родная, пей вдоволь, ведь тебе придется везти двоих, - приговаривал Ротгар, похлопывая кобылу по широкой шее, когда она, наклонив голову, жадно пила ледяную воду. - И пожалуйста, поторапливайся. Уже значительно позднее, чем я себе представлял.

Ну вот, теперь он начал разговаривать с лошастью, - что дальше? Если судить по тому, как она наострила уши, этот околдованный сегодня утром чудак мог убедить себя в том, что животное понимает все, что он говорит. Лошадь, подняв голову, повернула ее в сторону. Прядая ушами, раздувая ноздри, она разбрызгивала вокруг себя воду, не спуская своих близоруких глаз с хижины дровосека.

Она вдруг издала длинное, довольное ржание. Откуда-то из непроглядного утреннего холодного тумана до них донеслось ответное ржание. Потом еще одно, вместе с громкими проклятиями. Он слышал слабое звяканье лошадиных сбруй, глухой стук копыт о мерзлую землю, и хотя до всадников было не менее двух миль, Ротгар почти ощущал, как у него под ногами трясется земля.

Никто, кроме норманнов, так не ездил на лошадях. Там, в хижине, он оставил Марию одну.

Вскочив на кобылу, он что было сил помчался по направлению к хижине, где Мария ничего не знала о приближающейся опасности. Сердце у него учащенно билось, кровь стучала в висках, заглушая все прочие звуки, кроме его тяжелого, прерывистого дыхания. Они, конечно, едут за ним, в этом не было никакого сомнения, но стоило им взглянуть хоть раз на ее взъерошенные, спутанные волосы, на ее измятый плащ, расстеленный на грязном полу, чтобы сразу все понять. Они, конечно, поймут. Его тюремщики не раз демонстрировали ему, что те женщины, которые общаются с англичанами, очень быстро

становятся легкой добычей любого похотливого норманна.

Если только они заподозрят ее в том, что она отдалась ему, она уже для них не будет заслуживающей их почтения и преданности леди, а лишь проституткой, к которой они не могли ничего Другого испытывать, кроме презрения.

Ротгар ворвался в хижину.

- Мы с тобой слишком долго здесь провозились! - сказал он, тяжело дыша. Сюда приближается конный отряд.

- Будь проклят этот Гилберт! Он никогда прежде не просыпался так рано после ночной попойки. - Мария тут же сложила свой плащ.

- Мы должны бежать.

- Я знаю одну тропинку через лес. Нужно поторапливаться, Мария.

Они подбежали к кобыле. Он посадил Марию, сам рывком устроился позади нее. Мягким толчком ноги он направил животное в сторону густого леса. Он должен доставить Марию в Лэндуолд. Для того, чтобы их хитрость удалась, нужно чтобы она была в полной безопасности дома, чтобы умело притворялась, что она заодно с Гилбертом. Сам он начнет проводить разъяснительную работу среди крестьян, строящих этот проклятый замок для Хью.

Перед тем, как исчезнуть в глухой чаще, он рискнул оглянуться назад, и обрадовался, заметив, что на поляне перед хижинкой пока никого не было. Значит, они смогут уехать достаточно далеко к тому времени, когда здесь появятся норманны.

Сжимая свою женщину крепко руками за талию, Ротгар направил кобылу через хребет небольшой возвышенности, и только потом вновь осмелился оглянуться, пытаясь высмотреть норманнов сквозь частокол деревьев. Натянув поводья, он осадил лошадь.

- Черт подери! Что это за глупость?

- Я ничего не вижу. - Напрасно Мария вытягивала шею. Из-за своего маленького роста она не могла разглядеть то, что отлично видел Ротгар.

- Приехали твои норманны. - Ротгар изо всех сил напрягал зрение, чтобы все лучше рассмотреть. Но скрывавшие их деревья скрывали от них и норманнов. - Они подъезжают к поляне с запада во главе с Гилбертом Криспином. Вторая группа спешит навстречу им с восточной стороны. Они вооружены, Мария. Кажется, они хотят отсечь ваших рыцарей.

Мария, казалось, лишилась дара речи; она молча взирала на небеса, не понимая, почему Богу было угодно разбить в прах все ее надежды.

- Тебе нельзя терять своих людей, Мария.

- Конечно, нет, - ответила она.

- Твои вероломные норманны вооружены лишь легким оружием.

Они надеются, что никто, кроме меня, не окажет им сопротивления там, возле хижины. Нужно их предупредить.

- Тебе нельзя этого делать! Они ни за что тебе не поверят. Они нападут на тебя.

Он живо слез с кобылы и бросил ей поводья. Стоя внизу, он смотрел на нее, не спуская с нее глаз, в них, в этих голубых глазах сквозила решительность и горькое сожаление. По его взгляду она догадалась, что он намерен больше с ней никогда не встречаться.

- Ротгар, - она инстинктивно подалась к нему.

- Поезжай в Лэндуолд. Слушай, твои люди не должны знать, что мы провели эту ночь вместе. Делай все возможное, чтобы оставаться в полной безопасности до тех пор, пока тебе на помощь не придет Хью.

- Я не могу. - Хотя ей и не нравились эти умоляющие нотки в его голосе, она все же не могла от них отделаться. - Нет, я не могу этого сделать одна.

- Нет, можешь. - Ротгар, подпрыгнув, прикоснулся своим мягким пальцем к ее губам. - В тебе скрывается недюжинная сила. Я чувствую себя весьма польщенным оказанной мне честью, тем, что ты решила немного разделить ее со мной. А теперь не мешай. Я это делаю ради тебя, Мария. - Он сильно хлопнул лошадь по заду, заставив испуганное животное тотчас перейти на рысь, а сам отвернулся, чтобы не слышать ее возражений.

Кобыла рванула вперед, когда Ротгар на нее сурово прикрикнул, и этот отчаянный крик странным эхом отозвался у нее в сердце. Рискую упасть, пытаюсь подчинить себе своенравное животное, Мария ерзала в седле. Она все время повторяла его имя и, утратив всякую надежду, глядела, как он быстро бежал через лес, размахивая топором.

- Норманны! Позаботьтесь о безопасности тыла! Только подумать! - Разве мог когда-нибудь Ротгар Лэндуолдский произнести такое предупреждение?! И все же он прокричал его громко, что было сил, умоляя Бога, что его предостережение долетит до них вовремя. Черт подери! Гилберт Криспин не должен сейчас умереть от руки какого-то крадущегося между деревьями, подлого разбойника, нет, только не сейчас, когда он был так нужен Марии, не теперь, когда он, Ротгар, хотел сохранить это удовольствие для себя.

Он выбежал на полянку, окружавшую хижину, и остановился как вкопанный при виде той картины, которая открылась его взору. Трое норманнских рыцарей Гилберт, Данстэн и Стифэн - вместе со своими оруженосцами сидели на лошадях, направив на него свое легкое оружие.

Тяжело дыша, он сразу заметил недоверие на их лицах и вспомнил предостережение Марии, что они его наверняка не послушают.

- Сюда приближаются разбойники, - сказал он, с трудом переводя дух, указывая рукой туда, где он видел их. Нужно приготовиться к отражению атаки.

На лужайке раздался сочный смех Гилберта.

- Солнце не осветит своими лучами такой день, когда ты сумеешь обмануть меня, сакс. Для меня существует лишь одна угроза, и она исходит от тебя. Сделав знак своим оружием, он приказал им взять Ротгара в полукольцо.

- Первая кровь моя! - заорал Стифэн, пришпорив своего коня и направив его на Ротгара.

Словно во сне Ротгар увидел рядом с собой дико выпученные глаза коня, который грозно напирал на него, заметил дубинку в высоко поднятой руке Стифэна, почувствовал, как она рассекла воздух, нацеленная на его шейные позвонки. Он легко увернулся от удара. Чей-то пронзительный вопль привлек к себе всеобщее внимание. Кричал Роберт, оруженосец Данстэна. Какое-то показавшееся всем вечным мгновение, когда даже птицы прекратили распевать свои песни, этот юноша стоял, словно окаменев; его широко раскрывшиеся от удивления глаза лишь подчеркивали его комичный вид. Но когда он вдруг согнулся, сделав шаг вперед, все увидели торчавшее у него в ягодице дрожащее копьё.

Как и у всех оруженосцев, у Роберта не было кольчуги. Но даже для того, чтобы пронзить его грубо тканые шерстяные штаны, требовалось бросить копьё с необычайной силой, причем с неудобного близкого расстояния. Весь отряд норманнов сразу же осознал степень своей уязвимости, и в этот момент, словно в качестве доказательства, на них пролился дождь из копий.

- Засада саксов! - Яростно зарывчав, Гилберт мечом указал на Ротгара. - Ты мне заплатишься за это головой. - Он пришпорил коня, вовремя бросив его в сторону, что

позволило ему увернуться от нацеленного на него копья. Оно пролетело мимо, а ведь могло и застрять у него в глотке.

- Я к этому не имею никакого отношения! - закричал Ротгар, присоединяясь к атаке. Он увидел в лесу несколько человек в рванье, которые метали в них копья. Для него они были чужаками, но их лохмотья очень плохо увязывались с их хорошим вооружением и неплохой упитанностью, которая наделяла их такой силой. Кто это, саксы? Нет, он в это не верил.

Ротгар Лэндуолдский поднял свой топор, пытаясь защитить норманнских рыцарей Марии.

При виде кровавого насилия у него взыграла кровь, пробудился задремавший инстинкт самосохранения, из груди вырвался первобытный сакс-кий боевой клич, который он в последний раз издал в битве при Гистингсе. И это лишний раз доказывало, что на них нападали не саксы, так как не послышалось никакого крика с их стороны в ответ, лишь с новой яростью возобновилось сражение. Он вдруг увидел, как один из разбойников занес топор над ногой Стиффэна. Повредив ему ногу в колене, топор глубоко вошел в бок завизжавшего от боли коня. Разбойник попытался выдернуть глубоко засевший в конской плоти топор, опасаясь, как бы животное всем своим весом не рухнуло на него. Ротгар одним большим прыжком настиг нападавшего и тут же топором снес ему голову. Потом он еще долго будет испытывать угрызения совести, что он не смог защитить Стиффэна ради Марии.

- Ко мне! Это я, Криспин! - приглушенные крики Гилберта привлекли внимание Ротгара. Ловко орудуя топором, он искал сидящую в седле фигуру Гилберта в этой жестокой схватке. Норманнский рыцарь вел бой на краю опушки, - он был без шлема, в руках сжимал только меч, а его плотно окружила группа разбойников.

Рваная одежда Ротгара на сей раз сослужила ему добрую службу, так как разбойники, вероятно, приняли его за своего, и осознали свою ошибку слишком поздно, когда уже не могли увернуться от его разящего острого топора. Он отправил несколько грешных душ на вечный покой, прокладывая себе путь к Гилберту через толпу воинов, схватившихся в рукопашной, и тихо занял позицию позади группы разбойников, окруживших Гилберта Криспина.

Ротгар перехватил взгляд Гилберта, - глаза норманна полыхали ненавистью к нему, он злобно молча бросал ему в лицо обвинение, покуда вдруг его визжащая от боли лошадь не упала на землю.

Ротгар, схватив топор, скроил еще два черепа. Из нападавших в живых осталось только двое; они не дали Ротгару возможности занести свой топор у них над головой. Оставив в покое Гилберта, они скрылись в лесу. Ротгар стоял над поверженным рыцарем.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Нападавшие скрылись, рассеялись по лесу, а Данстэн поскакал за ними в погоню. Последнее копьё звякнуло о землю. Это было норманнское копьё, посланное, вероятно, одним из рыцарей Гилберта. Над поляной воцарилась настороженная тишина, прерываемая лишь стоном людей и храпом раненых лошадей.

Гилберт лежал, весь съежившись, на земле. Он явно боялся встать на ноги перед возвышающимся над ним Ротгаром.

В крови Ротгара еще бурлила жажда битвы, и это лишь усиливало его гнев и неуравновешенность. Ему было очень хорошо, просто чудесно. Всем своим существом он страстно хотел взмахнуть хотя бы еще раз топором, так ему хотелось рассечь обнаженную голову Гилберта на две ровные половинки.

Но Марии нужен этот рыцарь. Особенно сейчас, когда многие получили ранения, когда один из рыцарей, по сути дела, лишился ноги. Да, сейчас ей особенно нужен Гилберт.

Она, конечно, нуждалась и в сообразительности Ротгара, чтобы приручить этого норманнского негодяя. В последний раз сжав угрожающие кулаки, он распростился с мыслями о расчленении черепа Гилберта.

- Ну что, норманн, тебя тяжело ранили? Гилберт поднес дрожащую руку к шее.

- Порез. Несколько синяков от ударов, полученных до того, как ты ввязался в драку. Старательно, картинно смахивая грязь со своих блестящих лат, он медленно поднялся на ноги, вытянулся во весь рост. Ротгар стоял на прежнем месте, не отступая ни на дюйм, и вдруг с большим удовлетворением отметил про себя, что голова норманна едва доставала ему до носа.

- Ты заплатишь за это, сакс, - сказал, сплюнув, Гилберт.

- За что? За то, что спас твою неблагодарную шею? - спросил Ротгар, стараясь говорить как можно беззаботнее, чем нарочно вызывал ее большую ярость у Гилберта.

- Я утверждаю, что это ты организовал на нас нападение и лишь притворялся, что спасаешь мне жизнь, когда понял, что твои люди проиграли.

Глупое обвинение Гилберта, его неспособность понять то отчаянное положение, в которое попали его норманнские друзья, показались ему настолько абсурдными, что он громко рассмеялся. Он не верил ушам своим. Его смех заставил покраснеть Гилберта, исказил страшной гримасой его лицо. Его молниеносный удар кулаком в железной перчатке пришелся Ротгару в ничем не защищенный живот.

Типичный предательский удар, от которого у Ротгара перехватило дыхание. Он попятился, шатаясь, назад, сделал несколько шагов, выронив из рук топор. Широко раскрыв рот, он ловил ускользающий воздух.

Будь ты проклят, Гилберт Криспин. Марии никто не был нужен, никто, кроме него самого.

Отдышавшись, он почувствовал, что теперь может выплеснуть всю свою ярость. Собрав все силы, он бросился на самодовольно улыбающегося норманна. Под тяжестью его тела Гилберт упал на землю, и он начал кулаками избивать ему лицо, памятуя о том, что лишь повредит руки, если будет наносить ему удары по защищенным железными латами частям тела.

Крепко сцепившись, сакс с норманном покатались по земле, словно двое парнишек, затеявших дружескую потасовку, но каждый наносимый ими друг другу удар преследовал только одну цель - гибель противника. Ротгар сорвал у него с пояса кинжал, но никак не мог вытащить его из ножен, чтобы его остро заточенной сталью добавить еще к тем ранам, которые оставили у него на теле его, Ротгара, кулаки. Норманн обладал страшной силой, но долгие годы, проведенные Ротгаром на принудительных тяжелых работах, просто фантастически развили его жилистые мускулы. Кроме того его рост позволял ему более ловко маневрировать, а его давно подавляемая ярость лишь усиливала наносимые им удары. И он все же доконал его. Черт подери, этот Гилберт теперь лежал под ним, безобидный, словно овечка. Он заметил рядом с собой булыжник, которого ему как раз не хватало, чтобы раздробить череп норманну, но в этот момент Ротгар почувствовал у себя на плечах прикосновение чьих-то дрожащих рук. Чьи-то обжигающие слезы, упав ему на шею, смешались с его потом, и в ушах вдруг зазвучал голос той женщины, которая должна была уже подъезжать к Лэндуолду, чтобы укрыться в полной безопасности за его стенами. Ведь он

молился за это.

- Прекратите, прекратите! - умоляла Мария. - Остановитесь, покуда вы оба не убили друг друга.

Ее голос, ее присутствие здесь, на лужайке, привели его в чувство. Марии все же нужен был этот Гилберт. И Ротгару теперь нужно было напрячь мозги, чтобы вызволить ее из того глупого положения, в которое она сама попала.

Глава 13

Багровые от крови руки Ротгара, сжимавшие что было сил шею Гилберта, вдруг отпустили ее и тут же с невероятной быстротой вцепились в горло Марии. Она начала задыхаться, скорее от неожиданности, чем от боли.

- Норманн, предупреждаю тебя, держись от нее подальше, иначе я ей перережу горло, как перерезал вон тому сукину сыну, который валяется неподалеку, угрожающе заговорил Ротгар, одновременно оттаскивая подальше от лежавшего навзничь тела Гилберта Марию.

Ноги у нее подкосились из-за испытываемого в эту минуту облегчения. Она поверила, что кровь на его руках и на тунике пролита не им самим.

Она попыталась представить, сколько бы ее людей было отправлено на тот свет, если бы Ротгар вовремя не вмешался. Она испытывала возбужденное ликование. Он все это сделал только ради нее. Ротгар, рискуя жизнью, сражался с врагами норманнов: он спас Гилберта, заставил этого высокомерного рыцаря корчиться от страха у его ног, - и все это только ради нее.

Откуда-то у него в руках появился норманнский кинжал, и он держал его острое лезвие совсем рядом, не прикасаясь к ее горлу. Как это ни странно, но она испытывала лишь уверенность от того положения, в котором сейчас находилась, а ее сердце просто ликовало, чуть не выскакивая у нее из груди. Сколько он уже для нее сделал; несомненно, эти отвратительные, угрожающие, направленные в адрес своей жертвы слова объяснялись той же уловкой, которую он придумал.

Мария не чувствовала от него никакой угрозы, - лишь охватившее все ее тело облегчение от того, что он был рядом.

Он сжимал ее в руках только ради ее собственной защиты. Его окровавленные руки сжимали ей лишь горло, но несмотря на его хватку, она могла дышать относительно свободно. Инстинктивно она схватила его предплечье, делая вид, что пытается вырваться, а сама получала лишь дополнительную силу от прикосновения к его руке, его пальцам, не обращая никакого внимания на то, что и ее руки были в крови. Он прижимал ее к себе и всем своим теплым, высоким мощным телом поддерживал ее. Она чувствовала, как глухо бьется у него в груди сердце. Он горячо зашептал ей на ухо; его голос был легче мягкого бриза.

- Делай все так, как говорю. Мы с тобой затеяли весьма опасную игру.

Несколько не получивших ранения рыцарей переругивались, стоя на полянке, метая быстрые взгляды в ее сторону. Видя, что Ротгар не выпускает ее из рук, они медленно направились к ним, вероятно, намереваясь оказать пленнице помощь.

Ротгар вновь обратился к Гилберту:

- Пусть твои люди займутся своими ранами. А нам втроем нужно кое-что обсудить с глазу на глаз.

Гилберт, подав знак своим людям, с трудом поднялся на ноги.

На его изуродованном лице она перехватила взгляд, который заставил ее вздрогнуть от

страха, - чувствовалось, с каким трудом ему приходится сдерживать охватившую его всего дикую, гибельную ярость. Ротгар повел ее к хижине. Гилберт неохотно, что-то бормоча себе под нос, последовал за Ротгаром, словно его ноги были привязаны к ногам сакса.

- Оставь ее в покое сакс, - потребовал Гилберт. Его голос был похож на звериное рычание, когда они отошли на значительное расстояние от его людей. Стоит на нее посмотреть, чтобы сразу понять, что ты перегнул палку.

Пульс Марии учащенно забился. Она, конечно, понимала, что будет опозорена, если только будут обнаружены следы их незабываемой ночи любви, но что она могла поделать? Когда она увидела, как Ротгар с Гилбертом тузят друг друга полновесными кулаками, она сразу забыла о всякой предосторожности. При ней не было никаких приспособлений для управления лошадью, не было нужной мази, чтобы скрыть оставленные на ее теле Ротгаром следы безумной страсти, а страх за его безопасность лишил ее чувства самосохранения.

- Что ты, я так отлично ее чувствую и понимаю, - негромко, словно триумфатор, рассмеялся Ротгар. - И не только сейчас.

Боже, что же он делает? Он ведь сам предупредил ее, чтобы она ни за что не признавалась в их плотской любви, а вот теперь он поддразнивает этим Гилберта.

- За это я лишу тебя твоего мужского достоинства и брошу его в корыто для свиней! - часто задышал Гилберт.

- Она тоже кричала что-то вроде этого, - не унимался Ротгар. - Неужели у вас, норманнов, в распоряжении всего несколько проклятий, к которым вы непременно прибегаете, когда речь заходит о смерти или изнасиловании?

- Изнасиловании? Так ты ее изнасиловал?

- Ну, а ты как думал? Станет ли аристократка, норманнская леди, добровольно совокупляться с каким-то потерпевшим поражение саксом? - Ротгар весь затрясся от смеха. Одним осторожным движением он сорвал у нее тряпку с ног, которая прикрывала ее синяки и ссадины, протянул ей руку. Кровь, проступившая на них от прикосновения к его окровавленной тунике, лишь нагляднее выявила порезы у нее на ладонях, которые остались на них от уздечки ее кобылы, как и пальцы, которые она ободрала, пытаясь достучаться в дверь хижины. Он обнажил ее раны, открыто демонстрируя их Гилберту. - Разве это говорит о том, что она подчинилась добровольно?

- Делай все так, как я говорю, - приказал ей Ротгар. Такие простые, в сущности, слова, но так их трудно произнести, не теряя чести. Горло у нее болело от усилий, с которыми ей приходилось удерживать свое возмущение. Представляя ее безвинной жертвой, Ротгар, несомненно, обрекал себя на гибель, если судить по тем ненавистным взглядам, которые норманн бросал на него.

- Я гляжу на человека, который уже, по сути дела, мертвец, - бросил Гилберт, подтверждая таким образом ее страхи.

- Думаю, это не так. Тем более тебе в этом некого винить, кроме самого себя. Ты отдал мне ее на милость.

- Я лишу тебя... - снова начал было Гилберт.

- Знаю, знаю, - вздохнул Ротгар. - Ты лишишь меня моего мужского достоинства и выбросишь его в корыто свиньям. Но это не скроет того факта, что я обладал ею, а ты, норманн, насильно пригнал ее ко мне, словно выполняя приказ этого сукина сына Вильгельма.

Полный презрения, он саркастически заметил: каким же нужно быть человеком, сэр

рыцарь, чтобы до такой степени обидеть женщину, выступить с угрозами в ее адрес и тем самым заставляя ее совершить побег холодной зимней ночью, чтобы все поставить на свои места.

Она почувствовала, как внутри Ротгара вновь закипает гнев от воспоминания о том синяке, который нанес ей Гилберт, резко схватив ее за руку.

Он бросил безразличный взгляд на ее руку, которую поранил. Он только сцепил челюсти.

- Это был всего единственный, неприятный для нее момент. Не было никакой надобности убегать из дому к тебе. Я сказал ей, что сам обо всем позабочусь и наведу повсюду порядок.

- Да, и в результате сразу же попал впросак, - резко возразил Ротгар. Сразу же очутился в ловушке, словно свихнувшийся на сладком меде медведь.

- Эта ловушка была расставлена тобой! - гремел Гилберт. - Ты все это организовал вместе со своими негодьями из жителей Лэндуолда.

- Нет, ты не прав, норманн, даже если тебе хочется в это самому поверить. Вон обрати внимание на убитого юношу. - Он кивнул головой в направлении одного из нападавших, лежавшего, сжавшись от боли, на земле. В груди у него торчало древко копья. Этот человек никогда не жил в Лэндуолде, даже поблизости от него. Я знаю здесь любого жителя на расстоянии трех дней путешествия верхом. Я никогда его не видел.

Мария вспомнила, как на землю упало норманнское копьё, когда она подбежала к Ротгару. Его, скорее всего, бросил кто-то из норманнов. Она в этом не сомневалась.

В эту минуту на поляне появился Данстэн, который сокрушенно качал головой, вспоминая об их поражении. Он остановился неподалеку от Гилберта.

- Они исчезли, словно сквозь землю провалились, Гилберт. Я больше не видел ни одного.

- Ты только подумай, норманн, - продолжал Ротгар, кивая головой, словно его совсем не удивляла неудача Данстэна. - Судя по всему, этим предпринявшим против нас атаку свиньям было известно, где мы с тобой будем сегодня утром. Не вызывает сомнения, что они все напали на вас на этой лужайке и не слишком заботились о моей безопасности. Мне кажется, тебя кто-то предал из своих.

Гилберт нахмурился, в упор уставившись на Ротгара.

- Ты вот захватил Марию в заложницы, а несешь какую-то ахинею по поводу предательства. Можно подумать, что здесь, в Лэндуолде, у тебя имеется свой интерес, ты, несчастный, понесший поражение трус.

- Да, ты прав. - Хотя тон у Ротгара оставался бесстрастным, все его тело сжалось, напряглось, он все сильнее прижимался к ней.

- Я видел, что происходит в Лэндуолде. Вам здесь не хватает настоящего господина. Вам недостает вооруженных людей. У вас нет золота, чтобы нанять рыцарей на службу, у вас нет золота, чтобы возвести замок.

Его слова, казалось, повисли между ними.

- Ну, разве я тебе не говорил об этом, Мария? - сказал Гилберт. - Лэндуолд не может быть настолько бедным, каким он предстал впервые перед нашими глазами. Открой нам свой секрет, сакс.

- Могу сказать тебе, где лежит золото, - согласился с ним Ротгар. - Но при условии, что часть его будет отдана мне. "Делай все, как говорю", - говорил ей Ротгар, но его предложение показалось ей таким вызывающим, что Мария наконец обрела дар речи.

- Мы обыскали все в доме - дюйм за дюймом. Мы не нашли никакого золота.

- Тем не менее оно там. - Он снова повернул голову к Гилберту, словно и не слышал ее слов. - Ну, что на это скажешь, норманн? Могу ли тебе предложить сделку?

Он помахивал кинжалом, заставив Гилберта немного сощурить глаза, словно он про себя обдумывал его предложение.

- Кажется, ты, сакс, лжешь, пытаешься спасти свою шкуру.

Ротгар подтолкнул сзади коленом Марию.

- Я готова заключить с тобой сделку, сакс, - торопливо сказала Мария. Выкладывай свои условия.

- Мою долю, - тут же ответил Ротгар. - Я не могу передать вам золото, не вернувшись в Лэндуолд. Но... - он намеренно растягивал это слово.

- Но... - подсказал ему Гилберт.

- Я не стану ни с кем обсуждать вопрос о сокровище, кроме самого Хью.

Заревев, Гилберт направился к ним. Мария вся сжалась от страха, сильнее прижимаясь к Ротгару.

- Дай ему закончить, Гилберт! - приказала она.

Рука Ротгара благодарно сжала ей плечо.

- Когда ваш господин полностью выздоровеет, я открою ему сокровище и попрошу у него подорожную, чтобы я мог отправиться в полной безопасности к Вильгельму и выторговать у него свою свободу. В качестве залога чистоты своих намерений я сейчас же

выпускаю леди, не причинив ей особого вреда. - Он издал непристойный, радостный вопль и, прижавшись головой к ее волосам, прошептал:

- Делай, что я тебе сказал, Мария, сегодня ночью я жду тебя.

Он отошел от нее в сторону, слегка задрал подбородок, выражая свое полное презрение к Гилберту. Само собой разумеется, освобожденная из плена женщина должна бежать со всех ног к своему спасителю. Подняв юбки, она быстро преодолела расстояние, разделявшее Гилберта от Ротгара. Она низко опустила голову, чтобы скрыть чувство брезгливости, охватывающее ее только от одной мысли, что Гилберт, пытаясь защитить ее, может ее нежно обнять.

- А теперь ты умрешь, глупый сакс, - радостно сказал Гилберт, подталкивая Марию себе за спину.

- Нет, Гилберт. Я с ним заключила сделку. - Мария крепко схватила его за руку. - К тому же он прав. Хью так не хватает драгоценного металла.

Гилберт сочно выругался, бросая раздраженные взгляды то на Ротгара, то на Марию.

- Мне это не нравится, Мария, как можно заключать какие-то сделки с человеком, который должен умереть?

- Мне тоже, - поспешила она заверить его, старательно притворяясь, умоляюще глядя на него, пытаясь догадаться, какими будут дальнейшие поступки Ротгара.

Гилберт прошептал сквозь зубы клятву, но ее слова немного успокоили его, и он с облегчением вздохнул. Вдруг она все сразу поняла: Ротгар не лгал. Этот сакс, который, пленив ее сердце и завоевав тело, знал то, что ей нужно, лучше, чем она сама. За эти долгие месяцы, когда ей приходилось постоянно убаживать Гилберта ради положения Хью, она выработала в себе скрытую терпимость. Она могла пойти на это, осуществить задуманную ими уловку, хотя у нее тряслись колени и она чувствовала слабость в ногах.

Преодолевая несколько метров, которые отделяли Ротгара от Гилберта, она уронила плащ и теперь могла кивать на холодную погоду, если бы Гилберт поинтересовался, от чего ее всю трясет. Ну, а что она могла еще сказать, чтобы объяснить, почему у нее покрылись потом ладони, на лбу появилась испаринка, а мозг лихорадочно искал новую ложь победительнее?

Придется что-то придумать. Она наверняка сможет это сделать.

- Мне нужно поговорить с тобой минутку-другую с глазу на глаз в хижине, Мария. Гилберт плотнее сжал челюсти, не обращая внимания на ее замешательство. - Хотя вы и заключили с ним сделку, я все же намерен его скрутить. Я ему не доверяю.

Ротгар лишь пожал плечами, без всякого сопротивления протянув запястья оруженосцу Гилберта, и ему удалось представить все это действие как отвратительную, глупейшую предосторожность. На губах у него играла язвительная улыбка, а на лице у Гилберта появилась кислая мина.

Убыстря шаг, он повел ее к хижине, пытаясь все время прикрыть ее от Ротгара своим телом, словно щитом. Всем своим сердцем она хотела хоть на секунду увидеть выражение глаз Ротгара, перехватить его теплый ободряющий взгляд, который она непременно в них заметит, но присутствие рядом охваченного гневом Гилберта, лишало ее всякой возможности это сделать.

Он проводил ее в это убогое пристанище, плотно закрыв за ними двери. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть после яркого рассвета к мрачной темноте закопченной комнатухи. Она остановилась возле курящихся останков огня, став к

нему спиной, - ее платье было неопрятно распушено, как у легкомысленной девицы, а волосы покрыты слоем пыли и застрявшими в них стебельками соломы.

У него перед глазами вновь за клубился розовый туман. Она спала с этим саксом. Может, ее к этому принудили, но это сути дела не меняет.

- Я искал вас сегодня утром, чтобы извиниться перед вами... Может, может.., мне не следовало так крепко сжимать вашу руку вчера вечером... - Он с трудом произносил слова через плотно сжатые губы. - Со мной чуть не приключился припадок, когда я узнал о вашем побеге.

- Вы всегда были ко мне так внимательны, Гилберт. - В ее словах явно была насмешка, и она потирала рукой ушибленное им место.

Ее распухшие губы говорили о пережитой недавно страсти. Воротник платья сидел криво, демонстрируя красноту ее нежной кожи, явно натертой грубой бородой мужчины. И тем не менее она еще осмеливалась его дразнить!

- Потаскуха! - хрипло сказал он, охваченный убийственной яростью при мысли о том, что здесь, в этой хижине, происходило всю ночь, но его еще больше донимало, что она отнюдь не вела себя так, словно оказалась жертвой, получила увечья и была всем этим довольна в это залитое солнцем утро. - Мне наплевать, какую именно сделку вы с ним заключили. Я все равно его за это убью.

- Нет. Вы не сделаете этого. Он должен жить. Должен!

- Что с вами, опять зачесалось, хотите продолжить? Если бы я знал, насколько вы похотливы, то оказался бы в этой хижине сам.

Она побледнела.

- Неужели у вас складывается впечатление, что мне очень понравилась эта ночь? Она протянула к нему дрожащие окровавленные руки. - Я оказывала ему сопротивление изо всех сил. Но он так давно не видел женщины. Никак нельзя было с ним тягаться. - Зарыдав, она беспомощно отвернулась от него.

От ее признания он еще больше терял терпение. Он должен был проткнуть сразу этого сакса, как только он освободил Марию.

- В таком случае я его сейчас убью и сам найду его сокровище. Теперь, когда мне стало известно о его существовании, я не буду знать ни минуты покоя, пока не переверну все здесь вверх дном, каждое деревцо, каждый камень. - Со свирепым видом он побежал к двери, но Мария его окликнула.

- Нет! - Ее пронзительный, повелительный приказ еще больше подействовал на него, казалось, и без того взвинченные нервы.

Он остановился.

- Почему нет? - Как смеет она вмешиваться!

- Гилберт, до тех пор, покуда он жив, я в вашем неоплатном долгу.

Рука его замерла на ручке двери.

- Что вы имеете в виду?

Она резво подбежала к нему, принялась пристально изучать его гневное лицо. Ему и прежде приходилось видеть такой тревожный, волнуемый и пытливый взгляд на лицах тех, кто вначале чего-то хотел недостижимого, а теперь вдруг понял, что теперь это доступно, можно протянуть к нему руку и ощутить. Чего же она так сильно хотела?

- Не убивайте его сейчас. Пока не убивайте. Гилберт закачал головой, выражая полное безразличие к ее словам. Никогда прежде она его не просила, только требовала.

- Вы пытались испробовать свой шанс с ним вместе, и ваша смешная затея не привела ни к чему, кроме как к унижению. Теперь пусть заплатит за изнасилование.

- Вот-вот. Именно поэтому я прошу вас пощадить его жизнь сейчас.

Она прикоснулась к его руке, - впервые на его памяти она это сделала сама, без подсказки с его стороны.

- Если вы уготовили для него скорую смерть, то мы можем в таком случае никогда не найти золото, и в результате нанесенный моей чести урон останется без отмщения. Я хочу заставить его пострадать, так же как и я. Хочу увидеть, как он будет унижен, так, как он унизил меня. Но сделать это собственными руками. В вашей власти, Гилберт, выполнить мою просьбу. И имейте в виду, я не останусь неблагодарной.

Прикосновение ее руки, мольба в глазах, ее дрожащее тело - все, казалось, было предназначено для того, чтобы унять его гнев по отношению к ней. Розоватый туман пропал у него перед глазами, но он инстинктивно чувствовал что-то неладное.

- Отношения между нами изменились, не так ли? - На ее губах заиграла соблазнительная улыбка.

Что же было в этой женщине, что его постоянно очаровывало? Правда, у нее было красивое тело, красивое лицо, но ведь многие женщины обладали куда большей соблазнительностью. У нее не было золотистых волос, как у сакских женщин, не было румяных щек, черных, как смоль кудрей, как у многих норманнок. У Марии были каштановые волосы, у нее были карие глаза; ее могли вообще не замечать годами в среде модно одетых, аристократических женщин высшего норманнского общества. И вот все же она стояла перед ним, ее обычные карие глаза блестели невыплаканными слезами, губы дрожали, на ней было неопрятное, разорванное сакское платье, и все же она для него была самой соблазнительной, самой желанной из всех женщин на свете.

Он попытался избавиться от мыслей, вызывающих у него эту слабость. Гилберт решил подойти к ситуации с другой стороны, как воин, и на его губах появилась довольная улыбка, когда он осознал, каким мощным положением он обладал. Сегодня утром он приехал сюда, к хижине, чтобы поймать сакса, и он это сделал. Он хотел казнить сакса на глазах у жителей, не проливать его дрянной крови здесь, чтобы не вызывать излишних слухов, которые вполне могут превратить его в мученика.

К тому же Мария просила сохранить этому саксу жизнь. Да, Бог явно был расположен к нему, Гилберту Криспину, сегодня! Он мог, конечно, исполнить прихоть Марии, мог заставить ее оказаться в неоплатном долгу, притворяясь, что готов постоять за нее и отомстить ее обидчику. Только он знает, когда должна слететь голова сакса с плеч, слететь на глазах у всех жителей Лэндуолда, чтобы они наконец осознали, кто здесь является истинным хозяином.

- Не хотите ли вы заключить со мной сделку, Мария? - спросил он, пытаясь скрыть свое ликование от того, что она вот-вот угодит в расставленную им западню. - Эта сделка сохранит жизнь саксу.

- Да, хочу.

- Что бы я ни попросил?

Она долго молчала, уставившись в дверь, словно ответ на этот вопрос лежал где-то там, за ее пределами. Но там никого не было, кроме сакса. Гилберт провел рукой по кольчуге, и она заскрипела, зазвенела, отнюдь не случайно напоминая ей о его значительно превосходящей ее силе.

- Я сделаю, что потребуется от меня. То, что вы попросите, - прошептала она чуть слышно.

От одержанной победы он радостно восторжен. В хижине было почти темно, двери были закрыты, окно затянуто шкурами, а огонь, который согревал ее всю эту ночь, потухал, в нем оставались лишь тлеющие головешки, но он отчетливо ее видел. Он подошел к ней, крепко сжал за плечи, повернул к себе, чтобы поглубже заглянуть в ее тревожные, обманчивые обычные карие глаза, порадоваться в душе тому болезненному предательству, от которого ей скоро придется немало пострадать. Боже, как он будет упиваться ее терзаниями, и у него в руках было такое средство, которое позволяло ему продолжить это наслаждение, продлить эту испытываемую радость.

- Еще не поздно.

- Что не поздно? - Он чувствовал у себя на щеке ее нежное дыхание.

- Для моего предложения. Брак между нами. Мы построим для Хью дом, и будем вместе вместо него управлять этими землями.

- Это отличный план, Мария. Для этого нам не нужно сейчас здесь ложиться у огня, хотя вы и запятнали свою честь.

- Значит, вы все равно хотите на мне жениться?

Ему очень хотелось знать, изменилось ли его лицо в эту минуту, не выдавало ли, как страстно он ее желает, как это она совсем недавно заметила у него в глазах.

- Вы не должны хотеть меня сейчас. Во всяком случае не сразу после того, как он так дурно со мной обошелся.

- Я продемонстрирую вам, чего мне хочется, а чего нет. - Он грубо заключил ее в объятия и прильнул своими губами к ее губам.

На какую-то секунду она принадлежала ему, целиком только ему, хотя она продолжала стоять неподвижно, опустив руки, напрягшись всем телом. Потом она начала вырываться из его объятий с яростью загнанного в капкан барсука.

- Вы, как всегда, лжете! Ничего между нами не изменилось! - зарычал он, когда она выскользнула из его рук, стараясь подавить в себе болезненное чувство из-за ее отказа. Была уязвлена его мужская гордость. Боже праведный, он чуть было снова не подпал под ее чары. - Если бы вы оказали такое же сопротивление саксу, не думаю, чтобы ему удалось завладеть вами вчера ночью. Отлично. Если не будет сделки со мной, не будет и с ним.

Она продолжала пятиться назад, быстро и ловко вырвав руку, прикрывшись ею словно от страха получить неминуемый удар. Бледная, вся трясущаяся, она стояла, в сумрачном свете хижины.

- Я не могу вас сейчас поцеловать, - сказала она, едва выговаривая слова, чувствую глубокую агонизирующую боль в сердце. - Его прикосновение.., то, что он сделал со мной, Гилберт... Боюсь, что после этого я не смогу выдержать прикосновения никакого другого мужчины.

Незнакомое чувство стыда обожгло его из-за столь грубого отношения к ней. Кто же она на самом деле - милая лгунья или же на самом деле жертва? Он сам видел, как женщины, которых называли "военными трофеями", выбирали яд или вспарывали себе ножом вены, чтобы только не отдаться еще одному мужчине. Боже праведный, что произошло бы, если бы она на самом деле покончила с собой, не предоставив ему никакого шанса, чтобы насладиться ее телом, о чем он так мечтал все эти долгие годы?

- Вы не наложите на себя руки? - спросил он.

- Нет, - ответила она. - Я этого не сделаю. - Она стояла, продолжая трястись всем телом. Он стоял напротив, будучи уверен только в одном, - нет, ей нельзя доверять ни в чем.

- Если мы намерены заключить брак, то я заявлю о своих супружеских правах, - предостерег ее он.

- Я знаю об этом.

- Кроме того, мне не хотелось бы прибегать к силе, как поступил бы с вами он, но все же при необходимости могу пойти и на это.

- Я прошу лишь о короткой передышке, - сказала она. - Пусть отец Бруно устранит любые возможные препятствия на пути к нашему браку. К тому времени мне, несомненно, удастся преодолеть это глупое отвращение.

Все эти формальности со священником могут занять несколько недель, может, месяц-другой. Разве это срок для человека, прождавшего целые годы?

- К тому времени у меня не возникнет к вам никаких вопросов, - добавила она.

- Что вы имеете в виду?

- Ну, конечно, вопрос о ребенке. Если мы отдадимся нашей страсти и в результате на свет появится ребенок, то никогда до конца мы не будем уверены, кто же его отец.

Он даже не подумал об этом, хотя идея зачать, лежа на Марии, ребенка, заставила его всего задрожать. Но если она произведет этого сакского щенка, то он вспорет ему живот и бросит его в новый ров, который они выроют вокруг своего замка.

- Хорошо, мы подождем.

- И наказание Ротгара по-прежнему зависит от меня.

- В пределах разумного, - ответил он, чувствуя, как вновь его одолевает похоть. Кажется, она слишком много заботится об этом саксе... - Он ожидает, что Хью выполнит заключенную сделку.

- Вы, конечно, согласитесь, что нельзя допустить, чтобы от своего намерения он получал бы слишком много удовольствия.

Она быстро кивнула.

- Я согласна. Мы заключим брак. А вот вам залог надежности нашей сделки. Она очень быстро, так, что у него даже не было времени среагировать, прижалась всем телом к его сложенным на груди рукам, запечатлела легкий, словно перышко, поцелуй у него на щеке, и потом тут же отвернулась к огню, не в состоянии унять охватившую ее дрожь.

Ему был приятен этот поцелуй, и он тут же поднес свою руку собственника к ее хрупкому плечу. Но она ловко увернулась. Ну и пусть. Когда одержана победа, можно быть и великодушным. Он решил оставить ее в хижине на несколько минут, а сам направился к выходу. Перешагнув через лужу, он остановился.

- Мария, - снова предостерег он ее. - Я буду очень бдительно следить за вами.

- Разве можно ожидать иного от верного супруга? - ответила она, не поворачиваясь к нему.

Мужчина обычно должен чувствовать ликование после того, как ему удастся заручиться от женщины обещанием выйти за него замуж. Но в сердце Гилберта поселилась тревога. Он все время испытывал давящее сомнение, неуверенность в том, что каким-то образом ей и на сей раз удалось его провести.

Он не мог объяснить почему, но решил все время следить за ней, не выпуская из поля зрения, следить за каждым ее шагом, за тем, что она намерена предпринять в отношении Ротгара. Словно от этого зависела вся его жизнь.

Мария стояла в проеме двери хижины, делая вид, что готовится к возвращению в Лэндуолд, а сама исподтишка бросала взгляды вокруг, пытаясь увидеть Ротгара. Она заметила, что рыцари подобрали оброненный ею плащ и склотили что-то вроде носилок, чтобы отнести раненого Стифэна. Несмотря на то, что ее плащ был раскрыт целиком в ширину, он едва закрывал его тело, хотя рыцари постарались как следует его укутать в шелковую на меху подкладку, у них так ничего и не вышло; поврежденная, изуродованная его нога высывалась из-под края плаща, а здоровая, свалившись через край носилок, волочилась по земле.

- Может, стоит снять с него амуницию, тогда будет легче нести, предложила Мария, и все хором согласились с ней.

- Все наши лошади, кроме одной, получили ранения, и поэтому требуют лечения, если мы хотим на них ездить снова, - сообщил ей один из оруженосцев. - Вот почему пришлось положить лицом вниз Роберта на хребет вашей кобыле. Эти английские дьяволы придумали такое копьё, которое никак нельзя вытащить. Нельзя же его оставить здесь на милость снующих хищников.

- Вы правильно поступили, - сказала Мария. Сложив поплотнее руки на груди, чтобы укрыться от колючего ветра, она не спускала глаз с лужайки, надеясь заметить на ней Ротгара. Там, возле деревьев, Гилберт не терял понапрасну времени. За те краткие мгновения, когда он оставил ее одну в хижине, чтобы она пришла в себя, он уже распорядился вставить Ротгару в рот кляп и затянул длинными кожаными путами ему руки на запястьях. Не хватало только мешка на голове сакса, чтобы надежнее скрыть мятущуюся жизненную энергию в его глазах.

О, как ей хотелось утонуть в его взгляде, как хотелось остро, до боли, прикоснуться к нему, услышать его грубоватый смех и надежный, убеждающий ее голос в том, что она верно сыграла порученную ей роль. Она была готова поклясться, что он, несомненно, рассмеялся бы, если она сообщила бы ему о своей согласии выйти замуж за Гилберта. В любом случае, ведь он сам настаивал, чтобы она поступала так, как считает нужным.

Она поморщилась от стонов Стифэна. Кроме страшной агонии, которую у него вызывала первая попытка уложить его на носилки, теперь ему приходилось, вероятно, страдать еще больше, когда его люди так неосторожно его несли, а проворные пальцы оруженосца обшаривали его застёжки, сжимая его руки то здесь, то там, чтобы освободить его от тяжелой кольчуги.

Только одному Данстэну, судя по всему, удалось избежать ранения. Кони Гилберта и Стифэна валялись убитые, а это большая потеря. Полученная Робертом рана, конечно, сделает его калекой, как и отсеченная нога Стифэна. Прочие оруженосцы выглядели получше, но кто мог сказать, как на их нервы подействовало это неожиданное нападение. Но насколько было бы больше жертв, если бы их не предупредил Ротгар, не выступил со своим топором на их защиту?

Весь этот боевой эпизод заставил ее вспомнить о другой стычке, в результате которой Хью чуть не лишился мозгов, напомнив об их уязвимости перед лицом превосходящих по численности англичан, если только какому-то подстрекателю придет в голову идея собрать их силы против норманнов. Она, конечно, могла бы порадоваться ранению, полученному Гилбертом в шею, но хотя рана еще кровоточила, было сразу видно, что она неглубока.

Как она уже напоминала Ротгару, что будет делать без Гилберта? Его относительно

удовлетворительное состояние здоровья означало, что только три рыцаря, - Гилберт, Данстэн и Уолтер, которые, как всегда, оставались сзади, чтобы следить за Хью, - только и могли защитить Лэндуолд от мародеров. Что же произойдет, если Вильгельм направит им из Нормандии запрос, потребует сообщить ему о том контингенте рыцарей, которых Хью торжественно обязывался нанять и экипировать? Хью с Ротгаром все еще живы. Она тоже. Они должны победить.

Ах, как ей хотелось сейчас сидеть в седле на своей кобыле, вместе с Ротгаром, который ее обнимал бы своими сильными руками! Ее своенравный рассудок не желал расставаться с этой мыслью, и все ее существо требовало кинуться опрометью, убежать на сторону Ротгара.

От Гилберта не ускользнуло ее состояние. Данстэн уступил своего коня старшему по званию рыцарю, и Гилберт управлял им с обычным для него чуть-чуть небрежным искусством, продолжая бросать в ее сторону взгляды собственника, не спуская глаз с носилок, на которых несли Стифэна. Он подъехал к ней и, заметив, как она вся дрожит, хлопнул ладонью по седлу.

- Можете здесь устроиться как в дамском седле.

Я с радостью поделюсь с вами своим теплом, чтобы вы не страдали от утраты своего плаща.

Она смешалась, не зная, что ему ответить.

- Я сегодня утром так плохо себя чувствую, что вообще не могу ездить в седле. "Прости меня, Ротгар", - неслышно кричало ее сердце.

Бесстыдное выражение на лице Гилберта уступило место подозрению, когда он пытался определить, в какую сторону направлен ее взгляд.

- Мне кажется, вы уделяете слишком много внимания тому, кто причинил вам немало вреда.

Ноги у нее чуть не подкосились, она напрягла свой мозг, чтобы придумать какую-нибудь подходящую ложь, чтобы снова умиротворить Гилберта.

- Я разрабатываю свое отмщение, Гилберт. Тяжелое состояние Стифэна заставило меня вспомнить, что на саксе есть плащ. Конечно, это всего лишь куча грязной шерсти, но все равно он может защитить от холода. Когда со Стифэна снимут кольчугу, он наверняка еще больше замерзнет.

Одного взгляда на трясущееся тело Стифэна было достаточно, чтобы убедиться в необходимости такой накидки. У него от холода стучали зубы, а с бледного лица струились ручейки пота.

Гилберт покачал головой.

- Сомневаюсь, что мы доставим его живым в Лэндуолд. Ну ничего, в могиле еще холоднее. А пока пусть привыкает. Я сейчас принесу вам плащ.

- Позвольте мне самой это сделать.

- Нет, Мария, вы к нему не приблизитесь. Гилберт на своем коне подскакал к Ротгару. Мягким движением, подчиняясь инстинкту хорошо натренированного норманнского рыцаря, Гилберт выхватил меч из ножен. На какое-то мгновение он взлетел у него над головой, его губы дрожали в довольной усмешке. Не давая Марии возможности закричать, он опустил с размаху лезвие на незащищенную шею Ротгара.

Шерстяная материя плаща расползлась, но под ней на его коже не появилось ни капли крови. Его немигающие глаза по-прежнему оставались широко открытыми.

- Да, вижу, что вы умеете управляться с острым лезвием меча, сэр Гилберт, - проворчала

Мария. Она обняла рукой шею коня, притворяясь, что ласкает милое животное, но сама все крепче к нему прижималась, опасаясь, как бы у нее от неожиданного чувства облегчения не отказали ноги.

- Только тогда, когда это нужно, - ответил Гилберт. Действуя мечом, словно он был продолжением его проворной руки, он, намотав на него складки плаща, резко рванул на себя. Он сорвал его с плеч Ротгара. Теперь он безжизненно болтался на острие меча.

- Обрати, сакс, внимание на мое искусство. Если только ты нас обманешь и не передашь золото, я точно также рассеку тебе грудь, извлеку оттуда сердце и подарю его нашей леди.

Они с ненавистью глядели друг на друга. Мария попыталась не обострять между ними взаимоотношения. Сорвав с острия меча плащ Ротгара, она, развернув его, встряхнула перед собой. Она сразу почувствовала запах его тела, который, казалось, ее всю обволок, наделив силой, чтобы еще раз поговорить с Гилбертом. - Не могли бы вы теперь обратить лезвие своего меча на пользу и отрезать от него две полоски.., для меня, милорд?

Гилберт, кажется, не заметил, что вся она чуть не разомлела от нежности, но все же уверенными, быстрыми ударами отсек несколько полосок от плаща. Точно с такой легкостью он мог бы срубить голову Ротгара с плеч. Сейчас лучше всего отвлечь внимание рыцаря от Ротгара. Она надеялась, что он все поймет, когда она не смотрела на него. Нельзя было идти на риск. Мягкая, нежная улыбка, даже исподтишка, могла лишь спровоцировать Гилберта.

Идя рядом с конем, он все время бросал непонимающие взгляды на полоски от плаща.

- Это для ног, - объяснила она. - Находясь на почтительном расстоянии от Ротгара, она намотала теплую ткань себе на ступни.

- Вы все равно не можете идти. Вам лучше поехать вместе со мной.

Оруженосцы, покончив с оказанием помощи Стиффэну, вновь понесли его вперед, раскачивая носилки на ходу. Его очередной, на сей раз менее громкий стон, заставил ее прибегнуть к еще одной удобной лжи.

- Мои невзгоды ничего не стоят, по сравнению с его, Гилберт. Я хочу идти рядом с ним, держа его за руку. Мне так будет значительно теплее. Она поторопилась со своими обмотками, радуясь заранее, что возня с ногами скрыла подступившее к горлу отвратительное чувство, что она будет сидеть в одном седле с Гилбертом, прижиматься к нему, обнимать за талию руками, как это делал совсем недавно Ротгар.

Подойдя к Стиффэну, она начала подворачивать под него края плаща. Гилберт подъехал к ней, когда она зашагала, держа в руках кожаный ремешок. Она не спускала с него глаз, воображая, что этот кусок кожи свисал с пут Ротгара у него на запястьях. Она вновь старалась не глядеть на его лицо, чтобы, не дай Бог, не выдать своих истинных чувств.

- Так как вам приходится идти на своих двоих из-за него, я подумал, что, может, вам понравится идея вести его за собой, как кастрированного козла? спросил Гилберт. - Я поеду впереди. Следуйте за мной.

Бледное солнце, которое еще скупно посылало земле весеннее тепло, казалось, вообще скрылось на небе, словно в тумане. Неожиданно почувствовав, как ее одолевает холод, как озябло ее тело, все больше удивлялась, как она сможет преодолеть такое большое расстояние до Лэндуолда, тащить за собой своего суженого, и одновременно двигаться в кильватере своего будущего супруга, который прокладывает, словно бык, обратный путь к дому.

Тогда она пообещала идти рядом со Стиффэлом, держать его за руку, чтобы он не чувствовал таких неудобств. Иногда раненые становятся романтически настроенными,

чувствуя всю тяжесть выпавшего на их долю испытания. К счастью, Стиффэн потерял сознание от сильных болей и большой потери крови. В противном случае, принимая во внимание перипетии этого дня, она не удивилась, если бы пообещала сгоряча выйти замуж за еще одного рыцаря с бычьей головой, заметив предместье Лэндуолда.

Гилберт придумал, как можно скорее добраться до Лэндуолда. Он ударил рукой себя по колену, издав недовольный, рассерженный крик.

- Как же я мог забыть, - сказал он, роясь в притороченной к поясу сумке. Я захватил это по ошибке, но, может, это весьма кстати. Скажите, а не может ли случайно Стиффэну и Роберту стать лучше от вашей "дозы"?

В руках его поблескивала бутылка с настойкой для Хью. Он вертел ее в руках, словно она абсолютно ничего не весила, напоминая Марии, как мало этого целебного зелья у нее осталось. Ясно, что никакого облегчения она Стиффэну не принесет. Роберту может помочь ее успокаивающий эффект, но он в таком случае наверняка попросит еще, и в результате в бутылке почти ничего не останется. Хотя у нее ныло сердце, она все же решила отказать и Роберту, и Стиффэну. Но она не должна демонстрировать Гилберту, до какой степени это ее расстраивало.

- Думаю, что нет, - сказала она, с сожалением покачивая головой. Оно изгоняет демонов из головы, а не копыя из задницы. Новая нога от этого у Стиффэна тоже не вырастет. - Пока Гилберт раздумывал над ее словами, она выхватила у него бутылку и спрятала ее подальше в свой жилетный карман.

Она склонила в отчаянии голову перед Богом, отдавая себе отчет в том, как ей лицо заливают краска стыда. Во что она превратилась, в какую женщину, если придумывает здесь какие-то небылицы и отказывает в лекарстве страдающим рыцарям?

Плотно сжав зубы, держа одной рукой руку потерявшего сознание человека, намотав на другую спасительный ремешок Ротгара, она быстро зашагала по направлению к Лэндуолду.

Хью, охватив голову одной рукой, старался изгнать оттуда досаждающих ему демонов. Однажды, несколько лет тому назад, его оруженосец собрал булыжники, чтобы выложить ими яму для костра, заверяя своих товарищей, что если как следует поджарить на них ежей, то они станут такими вкусными и сочными, что любой человек просто забудет о вкусе свинины. Этот оруженосец не обратил никакого внимания на то, что в этих извлеченных из реки булыжниках скопилась вода. Хью и его приятели рыцари с любопытством наблюдали, когда раскаленные камни стали разлетаться на мелкие, острые, словно иглы, кусочки. Они срезали ему один из пальцев, как он того и заслуживал за задержку обеда, и украсили тело уже сжаренного ежа новыми дополнительными иголками.

- Каким грозным оружием могли бы стать эти камни! - перешептывались между собой рыцари, правда, отлично отдавая себе отчет, что невозможно подчинить себе такую энергию, сделать ее управляемой по воле человека.

В этот день голова Хью напоминала эти взрывающиеся булыжники. И когда она была рядом, когда прикасалась своими прохладными мягкими, успокаивающими руками к его голове, он все время опасался, как бы она не разорвалась и не оторвала ей осколками пальцы.

- Сейчас, - шептала она. - Вот здесь. Еще вот здесь. - Там, где она прикасалась к голове пальцами, самая страшная боль вдруг угасала, хотя и не исчезала совсем, но все же теряла остроту.

- Гилберт унес вашу "дозу". Мне казалось, что вам она какое-то время не нужна. Мария мне не доверяет. Я знаю искусство врачевания, меня ему учила аббатиса в монастыре. Скорее всего это опиум. Вы сейчас чувствуете боль только от того, что вас лишили привычной "дозы", а не из-за ранения.

В ее голосе чувствовались незнакомые модуляции, словно ей было трудно связывать норманнские слова.

- Вот, выпейте. - Она поднесла чашку к его губам, и вода пролилась, намочив ей платье. Когда же он в последний раз пробовал воду? Пытаясь покрепче схватить дрожащей рукой чашку, Хью начал жадно пить воду. Она взяла у него из рук чашку, - Ваша жажда только усилится. - Это хороший признак. В желудке начнутся спазмы, если только вы выпьете слишком много. Но все равно скоро вы начнете испытывать резкие боли, - нужно быть к ним готовым. Возможно, мне придется позвать на помощь рыцарей. Но я вас не оставлю одного.

Он уперся головой ей в живот. Она заерзала на месте, пытаясь нянчить его у себя на руках.

- Мне кажется, что-то здесь затевают. Гилберт, может, и не знает об этом. Мы должны говорить, что вы испытываете боли от ранения.

- Желтые... - Хью удалось вздохнуть. - Желтые волосы надо мной. Жена.

- Эдит, - прошептала она. И вот золотистый водопад ее волос покрыл его голову. Раздавались лишь мягкие приятные звуки, когда она, склонившись над его головой, пыталась руками и ласковым голосом унять его боли.

Глава 15

Он снова проснулся от знакомых ощущений - пряный запах скота, царапающие лицо соломинки, воспоминание о произнесенных им словах: "Если ты перестанешь навещать меня, я пойму, что ты переметнулась к Гилберту". И, как всегда в таких случаях, он окончательно проснулся, издав протестующий крик, - как его мучили воспоминания о той сладостной ночи, о том неведомом прежде ему, наивысшем, почти безумном экстазе. И для чего все эти переживания, если вот он лежит, открыв глаза, и думает о хладнокровном, неожиданном предательстве Марии.

Она должна была прийти к нему давно, - прошло уже десять ночей. Он оправдывал ее в первую ночь, подыскивал предлоги в ее защиту и во вторую. Короче говоря, прошли эти десять черных унижительных для него, холодных, пронизывающих до костей ночей, а он все ждал ее, покуда не стало ясно, что она вообще никогда к нему не придет.

Скорее всего, при сумрачном свете в хижине дровосека, она, вероятно, передумала. Для чего ей связывать свою судьбу с ним? У него не было никакого оружия, кроме острого ума, а Гилберт Криспин предлагал ей свою сильную, надежную руку норманна. Как бы ему хотелось превратиться в черного паука, чтобы подслушать беседу между Марией и Гилбертом, которую они вели вдвоем в хижине.

Когда Гилберт в расстроенных чувствах убежал из хижины, один, охваченный голодом к этой женщине, Ротгар был уверен, что их план остается в неприкосновенности, не сомневаясь в том, что она стойко сопротивлялась, он был горд за нее и даже усмехнулся про себя, когда она позже назвала Гилберта милордом.

Теперь Ротгар не улыбался. Она назвала Гилберта милордом, и с тех пор даже не глядела в его, Ротгара, сторону, никогда больше не удостаивала своим приятным для него присутствием.

Проснувшись от собственного крика, он сел на кучу соломы, которая служила ему

постелью. Ни одно из животных даже ухом не повело, услышав его вопль, лишь только мелкие хищники почувствовали неудобство от того, что он зашевелился на соломе. Как и любой лэндуолдской скотине, ему полагалось место в хлеву, и если ему нравилось проводить бессонные часы, предаваясь грезам и анализируя собственный идиотизм, - то это, конечно, было его личное дело.

Наконец в эту ночь, он, кажется, как следует выспался. Даже лучи солнца не могли заставить его открыть глаза, но он слышал - то здесь, то там, весело чирикала птичка, объявляя ему о наступлении нового дня.

Черт с ней, с судьбой, пусть порадуетя на его несчастье. Вот он, соблазненный ведьмой, и даже во сне одна мысль о ней заставляет все тело его дрожать, гореть желанием. Вот он, соблазненный воспоминаниями о ее лжи, слетающей с ее сладких, как мед, губ. Он был настолько околдован, что часть его существа упрямо цеплялась за надежду, он думал, что какие-то непредвиденные обстоятельства не позволили ей прийти хотя бы в одну из этих темных, бесконечных ночей, что она все же придет и все станет ясно. Нет. Десять долгих ночей - это слишком много. Их планы обмануть Гилберта были лишь иллюзией, как и тот несуществующий сын, которого она обещала ему родить. Десять долгих ночей он гнил в этом хлеве, ожидая от нее объяснений, а она тем временем лишь занималась своим братцем, которого терзали дьяволы. Женщина, которой хотелось бы провести с ним несколько мгновений наедине, могла бы это сделать неоднократно; любой человек, наделенный такой властью, как она, просто мог приказать привести его к ней для личной беседы. Или еще для одного купания, а не окунания в корыте для питья лошадей, чтобы смыть с себя кровавые пятна, оставленные на его коже кровью врагов. Или, что скорее всего, для наказания. Такому унижению не может подвергнуть человека даже церковь, если он и решил пообщаться с ведьмой.

Предупредительное фырканье лошади, за которым последовала ее мягкая, почти неслышная по земляному полу поступь, отвлекли его. Он не желал всем демонстрировать своего униженного, беспомощного положения, своих наручников, поэтому он с трудом, медленно, стараясь, чтобы цепи его сильно не гремели, поднялся на ноги и прислонился к стене.

- Ротгар?

Он не узнал этот низкий, гортанный голос и поэтому промолчал.

- Милорд? - позвал его кто-то еще. Этот голос напомнил ему о другом, о той ночи, которую ему пришлось провести в курятнике, когда он по приказу Марии снова очутился в рабском положении.

- Бритт? - прошептал Ротгар.

- Не называйте никаких имен, милорд, - послышалось в ответ, и он увидел, как плотное темное пятно в дальнем конце хлева быстро приближалось к нему. Хотя мы явились сюда как злоумышленники, мы все же можем обратить наш поступок во благо. Ну-ка, положите ваши цепи на землю. Я постараюсь разбить их топором.

- И при этом зарубить меня насмерть, - проворчал сквозь зубы Ротгар. - В этой крошечной темноте я бы не доверил и собственной руке. - Тем не менее он, наклонившись, расправил цепи на полу, откинув при этом торс как можно дальше назад. Он скорчил неприятную гримасу, услышав, как тяжелый топор со свистом рассек воздух и с грохотом опустился на цепь.

- Какое дерьмо!

Топор оказался слишком тупым для такого дела, и от сильного удара цепь ушла в мягкую землю вместе с острием топора.

- Остерегитесь, милорд. Я попробую еще раз.

- Нет, Бритт, так не пойдет, - сказал Ротгар, и у него снова мелькнула надежда на спасение, надежда настолько зыбкая, что он даже боялся в этом признаться себе. Отсутствие Марии доказывало, что она больше в нем не нуждается. Почему же не воспользоваться в таком случае предоставившейся возможностью? - Принеси-ка булыжник. Мы положим его на цепь, и тогда при ударе у топора появится опора.

Когда Бритт занимался поисками булыжника, Ротгар стал прислушиваться. Кто-то вывел из конюшни сытых боевых коней из их денников, и сильным ударом по ляжкам заставил их сразу броситься в галоп. Причем и не подумал даже о том, что лошадь может в темноте от испуга сломать ногу. Вот глухо звякнуло ведро. Чьи-то проворные пальцы поворовски доили корову, но потом вдруг послышался плеск, говорящий о том, что затея не удалась и похищенное молоко разлилось по полу. Потом послышалось шарканье ног, треск вспарываемых ножом мешков с пшеницей. Какие дураки! Разве они не понимают, что причиненный им, норманнам, вред приведет их к еще большим лишениям, лишит их собственного скота в это трудное время, когда зима настолько затянулась?

Пошатываясь от тяжести найденного булыжника, Бритт почувствовал всю ярость охватившего Ротгара гнева.

- Убери его прочь, - приказал он. - И все немедленно сматывайтесь отсюда, все до одного!

- Но, милорд...

- Я сказал - вон! - заревел Ротгар. - Неужели ты считаешь, что я свяжу собственную судьбу с толпой неотесанных мужланов типа тебя? Разве ты ничего не помнишь из того, что я говорил вам на строительной площадке?

- Но у нас нет другого выхода! Мы вынуждены этим заниматься, милорд...

- Я больше.., вам не милорд. - Ротгар четко произнес каждое слово. - Ваш милорд лежит в кровати со своей леди в холле вон того большого дома.

- Но ведь вы - Ротгар Лэндуолдский, - резко возразил Бритт.

- Да, так меня зовут, - согласился с ним Ротгар и вдруг почувствовал, что успокаивается. Да, он был Ротгаром Лэндуолдским, и, черт возьми, он им будет и впредь. Нужно навсегда забыть эти мечты о том, что Мария будет с ним рядом. Самая главная, первостепенная ответственность господина - его народ. Он может потерпеть неудачу и не завоевать желанную леди, он может утратить свои земли, но он может добиться, чтобы сыновья вот этих тупоумных, крепких и высокими. Никакие ухищренные попытки, никакие обольщения со стороны этой ведьмы не могли его заставить более активно защищать дело норманнов.

- Вы должны прекратить этот бандитизм, Бритт, - сказал он уже более уравновешенным голосом. - Осуществленное вами нападение на норманнов в лесу стало весьма печальной ошибкой. Вы могли бы убить и леди Марию.

- Если вы ищете этих сукиных детей, которые организовали нападение, то обращайтесь не по адресу, - упрямо бубнил Бритт. - Наши люди в Лэндуолде не имеют к этой вылазке никакого отношения. Вы, Ротгар, не так много времени провели дома после возвращения. Здесь торжествует такое предательство, такой обман под самым носом норманнов, что вы себе и представить не можете.

Ротгар вздохнул. Бритт подтвердил его сомнения в том, что саксы принимали участие в этом нападении. Он решил оставить этот разговор и больше к нему не возвращаться. - Я связал свою судьбу с норманнами, и вы должны последовать моему примеру.

Презрительно фыркнув, Бритт потряс звенящими цепями Ротгара.

- Я вижу, как высоко они ценят оказываемую им вашу поддержку. Лучше бы вы поступали с ними так, как делаем мы. По крайней мере, можно заработать пару монет.

После этих загадочных слов все крестьяне растворились в предрассветной мгле. Ротгара озадачил Бритт, и, казалось, произнесенные им слова, словно туман, все еще висели в воздухе. Он откинулся спиной на кучу соломы, намереваясь притвориться спящим и настаивать на полном незнании, что произошло, здесь, в конюшне, после того, как нанесенный норманнам ущерб будет обнаружен. Мария могла вызвать его и потребовать в этой связи отчета. У него по спине поползли мурашки при мысли, что он может снова увидеть ее. Но он поспешил отделаться от этого ощущения, заранее воображая, как она будет над ним насмехаться, как будет дразнить теми планами, которые они, как ему казалось, разрабатывали вместе.

Но он все равно был намерен продемонстрировать, что по-прежнему выполняет свою часть заключенной сделки. Он добьется, чтобы замок для Хью был построен.

Он сделает все возможное, чтобы не обращать внимания на ее триумф. Он попросит у нее разрешения помогать собственноручно крестьянам, возводящим стены замка. Она совсем не удивится, - он был уверен в этом, - разве не она сама подталкивала его все время в этом направлении?

Каждый вечер через глотки норманнов в их желудки вливалось громадное количество самого отличного лэндуолдского эля. Находившийся при смерти Стифэн и Роберт, сильно ослабевший после ранения, уже не принимали участия в ночных попойках, но общее потребление налитка совсем не уменьшилось, несмотря на то, что теперь двое бывших бражников не прикладывались к бурдюкам. Вероятно, царившее в почерневшем от сажи зале мрачное настроение лишь усиливало жажду здоровых людей.

Мария могла бы в этой связи посетовать, если бы только пьяные рыцари проявляли бы меньше бдительности. Но вместо этого, как она поняла, сама стала предметом неусыпного наблюдения, как она сама как-то распорядилась сделать это в отношении Эдит. Независимо от того, сколько эля было выпито, чей-то внимательный глаз - то оруженосца, то пажа, а чаще всего самого Гилберта приковывал ее к одному и тому же месту в Лэндуолде, как и отсеченная нога Стифэна к его тюфяку возле камина.

И сегодня, на одиннадцатое утро после той славной, проведенной с Ротгаром ночи ничего не говорило о том, что заведенный отныне порядок будет нарушен; у нее не было ни малейшей возможности объяснить ему свое поведение, так как и без того норманны были сильно возбуждены.

Выпитое накануне громадное количество эля, казалось, с наступлением рассвета побуждало рыцаря вылезти из теплой постели, чтобы удовлетворить другую, более неотложную потребность. До нее через гобелен доносились возгласы полусонных рыцарей, неохотно пробуждающихся после крепкой спячки: сдержанные глухие стоны, тяжелые вздохи, громкое позевывание.

Вдруг резкий вопль прервал обычный утренний ритуал. Кони выпущены на волю! Конюшня в полном беспорядке.

Ротгар!

Вот еще одна неприятность, о которой Филипп непременно сообщит на ухо Вильгельму.

Прижимая к груди волчью шкуру, Мария смотрела через щель между гобеленом и стеной, пытаясь понять, что происходит. Переступая с одной ноги на другую, рыцари хватали чулки, свои грубые штаны, искали оружие. Уолтер, чей вопль всех всполошил, побуждал их действовать с максимальной поспешностью. Не успела она и моргнуть, как в наполненном их возгласами зале никого не осталось, кроме раненых Стиффэна и Роберта.

Впервые с момента возвращения из хижины дровосека она оказалась одна, и за ней никто не следил.

Проклиная мрак, Мария потянулась рукой за рубашкой, надеваемой под тунику, и за платьем. Она надела их через голову. У нее не было времени возиться с чулками. Сунув ноги в шлепанцы, она схватила с деревянного колышка висевший на стене плащ. Теперь у нее был новый.

Закованный в цепи Ротгар лежал в той конюшне, в которой, по словам Уолтера, царил полный беспорядок. Может, учиненный в ней разгром объяснялся попыткой спасти его, может, он уже давно мертв, а его череп проломлен, как и голова Хью, каким-то невидимым злоумышленником, а может, это та самая банда, которая пыталась расправиться со всеми ними там, на лесной полянке, возле хижины дровосека.

- Боже, прошу тебя, - молилась она, - не позволяй ему умереть. По крайней мере прежде, чем я смогу объяснить ему, почему меня так долго не было рядом с ним.

Прежде чем я скажу, что люблю его.

От такой безумной мысли у нее чуть не подкосились ноги, когда она все быстрее бежала через зал. Потом прижалась к стене, чтобы не видеть перед собой лихорадочно горящий взгляд Роберта. Она все еще испытывала перед ним чувство острой вины, отказавшись налить ему принадлежавшую Хью "дозу". Она не удивится, если Бог накарает ее, позволит Роберту почувствовать в ее глазах скрытые эмоции, и тот поднимет дикий шум, начнет орать во все горло, что она хочет бежать из дома, чтобы оказаться рядом с возлюбленным.

Она любила Ротгара Лэндуолдского. Какой-то дрожащий, булькающий смех вырвался у нее из груди. Подумать только! Какое он проявлял чувство собственного достоинства перед лицом произошедших событий. Какую требовательную, страстную любовь испытывал к этой местности под названием Лэндуолд. Как он заботился о своем народе, какой страстью исходил к ней, Марии, какое ей оказывал доверие. Она вспомнила то время, когда он вместе с ней обращался к своему народу. Он называл ее женщиной с сильным характером, относился к ней с такой верой, на которую не могла рассчитывать от мужчины ни одна другая женщина. Одно лишь его прикосновение пожаром воспламеняла всю ее кровь, прежде она себе такое и вообразить не могла. Если его освободят эти ограбившие конюшню злоумышленники, то она вначале проверит, как дела у ее брата Хью, а потом отправится на его поиски. Если он погиб там, в конюшне, она поступит также. Все равно.

- Леди Мария.

Чья-то тонкая рука железной хваткой схватила ее, прервав стремительный бег к Ротгару. Мария издала вопль, пытаясь тем самым отречься от своего преступного намерения.

- Тише, - прошептал чей-то голос, и эта твердая рука тут же увлекла ее в темноту.

Мария от удивления широко открыла глаза.

- Эдит. Ты все время меня преследуешь...

- Нет, только сейчас. Последнее время сэръ Гилберт идет, словно ищейка, по твоим

следам.

Мария почувствовала раскаяние, ощущая на себе всезнающий взгляд Эдит, в котором, однако, не сквозило недоброжелательства. Если она изнывала от наложенных на нее ограничений всего несколько дней, то как же удавалось Эдит справиться с ними в течение долгих месяцев? Она была готова уделить жене Хью минуту-другую, хотя ее влекло вперед - бежать, бежать к Ротгару. Словно чувствуя, что она капитулирует перед ней, Эдит ослабила хватку.

- За последнее время мне удалось отучить Хью от "дозы", - торопливо прошептала Эдит, оглядываясь вокруг, словно опасалась, что их могут подслушать.

- Но этот колдун сказал, что нужно выпить всю бутылочку целиком. Там еще немного осталось. Мне пора идти, Эдит.

Эдит покачала головой и загородила ей дорогу.

- Я знаю, что ему нужно. Я могу познавать смысл определенных признаков. Рассудок вернулся к Хью, но эта настойка отрицательно действует ему на мозги, она их угнетает. Его нужно оторвать от бутылки, как отрывают визжащего младенца от груди матери - это, конечно, весьма болезненный, но просто необходимый процесс.

- Как тебе это пришло в голову? - Мария смотрела на Эдит, не скрывая подозрения. Неужели она так серьезно недооценила разум этой женщины?

- Я узнала об этом в монастыре, тогда, когда училась разговаривать на вашем языке, - объяснила Эдит. Аббатиса выбрала меня, чтобы передать свои знания различных врачеваний. Она надеялась, что я продолжу потом эту практику. Я уже почти завершила обучение, когда Ротгар похитил меня оттуда.

- Скажи, что, по-твоему, мы должны предпринять, но только не будем здесь стоять, пошли, - сказала Мария, будучи не в состоянии преодолеть порыва, влекущего ее к Ротгару.

Эдит пыталась на ходу ей рассказать о том, как постепенно уменьшала дозу, как старалась уберечь его от нанесения самому себе травмы, как заставляла пить много разбавленного водой вина и угощала изысканными деликатесами, лишь бы умерить его постоянное стремление к "дозе".

- Послушай, остановись, дай передохнуть, - взмолилась, тяжело дыша, Эдит, прислонившись к стене. Мария стояла, проявляя громадное нетерпение. Существует одно растение - настойка его на листьях значительно смягчит жар в крови.

- Где ты найдешь это растение сейчас? Ведь пока еще снег покрывает всю землю.

- У монахинь в монастыре есть запас. Я могла бы занять у них немного, а весной отдам.

- В таком случае тебе придется посетить те места, где ты была так счастлива, - сказала Мария. Эдит кивнула в знак согласия. Мария с минуту подумала, пытаясь оценить сложившуюся ситуацию. - Могу ли я доверять тебе, Эдит, ты на самом деле вернешься?

- Теперь здесь мой дом, - ответила она, эта сакская женщина, стараясь подчеркнуть чувство собственного достоинства.

Можно ли ей, Эдит, доверять? Конечно, можно. В таком случае какую радость, облегчение испытала бы она от того, что теперь может разделить бремя ухода за Хью с кем-нибудь еще.

- Ты намерена рассказать о тяжелом состоянии Хью монахиням?

- Нет, что ты!

Ей показалось, что отрицание Эдит последовало слишком быстро. У нее не было времени, чтобы размышлять над этим. - Если я отменю за тобой слежку, то это может

вызвать у Гилберта подозрение.

Лицо Эдит вспыхнуло.

- Сэр Гилберт сам пообещал сопровождать меня на прогулке, если мне взбредет в голову немного погулять на свежем воздухе. Не думаю, что растолкую ему значение целебных трав. Мне бы хотелось, чтобы меня туда сопровождал кто-нибудь другой из ваших людей. Сэр Гилберт меня пугает.

Марии слишком хорошо было знакомо это чувство, но она не хотела в этом признаться Эдит. Ее отвращение к Гилберту, казалось, лишь усиливали ее опасения за Ротгара. Увлекая за собой Эдит, она снова побежала.

- Возьми с собой Уолтера. Гилберт не станет его подозревать, я тоже ему доверяю и уверена, что он тебя непременно вернет домой.

- Но почему ты мне не доверяешь? - с горьким упреком бросила Эдит.

Мария, нехотя замедлив шаг, остановилась.

- Уолтер добился моего доверия. Он в течение многих лет сражался рядом с моим отцом, а потом вернулся после долгих странствий, чтобы присоединиться к Хью в тот момент, когда мы уже впали в отчаяние от невозможности отыскать честного и благородного рыцаря, могущего прикрыть всегда его с тыла. Если за тобой не будет внимательно следить Уолтер, то ты начнешь рассказывать всякие небылицы своим монашкам. Что же я скажу, если целая армия монахинь появится в Лэндуолде и потребует твоего возвращения?

Эдит молчала.

Мария смягчила свой резкий тон, хотя ей хотелось просто визжать от еще одной задержки.

- Давай сделаем, Эдит, первые шаги навстречу друг дружке по пути взаимного доверия. Мы на самом деле должны отучить Хью от его "дозы". Но так чтобы об этом никто не знал. Только ты и я будем разделять с Феном бремя ухода за больным Хью.

Эдит вновь кивнула, и, кажется, лицо ее оживилось.

- Все к лучшему. Прежде всего, нам нужно отвлечь внимание всех от выздоровления Хью. Боюсь, что с ним может произойти что-нибудь серьезное, ведь он пока еще настолько беспомощен. Что будет, если кто-нибудь из них узнает о просветлении рассудка у Хью?

- Уолтеру можно доверять, - сказала Мария.

- В нем, однако, проскальзывает что-то такое, что вызывает недоверие у Фена. Как, впрочем, и у меня. Все же он - норманн.

- Я должна следить за всем, покуда он не сможет взять на себя все эти обязанности. - Она была настолько поглощена потребностью увидеть поскорее Ротгара, что даже не оценила всех последствий нападения на конюшню - ведь это был открытый мятеж, направленный против Хью. Словно пытаясь вернуть у нее чувство ответственности, громко застонал Стифэн, и его стон отозвался гулким эхом в пустом зале. Ее желание бежать как можно скорее увидеть Ротгара, в каком бы отчаянном положении он сейчас ни находился, нужно было подчинить требованиям Лэндуолда, потребностям народа Хью. Сердце сильно стучало у нее в груди, когда она остановилась возле двери, пытаясь исполнить свои обязательства, прежде чем продолжать путь в том направлении, куда влекло ее сердце.

- Ты знаешь, как можно облегчить агонию Стифэна, Эдит?

- Кое-что я могу сделать. Но я все же не уверена.

- Ну, а Роберту ты можешь помочь? Из раны сочится желтоватый гной, а кожа вокруг

воспалена и очень твердая на ощупь.

- Я знаю одну примочку, которая может, вероятно, облегчить его страдания, - ответила Эдит. - К тому же я заметила на шее сэра Гилберта рану.

Мария вздрогнула. Гилберт настаивал, чтобы она лично ухаживала за его раной, хотя совсем не знала, как это делается.

- Мне кажется, ничтожно может ускорить его выздоровление.

- Может, то оружие, с помощью которого ему была нанесена рана, было отравлено. Существуют такие примочки, которые высасывают яд. - Эдит глубоко вздохнула, словно пытаясь справиться с силами, чтобы сказать то, что хотела. К тому же существуют травы, которые якобы успокаивают больного, а на самом деле заражают кровь. Если обработать ими рану, то человек становится сонным, неуклюжим, ничего по существу не замечает из того, что происходит вокруг. Полный курс такого лечения..., приводит к смерти.

Затем последовало короткое молчание, и подспудное значение слов Эдит не выходило из головы Марии. Весьма удобный способ, чтобы отделаться от Гилберта...

У нее еще был Уолтер, и, благодаря предупреждению Ротгара, большинство из оруженосцев и Данстэн остались невредимыми.

- А можно ли употреблять эту траву таким образом, чтобы проходящий лечение человек не умер, а лишь стал бы безвольным, легко поддавался чьему-то контролю?

- Лечение можно прервать перед самой смертью, - сказала Эдит. - Если его продолжать и дальше, то это, само собой разумеется, самый страшный грех.

- Конечно, конечно, - чуть слышно отозвалась Мария. - Ну, а если прервать лечение, не доведя его до конца, то такой человек в конечном итоге выздоровеет?

- Конечно, - откликнулась Эдит. Мария отдавала себе отчет, что, несмотря на чудовищный характер их беседы, когда они говорили о том, как довести человека до грани смерти, она впервые чувствует себя в своей тарелке в присутствии Эдит. Легкая улыбка играла на губах Эдит, словно и она разделяла ее чувства.

- Я ведь не отличалась особой добротой к тебе, - сказала Мария. - Почему же ты все равно предлагаешь мне помощь?

- Потому что я хочу вернуть своего мужа, - сказала Эдит, и появившаяся в ее глазах просветленность, видно, соответствовала ее мягкому голосу. - Я с трудом себе представляла слабое движение человечка, ожидающего своей судьбы внутри меня. Когда это произойдет, если он появится на белый свет, то, наверное, Хью мне понравится.

С того времени когда Марии стало ясно, насколько серьезно ранение Хью, она намеренно старалась вытеснить из головы воспоминания о ее настоящем брате, этом смеющемся, ласковом, властном человеке, который так много заслуживал в этой жизни, и, несомненно, такую жену, как Эдит.

Щеки Эдит окрасил легкий румянец, как будто она стеснялась, что ей до сих пор не по себе от идеи, что ее муж может ей понравиться. Мария вдруг вспомнила, как пламенели ее щеки, когда она впервые осознала, что любит Ротгара. Мысль о том, что они вместе с Эдит одновременно влюбились, казалась ей странной, но она испытывала от нее полное удовлетворение.

Она инстинктивно сжала руку Эдит. - Он тебе очень понравится. Я тебе обещаю. Новая надежда пронеслась в сознании Марии, когда она, повернувшись, поспешила оставить в одиночестве Эдит. Тогда, когда она силой добилась брака между Хью и Эдит, то и не подозревала, что он может стать браком по любви. Если бы только такое могло произойти и

с ними, если бы Ротгар остался в живых, если бы он не расценивал ее долгое молчание как предательство с ее стороны, если бы и он ее любил, как она его, если зелье Эдит смогло бы поставить под ее контроль Гилберта до того времени, когда выздоровеет Хью, если бы... Боже, сколько же еще впереди препятствий, но у нее на сердце было удивительно легко, когда она выбежала из дома во двор.

Мария вбежала в конюшню, волосы у нее развевались на ходу, падая на плечи, а будничная плащ его матери с широкими складками свободно болтался на стройной фигурке. Повернув голову к стене, Ротгар потирал губу. Подбородок все еще ныл от нанесенных по лицу ударов Гилбертом, и ему не хотелось, чтобы Мария заметила струйку крови. Она ему лгала, эта вечно замышляющая дурное ведьма, но его предательскому телу было на все это наплевать; как только он ее увидел, оно сразу же наполнилось жизненной бурлящей силой, и его гордость мужчины требовала скрыть от нее свои физические и эмоциональные страдания.

- Живой! - воскликнула она с трудом, чуть не задохнувшись от быстрого бега.

- И это очень жаль, - проговорил сквозь зубы Гилберт, отпихивая Ротгара ногой. - Поднимайся, сакс. Тебе придется кое-что нам объяснить.

Ротгар не очень торопился выполнить его требование. Он стоял, повернувшись к стене, медленно отряхивая соломинки и приставшую к нему конюшенную грязь. В конце концов он кончил этим заниматься, и ему ничего не оставалось, как повернуться к ней. Он старался сохранять подчеркнуто нейтральное выражение на лице, постоянно поворачивая голову чуть вправо, чтобы не были видны наиболее тяжкие последствия "ручной работы" Гилберта, но при первом же взгляде на него ее карие глаза расширились, мягкие губы раскрылись и она побледнела. Ее переживания не уменьшали физической боли, но все же от этого ему становилось легче.

- Что здесь произошло?

- Разбойники! - сказал Гилберт. - Они выпустили на волю коней. Нанесли небольшой ущерб конюшне. Чуть больший - вашему саксу.

- Это они так поработали над вами? - В голосе Марии звучал скепсис. Ложь Гилберта вначале вызвала у него резкий внутренний протест, но он, закусив губы, усилием воли подавил его в себе. Гилберт сразу оценил нанесенный конюшне ущерб и тут же набросился на Ротгара, чтобы выместить его на нем, может, ему хотелось таким образом узнать о местонахождении спрятанного сокровища, а скорее всего, просто отомстить ему за все. Пусть лучше Мария считает, что его избил банда разбойников, а не он, который продолжал бить его даже тогда, когда он едва не потерял сознание. Неважно, что он в наручниках, - женщинам никогда не понять, в каком безнадежном положении оказывается мужчина, когда у него на руках висят эти цепи.

Мария долго изучала его покрытое синяками лицо, а затем перевела взгляд на руки Гилберта. Ротгар, вероятно, мог бы улыбнуться, если бы его губы не опухли. Хотя он был не в состоянии оказать сопротивление Гилберту, он при экзекуции плотно сжал губы, чтобы лишиться норманна удовольствия услышать его крики, а прочный сакский череп оставил кое-какие кровавые следы на кулаках Гилберта. Его пальцы были сильно ободраны, а широкая кровоточащая рана на коже Гилберта свидетельствовала, что он здесь проиграл стычку с зубами Ротгара. Дураку было ясно, что Гилберт лгал, не принимая на себя вины за избивание Ротгара. Но она не стала оспаривать лжи норманна. Наклонившись, Гилберт поднял цепь,

которой был скован сакс.

- Ну-ка посмотрите вот сюда, Мария, - сказал он, указывая на блестящую отметину, которую оставил на почерневшем металле тупой топор Бритта. - Ясно, что кто-то пытался его освободить, но он клянется, что все это время спал и не видел, что здесь творилось.

- За исключением одного, - ловко солгал Ротгар. - Лошадь наступила подковой на цепь.

- Вероятно, та же лошадь наступила вам на лицо? - спросила Мария.

- Нет, это дело рук совершенно другого зверя. - Пусть она поразмышляет над его словами. Мария улыбнулась в ответ. Но это была не открытая, откровенная улыбка, а скорее тайная, исподтишка, которая вспыхнула на несколько секунд, только после того, как брошенный в сторону Гилберта взгляд убедил ее, что он ничего не увидит. Руки у нее дрожали - ей так хотелось прикоснуться к нему, утишить боль, причиненную ему ее рыцарем. Ротгар поносил себя, называя себя дурнем, обладающим, тем не менее, весьма живым воображением.

Гилберт стоял, как прежде, рядом с Марией и отрывистым, лающим голосом отдавал приказы своим людям, - посылал одних в погоню за конями, другим поручал устранить тот небольшой ущерб, который причинило конюшне разбойничье нападение.

- Нам, норманнам, часто приходится зависеть от милости наших.., зверей, сказала Мария, бросив косой взгляд на Гилберта. - Мы настолько зависимы от них, что когда им удастся выйти из-под нашего контроля, нужно наблюдать за их действиями, мобилизуя все свое терпение до тех пор, пока не вернем себе прежнюю власть над ними.

- Ну, а что если такой зверь превращается в негодяя и не пожелает больше исполнять волю хозяина? - поинтересовался Ротгар. Хотя Гилберт чутко прислушивался к каждому их слову, он, казалось, оставался абсолютно равнодушным к тому, что они говорили. Это заставило Ротгара с удивлением подумать, уж не слишком ли много он понял из намеков Марии?

Она развеяла его озабоченность, бросив еще один быстрый взгляд в направлении Гилберта, и лишь потом ответив на вопрос Ротгара.

- Всем известно, что негодяев следует уничтожать. Но к этому нужно подходить с великой осторожностью, чтобы этот негодяй не причинил такого вреда, после которого уже ничего не останется.

Руки ее теребили плащ. Казалось, ее широко раскрытые глаза молили его понять все как следует. Оба они чувствовали себя так, словно вовсе не было этих долго тянувшихся дней, что оба они снова вместе в хижине дровосека. Он прощал ей свои цепи, мутную скуку от пребывания в конюшне, обещанное ею объяснение, которого так и не услышал. Он сжимал в руках кольца цепей; они не были вбиты в стену, и он мог бросить их, намотать на шею этого негодяя Гилберта и сжать их изо всех сил, - его шейные позвонки наверняка бы треснули. В тот момент, когда он был занят этими далеко не святыми мыслями, в конюшню неуклюже ввалился отец Бруно.

- Отец! - Мария первой поприветствовала священника.

Старик священник долго оглядывался в конюшне, и на его лице отразилось откровенное неодобрение. Он остановил свой взгляд на Ротгаре.

- Вы обещали освободить его из курятника, - сказал он Марии.

- Да посмотрите вы вокруг себя, - фыркнул Гилберт. - Разве это похоже на курятник?

Отец Бруно проигнорировал его язвительное замечание, изучая последствия небольших разрушений, цокая в отчаянии языком.

- Упрямые глупцы, - бормотал он сквозь зубы. - Именно об этом я предостерегал вас. Именно этого нужно как можно скорее избежать. Для этого требуется лишь обычный брак.

Мария предупредительно подняла руку, бросив при этом тревожный взгляд на Гилберта.

- Отец Бруно...

- Вот, полюбуйте, чего вы достигли из-за своей норманнской гордости. Я видел одного из ваших коней, он хромал, вероятно, вывернул переднюю ногу, наступив на кусок мерзлого торфа. Возле строительной площадки сожгли кучу высушенных дубовых бревен. Ах, вам еще об этом неизвестно? Разве англичанин недостоин жениться на вас?

- Отец Бруно, - в отчаянии умоляла его Мария.

- О какой еще женитьбе англичанина идет речь? - спросил Гилберт, лицо его исказила ужасная гримаса.

Священник наконец сообразил, что в конюшне стоит грозовая атмосфера: паническое выражение на лице Марии, покрытое синяками и царапинами лицо Ротгара, едва сдерживаемая, охватившая Гилберта ярость.

- Нет, ничего, - он продолжал, заикаясь. - Я ничего особенного не имею в виду. Просто это одна из моих мыслей, которую мне не удалось как следует сформулировать.

Мария с облегчением вздохнула, но от нее так и не послышалось никаких подтверждений, что между ней и Ротгаром состоялась сделка, как он, отец Бруно, об этом и предполагал. Ротгар сразу почувствовал, как к нему возвращается разочарование, как оно охватывает всю его душу.

- Забудьте об этом, мой друг, - сказал Гилберт. - Его голос мягко звучал, демонстрируя его притворную веселость. - Она не может выйти замуж за англичанина - она дала такое обещание мне.

- Не может быть! - В вопле отца Бруно потонуло произнесенное шепотом возражение Ротгара.

- Подтвердите, дорогая, ему, что это на самом деле так, - сказал Гилберт.

- Это правда, - прошептала Мария после долгих колебаний, уставившись в земляной пол.

- Может, она кажется сверхскромной, так как договору о нашей помолвке всего несколько дней, - сказал Гилберт, поражая всех, особенно Ротгара, необычной болтливостью. - Никогда не забуду этого славного утра, когда она согласилась, нет, умоляла меня стать моей женой. Я, конечно, мог бы найти и более удобное место для заключения помолвки, чем обычная хижина дровосека, но вы знаете, как ведут себя женщины, - стоит им чего-то захотеть - никакими силами им в этом уже не откажешь.

Сердце Ротгара упало. Когда же этот тип прекратит разыгрывать из себя дурака перед этой женщиной? Разве он только что не размышлял над переменами, которые в ней произошли, после того, как она провела несколько минут наедине с Гилбертом в хижине дровосека? Нет, теперь он знал, чем они объясняются. Она, скорее, сейчас его воспринимала, как ни с кем не сравнимого шута, - ей было достаточно лишь бросить на него несколько выразительных долгих взглядов, произнести несколько тщательно подобранных слов, чтобы вновь соблазнить его, заставить его ей поверить.

Гилберт назвал хижину дровосека их местом заключения помолвки. А это означало, что в то время, когда он считал, что Мария играет свою роль в запланированном ими обмане, Мария с Гилбертом, - нет, он был вынужден зажмурить глаза, плотно сцепить зубы, чтобы

только изгнать из воображения подобную картину. Та ночь, которая до сих пор напоминала ему о ее чарах, выходит, для нее было всего лишь развлечением, - она ее использовала только для того, чтобы потянуть время, покуда ее истинный суженый, к своему вящему удовольствию, улаживал все дела.

Он вспомнил, как она вбежала в конюшню только что совершенно свободной; она могла прийти бы к нему и раньше, если бы этого хотела. Но она оставалась, ночь за ночью, в господском доме. Оставалась с Гилбертом - ее женихом.

- Вот о чем я думаю, священник, - мурлыкал Гилберт. - Лучше всего, если вы нас повенчаете немедленно.

- Гилберт, не забывайте о своем обещании, - начала было Мария, но суровый взгляд норманна заставил ее умолкнуть.

- Она боится, что у нее может родиться ребенок от сакса, - сообщил Гилберт священнику в конфиденциальном тоне. - Он ее изнасиловал, знаете ли, этот подлый пес!

Мария густо покраснела.

- Не может быть! - снова воскликнул отец Бруно, но уже неуверенным, дрожащим голосом старика. - Его взор торопливо переходил от Марии к Ротгару, к Гилберту, и возвращался обратно.

- Этого не может быть, миледи.

Пальцы Гилберта сжали ее предплечье; издав слабый крик, она упала на него, прижалась к нему, лицом уткнулась в его плечо.

- Этот сукин сын сам хвастался этим передо мной. Разве это не так, Мария? - шептал Гилберт.

- Миледи, что вы скажете на это? - повторил отец Бруно.

- Он.., он изнасиловал меня для своего собственного удовольствия, сказала она. - Ее слова, казалось, падали как комья мерзлой земли на крышку гроба.

- Он на самом деле вас изнасиловал? - в голосе отца Бруно звучало сомнение, которое требовало своего опровержения. Повернувшись к Ротгару, священник сказал:

- Ну, а вы, сын мой?

Она все еще стояла вплотную к Гилберту, послушно подчиняясь его воле, когда он, словно собственник, крепко схватил ее за руку. Что-то всплыло в памяти Ротгара, - отвратительный, растекшийся синяк на ее бледной, мягкой коже почти на том самом месте, где сейчас рука Гилберта сжимала ее руку, но у него в голове не оставалось места для догадок и воспоминаний, у него все кружилось перед глазами из-за уверток ее находчивого и лживого ума. С какой легкостью она перевирала его слова, которыми он клялся защищать ее, и использовала их в своих целях, чтобы приблизить его роковой конец. Как она прижималась к Гилберту...

Какое теперь имело значение - признание перед священником, ведь она была утрачена для него, Ротгара.

- Она может называть это как угодно, - ответил Ротгар священнику. Отец Бруно что-то недовольно проворчал и, сделав несколько шагов, встал между ними. Какое-то странное оцепенение, казалось, обволокло плотным туманом все его тело, его мозг. Он только этому обрадовался.

Мария почувствовала во рту медный привкус крови, но она не могла ослабить крепко сжатых, прокусивших губы зубов. Если она это только сделает, то непременно расплачется, выкрикнет правду, и каждое произнесенное ею слово решит ее судьбу, Ротгара...

- Отлично, - прошептал Гилберт ей на ухо. Он ослабил свою хватку, и она почувствовала, как медленно возвращаются к ней силы. Она твердо стояла на ногах и считала, что ей просто необходимо опираться на него, пока она не обретет достаточно выдержки, чтобы противостоять чувственному взгляду Ротгара.

Слова, всегда они - ее самое мощное оружие. Они, казалось, витали вокруг нее, словно надежда, заставляли щеки покрыться легким румянцем. С каждым произносимым ею словом дверца клетки захлопывалась все сильнее. Гилберт глядел на нее с жадным блеском в глазах.

Она высвободила руку и опустилась на колени перед отцом Бруно. Ротгар с удивлением смотрел на этого человека с седой бородой.

Слова увлекали ее в ловушку, их все больше проскакивало у нее через сознание, обещая найти выход из положения. Но нужно ли так стараться, если, судя по выражению лица Ротгара, он считает, что она отказалась от придуманной ими хитрости.

Значит, она угодила в расставленную ею же самой западню. Но Хью все еще управлял, а Ротгар все еще жил.

Значит, оставалась надежда.

- Не желаете ли выслушать мою исповедь, отец Бруно? - спросила она. - Если бы ей удалось хотя бы на несколько минут остаться наедине со священником, она могла бы ему все объяснить в отношении Ротгара...

- И мою тоже, - поспешил добавить Гилберт. - Мы с ней должны освободиться от всех прежних прегрешений до заключения брака.

- Нет! Только мою одну. - Мария смотрела в упор широко раскрытыми, умоляющими глазами в глаза священника.

- Мария! - окликнул ее Гилберт угрожающим тоном.

- Я просто хочу сказать, что мои грехи таковы, что мне необходимо поговорить о них наедине со священником.

- Думаю, это не пройдет, - сказал Гилберт. Он видел ее насквозь.

- Мы заключаем брак сегодня, Мария, и какие могут быть тайны между мужем и женой?

Отец Бруно беспомощно заморгал. Надеясь, что он целиком пришел в себя, Мария неслышно, одними губами прошептала:

- Нет, прошу вас, только не с ним. Ей сразу полегчало, когда кратковременный, охвативший отца Бруно шок прошел, и, он, казалось, дал ей знак, что понял.

- Ах, нет, не сегодня, отец Бруно...

- Нам еще предстоит доказать, что оба вы можете вступить в брак и что между вами нет кровного родства.

- Что такое? - заорал Гилберт, и на его лице появилось выражение озадаченности. Она попыталась, вся дрожа, получше спрятать свою благодарность священнику и, сложив благочестиво руки, склонила голову.

- У вас могла остаться жена в Нормандии, - объяснял отец Бруно с присущим священнослужителю терпением. - И кто может поручиться, что вы не состоите с этой женщиной в прямом кровном родстве? Тем более во время всеобщего покаяния церковь особенно строго запрещает подобные церемонии...

- Будь проклята ваша церковь!. - заорал Гилберт. - Любой из наших может в этом плане поручиться за меня.

- В таком случае вам грозит лишь короткая отсрочка, - сказал отец Бруно. Слова господина Хью будет вполне достаточно.

Ротгар глухо рассмеялся. Мария обменялась взглядами с Гилбертом; тот отвернулся, будучи, вероятно, не готовым еще рассказать священнику об истинном состоянии здоровья Хью. В глазах священника светился разум.

- Хью еще не до конца оправился от лихорадки, я вам об этом говорила, сказала Мария. - Может, ему потребуется определенное время.., прежде чем он даст свое согласие. Нужно благодарить Бога за это, - поспешила тихо добавить она.

- Очень жаль. - Отец Бруно нахмурился, пытаясь сосредоточиться. Вдруг лукавая улыбка разгладила его морщины. - Существует и другой путь.

- Какой? - спросил его Гилберт, а сердце Марии при этих словах екнуло.

- Скоро мы будем отмечать пасхальное воскресенье. В прошлом воскресенье Христа праздновалось особенно пышно. Любой крестьянин имел право прийти к господскому дому накануне вечером, чтобы принять участие в празднестве, нарушить Великий пост и попросить у владельца о каком-либо одолжении. Ну, если и сейчас господин Хью намерен продолжать соблюдать такой обычай, то меня могут в таком случае переубедить, и я обвенчаю вас сразу после святого дня, ну, скажем, в понедельник на пасхальной неделе.

- Хью не обладает большим богатством, - сказала Мария, лихорадочно пытаясь придумать способ, чтобы заставить священника отказаться от задуманного, что, по ее мнению, сильно смахивало на желание получить в таком случае взятку.. Все его финансовые средства уходят на строительство замка. Можете себе вообразить, как Филипп тут же отправится к Вильгельму и сообщит ему, что Хью одаривает людей, а замок по-прежнему недостроен. Вильгельм без колебаний...

Отец Бруно перебил ее, замахав руками.

- Потребности у людей очень невелики. Один может добиваться права на выращивание еще одной дополнительной свиньи, другой может попросить немного шерсти, чтобы соткать теплые пеленки для младенца. Как видите, миледи, удовлетворение таких незначительных просьб во многом может укреплять узы дружбы с вашим народом, привлекать его на вашу сторону, и они с большим рвением будут продолжать строительство замка.

- Мне кажется, неплохой план, - сказал Гилберт, согласно кивая головой. Он теребил пальцами подбородок, а жестокая улыбка не сходила у него с лица.

- Ну а если кто-то потребует от Хью большего, чем он в состоянии дать, я постараюсь переубедить просителя искать другой милости.

Рука у Марии еще сильнее заныла, напоминая ей о некоторых методах переубеждения, к которым прибегал Гилберт.

- Я прошу о первом одолжении, - сказал Ротгар.

Гилберт выругался, рука его тут же схватилась за рукоятку меча.

Он прислонился к стене конюшни, бедра, цепи скрывали его покрытые шрамами запястья и позвякивали, доставая до покрытой соломой земли. Тени скрывали следы от расправы над ним, но она все равно все видела и знача, что здесь произошло. Гилберт, может, и размахался кулаками, но во всем этом виновата она. От нее эти побои! Туника его была распахнута на шее, демонстрируя ее четкие линии. Могла ли она теперь прижаться к нему, объяснить все так, чтобы он наконец понял.

- Когда я слышу твое бляение, у меня чешутся руки, в которых я сжимаю меч, - заворчал Гилберт. - Тебе следует понять, что молчание - это большая добродетель, сакс.

- Как и тяжелый труд, - резко возразил Ротгар. Но я только хочу ускорить завершение твоего дела, норманн. Пошли меня работать на строительство замка. Я постараюсь, чтобы там больше никто не причинял ему ущерба.

- Ха! Да ты сразу отроешь свои сокровища и тут же смоешься. Лучше впустить в овчарню волка...

- Сокровища? - встрепнулся отец Бруно. Не обращая внимания на священника, Ротгар ответил:

- Не волка, норманн, а хорошую собаку, которая гонит стадо овец туда, куда надо, чтобы они ненароком не сорвались со скалы в бездну и не погибли.

Гилберт презрительно хмыкнул. Отец Бруно одобрительно кивнул головой:

- В этой идее есть что-то ценное, сэра Гилберт. Я лично очень обижен на Ротгара, весьма им недоволен, но ведь местные люди по-прежнему его обожают и чтят.

- Он убежит при первой же представившейся возможности, причем, несомненно, прихватит с собой сокровища, а заодно уведет немало здоровых, работоспособных мужчин.

- Все равно от меня будет больше толку, если я не буду и впредь сидеть здесь с оковами на руках, - съязвил Ротгар.

- Откуда такое неодолимое желание, сакс, а? Пожав выразительно плечами, Ротгар добавил;

- Лучше умереть от тяжелого труда, чем от скуки в этой конюшне. - Он бросил взгляд на Марию. - Кроме того здесь время от времени чувствуется такая вонь, от которой выворачивает наружу все кишки.

- Можно привозить его сюда ночевать, - предложил отец Бруно. - А лучше соорудить ему небольшое пристанище возле склада строительных материалов. Там можно поставить стражу, чтобы она приглядывала и за ним, и за другими.

Произнеся слово "вонь", Ротгар взглянул ей прямо в глаза. Нос у него сморщился, губы искривились, словно ее вид, долетавший до него ее запах являлись чем-то невыносимым для него.

- Мария, - подтолкнул ее Гилберт. Она посмотрела на него из-под полуопущенных ресниц, чувствуя всю тяжесть своего несчастного положения.

- Как вы думаете, это предложение увязывается с вашим планом мести?

- Ах, - только и сказала она. Мария пыталась подыскать нужные слова, но они не приходили ей в голову. Разве сам Ротгар не включил в разработанный им план возможность использования его на работах на строительной площадке замка? Она никак не могла до конца понять, почему он затронул сейчас этот вопрос, когда, судя по всему, уже не верил ей. Вероятно, он уже забыл, что должен указывать ей, как нужно поступать.

- Мне кажется, что работа на строительной площадке может его лишь унижить.

"А может, она его только обрадует, взбодрит, - подумала она про себя. - Он будет находиться среди своего народа и не чувствовать всей горечи ее предательства, "вони", как он выразился".

Гилберт не отрывал от нее глаз, в которых сквозила плохо скрываемая похоть. Ротгар вообще не обращал на нее внимания, но когда он все же бросал на нее взгляд, от его презрения у нее подкашивались ноги. Лицо отца Бруно сияло от восторга в связи с тем, что могло принести народу Лэндуолда такое решение, а также его заботам о всех своих прихожанах.

Она чувствовала себя обреченной обманщицей, если только ей не удастся осуществить эти три нелегкие цели, не упуская из виду ни одну из них. И здесь ей никто не мог помочь, за исключением робкой сакской девушки, владеющей врачеванием, обладающей пока еще не апробированными ни на ком лечебными травами, у которой, однако, были все основания пресечь все ее попытки.

Мария стремительно выбежала из конюшни.

Глава 16

Послушайте. Он повторяется снова. Ротгар перестал копать, прислушиваясь к словам Алфлега. На холме все бросили работать, чтобы лучше слышать этот странный вопль, от которого холодело в душе.

"Хью", - подумал Ротгар.

- Это они пытаются англичанина, - прошептал Алфлег.

Ротгар, пробормотав что-то нечленораздельное, выражая тем самым свое недовольство, снова начал копать. Сколько раз он пытался разубедить крестьян в этом - кого же из нас они подвергли пыткам? Когда я был там, то не видел вокруг пленников, и вот, вы сами видите, что они выпустили меня на волю. Но все его слова оказались напрасными. Они были уверены, что норманны, чтобы убить время, выдумывали различные наказания, но он так и не смог их переубедить, в противном случае ему пришлось бы разгласить связанную с Хью тайну.

- Можно бросить землю сюда, милорд Ротгар? - спросил один из крестьян по имени Стиганд. Тяжело дыша от напряжения, он держал на весу большую лопату с землей, ожидая от Ротгара указаний, словно щенок, страстно ожидающий, когда хозяин бросит ему палку, хотя даже у щенка, вероятно, было в голове больше здравого смысла.

Десятки, сотни раз в день, после того как он присоединился к ним на площадке, они забрасывали его бессмысленными вопросами. От навязчивых приставаний Стиганда Ротгар

чувствовал, что сам вот-вот завоюет и его вопли сольются с завываниями Хью. Если бы он оказался на месте Гилберта, то, вероятно, и сам вынашивал бы мысли о том, как поскорее срубить им головы. А когда он был здесь господином, разве он не видел всей этой глупости?

Он что-то не помнил эти бесконечные колебания, бессмысленные взгляды, сопровождавшие любое полученное ими задание.

- Вон туда, Стиганд, - указал он рукой, стараясь не раздражаться, весь сжавшись внутри, ожидая, что же последует еще за этим. Как он и рассчитывал, еще дюжина рабочих сбросила свой груз на это место.

- Не туда, Тосс, - крикнул он, теряя терпение. - Ты с Уотом начинайте рыть вон там. - Он подтвердил свое распоряжение быстрым взмахом руки, и потом вытер ею лицо, пытаясь успокоиться, сдержаться, не наорать на Тосса и Уота, которые бросали на него неуверенные взгляды, рассеянно кидая землю туда, куда он указал.

Черт подери! Складывается такое впечатление, что они даже не понимают, что строят замок.

Вдруг Ротгар все осознал, и у него невольно расширились глаза.

- Стиганд, Тосс, Уот, идите сюда! Все идите поближе. - Когда крестьяне подошли, он посмотрел на норманна по имени Евстах, исполнявшего на строительстве роль надсмотрщика. Хотя он и скривил рожу, недовольный произошедшей заминкой, он все же держался поодаль, как он это делал с тех пор, как до него дошло, что Ротгар сам способен заставить своих людей работать.

- Понимаете ли вы, чем вы здесь занимаетесь? - спросил Ротгар, обращаясь к Стиганду, но не выпуская из поля зрения всех остальных.

- Кому же это непонятно, - задиристо ответил Стиганд. - Мы роем дыру.

- Так точно, - слышались несколько приглушенных голосов, выражающих полное с ним согласие.

- Идиотская работа, - бросил кто-то из-за его спины. - Портим прекрасное пастбище, - вот что мы делаем. Мне это очень не нравится.

- Они заставляют нас так утрамбовывать землю, что она будет совсем непригодной ни для урожая, ни для скота.

- Неужели вам никто не объяснил, какую работу вы выполняете?

- Всех нас однажды собрала леди Мария, - начал Уот. - Она немного изъясняется на нашем языке и сказала, что мы должны приходить сюда каждый день, чтобы копать землю.

- Правильно, - подтвердил Стиганд и, кивнув в сторону Евстаха, добавил:

- Потом вон тот тип начал тараторить и рисовать какие-то фигуры на земле. - В качестве иллюстрации черенком лопаты он на мерзлой земле начертил круг.

- Потом он начал долбить землю вот так, - добавил Тосс, воткнув острие лопаты в центр круга.

Ротгару все казалось довольно просто; круг представлял собой ров, который предстояло им вырыть, а центр его - тот холм на котором должны были вырасти стены будущего замка. Нужно перенести землю из рва на этот холм и как следует утрамбовать. Но это ясно ему, так как ему приходилось самому видеть норманнские замки, но, вероятно, все это было непонятно и для простых крестьян, которые никогда не выезжали за пределы Лэндуолда.

Но что же имел в виду Евстах? Он явно не желал их обидеть, пытаясь донести до их сознания идею строительства.

Стиганд, фыркнув, сделал кольцо из большого и указательного пальцев левой руки,

начал вставлять и вынимать из него указательный палец правой руки. Все предельно ясно. Они развлекаются с нашими женами, а мы в это время роем эту проклятую яму.

Все хором, дружно выкриками подтвердили правоту слов Стиганда, глаза у них злобно засверкали.

Ротгар быстро поднес руку ко рту, чтобы скрыть улыбку. Он представил себе, как Евстах тычет лопатой в центр круга, а жители Лэндуолда под этим подразумевают совершенно другое.

Мария называла этих людей тупоголовыми и упрямыми. Ему самому недавно пришлось проверить их рассудочность. Нет, жители Лэндуолда не были ни глупцами, ни тупоголовыми, и они не отказывались от сотрудничества, - просто никто им понятными для них словами не объяснил, что от них требуется.

Ротгар все сделал за них. Он рассказал им, что земля, которую они бросали из рва и потом утрамбовывали в центре холма, постепенно превратится в высокий курган, который будет заметно выделяться на фоне низменности Лэндуолда. Он продемонстрировал им, как будет наполнен ров водой из реки Лэндуолд, и в результате он станет непреодолимым препятствием для врагов.

Наклонная стена будет возведена по окружности всего рва, по его краю, а внутри этой стены будет построена другая, поменьше, в результате чего появится внутренний дворик замка. В мирное время там может пастись скот, а во время войны он станет второй линией обороны, если противник преодолеет ров и первую стену. В самом центре поднимется большая укрепленная башня, замок, с вместительными складскими помещениями на уровне почвы, чтобы сохранить дары природы Лэндуолда и предохранить их от случайного набега мародеров.

После того как Ротгар закончил объяснять, крестьяне долго стояли молча. Потом Уот сказал:

- Значит, норманны будут в полной безопасности, им будет уютно и приятно со своими складами и запасами в них, даже если кто-то предпримет нападение. Ну, а что же ожидает нас, милорд Ротгар?

На этот вопрос ему очень не хотелось отвечать.

- Большой господский дом останется стоять на своем месте. Скорее всего, норманны превратят его в церковь. А ваши хижины снесут...

- Как так? Наши дома?!

- И построят новые, но уже ближе к замку. - Ротгару пришлось напрячь голос, чтобы перекричать заволновавшихся крестьян.

- Новые хижины? - спросил Стиганд, и на его лице вновь появилось выражение, как у глупого щенка. Другие сразу же замолчали.

- Да, - подтвердил Ротгар, обрадованный внезапной тишиной. - Новые хижины с очагом. Норманны умеют отводить дым от костра наружу, поэтому в ваших хижинах стены не будут покрыты сажей. Вашим женам это очень понравится.

- Моя Бесси ни за что не откажется от того, к чему привыкла. Ей не нужно ни новой хижины, ни нового очага, - заворчал недовольно Уот.

- Но у нее не будет другого выхода, придется подчиниться, - сказал Ротгар. - Норманны хотят, чтобы вы жили поближе к замку, чтобы можно было быстро всех нас собрать вместе и защитить замок, если на него нападут.

- Кто, милорд Ротгар? Кто нападет? Этот сукин сын Вильгельм не может напасть на то,

что он уже отвоевал.

- Кто-нибудь придет, - сказал Ротгар, вспоминая рассказы о нападениях в прошлом и настоящем. - Кто-нибудь всегда явится.

- Но как же норманнам станет известно о нападении, если у них перед глазами будут стоять высокие стены, через которые ничего не увидишь?

- Они разместят на крыше замка стражу. Этим людям будет все отлично видно, они вовремя бросят клич, чтобы собрать вас всех за толстыми стенами.

- Значит, замок будет выше хижины? - спросил Стиганд.

- Конечно, выше. Выше десятка хижин, поставленных друг на друга, даже двадцати, - пояснил Ротгар. - Все крестьяне снова замолчали, переваривая эту потрясающую новость. Один из юношей по имени Джем, казалось, был весь поглощен изучением круга и проведенной Ротгаром по земле чертой, которая означала реку Лэндуолд.

- Ну, теперь ты все понимаешь, Джем? - мягко спросил его Ротгар.

- Да, - ответил он, но вдруг, покраснев, нахмурился. - Мне кажется, вода в этой канаве.., в этом рве.., ужасно протухнет, станет непригодной ни для человека, ни для скота. А, что если прорыть глубокую канаву до самой реки и уложить ее дно и стены глиняными плитками? А вот здесь нужно соорудить водослив, чтобы отводить отсюда прогорклую воду. - Он уверенно начертил на земле несколько линий.

- Я сейчас же сообщу о твоём предложении Евстаху, - сказал Ротгар, одобрительно похлопав юношу по спине. Он с любопытством наблюдал за вспыхнувшим у его людей интересом; они толпились возле круга на земле, все разговаривали одновременно, перебивая друг друга, они просто горели от нетерпения выполнять нужную и понятную работу; новые предложения посыпались со всех сторон, и теперь они беззлобно посмеивались друг над другом из-за собственной бестолковости.

Ротгар был недоволен тем, что Евстах так разъярился из-за неоправданно затянувшегося перерыва в работе. Но у Ротгара не хватило решимости, чтобы прервать охватившее всех возбуждение.

Снова раздался нечеловеческий вопль Хью, и тут появился верховой. Конь Гилберта Криспина величественно возвышался над кобылкой Марии, и поэтому, когда норманн попытался поцеловать ее, то чуть не свалился на землю, - он бы наверняка упал, если бы только Мария не простерла свои нежные руки ему навстречу. Ротгар отвернулся, не желая наблюдать за тем, как она льнет к нему, но все же, когда он, преодолев себя, бросил еще один робкий взгляд в их направлении, он увидел лишь их спины. Их лошади перешли на галоп, и Гилберт с Марией резво поскакали прочь.

Гилберт не сводил глаз с Марии. Она вынула руку из глиняного горшочка. Он склонил голову набок, подставляя шею, надеясь, что это средство наконец уймёт острую боль. В последнее время ему казалось, что по его жилам течет не кровь, а пробирается огонь, который лишал его сил, ухудшал зрение, терзал его мозг какими-то туманными, невообразимыми образами.

Вот как сейчас, например, когда на какое-то мгновение ему показалось, что рука Марии со сложенными в щепотку пальцами была похожа на треугольную голову змеи; сложенные пальцы - это ее ядовитые кривые зубы, а мазь - извлеченный из растений яд, капающий ему прямо на открытую рану.

Она подносила свои пальцы к его коже, и по их холодному прикосновению к его разгоряченной, теплой шее он определял то место, куда попало острие сакского копья. Он

улыбнулся. Должно быть, и Эдит тоже влюблена в него. Зачем ей в противном случае ехать в сопровождении Уолтера в монастырь к монахиням за этой целебной мазью?

Он откинулся со вздохом облегчения, наслаждаясь той заботой, которую проявляла к нему Мария. Что же он будет делать, когда рана совсем затянется и больше не возникнет необходимости втирать в нее мазь? Будет ли она с такой же охотой прикасаться к нему и тогда, когда уже не будет никакого предлога, не будет этой раны? Он, закрыв глаза, представлял себе, как мазь по капле смешивается с потоком крови, а он затем устремляется по всему его телу. И вот наступает благословенное онемение, облегчающее боль, то горение, из-за которого ему иногда хотелось содрать с себя кожу. Выползти из нее, как змея.

Может, именно поэтому ему в голову пришел образ змеи, похожей на руку Марии. Он поспешил избавиться от беспокоящего его образа.

- Не знаю, отчего я испытываю большее облегчение - от этой мази или от вашего прикосновения, - сказал он ласковым голосом. - Могу ли я надеяться, что вы всегда будете проявлять ко мне такую заботу?

- Не каждый день норманнский рыцарь чуть не сваливается на меня на грани обморока, - резко возразила она, но попыталась это сделать в довольно веселом тоне, чтобы он не обиделся из-за напоминания о том, как он самым постыдным образом чуть не утратил равновесие сегодня утром, причем на виду у этой сакской орды.

- Не знаю, что со мной произошло, - проворчал он. - Меня никогда не сбивали с лошади на турнирах, не говоря уж о том, чтобы самому свалиться с седла, не имея на то веских причин. Конечно, его унижение не подействовало бы на него так сильно, если бы его только не засвидетельствовал этот Ротгар, оказавшийся так некстати рядом. Ротгару давным-давно должен был прийти конец, уготованный ему судьбой, но та слабость, из-за которой он чуть не свалился с лошади, повлияла и на мышцы его вооруженной мечом руки.

Мария тщательно вытерла пальцы куском шерсти, заткнутым в сакский пояс, который она в последнее время прирастала носить. Пояс, конечно, был ей к лицу, хотя, вполне очевидно, он предназначался для более полной, чем она, женщины. Он мягко сползал на ее бедра, подчеркивая ее стройную талию. С пояса свешивался кинжал, - чудесная игрушка, украшенная драгоценными камнями. Он свисал с изгиба пояса у талии, касаясь ее заветного соблазнительного треугольника. Как только он преодолеет эту удивительную слабость, которая одолевала все его члены, он тут же казнит Ротгара Лэндуолдского прямо на глазах у местных жителей. Потом Мария, несомненно, переборит отвращение, которое она испытала от прикосновения этого сукина сына сакса, и ему, Гилберту, будет предоставлена полная свобода направиться по указываемой кончиком кинжала дорожке прямо к заветному местечку.

Он боялся, как бы его разгоряченные мысли в голове не прервали успокаивающего эффекта от целебной мази.

- Может, я сильно разволновался, увидев вас, моя невеста. Вы выглядели такой соблазнительной, Мария, когда ваши волосы развевались на ветру на фоне первых очертаний будущего Лэндуолдского замка.

- Нет, все же мне не нужно было удерживать вас в седле. Может, приличная трещина в черепахе заставила бы вас прекратить повсюду преследовать меня. - Для того, чтобы скрасить язвительность своих слов, она еще раз поднесла пальцы к ране, втерла в нее мазь и долго не отрывала их от его кожи.

- Я мог и не потерять равновесия, если бы вы не увернулись, когда я потянулся к вам, -

резко возразил он. Гилберт почувствовал, как у нее задрожали руки, и он закрыл глаза. Воспоминания о прошлом вновь вернулись к нему. Боже, как он старался ублажить эту женщину, доставить ей удовольствие. Он попытался объяснить ей свою настойчивость. - Мне кажется, что в Лэндуолде что-то неладно, словно мы охвачены предательским подводным течением. Я очень боюсь за вашу безопасность, Мария. Я никогда не предполагал, что вы можете так резко отстраниться от моего прикосновения.

Лучшего извинения он не мог придумать, чтобы и впредь наносить ей синяки, которые обезображивали ее нежную кожу. Но, Боже праведный, эта женщина иногда провоцировала его сверх всякой меры. Он, затаив дыхание, ожидал какого-то знака от нее, какого-то пусть ворчливого прощения, но приход Уолтера лишил его этой надежды.

- К нам пришли посетители, - громко объявил Уолтер. Его свирепое лицо побагровело, когда он быстро подошел к ним.

- Ну а ты.., играешь роль привратника, - фыркнул Гилберт, сердясь на рыцаря за то, что он прервал их беседу.

- Могу и это, но у меня есть другие дела, - заворчал Уолтер.

- Бедняга Уолтер, - произнес Гилберт, притворно вздохнув. Он бросил взгляд на Марию. Огонь в крови потух, и у него закружилась голова от такого облегчения. Этот самодовольный, похожий на сурового отца рыцарь с негнущейся шеей был превосходной мишенью для насмешек.

- Он чувствует, как уязвлена его гордость, так как ему не позволяют находиться рядом с Хью, - вначале Фен, а вот теперь Эдит. Я не могу в этом винить самого Хью. Эдит, конечно, не столь прекрасна, как вы, любовь моя, но на ее лицо все же приятнее взирать, чем на физиономию своего старого рыцаря. Даже идиот может уловить разницу.

Это, конечно, было ошибкой с его стороны. Обычно Марию сильно оскорбляли всякие унижительные намеки в отношении рассудка Хью, но сейчас она сделала вид, что не заметила этого.

- С вами что-нибудь случилось? - спросила она с необычной заботливостью, что немедленно вызвало ревность в душе у Гилберта. Она старательно врачевала его рану, разговаривала с ним и даже смеялась, но ее нежность, ее душевная щедрость, казалось, находились далеко за пределами его досягаемости. А здесь вдруг она так безрассудно, оголтело делится всем с этим старым, седым Уолтером, который явно не заслуживал такого к себе внимания.

Да, он, конечно, мог развеять кое-какие иллюзии Марии в отношении ее драгоценного сэра Уолтера, но рыцари обычно никогда не распространяются о подвигах товарищей, если только им дорога своя голова на плечах.

- За него нечего бояться, Мария. Он получает свое удовольствие, когда этого захочет.

Кожа у Уолтера была грубой, багроватого оттенка, как у человека, которому приходится немало бывать на воздухе в самое худое ненастье. Покраснело ли его лицо больше после язвительной реплики Гилберта? Но разве можно себе представить покрасневшего от стыда Уолтера? Полный абсурд.

Сама мысль об этом заставила Гилберта рассмеяться.

- Изменение состояния здоровья Хью к лучшему требует большого внимания со стороны Эдит, - сказала Мария, обращаясь к Уолтеру и не обращая внимания на то, как веселился Гилберт. - В последнее время он никого не выносит, кроме Фена, Эдит и меня.

- Но больше всего неистовствует Фен. Я, по сути дела, не мог ни на минуту остаться

наедине с Хью после того, как он спас это чумазое лесное создание, сказал Уолтер, бросая обидчивый взгляд в сторону Гилберта. - Вначале я находился рядом с вашим отцом, а теперь вот рядом с Хью, - мне приходилось переживать всякое, и добрые и плохие времена, но как же мне тяжело слышать эти вопли. Какая тяжкая для меня ноша. Хью всегда мог рассчитывать на меня.

- Но я могу назвать пару случаев, когда твое отсутствие было скорее благословением, чем облегчением, - продолжал поддразнивать его Гилберт.

- Да, Уолтер, вы всегда были таким усердным. Ну-ка, Мария, спросите его о тех ночах, которые он тайком проводил со своей любимой леди.

Мария, убрав руки с шеи Гилберта, прикоснулась к рукаву Уолтера. Веселое настроение Гилберта тут же исчезло; если бы у него было достаточно сил, то он бы срубил голову этой деревенщине с плеч. Но пощипывание в ногах говорило о приближении терзающего его огня, непроницаемый туман, казалось, опустился перед глазами, даже проник в уши, от чего он утратил нормальную остроту как зрения, так и слуха. Он слышал их разговор, но он долетал до него откуда-то издалека.

- Это правда, Уолтер? Вы нашли себе любовницу?

Улыбка триумфатора заиграла на уродливых губах Гилберта. Боже праведный, можно подумать, что он нашел настоящую любовь!

Гилберту хотелось от скуки узнать, как называет саксонская шлюха Уолтера, то, что между ними произошло.

- Да, миледи, - признался Уолтер. - На лице его появилось странное выражение. - Кажется, моя давнишняя мечта вот-вот осуществится.

Гилберт тяжело опустился на табурет, с отвращением вздохнул.

Мария, которую он теперь разглядывал через пелену тумана, казалась ему еще более привлекательной, чем прежде. В глазах ее заиграли искорки от улыбки, а все черты лица озарились удовольствием.

- Как чудесно быть влюбленным, Уолтер. Теперь ты можешь жениться и построить дом. Или же яхватила через край?

- Я еще не думал о женитьбе, - медленно ответил Уолтер, - но может быть, она не помешает. Тогда мне не придется опасаться потерять ее.

- Ах, Уолтер, она тебя очень любит, уверена в этом, - упрекнула его Мария. - Пока ты можешь потребовать небольшой дом, до тех пор, когда мы построим замок.

- Благодарю вас, миледи, но у нее есть собственный дом.

Гилберт попытался сесть прямее, но это потребовало от него слишком больших усилий. К тому же у него в ушах звенело от грубого, лающего голоса Уолтера. Почему это Мария должна вся светиться от счастья из-за возможной женитьбы Уолтера, но стоит ему лишь напомнить ей о своей собственной, как вся она прямо-таки изнывает от отчаяния.

- Мне показалось, что ты превратился в привратника, - сказал он, повернувшись к Уолтеру. - Если тебе нравится такая работа, то и исполнять ты ее должен ревностно. Кто же домогается нашей компании?

- Пара тощих монашенок, - ответил Уолтер.

Странное выражение на лице не покидало его, хотя он все время улыбался Марии. - Они там гуляют во дворе, хлопая своими сутанами, словно две черные вороны крыльями, щебечут, что намерены попросить через пару дней об одолжении. До этого они готовы переночевать в конюшне. Они утверждают, что конюшня вполне подошла для матери

Христа, и их вполне устроит.

- Монахини... - Мария глубоко вздохнула. - Я, конечно, должна была этого ожидать, но все же надеялась... - Она, покачив головой, пожала плечами. - Отец Бруно снимет с меня голову, если я их устрою в конюшне. Они должны стать нашими гостями и расположиться здесь, в зале.

Убывающее успокаивающее воздействие мази лишало Гилберта сил, и он не мог сосредоточиться и проанализировать причины нежелания со стороны Марии оказать приют двум дочерям Христовым, особенно сейчас, в предпасхальный период. Кровь снова закипала в нем, лишая его жизненной энергии. У него оставались лишь силы, чтобы кивнуть в сторону Марии и сделать рукой незаметный знак, заранее обговоренный сигнал своему оруженосцу, чтобы тот возобновил строгую слежку за Марией. Ему больше не хотелось размышлять над этим навязчивым, смешным образом, - рука Марии со сжатыми в щепотку пальцами, поднятая вверх, словно голова змеи, которая погружает свои ядовитые зубы прямо ему в шею.

Хотя Мария иногда и думала об этом, теперь она была уверена, что сам Бог настроен против нее. Другого объяснения не придумать.

Почему в противном случае, в тот самый день, когда зелье Эдит продемонстрировало обещанный ею первый результат, Гилберт должен рухнуть в ее объятия на глазах у Ротгара? И почему тогда, когда он находится под воздействием мази, явились сюда эти две монахини, чтобы воспрепятствовать ее намерению немедленно бежать отсюда к своему возлюбленному? Может, Эдит ее предала? Но если это так, то что же в таком случае можно сказать о мази? Может, Гилберт внезапно впал в сонливое состояние вследствие вполне естественной реакции организма на изматывающие рыцарские обязанности?

Ее воспитанные манеры требовали, чтобы она приветила монахинь, предоставила в их распоряжение зал, предложила пищу. Всем хорошо известно, как строго монахини соблюдают пост, предаваясь ему либо из-за своей беспросветной бедности, либо из-за ревностного служения Богу. Эта парочка, казалась, провела немало дней, стоя на коленях без пищи.

- Угощайтесь, пожалуйста, - сказала она, усадив их за стол возле огня и передвигая у них под носом доски с тонкими ломтиками ветчины, хрустящие поджаренные коренья, аккуратно нарезанные куски хлеба. Хотя ей совсем не хотелось есть, но от ароматного запаха выставленных на столе блюд у нее у самой потекли слюнки. Если ей повезет, то они просто набросятся на пищу и тем самым отвлекут от нее внимание ее стражей, и она сможет убежать к Ротгару.

Монахини, наклонив головы, молились, хотя та из них, что помоложе, украдкой бросала взгляды на доски с мясом.

- Пейте, пожалуйста, - еще раз обратилась к ним Мария, подвигая к ним высокие дымящиеся пивные кружки, наполненные до краев подогретым, настоящим на одуванчиках вином. - Вы, вероятно, промерзли до костей и испытываете жажду после такого трудного путешествия.

- Мы утоляли жажду снегом, - ответила та, что помоложе, тихим, слабым голосом.

Бросив на нее острый, как бритва, взгляд, та, которая постарше, своим авторитетным видом заставила ее замолчать.

- Я - настоятельница Марстонского монастыря, - сказала она, поворачиваясь к Марии, -

в голосе ее чувствовалась такая уверенность в себе, что, как показалось Марии, она рассчитывала на немедленное, быстрое исполнение своих малейших прихотей.

- Мы по достоинству оцениваем вашу щедрость, но вы скорее всего сразу откажетесь от своей затеи и не станете предлагать нам ни пищи, ни питья, когда узнаете о цели нашего визита.

Что же они намерены от нее потребовать, - вышитое покрывало для алтаря, регулярную поставку в монастырь яиц и масла, пару кусков мяса от каждой забитой свиньи? Она не могла придумать ничего более ужасного, что могло бы оправдать ее отказ накормить и напоить их.

Какой смысл оттягивать неизбежное? Мария попыталась взять в разговоре с ними приятный тон.

- Сэр Уолтер сообщил мне, что вы намерены просить об одолжении моего брата в канун Пасхи. Я вполне могу заменить Хью, - он совсем почти не понимает английского языка. Может, я могу выслушать вашу просьбу сейчас, до того, как в этом зале начнут проводиться пышные торжества.

- Мы приехали за Эдит, - сказала аббатиса, подтверждая наихудшие опасения Марии. - Мы хотим ее вернуть в монастырь, где она сможет принять постриг.

Глава 17

"Что это себе позволяет Мария, - размышляла Эдит, - вызвать ее от кровати Хью, а самой даже не явиться? Ведь они договорились, что одна из них должна постоянно присутствовать в его спальне и следить за ним".

Но Эдит очень скоро все стало ясно. Когда она быстрой походкой вошла в зал, то увидела Марию.

Она стояла со спокойным строгим взглядом, и на ее необычно бледных щеках почти не было заметно пятен румянца.

- К тебе пришли, Эдит, - сказала она.

- Преп..., преподобная матушка!

От испуга она широко открыла рот. Эдит узнала впечатляющую фигуру настоятельницы Марстонского монастыря и сидевшую рядом с ней раболепствующую сестру Мэри Целомудренную.

Хотя и не целая армия, как предрекала Мария в случае, если она раскроет тайну Хью, но, черт подери, вполне достаточно. Ей не нужно было заставлять себя опуститься на колени перед аббатисой; ноги у нее против воли сами подкосились. Или наклонять голову, чтобы получить у нее благословение, - она сама упала на грудь. Все это лишь подтверждало красноречивое обвинение Марии, которое она ясно видела в ее строгом, вызывающем взоре. Казалось, она слышала ее слова: "Ты нас всех предала!"

- Хорошо выглядишь, дочь моя, - сказала аббатиса.

- Вот уж не ожидала увидеть вас здесь, матушка, - ответила Эдит, бросив быстрый взгляд в сторону Марии, надеясь, что она ей поверит. Мария только хмыкнула, подчеркивая свое неверие.

Гилберт Криспин, словно припадочный, рухнул на табурет возле камина, - все его члены дергались, появились характерные спазмы, что говорило о действии "целебной" мази. Горшочек стоял возле локтя Гилберта, во всей своей скучной серовато-коричневатой неприметности, не вызывая ни у кого к себе интереса, за исключением тех, кто знал, что монахини хранили такой сосуд, именно такой формы и такого неприглядного цвета лишь

для одной-единственной цели. Тем, кому был известен эффект мази, не нужно было присутствовать при ее использовании; они сразу видели, когда применяется зелье.

Подергивая рукой, недовольно ворча, Гилберт чуть не смахнул горшочек со стола. Аббатиса вовремя подхватила его, взвесила на руке, и едва заметная полуулыбка промелькнула у нее на губах.

- Мне очень обидно, Эдит, что ты не посетила меня, когда останавливалась у нас, чтобы взять нужный тебе запас.

- Вы в это время молились, матушка, и мне не хотелось вас беспокоить... Эдит поднялась с пола и теперь стояла, тем не менее, почтительно склонив голову. Ее поза заставила ее вспомнить о тех долгих часах, которые она так стояла на протяжении долгих, бесконечных месяцев, когда так страстно желала возвратиться назад, в знакомый монастырь, к знакомой рутине покаяния. Постоянно ноющие колени, вечный, беспощадный холод, страшные муки голода, ради таких лишений они распевали радостные молитвы и возносили благодарность Всевышнему. Как же могла Мария подумать, что она стремится вернуться обратно в монастырь? Но она продолжала с полным презрением глядеть на нее.

- Я очень беспокоилась из-за тебя, дочь моя. До нас дошли слухи, что ты здесь несчастна. - Рука аббатисы, поразительно тонкая и гладкая для женщины, которая никогда не втирала гусиный жир или сливочное масло в растертую до живого мяса кожу из-за постоянного надраивания полов, мытья посуды и жестких грубых ниток, используемых в ткацком ремесле, накрыла горшочек. - Когда сестра Мария Агнес сообщила мне, что ты просишь это снадобье, я ожидала самого худшего.

Воцарилась тишина, нарушаемая только тяжелой отдышкой Гилберта и шарканьем ног сестры Марии Целомудренной. Разве не видела Мария, что достаточно сделать Эдит два шага вперед, как она физически окажется на стороне монахинь, что они тут же окружают ее, и их будет трое против нее, Марии, одной?

Если она так поступит, то Хью, который впервые после ранения сейчас лежит в полном одиночестве без принятой внутрь "дозы", уже никогда не вспомнит ее имени.

- Вы должны мне верить, когда я говорю, что снадобье будет использовано в добрых целях и не причинит никому никакого вреда. Я здесь очень счастлива, матушка. Тот, кто распространяет такие слухи, лжет.

Аббатиса вскинула брови.

- Мне сообщили, что ты до сих пор дева, дочь моя. Если это так, то мы можем аннулировать этот позорный брак и ты сможешь вернуться к нам.

Лицо Эдит залила яркая краска, а сердце бешено забилося. Сколько раз прежде, когда ее запирали с этой не реагирующей ни на что развалиной, когда ее силой заставили выйти замуж, она молилась, чтобы кто-нибудь, как-нибудь, ее монашески услышали о ее ужасном положении? Но когда к Хью вернулось сознание, эти молитвы стали другими.

Суровое, полное достоинства лицо аббатисы отражало любовь и заботу. Как просто сказать ей - нет, матушка, вам все неверно донесли, мы с Хью совокупаемся каждую ночь, но ее укоренившееся послушание не позволит никакой лжи.

- Я просто схожу с ума от любви к своему мужу, - прошептала Эдит. Пусть теперь они поступают, как хотят. Мария задрожала от удивления, а в глазах аббатисы промелькнула тень корыстолюбия и нескрываемой надежды. "Придется подождать", - подумала она, затаив на несколько секунд дыхание. - Он не может владеть тобой. Ты принадлежишь только нам.

- Вам абсолютно наплевать на меня, - сказала Эдит, вдруг понимая, в чем здесь дело. -

Вам нужна не я, а мое приданое.

Аббатиса бросила на нее изумленный взгляд, покраснев до корней волос, словно ее поймали на месте преступления, но она довольно быстро пришла в себя. - Оно было обещано нам, - сказала она, бросая вызов Эдит. - Мы обладаем на него всеми правами. Вначале этот грубиян Ротгар Лэндуолдский похитил тебя. Затем эти норманнские свиньи отобрали у нас все, ничего не давая взамен. Мы не выступали с оружием в руках против герцога Вильгельма. Нас ничто не в силах переубедить, - ты должна вернуться к нам девой и постричься в монахини.

- Хватит! - закричала Эдит. В глазах ее засверкали наворачнувшиеся слезы, она вся дрожала, осмелившись говорить с настоятельницей в таком тоне, но поток ее праведного гнева, казалось, затопил все ее существо. Ей надоело, что ее таскают взад и вперед, словно она была не женщина, а лишь ведро у колодца, наполненное до краев тем, чего они так жадно лакали.

- Вы правы. Ротгар на самом деле меня похитил, но лишь разразившаяся война не позволила ему жениться на мне и забрать мои земли. Ты, Мария, поступила точно так же. И вы, матушка, нисколько не лучше их обоих. - Она смахнула слезу из уголков глаз. Аббатиса с Марией уставились на нее с таким выражением на лице, словно у нее внезапно выросло три головы, и это еще только больше укрепило ее решимость. - Идите-ка все вы к дьяволу! То, что у меня есть, то, что было, принадлежит моему мужу. А ему наплевать на приданое, на земли, на богатство. Он., он считает меня привлекательной и ему нравятся мои волосы!

Зажав рукой рот, чтобы не разрыдаться при всех, Эдит стремглав выбежала из зала. Она бежала к Хью. Неужели это правда? Неужели у монахинь есть права, права на ее собственность и только потому, что Хью не мог исполнять своих супружеских обязанностей?

Он поднял на нее глаза, когда она вошла в их святилище. Фен, заметив ее покрасневшее лицо, ее вздымающуюся грудь, с понимающей улыбкой выскользнул из спальни. Тяжело дыша она задвинула дверь широкой доской, - теперь в комнату никто не мог войти. Несколько свечей довольно ярко освещали ее. Хотя здесь было ужасно холодно, Хью сидел, опершись спиной о спинку кровати, голый по пояс, небрежно накинув волчью шкуру на бедро и ноги. Прыгающее пламя свечей отражалось у него на груди, превращая его коричневатые волосы в золотистые, очерчивая мускулистые контуры его тела, которые говорили о том, как много ему приходилось заниматься физическим трудом.

- Э... Э... Эдит?

Появившаяся у него на губах улыбка сразу же согрела ее лучше всякого солнца. Его глубокий, богатый тонами голос, освобожденный от эффектов его "дозы", пробудил где-то внутри нее незнакомое томление. Нет, она не расстанется с ним.

- Ну-ка повтори, Хью.

- Эдит, моя жена.

- Правильно, - сказала она, распуская на ходу волосы, и быстро она прыгнула к нему в кровать.

Может, оттого, что монахини сами были девственницами и поклялись сохранять свое целомудрие во имя Христа, они не понимали истинного значения тех воплей от удовольствия, глухих постанываний, мужских криков триумфатора, доносившихся до них из спальни Хью и Эдит. Намереваясь съесть как можно больше в Лэндуолде, они сидели,

склонив голову, над своими досками с нарезанным мясом и уже не рассуждали перед Марией о целомудренных невестах, аннулированных браках или правах на собственность. Не упоминала аббатиса и о горшочке со снадобьем.

Мария была не против немного поболтать, чтобы развлечься, а также не слышать страстных звуков, доносящихся сюда из соседней комнаты, и вообще позабыть о беге времени. Этот негодяй Филипп, где он сейчас, задавала она себе вопрос, когда заполнившие холл сладострастные звуки не оставляли никакого сомнения в том, что Хью де Курсон все еще мужчина, да еще какой. "Пусть расскажет об этом Вильгельму", - подумала она.

Но эта радостная мысль блекла, когда появилась у нее уверенность в том, что с каждым новым куском, который монахини отправляли себе в рот, Гилберт все больше отдавал себе отчет в том, что здесь происходит. Еще один сеанс врачевания мог лишь усилить его подозрения, вызвать такую реакцию в крови, с которой он мог и не справиться. Сердце ее радостно забилося, - может, уже через день она сможет повидаться с Ротгаром.

Норманнские рыцари, один за другим, оставляли их. Даже Уолтер, бросив загадочный взгляд в ее сторону, явно возбужденный похотью своего господина, зашагал по холлу по направлению к двери, за которой его ждала любовь его дамы. Он остановился, пытаясь что-то разглядеть.

- Кто идет? - послышался негромкий окрик. Из затемненного угла вышел оруженосец Гилберта, жестом указывая на Марию. Этот подлец здесь следил за ней, но Уолтер не стал связываться с ним и, пожав плечами, пошел дальше.

Эта сцена тоже не привлекла внимания монахинь. Чему тут удивляться? Обрамлявшие лица складки их головных уборов были похожи на шоры, которые рыцари используют, чтобы закрыть боковое зрение своих коней. Только вспышка огня, осветившая глаз, или крепкий белый зуб, вгрызающийся в ломоть хлеба, говорила о том, что в этом обтянутом черной шерстяной материей пространстве находилось чье-то лицо.

Наконец, с громкой отрыжкой, не свойственной скромным монахиням, аббатиса отодвинула от себя доску с мясом. Сестра Мэри Целомудренная нехотя последовала ее примеру. Гилберт, вздохнув, заерзал на табурете.

Хотя она никогда бы не заснула после столь обильной пищи, Мария, указав на свой спальный альков, сказала:

- Можете разделить со мной мою кровать, сестры. В моем алькове вас никто не побеспокоит.

- Мы захватили с собой тюфяки, - начала было сестра Мэри Целомудренная, но суровый взгляд аббатисы заставил ее замолчать.

- Там достаточно места для нас троих? - поинтересовалась настоятельница.

- Не думаю, - ответила Мария. - Но прошу вас, не беспокойтесь обо мне. Сегодня ночью мне нужно о многом поразмыслить.

- Да, дочь моя, это просто необходимо сделать, - сказала аббатиса. Она посмотрела на горшочек с мазью, на Гилберта, дверь, ведущую в комнату Хью, откуда теперь доносился беззаботный веселый смех. Но мысли ее, возникающие от такого осмотра, от этих звуков, были надежно скрыты у нее в голове за ее плотным головным убором, который был в этом отношении столь же надежным, как и шлем рыцаря, закрывающий его лицо от ударов врагов.

- Захватите свечи, сестры.

Сестра Мэри Целомудренная сразу протянула обе руки. Аббатиса мягким движением сжала ей пальцы на свободной левой руке. - Достаточно одной, дочь моя. Мы привыкли

раздеваться в темноте.

Монахини задернули за собой гобелен Марии. Слабый свет от мерцающей свечи пробивался через щель между полом и краем гобелена. Мария наблюдала за полоской света и сразу заметила, как она потемнела и оттуда высунулся край черного одеяния, - вероятно, одна из монахинь сбросила свою сутану, не удосужившись даже аккуратно ее свернуть. Потом свеча погасла.

В зал вошел сакский мальчик с охапкой дров. Он постоял немного, отряхивая руками тунику, а затем вприпрыжку направился к себе на кухню.

Огонь вспыхнул с новой силой, но она все равно куталась в плащ, так как даже усиливающееся тепло не согревало ее. На нее веяло холодом из бездны, разверзнувшейся в ее душе. Она была такой одинокой, как никогда прежде. Хью, который хотя и выздоравливал, все же, по ее мнению, был далек от дееспособности. Могла ли она доверять Эдит, которая рассталась со своей невинностью, и тем самым покончила с любой возможностью возвратиться к монахиням? Ведь все говорило против этого. Если она ничего им не сообщила, то кто же это сделал? Ни один из саксов, кроме отца Бруно, не разговаривал с Эдит со времени ее свадьбы, а верный Уолтер сопровождал ее до монастыря за снадобьем, и он, конечно, мог заставить ее при необходимости замолчать.

Лэндуолд., что произошло с ними со всеми с того времени, когда они нашли пристанище под крышей этого большого дома? Хью повредился рассудком, дай Бог, чтобы не навсегда. Она сама отказала в помощи раненым, все время лжет, и теперь была на грани совершения убийства, жертвой которого должен был стать Гилберт, этот когда-то верный и стойкий рыцарь. Столуорт Уолтер, который должен был немедленно стать на ее защиту, когда обнаружил, что за ней следит оруженосец, никак на это не отреагировал, а поспешил к своей возлюбленной.

Такие мысли не покидали ее часами и, казалось, всегда заставляли сделать единственный вывод: из всех окружавших ее людей только один никогда ей не лгал, всегда держал данное слово, заботился о Лэндуолде и его жителях себе же во вред - это Ротгар. У нее вдруг перехватило дыхание. Он ведь сказал ей, что если она не придет к нему ночью, то, значит, она переметнулась на сторону Гилберта. Она безрассудно согласилась, даже не представляя себе, какую слежку за ней установит Гилберт. Как же должен презирать ее теперь Ротгар!

В зале было пусто, жутковато. Она отправила Роберта и Стифэна по домам, Уолтер уехал. Только один Гилберт, тревожно, полулежа, дремал рядом с ней, да эта свинья оруженосец, не спускающий с нее глаз из темного угла, разделяли с ней громадное пространство зала. Даже собаки успокоились, как будто понимая, что монашенки не оставили для них никаких объедков; одни с довольным видом лежали, положив свои носы на лапы, другие зевали и почесывались. Все они грелись у огня. Доносившийся сюда из спальни Хью и Эдит шум прекратился. Дыхание Гилберта стало чуть слышным. Он слегка посапывал. Вдруг до нее от двери донеслось урчание, храп - оруженосец Гилберта заснул.

Тихо-тихо, так, что даже собаки не зашевелились, она, словно тень, направилась к алькову. Нагнувшись, она стала нащупывать под гобеленом одежду, которую сбросила с себя монахиня. Медленно, дюйм за дюймом, она тащила ее к себе. Как сильно у нее билось сердце, когда она, обряжаясь в черную сутану, нахлобучивала головной убор, обвязывала талию потертым веревочным поясом. При этом она вспоминала, как тщательно этот наряд скрывал от ее глаз этих монахинь. Теперь даже если Гилберт проснется или очнется его

оруженосец, они наверняка примут ее за одну из сестер Христовых. Шерстяная материя была настолько изношена, что ее черные края порыжели от времени. Чувствуя неотступный запах прогорклого ладана, она поспешила через зал, на кухню навстречу свободе, навстречу Ротгару.

Гилберт нанес сильный удар оруженосцу между ребрами.

- Где она? - спросил он, когда тот наконец продрал глаза.

- Кто, милорд? - заикаясь, осведомился он.

- Леди Мария. Если ты помнишь, я поставил тебя здесь, чтобы ты за ней постоянно следил. От страха глаза оруженосца полезли на лоб. Черт подери эту слабость, сковавшую все его члены! Он чувствовал в жилах неприятное пощипывание, вероятно, оно-то и лишало его сил. Он попытался отделаться от этого чувства, успокоить себя, проигнорировать то, что происходит у него внутри, как он обычно не обращал внимания на полученные в битве раны. Мария все превратила в битву своеволий. И он, Гилберт, все равно станет победителем.

- Может, она спит вместе с монашками? - неуверенно предположил оруженосец.

Схватив со стола свечу, Гилберт, громыхая, направился к алькову. Резко отдернув гобелен, он протянул вперед руку со свечой. Две женщины с остриженными, торчащими, как колоски, волосами, свидетельствующими об их монашеском статусе, мирно посапывали в кровати. Марии рядом с ними не было.

- Будь она проклята! - выругался Гилберт. Он резко толкнул оруженосца, который оказался на полу. Зал приобрел какой-то особый красноватый оттенок; вновь знакомый розовый туман возник у него перед глазами; он пульсировал в унисон с лихорадочным потоком крови в его теле.

- Я отыщу ее, милорд, - воскликнул оруженосец, с трудом поднимаясь на ноги, но Гилберт резким ударом снова отправил его на пол.

- Где Уолтер?

- Отправился к своей женщине, сэръ Гилберт. Он недовольно заворчал:

- В таком случае мне не о чем беспокоиться. Я тоже этой ночью отправлюсь на поиски легкодоступных удовольствий. А ты лучше ступай спать и будь готов к разговору завтра утром по поводу твоего спанья. Побелев, оруженосец сразу пал духом. Ноги послушно несли Гилберта к конюшне, но стоило ему поднять седло своей лошади, как они сразу подкосились. Он упал. Тяжело и часто дыша, он, собрав все свои силы, попытался сесть. Он сидел, широко расставив ноги, положив седло между ними.

Любому рыцарю известно, каким освежающим, бодрящим может быть короткий сон. Стоит воину перехватить несколько минут сна, и он может возвращаться с новыми силами на поле битвы. Но лучше всего укрепляла дух мужчины ночь, проведенная в объятиях девушки. Мария все упирается, но есть другие, которые готовы его удовлетворить, - все равно по своей собственной воле или насильно. Гилберт прислонился спиной к стене. Он лишь чуть-чуть вздремнет, и, когда проснется, силы вернутся к нему. После этого он займется любовными играми со своей девушкой, а потом, утром, став уже другим мужчиной, серьезно поговорит с Марией.

В сарае Ротгара, построенным между наблюдательным постом Евстаха и небольшим выступом на холме, было удивительно тепло, даже уютно. Сюда не проникал леденящий зимний холод. Он был такой маленький, что, казалось, удерживал тепло его тела, поэтому

ему не было холодно под единственной выделенной ему шерстяной подстилкой в течение всей ночи, но при всем при этом вставать со своего тюфяка в такую ночь ему не хотелось, он знал, как задрожит от холода всем телом, и еще больше до самого подбородка натянул подстилку.

Поймут ли они когда-нибудь?

Незначительные, мелкие, причиняющие ущерб акты саботажа случались довольно часто, и Ротгару никак не удавалось переубедить крестьян, заставить их отказаться от такой идеи выражения протеста. Только вчера утром он разговаривал по этому поводу с Бриттом.

- Вы ведь причиняете вред только себе самим, когда сжигаете предназначенный для замка строительный лес. Это означает, что нам придется заготовливать заново, - убеждал он его. - Все равно норманны нас отсюда не отпустят до тех пор, пока мы не завершим строительство, даже если ради этого придется работать на протяжении всего сева.

Бритт в ответ только пожимал плечами, говорил, что лэндуолдские жители в этом неповинны, что здесь орудуют какие-то темные силы, но при этом он все время отворачивал глаза от Ротгара, и тот сразу понял, что этот человек что-то скрывает.

Звуки, доносившиеся до него снаружи, не давали Ротгару покоя. Он пролежал достаточно на своем тюфяке в блаженном тепле; теперь пора резко распахнуть дверь, чтобы застать злоумышленника на месте преступления. Сбросив с себя подстилку, он медленно пополз к двери. Потом, встав на ноги, осторожно открыл ее, опасаясь, как бы незнакомец не нанес ему удара либо топором, либо мечом.

В лунном свете неуверенно пробиралась монахиня; ее сутана свободно болталась на ее фигуре - вероятно, она слишком увлеклась постом.

Ротгар попятился. Нет, конечно, монашка не может нести никакой ответственности за мелкие акты саботажа! Но что привело ее сюда в разгаре ночи. Она постоянно одергивала мешавшую ей сутану, проклиная все на свете отнюдь не святыми словами?

Порыв ветра чуть сбил ее головной убор, развеял складки, открыв ее лицо.

Нет, здесь что-то не так. У монахинь не бывает таких длинных волос. Они их стригут коротко, что является непременным условием сохранения их девичества.

Казалось, она почувствовала на себе его взгляд, хотя его самого не было видно в дверном проеме его маленького сарая. Чуть слышно вскрикнув, она, подобрав юбки и спотыкаясь, устремилась к нему навстречу. И хотя он не видел ни ее лица, ни форм ее тела, что-то внутри его вздрогнуло, оживилось.

Мария.

Хотя он и поклялся больше никогда не прикасаться к ней, он, конечно, не мог позволить ей упасть, когда она споткнулась о комок смерзшейся земли. Он ловко подхватил ее. Казалось, вполне естественный поступок с его стороны, сорвать с ее головы монашеский убор, высвободить ее мягкие волосы, убедиться еще раз в том, что перед ним на самом деле Мария.

Ее обращенное к нему облитое лунным светом лицо было сияющим, жемчужным. Он взял его в руки и неподвижно стоял, пораженный его красотой, начисто позабыв о всех оскорбительных, отработанных им для большей эффективности на норманнском языке фраз, о колких обвинениях в ее адрес, которые он мечтал выплеснуть, если только ему представится такая возможность.

- Боже, как много мне нужно рассказать тебе, - прошептала она. Она погладила его рукой по щекам, на которых росла далеко не шелковая колючая щетина, постепенно

приобретающая форму будущей бороды. От ее прикосновения у него дернулись колени, он крепко сжимал ее тело, и, казалось, от этого весь он наливался силой, чувствуя ее поддержку.

- Ты, вероятно, возненавидел меня, когда я не пришла к тебе? - сказала она.

- Да, - прошептал он. - Я ненавижу тебя. Ненавижу. - Крепко прижавшись губами к ее губам, он, не выпуская ее из объятий, попятился назад к своему уединенному сарайчику и был вынужден там упасть на тюфяк, с которого совсем недавно с такой неохотой вставал. Когда он начал осыпать ее упреками, бросать в лицо обвинения, то почувствовал, что его язык, его губы здесь оказываются бесполезными - они ведь доказали, что могут выполнять куда более приятные вещи.

Они долго сидели рядом. Мария прислонилась к нему, распустив волосы, и они струились по им обоим.

- Нужно снять эту дурно пахнущую сутану, - сказала она.

Ротгар почувствовал, как убыстряется его пульс; его чресла, которые и без того давно ныли от страстного желания, еще больше набрякли. Он чувствовал, как у него в жилах сильно бьется кровь, побуждая его поскорее сорвать этот оскорбительный для нее наряд, почувствовать ее теплое, мягкое голое тело. Он все же попытался размышлять трезво, почувствовав предупредительный шепот внутреннего голоса: "Ты должен это сделать, и пусть она возвращается к Гилберту с его, Ротгара, семенем в своем лоне". Но его страсть тут же улетучилась. Он еще сжимал ее плечи, словно цепляясь за последнюю возможность овладеть ею, но потом оттолкнул от себя.

- Ротгар, что с тобой?

Свет не проникал в его уютное жилище. Он отошел от нее в самый дальний угол, радуясь, что здесь так темно. Он мог сейчас представить себе, как она стоит перед ним на коленях, умоляюще протянув к нему руку, как в глазах ее стоят слезы. Но даже для его заколдованного разума одного этого образа оказалось достаточно, чтобы у него возникло желание снова обнять ее, смягчить причиненную ей боль; а прежде казалось, что он уже никогда не поддастся ее колдовским чарам.

- Разве нельзя разжечь огонь? Ведь..., я тебя совсем не вижу.

- Это ведь моя тюрьма. В ней не предусмотрена яма для костра.

- Ротгар, прошу тебя. Ты должен меня выслушать.

- Я бы бесконечно слушал тебя, если бы ты захотела прийти ко мне раньше, как мы и договорились. Я достаточно наслушался, Гилберт болтал о вашем браке, а ты и не подумала это опровергнуть, когда заставила отца Бруно поверить, что я обесчестил тебя.

Ротгар, чувствуя, как обрывается у него сердце, ждал, затаив дыхание, когда она опровергнет все эти обвинения, но она молчала. Он услышал, как она била кулачком по стене, пытаясь найти дверь. Под ее напором, она, скрипнув, отворилась, и в сарай ворвался луч лунного света, пронзив, словно ножом, густую темноту. Она вышла на свет.

- Посмотри на меня, - властным тоном сказала она. - Скажи, кого ты перед собой видишь?

- Ведьму, - не задумываясь, резко ответил он. - Лгунию. - Он видел, как слезы катятся по ее щекам.

Она резко откинула назад голову, словно получила от него удар.

- Чего же ты ожидаешь от меня? Что я могу увидеть? - заорал он, сжимая кулаки, стараясь побороть в себе острое желание дотянуться до нее, приблизить к себе, сказать ей,

что он видит женщину, которую любит. Застонав, он, не отрывая спины от стены, сполз на пол.

- Видишь ли ты мой стыд?

- Стыд, из-за чего? - спросил он устало; он был удручен, и при этих ее словах приступ гнева, казалось, медленно утихал. Она все сделала, чтобы выжить, эта женщина, ведущая опасную игру в мире, где правят грозные мужчины. Что же теперь делать, если она решила, что ему нет места в ее жизни? Но ведь он жил.

- Эдит полюбила Хью, - сказала она. Сделав несколько шагов, она опустилась перед ним на колени, чтобы смотреть на него, глаза в глаза.

Итак, наконец Эдит нашла свою любовь. Кривая улыбка тронула уголки его губ, когда он вспомнил, как она умоляла всех вернуть ее в монастырь при мысли о том, что ее мужем станет Ротгар Лэндуолдский. Скорее всего он не обладал никаким шармом в глазах женщин.

- Это скорее причина для радости, а не для стыда.

- Она его любит. И когда над ней нависла угроза, она не прибегла ко лжи, не стала строить тайные планы, чтобы добиться своего. О, как я ошиблась в Эдит! Я считала ее глупой и скучной девушкой, но она сейчас спит в объятиях мужа, которого любит.

- Если ты считаешь таким замечательным подвигом находиться со своим мужем в кровати, то для чего ты, Мария, пришла сюда? Если я все помню верно, то ты забыла о нашей сделке и заключила помолвку с Гилбертом Криспиным.

Руки ее дрожали.

- Но я люблю только тебя, Ротгар! В его жизни бывали моменты, когда он получал удар подлых, падал с норовистой лошади, ударялся головой о бревно или каким-то иным образом оказывался оглушенным и лежал неподвижно, чуть дыша, и такое состояние, казалось, длилось целую вечность. Но никогда прежде причиной его не был приступ радости, который весь наполнил его головокружительным восторгом. Он только и смог глупо улыбнуться в темноте и переспросить: "Ты любишь меня? "

В ответ она бросилась в его объятия и прижалась губами к его губам.

- Как ужасно трудно любить человека, который тебя ненавидит, - шептала она, не отпуская его губ.

- Действительно ужасно, - согласился он, учащенно задышав, когда она рукой надавила на ту часть его тела, которая сразу набухла. Ее губы податливо раскрылись, и он протолкнул язык в мягкую влажную теплоту ее рта. Ее быстрый, ласковый язычок напомнил ему, как он ловко перевирает все слова, как она умеет все передернуть, подогнать возникшую ситуацию к собственным нуждам. - Можно ли тебе верить, сладкая лгунья?

- Ты должен мне верить.

- Чему же мне верить, верить, что ты вступила в заговор с Гилбертом и оклеветала меня перед священником и сделала все это, исходя из самых добрых побуждений?

- Да, именно так. - Она, как казалось, пришла в восторг от его сарказма.

- Только женщина может думать навыворот. Она еще крепче сжала рукой его пульсирующий ствол.

- Ты говоришь, только женщина? Черт подери, а я-то думал, что я разыгрываю придуманную тобой хитрость.

Ротгар хмыкнул, от ее прикосновения у него становилось легче на сердце. Его усталые, стертые после тяжелого рабочего дня руки проникли через ее плащ в надежде прильнуть к ее теплому телу. Черт возьми - под ее монашеской сутаной на ней было надето еще одно платье

и туника.

- Ты был прав, Ротгар, придумав такую хитрость, - сказала она, не обращая внимания на его шарящие пальцы и еще сильнее прижимаясь к нему, словно она могла через кожу своего тела донести до него всю силу своих убеждений. - Хотя мне и пришлось немало пофантазировать, на что я явно не рассчитывала, нужно признать, что Хью становится лучше день ото дня, а мы с Эдит осуществляем полный контроль над Гилбертом с помощью снадобья...

Теперь уже Ротгар не хмыкнул, а громко рассмеялся.

- Придется, моя дорогая, внимательно следить за своей едой и питьем в твоём присутствии. Судя по всему, ты стремишься опоить своей "дозой" всех мужчин в Лэндуолде.

- Нет, ты не понял. Мы прекратили давать Хью его "дозу" и прибегнули к мази, чтобы хоть чем-то укротить варварскую натуру Гилберта.

- Вот этого-то я и опасаясь, - прошептал Ротгар, уткнувшись лицом в ее волосы; руки его наконец прикоснулись к ее коже, такой мягкой, такой податливой под грубой шерстяной тканью. - Достаточно одного прикосновения, одного взгляда, и я сам превращаюсь в варвара.

- Ну-ка прекрати, Ротгар! - закричала она, пытаясь увернуться от его проворных пальцев. - Прежде ты должен выслушать все, что я тебе скажу.

- Ну, говори. - Вздохнув, он снова лег на тюфяк, придвигая ее к себе поближе. Но теперь он довольствовался только тем, что нежно держал ее за талию.

И она поведала ему самую изумительную историю. Он слушал ее, лишившись дара речи от удивления, а она описывала ему свою стычку с Гилбертом в хижине, ту неохоту, с которой она была вынуждена согласиться обвенчаться с ним, чтобы успокоить этого злобного человека. Она рассказывала о своем фактическом пленении в доме Лэндуолда, откуда ей не разрешали выходить, и в результате она не могла сдержать данного ему обещания. О постепенном выздоровлении Хью, о возвращении к нему рассудка, об объединении своих сил с Эдит в борьбе против Гилберта.

- Мы уже так близки к цели, Ротгар, - заключила она. - Пройдет всего неделя, может, даже меньше, и Хью сможет занять свое законное место. Но Лэндуолд теперь настолько уязвим. Эти таинственные ночные налеты на строительную площадку, уничтожение строительных материалов могут быть признаком грозящих нам еще худших бед. Стиффэн уже никогда не сможет воевать. У нас, по существу, осталось лишь три рыцаря, на которых можно положиться.

- Но ты говоришь, что вы его стараетесь отравить, - напомнил ей Ротгар.

- Я вынуждена это делать, - ответила она. - Кажется, в последнее время он изменился. Мне страшно от того, что он может натворить. Эдит утверждает, что мазь может отправить его на тот свет, и я бы, без колебаний, пошла бы на это, если бы только наш боевой отряд не понес таких ощутимых потерь. Мне нужно проявлять особую осторожность, чтобы он от этого снадобья становился только неуклюжим и сонливым, но при этом нужно сохранить всю его жизненную энергию, чтобы он мог, стряхнув с себя эффекты снадобья, броситься на нашу защиту, чтобы не допустить наихудшего до того времени, когда власть в свои руки снова возьмет Хью.

- Неужели ты на самом деле способна убить его? - спросил Ротгар с трудом, против своей воли, представляя, как Мария прикладывает отравленную мазь к шее ничего не подозревающего Гилберта.

- Я... - Она вдруг умолкла. - Не знаю.

- Я наблюдал за Гилбертом Криспином и не заметил у него особых достоинств. Он только ревет, как зверь, и рассыпает пустые угрозы. Он, судя по всему, умеет драться, хорош в бою, но у него нет способности стать вождем.

- Конечно, нет, - согласилась Мария. - Вместо этого он всех запугивает, особенно тех, кто бессильны перед ним. Однажды, когда мы с Феном купали Хью, мы заметили у него на теле синяки. С тех пор Фен не позволяет ни одному из рыцарей оставаться наедине с Хью, даже Уолтеру, но у меня есть веские основания предполагать, что лишь отстранение Гилберта от Хью положило конец всем злоупотреблениям.

Ротгар представил себе беспомощного, несущего околесину человека, скорее похожего на развалину, человека, который играет с куклой; покрытое синяками лицо Хелуит; синие пятна на нежной коже Марии; широкоплечую фигуру Гилберта, склонившегося в пылу битвы над своей жертвой.

Его всего охватил бессильный гнев. - Он больше к тебе не притронется, поклялся он. - Ты принадлежишь только мне.

Она совсем притихла рядом с ним, даже, казалось, старалась сдерживать дыхание, опасаясь, как бы он не опроверг только что произнесенных слов. Значит, ты мне веришь?

- Ах, Мария. Сколько ночей я провел в одиночестве, кляня тебя не за то, что ты не приходила ко мне. И я сумел убедить себя, что твоим словам нельзя верить. - К тому же меня постоянно снедает ревность, я постоянно представляю тебя вместе с Гилбертом. Но когда ты оказываешься в моих объятиях, когда говоришь, что любишь меня... - Никогда еще прежде им до такой степени не помыкала женщина, если даже его здравый смысл превратился в жертву его сердца. И все же он вот лежит с такой женщиной, готовый отбросить все сомнения, забыть о собственной чести, только чтобы помочь сохранить свои земли ради другого человека.

Но она непременно будет принадлежать ему. И такая восторженная, головокружительная перспектива заставляла его считать все это честной сделкой. Мария пододвинулась к нему, прижалась еще плотнее; вот она коснулась носом его подбородка, отыскала в темноте его губы, прильнула к ним своими, и тут же все сомнения вылетели прочь из набитой причудами головы.

- Ты не хочешь меня сейчас полюбить? - спросила она.

- Смелая девушка, - откликнулся он с притворной строгостью. - Ты всегда заботишься лишь о своем удовольствии.

Кажется, она покраснела и тут же отодвинулась, внезапно затихла, оробела, но он вновь прижал ее к себе.

- Как ты красива, - прошептал он. - Как мне не нравится любить тебя в убогих пристанищах на грязном полу. Как хочется лежать с тобой в кровати, рядом с потрескивающим огнем, среди кучи мехов. Сколько раз я представлял тебя в такой позе - ты лежишь на спине на мехах, а распущенные волосы покрыли твои плечи.

- Тебе нравятся мои волосы? - Он почувствовал легкое, как перышко, прикосновение ее руки, когда она безотчетно дотянулась до его головы. Неужели ты считаешь меня милостивой?

- Прекрасной! - подтвердил он и, схватив ее руку, прижал к своим губам.

- Ты тоже весьма пригожий мужчина, - сказала она.

- Ты так считаешь? - Он помолчал, прижавшись своими теплыми губами к ее ладони. Ему всегда хотелось знать, что видят в нем другие, когда пристально смотрят ему в лицо;

какая странная прихоть Божия - он разрешил человеку глядеть на все вокруг, кроме своего собственного лица. Иногда он видел его отражения - главным образом в ведре с водой, потом на блестящей обработанной молотком металлической пластинке. Но в отраженном образе он видел лишь бледную подрагивающую кожу, два пятна голубых глаз, дикую шевелюру рыжеватого-коричневого с золотистым отливом волос, покрывающих большую часть лица, и приходил к выводу, что у него были совершенно обычные, как и у других мужчин, черты!

- К тому же у меня появилось необыкновенное увлечение - лежать на грязных полах, - добавила она.

Он рассмеялся. Он все сильнее впредсвивал ее в мягкий тюфяк. Хотя непреодолимый, острый мужской позыв побуждал его обнажиться, сорвать с нее платье и тунику, чтобы перед его жадным похотливым взором предстало во всей красе это нежное, гибкое тело, забота об их удобствах на пронзающем до костей холоде подавила этот импульс.

Во многом это было неудовлетворительное совокупление. Мария, задрав свои юбки до талии, не давала из-за платья возможности его ищущим страстным губам, его рту отыскать ее груди и прильнуть к ним; да и самому ему, выпроставшему свое мужское естество из ширинки, не хватало ощущения ее горячей, влажной промежности, охватывающей весь его ствол. Она обвила его ногами, но он чувствовал только их вес, он был лишен столь желаемых страстных ощущений от ее прикосновений к его бокам, бедрам, спине. Короче говоря, он еще никогда не чувствовал себя так неловко.

- Я люблю тебя, - шептала она, прижавшись к его губам, когда он яростно вгонял в нее свое орудие. Они дышали в лицо друг другу. От ее слов сердце его затрепетало еще больше, оно теперь не подчинялось ритму наносимых им сильных ударов от охватившей его страсти.

- Я люблю тебя, - снова произнесла она, и нежная теплота, не имеющая ничего общего с теплотой от физических усилий, охватила их обоих. - Я люблю тебя, - проговорила она, учащенно, глубоко дыша, когда безжалостно вонзаемое им орудие отодвинуло ее почти к самому краю тюфяка. Ее нежная мякоть, казалось, замкнулась вокруг него, охватила его всего, подчинила своим взрывным вибрациям, и он клял на чем свет стоит одежду, желая только одного в данную минуту, - чтобы прижаться своим голым животом к ее обнаженному животу, разделить вместе с ней ее бегущие, словно волны, конвульсии, которые заставляли ее задыхаться, стонать от восторга.

- Я тебя тоже люблю, - прошептал он, уткнувшись губами в ее теплую шею, когда они наконец успокоились и тихо лежали, ожидая, когда охладится жар в крови, утихнут удары взволнованных сердец. Она крепко обняла его.

- Завтра канун Пасхи, - сказала она. - Мы с Эдит надеемся, что Хью будет себя чувствовать достаточно хорошо, чтобы принять крестьян и выслушать их просьбы. Только одно это может унять нетерпеливый язык Филиппа.

- Я тоже надеюсь на присутствие во время аудиенции Хью, - сказал Ротгар, ибо я намерен попросить его отдать мне то, что ему дороже всего.

- Что же это такое? - спросила она. Она чувствовала, как сильно бьется ее сердце рядом с его сердцем. - Золото, которое ты обещал Гилберту?

- Золото есть, но только в монетах, а это значительно снижает его ценность. Старый племенной бык, резвившийся на пастбище, много лет тому назад напоролся на поваленное бурей дерево. Когда рана его затянулась, то у него на шее появился позвякивающий карманчик из кожи. Золото спрятано там, Мария, двенадцать крупных монет, они только

ожидают, когда же какой-нибудь отпетый дурень наконец не догадается и не лишит старого быка его богатства. Это весьма небольшое состояние, Мария, его не хватит, чтобы удовлетворить все потребности Хью.

- Но этого золота достаточно, чтобы заплатить за тебя выкуп Вильгельму, Ротгар! - У Марии от счастья заблестели глаза.

- Я слышал, что такое случается. Может... Он, приложив ей к губам палец, заставил ее замолчать. - У нас впереди еще достаточно времени, и вряд ли стоит беспокоиться сейчас о таких вещах. Мне не нужно спрашивать разрешения у Хью, чтобы высказать свои притязания на это золото. Меня интересует только одно золото, то, которое сияет в твоих волосах, блестит в твоих глазах.

Она рассмеялась заразительным смехом. Ротгар понял, что ей понравились его слова.

- В таком случае ты попросишь Хью вернуть тебе Лэндуолд.

- Неужели ты считаешь Лэндуолд самым драгоценным в руках Хью?

- Большинство рыцарей придерживаются такого мнения, - сказала она. Лэндуолд всегда остается Лэндуолдом. Сам Хью, Гилберт.., для чего этому негодяю Филиппу совать свой нос повсюду, собирать сплетни, чтобы потом передать их Вильгельму, если он не намерен сам завладеть Лэндуолдом? В последнее время я заметила, что и Уолтер начал бросать жадные взгляды на эту землю.

Но Ротгар не собирался ничего говорить Хью о том, желал бы он вернуть свои земли или нет.

- Вот что я скажу твоему брату: "Господин сеньор норманн, мы уже вырыли ров и два дня назад начали возводить стены замка. За исключением немногих, большинство жителей Лэндуолда признают вас своим господином и владельцем. Теперь, когда вы способны сами управлять, прошу вас освободить меня, как мне было обещано, и я прошу вашего разрешения забрать с собой вашу сестру Марию".

Луч лунного света, проникнув через щель в двери, упал прямо на лоб Марии, которая уютно, словно в гнездышке, устроилась возле него, прижавшись головой к плечу.

- После чего я задам такой же вопрос тебе, - продолжал он. - Скажи мне, Мария, каким будет твой ответ? Способна ли ты отказаться от дома, о котором так долго мечтала, и отправиться со мной неизвестно куда? У нас не будет ни дома, ни средств для существования, покуда я не найду какую-нибудь работу. Он не забыл, как она притихла несколько секунд назад. Теперь наступила его очередь ждать с бьющимся сердцем, с напрягшимися до предела нервами ее ответа.

Она улыбнулась, и луч лунного света выхватил из темноты изгиб ее губ.

- Прежде всего, мы с тобой должны сообщить Хью, как нам удалось спасти Лэндуолд ради него. О том, как под твоим началом стены замка поползли вверх и как твои сильные руки помогли отбить нападение на лужайке. После чего я скажу тебе, Ротгар: "Мне кажется, что все мои странствия в молодые годы преследовали в конечном итоге определенную цель, по крайней мере, они стали для меня практикой, принимая во внимание то, что ждет меня впереди. Да, бездомный, безденежный, странствующий сакс, я поеду с тобой."

- Слегка растянутый но, тем не менее, отличный ответ, - сказал Ротгар, еще крепче сжимая ее в объятиях, наслаждаясь будоражающим его чувством, что всего можно добиться, если только рядом с ним будет эта женщина.

Глава 18

Ротгар проводил ее до конца двора, запечатлев на ее губах последний прощальный

поцелуй. Ему, как и ей, не хотелось разжимать свои теплые объятия.

- Мне пора, - шептала Мария. - А ты возвращайся поскорее к себе в сарай, не то проснется Евстах. Мне нельзя еще больше подогревать гнев Гилберта своим долгим отсутствием.

- Если состояние здоровья Хью на самом деле настолько улучшилось, то, может, мне пойти вместе с тобой, - спросил хриплым, сдавленным голосом Ротгар. - Весь день я не смогу найти себе места, опасаясь за твою безопасность. К тому же мне ненавистна мысль, что Гилберт может дотронуться до тебя или ты до него, по любой причине. Если Хью на самом деле готов взять все в свои руки, Мария, то найди мне меч, и я быстро покончу как с Гилбертом Криспиным, так и всеми твоими бедами - И в результате возникнет ряд других.

- Да, - согласился он. - Трудно ожидать от моего народа, что он поклянется в преданности Хью, если я изрежу на куски одного из его рыцарей.

Мария прильнула к его сильному телу, наслаждаясь в течение одного долгого момента тем, как ее мягкие податливые формы плотно облегают его твердые, напряженные мускулы. Она знала, как ее всю пронзает короткая судорога, когда он, положив руку ей на затылок, прижимал ее голову к плечу; она чувствовала его дыхание, когда его губы искали ее лоб, чувствовала возобновленное биение своего сердца о его могучую грудь.

- Да, так будет лучше, - сказала она. - Нужно уступать Гилберту, угождать ему, может, еще всего один день, и уладить все так, чтобы у Филиппа не было, о чем доносить Вильгельму на Хью.

- Тогда иди, - сказал он хрипло. - Иди, не то я вообще не позволю тебе уйти.

Когда Мария торопливо шла по притихшим полям Лэндуолда, ей не нужна была монашеская шерстяная сутана, чтобы не замерзнуть. В разлуке с ним все чувства ее притупились, - кроме ее лихорадочно работающего рассудка, который донимало беспокойство, особенно сейчас, когда она была лишена его колдовского присутствия. Например, спят ли обычно монахини до рассвета или же их религиозные обряды заставляют расстаться со сном во время такой вот тихой, лишенной представления о времени прелюдии, знаменующей переход от полной темноты к бледному, рассеянному свету на горизонте, предтечи восхода солнца?

Она ускорила шаг. Сутана, с которой она обращалась с таким презрением из-за ее дурного запаха, теперь сохраняла едва ощущаемый терпкий аромат тела Ротгара. Ей теперь ужасно не хотелось возвращать эту вещь, напоминающую ей о нем, но все же нужно было вернуть этот наряд владелице, молясь, чтобы она пока не обнаружила пропажу.

Она проскользнула в зал. Пылавший здесь большой костер, превратившийся теперь лишь в нагромождение тлеющих головешек из-за нерадения к нему, отбрасывали лишь желтовато-золотистые отблески на почерневшие от сажи стены. Одна из собак наострила уши, повернув к ней голову, нюхая воздух, чтобы уловить исходивший от нее запах Потом, видно, успокоившись, она снова положила морду на лапы и виновато завиляла хвостом. Покрытый тростником пол, казалось, тянулся перед ней бесконечно. Возле стола валялись разбросанные в беспорядке табуретки и скамьи. Никого не было.

Мария, сглотнув слюну, еще крепче прижала к себе сутану. Она надеялась, что к ее приходу Гилберт все еще будет спать, а его оруженосец громко храпеть возле двери. Их отсутствие указывало на грядущую катастрофу. Она вспомнила о домашней лэндуолдской церкви, об этой бедно обставленной, мало используемой комнате. Она объяснит Гилберту, что провела эту ночь здесь в молитве, надеясь, что Бог не покинет ее за очередную ложь.

Потом она даже не увидела, а скорее почувствовала через сумрачные тени присутствие здесь другого человека. Мария бросилась вперед и столкнулась нос к носу с одной из девушек, работающих на кухне. Обе они испытали такое облегчение и одновременно такое удивление, что и та и другая выронили из рук свои узлы, негромко вскрикнув от неожиданности. Ноша Марии приземлилась на кучу порыжевшей, когда-то черной шерсти; весь в дырах узелок девушки, упав на пол, разорвался, демонстрируя кучу ветвей и листьев.

- Это зеленые веточки для украшения, миледи, для празднования Пасхи, объяснила ей девушка, присев на корточки, пытаясь их снова собрать. Прежде чем поднять их с пола, она, закусив губу, вопросительно посмотрела на Марию. Говорят, они ускоряют приход весны. Конечно, если миледи разрешит разбросать их и развесить, как велит наш старинный обычай.

Норманнские священники, давая свое согласие на притязания со стороны Вильгельма на Англию, указали ему на почти что языческий обычай саксов украшать алтари, столы и стены зелеными веточками и листьями. Так они поклоняются своим старым богам и истинному Иисусу Христу, - объясняли они, рассказывая ему о безумных плясках у огня во время Празднества костров, о богах-деревьях, о поклонении солнцу. Остролистник отражал на своей гладкой поверхности тлеющие в яме угольки. Набухшие красные ягодки становились еще выразительнее на фоне восковых лепестков какого-то английского цветка, который она заметила по дороге домой. Он проклюнулся в снегу. Что плохого в том, если яркими цветами и листьями немного разнообразить серость и монотонность Лэндуолда в этот день, когда ее брат может встретиться с людьми, а память ее все еще будоражили те чувства, которые она испытывала сегодня ночью к Ротгару?

- Нам понадобится гораздо больше листвы, значительно больше, - сказала Мария, опускаясь на колени рядом с девушкой, чтобы помочь ей.

Она стояла на коленях, собирая веточки остролистника и плюща. В такой позе и застала ее аббатиса. Сестра Мэри Целомудренная, как всегда, тащила за ней следом, но на сей раз она склонила голову не из-за смирения, а просто от того, что не хотела видеть, куда ступает. Все ее внимание, казалось, было поглощено бледно-голубым платьем, которое прекрасно сидело на ней. Это было одно из любимых платьев Марии. Молодая монашенка оттягивала пальчиками отличную, плотно облегающую ее фигуру, шерстяную ткань у талии, и она тут же возвращалась на прежнее место, подчеркивая еще больше выпуклость ее форм, чего никогда бы не удалось сделать ее старому, поношенному черному одеянию.

Другое платье Марии она нахлобучила на голову, подвязав его рукава под подбородком, как завязывают крестьянки на голове косыночки.

- Кто-то украл облачение сестры Мэри Целомудренной, сутану и головной убор с вуалью, - сказала аббатиса.

Веточка остролистника лежала на одолженной Марией сутане сестры Мэри. Совсем недавно Мария возносила до небес способность Эдит улаживать все проблемы, не прибегая ко лжи; теперь она сама лихорадочно придумывала какой-нибудь приемлемый предлог, объясняющий, каким образом монашеская сутана оказалась у нее в руках.

- Не волнуйтесь, матушка, - мягко сказала она, встряхнув сутану, чтобы сбросить с нее остролистник. Поглаживая шерстяную ткань, она подыскивала нужное объяснение. Вот ее обличье. Когда сестра Мэри сняла его вчера вечером, оно упало на пол, а подол его выпростался из-под гобелена. Он лежал на проходе, и я нечаянно наступила на него. Вот и хочу передать его одной из своих девушек, чтобы они уничтожили следы моей

неосторожности.

- Дочери Христа сами следят за своей одеждой, - сказала аббатиса, вырывая сутану из рук Марии. - Иди, дочь моя, и оденься поприличнее, - сказала она, переключая внимание на сестру Мэри Целомудренную, которая, приняв облачение, медленно, неохотно направилась снова в альков Марии, чтобы переодеться.

Еще несколько сакских женщин вкрадчиво проникли в зал, в котором становилось все светлее. В руках они несли пучки ломких, казалось, пульсирующих новой жизнью зеленых веточек. Они с удивлением и страхом уставились на свою госпожу, которая стояла на коленях перед возвышающейся над ней массивной фигурой монашенки.

- Неужели вы позволите им разбросать повсюду эти ветки? - спросила аббатиса.

- Какой от этого вред, матушка? - отозвалась Мария, поднимаясь на ноги. Она понимала, что если будет упорствовать, станет на сторону сакских женщин, бросит вызов монахине. - Это совсем не богохульство. Просто такой у них обычай.

- Тогда давайте отойдем в сторону, чтобы они занялись своим делом, предложила аббатиса. В ее глазах промелькнула искорка одобрения, что никак не вязалось с ее суровым выражением лица.

- Я не вижу никакого вреда в этом обычае сама, - тихо, доверительно сказала она, когда они с Марией отошли в сторонку, наблюдая, как женщины украшали веточками холл. - Мне казалось, ваши норманны знают, какой дьявольский смысл они в это вкладывают.

- Вы могли бы спросить прежде у меня, - ответила Мария. Она вспомнила, как тревожно у нее забилось сердце от мысли, что она могла невольно нанести оскорбление монахине.

- Вы тоже могли прежде спросить у меня разрешения взять у сестры Мэри Целомудренной ее сутану.

Щеки Марии запыхали, она могла побиться об заклад, что они были такие же пунцовые, как ягоды остролистника. - Прощу меня извинить, матушка, прошептала она. - Я все сделала машинально. Если бы только я прежде подумала...

- Вы бы поступили точно так, - закончила за нее фразу аббатиса, хотя в ее словах не чувствовалось ни гнева, ни злорадства. Потом она заговорила снова, на сей раз на вполне приличном норманнском языке, вероятно, не хотела, чтобы сакские женщины подслушивали их беседу.

- Я не слепая, миледи, и вижу, как обстоят дела здесь, в Лэндуолде. Я приехала сюда в полной уверенности, что Эдит находится на положении пленницы, замужем против своей воли за этим варваром-монстром. Вместо этого я вижу, что это вы находитесь в таком положении, а Эдит вполне счастлива своей судьбой.

- Ах, матушка, так было не всегда. - На глазах у нее неожиданно навернулись слезы, и она, словно ослепнув, искала руками теплую, сухую руку монахини, задаваясь вопросом, сможет ли она наконец выполнить свое искреннее желание исповедоваться во всем перед отцом Бруно и теперь, вместо него, рассказать все аббатисе. - Это я причинила зло Эдит, силой принудив ее к браку с моим братом. И то, что я попала в такое же положение, служит мне лишь достойной карой.

- Ба! - сказала аббатиса, - Эдит была настолько же готовой принять постриг, как и вы, дочь моя. Если бы это было ее истинное призвание, то после того, как Ротгар Лэндуолдский похитил ее у нас. Я бы подняла дикий шум. Он немедленно привез бы ее обратно.

- И все же вы приехали за ней. Я думала, что это она попросила вас об этом.

- Сообщение о тяжелом положении Эдит дошло до нас из других уст, из уст человека,

который, судя по всему, преследует свои собственные интересы. Тем не менее я решила сама обо всем разузнать ради благополучия Эдит. Если бы я заметила, что она изнывает от любви к Христу, если бы я выяснила, что ее здесь никто не любит, что к ней дурно относятся, то я немедленно предложила бы ей приют нашего дома и божественную защиту через постриг, - сказала аббатиса с загадочной улыбкой. - То же самое я теперь предлагаю вам, дочь моя.

- Боюсь, из меня не выйдет хорошей монахини, - сказала Мария, будучи уверена, что до тех пор, пока Ротгар Лэндуолдский ходит по этой земле, никакой обряд целомудрия не спасет ее от него - Не назовете ли вы мне имя предателя?

- Если бы я только могла, дочь моя. Он укрылся в густой тени и говорил намеренно грубым шепотом, чтобы скрыть свой истинный голос, но я уверена, что узнала бы его, услышав еще раз. Я не стану и слушать его, если он подойдет ко мне с новой ложью.

- Я вам очень благодарна, матушка, считайте, что я у вас в неоплатном долгу.

- Увы, мы всего лишь бедные монахини, - сказала она, обращая свой открытый, рассудительный взор на Марию. - Не столько присутствие среди нас Эдит, сколько ее приданое необходимо нам. Вот почему, дочь моя, я приехала, чтобы лично встретиться с женщиной, которая, по слухам, правит в Лэндуолде вместо брата и которая могла бы понять наши нужды.

- Когда мне сообщили, что вы стоите у ворот, я думала, что попросите у меня либо мяса, либо покрывало для алтаря или что-то другое в этом роде.

- Мясо, конечно, нам нужно, но также и покрывала для кроватей, а не для алтаря, и время от времени мешок муки, - сказала аббатиса. - И если у вас останутся излишки молока и яиц, мы могли бы приготовить заварной крем для сестры Мэри Благочестивой, которая потеряла последний зуб неделю назад.

- Это не так много, - ответила Мария, считая, что щедростью даров Лэндуолда можно поделиться с маленьким монастырем.

- Так могут говорить только разумные женщины, - согласилась аббатиса. Мужчины могут придерживаться иного мнения. Теперь мне пора. - Мягко пожав на прощание руку Марии, она направилась к двери. Потом, повернувшись, добавила:

- Благодарю вас, дочь моя. И не забывайте, когда потребуется сила духа, существует Тот, у кого его очень много. Тот, кто слышит все молитвы. - С лукавым, мирским блеском в глазах она продолжала:

- Тот, кто повелевает, каким травам расти на этой земле, Тот, кто наделил женские тела промежностью, а мужские - одной свисающей частью, которая испытывает острую боль, если только долго задерживается ответ на вознесенные молитвы.

Сакские женщины, которые перешептывались во время беседы Марии с аббатисой, сразу повеселели, как только вдали утихло шелканье четок монахини. С радостным смехом они увлекли за собой Марию, и все вместе начали украшать зал лэндуолдского большого дома так, как того требовали старинные обычаи. Их проворные руки очень быстро убрали с пола дурно пахнущий тростник Собаки юлили возле их ног, игриво, притворно лаяли на снующие метлы, грызли снова давно заброшенные кости, валялись в свежих охапках тростника.

Девушки бегали от одной женщины к другой, предлагая им ломти хлеба, куски сыра, ковшики с чистой, ледяной водой, чтобы они не прекращали работы и не нарушали поста. Чей-то, скорее всего, беспризорный мальчик, который здесь, часто пугливо озираясь, слонялся, словно заблудился, теперь с довольным видом сидел в углу и с большим

искусством пощипывал струны лютни, которая обычно под густым слоем пыли висела у нее в алькове на стене. Чей-то тонкий голос подхватил наигрываемую им мелодию песенки, потом другой, третий, и вот вскоре зазвучал целый хор. Даже Мария, опасно балансируя на доньшке бочонка и украшая гирляндами плюща висящие на стене оковы, предназначенные для менее приятной цели, напевала мелодию, напрягая слух, чтобы поточнее уловить слова.

Пошатываясь своим грузным телом, в круг веселящихся вошел Гилберт Криспин. Радостная мелодия прервалась на скрипучем звуке - это мальчик сразу ударил ладонью по всем струнам лютни. Один за другим умолкали поющие голоса, покуда не остался один. Певица, кося глазами вокруг, пыталась понять причину неожиданно воцарившейся тишины, когда переводила дыхание, но тут же оборвала песню немелодичным воплем, увидев своими близорукими глазами фигуру Гилберта.

Его глаза, которые обладали таким же острым зрением, как у сокола, впились в Марию; это был такой же упорный, бесстыдный взгляд, как и у этого опасного, покрытого оперением хищника.

- Где вы пропадали сегодня ночью? - спросил он.

- Продолжай играть! - крикнула Мария музыканту, молясь, чтобы у мальчика хватило мужества снова начать перебирать струны, пока она соберет все свои силы и отважно солжет Гилберту, что провела эту ночь в домашней церкви. Когда она слезала с бочонка, раздались первые звуки, а одна из женщин, бросая любопытные взгляды то на Марию, то на Гилберта, подхватила мелодию, сделав знак другим присоединиться. Под мелодию этой незнакомой ей песни Мария пыталась перебороть охватившее ее отчаяние.

- Мне показалось, что больше вам мазь не нужна, - сказала она. - Поэтому я пошла поклониться своему Богу. - Это была и ложь и не ложь, если принять во внимание ту ревностную страсть, которая охватывала ее всякий раз, когда она устремляла свои глаза на освещенное лунным светом тело Ротгара, хотя теперь она считала невозможным всякое возобновление половых отношений с ее любовником-саксом.

Гилберт боролся со своим сомнением и желанием ей поверить, и выглядел так, словно он сам провел эту ночь, занимаясь тем же самым. К его затылку, к тунике прилипли соломки, а от него самого исходил такой тошнотворный запах, словно он удовлетворял свою похоть на полу, покрытом перегнившим навозом.

- Вам не пришла в голову мысль поискать меня в домашней церкви? - спросила она. Однако из-под полуопущенных ресниц она продолжала внимательно следить за ним.

- Нет, - мрачно признался Гилберт. Но она видела, что взгляд у него теплел, так как ему нравилась ее смиренная поза. - Мне стоило бы об этом подумать..., но во мне дремлет какой-то безмозглый зверь, который просыпается каждый раз, когда мне в голову приходит мысль, что я могу вот-вот вас потерять. Могу поклясться, что у меня сейчас от стыда голова идет кругом, стоит только вспомнить, о чем я думал этой ночью и что делал.

Появился оруженосец - подбитый глаз и распухшая губа свидетельствовали о том, что ему пришлось дорого заплатить за то, что он проворонил во сне ее побег из дома. Схватив своего господина за руку, он подвел его к низенькой деревянной скамье возле камина.

- Мария, - позвал ее Гилберт слабым, едва слышным голосом, который к тому же заглушал пение женщин. - Не могли бы вы заняться моей раной?

- Сейчас, - вздохнула она. Потянувшись к глиняному горшочку рукой, она увидела, что его на месте не оказалось. Там лежал лишь увядший подснежник. А на полу разбросанные черепки окружали одеревеневшее тело собаки с остекленевшими глазами. На конце ее высунутого, распухшего языка прилипла полурастаявшая крупинка грязной "целебной" мази.

Ротгар с пустым бочонком на плечах вместе с другими возбужденными жителями с такой же поклажей шагал по направлению к широко распахнутым дверям парадного входа господского дома. Некоторые бросали на него быстрые, смущенные взгляды, словно осуждая его за то, что он с таким нетерпением стремился принять участие в этом норманнском торжестве, проходящем в зале когда-то принадлежавшего ему дома, но Ротгар не обращал никакого внимания на их непрошеное сочувствие. По правде говоря, оно действовало ему на нервы. Да, он, Ротгар, ужасно хотел поскорее прорваться через эту дверь. Его меньше волновало, что когда-то этот дом принадлежал ему, даже вообще не волновало, по сравнению с той женщиной, которая ожидала его там, внутри, за его стенами.

В течение всего этого показавшегося ему бесконечным дня он бросал косые взгляды на дом, словно отмеряя расстояние, отделяющее его от строительной площадки, и его охватывало отчаяние от почти уверенного предчувствия, что там непременно должно произойти что-то неприятное. Отсюда он не мог ни увидеть, ни услышать, если там случится что-то неладное. Насколько же самоуверенным он был, пытаясь заверить Марию, что им вдвоем удастся обвести Гилберта вокруг пальца. План, который им казался таким здравым под покровом темноты ночи, вдруг исчез, растворился, словно предрассветная роса при свете ДНЯ.

Отчаянный вопль закалываемой к празднику свиньи донесся до них. Возбужденная суматоха возле конюшни привлекла его внимание, и он среди толпы людей разглядел синевато-черный колтун на голове Гилберта Криспина. Его поразила ранимость Марии. Она была похожа на барашка, которого вели на заклание.

Он не мог со всех ног броситься к ней на помощь - они, казалось, приросли к земле; пальцы его, утратив чувствительность, бессильно сжались в кулаки.

Но рабочий день прошел. Крик Евстаха: "Работа окончена!" - освободил его от добровольного гнета, и он, бросив в сторону лопату, легкой рысцей побежал к дому. Он пришел в чувства только тогда, когда его люди позвали его, напомнив о том, что нужно взгромоздить себе на плечи бочонок.

Нет, так не пойдет, - ворваться одному через порог дома, потным, замызганным от работы, и потребовать встречи с Марией.

Он заставил себя успокоиться, подождать немного возле склада порожних бочонков; к его радости, жители Лэндуолда, сами жаждая скорейшего начала праздничных торжеств, вскоре присоединились к нему. Все толпились возле входа в дом, и он, не произнеся ни слова, не испытывая угрызений совести, растолкал всех стоявших впереди, и одним из первых переступил через порог.

Он увидел зал в лэндуолдском большом доме в таком виде, который ему всегда нравился больше всего, - с высокой горкой сосновых поленьев в пылающем огне, которые наполняли воздух сладким, острым, чистым запахом сосны; сотни зажженных свечей добавляли еще больше света огню, какую-то непривычную яркость, которая заставляла даже закопченные сажей стены блестеть под своим зеленым убранством.

Ротгар поставил бочонок на пол. Кто-то поставил свой рядом. Сверху их накрыла широкая доска, и в результате получился импровизированный стол. Он все время искал глазами вокруг в надежде увидеть где-нибудь Марию.

- Да не сюда, вы, болваны, вот сюда, - закричала какая-то женщина. Узнав Ротгара, она хлопнула себя ладонью по губам:

- Извините, милорд. Я и не представляла...

Предложение Ротгара перенести бочонки на другое место затерялось в шуме радостных, приветливых голосов окруживших его плотным кругом женщин. Он делал вид, что улыбается, что-то невнятно бурчал, бессмысленно жестикулировал, чтобы выразить благодарность за их добрые пожелания, но его взор постоянно устремлялся к любой женской фигуре. Он напрягал слух, чтобы услышать что-то другое, кроме бесконечного бречания лютни и назойливого гула возбужденных сакских голосов.

Две монахини вошли в зал. Между ними шла Мария в прекрасном платье из темно-золотистой шерсти. Подобраный в тон головной платок, украшение, которое большинство женщин использовало, чтобы скрыть свои жиденькие волосы и покрытые оспинами щеки,

служил только для того, чтобы прикрыть пышность ее толстых, блестящих кос, но он-то знал, как они выглядят, распущенные до плеч, знал мягкую бархатистость ее кожи, знал, как легко его руки могут охватить ее нежный стан, который был так благородно украшен золотым поясом и сверкающим драгоценными камнями кинжалом.

Вошли еще люди через двери в зал. Норманны:

Филипп Мартел, Гилберт, Уолт, Данстэн, их оруженосцы, пажы. Металлический звон кольчуг сопровождал каждый шаг, они блестели на ярком свете. Рыцари не произносили ни слова, лишь оглядывались со свирепым недоверчивым выражением лица, которое вопило громче, чем любые слова, что они явно не одобряют это праздничное сборище. Их суровое молчание передалось толпе, и неловкая тишина повисла над ней, прервав веселье.

Гилберт Криспин стоял впереди группы, его рука теребила рукоятку меча, словно он мечтал о том, чтобы врезаться с ним в плотную толпу притихших саксов. Ротгар на мгновение вновь пришел в отчаяние. Неужели Мария снова его обманула с этой басней о его ранении на шее и о медленном действующем яде, о его слабости, о дергающихся членах?

Но вот радостно зазвучали ее слова над молчаливой толпой. Мария закричала:

- С наступлением славного праздника Пасхи, милорд!

Ротгар, с трудом отведя взгляд от Гилберта, силой заставил себя посмотреть на нее, чтобы собственными глазами убедиться в том, отвечало ли выражение на ее лице во время приветствия Гилберту легко угадываемому в ее голосе восторгу.

Но она не смотрела на Гилберта. На какую-то секунду ее широко раскрытые, карие с золотистым отливом глаза встретились с глазами Ротгара, и она, повернувшись с легкой улыбкой, сделала глубокий, приветливый реверанс перед своим братом Хью.

- Глазам своим не верю! - пронзительным дискантом прокомментировал Филипп. - Меня заверяли, что такое просто невозможно...

- Заткнись! - грубо одернул его Уолтер.

Толпа саксов разом выдохнула. Никто еще из них никогда не видел так близко своего сеньора Хью де Курсона, только издали.

Настроение у Ротгара мгновенно поднялось, когда он вдруг вспомнил рассказы Марии о его дурном характере, особенно тогда, когда в толпе все, как один, невольно сделали шаг назад. Вся раскрасневшаяся Эдит с гордым видом стояла рядом с Хью, прижимаясь к его руке, что, несомненно, приводило в смущение тех, кто были уверены в монашеских склонностях своего сеньора.

Хью, протянув свободную руку Марии, прошептал ей по-норманнски:

- Не глупи!

- Говори на их языке, - ответила она, выпрямившись.

- Поздравляю всех со славным праздником Пасхи, - крикнул Хью, возвращая людям праздничное настроение.

Толпа расступилась, давая возможность Хью с Эдит проследовать медленно к большому столу, затем снова сомкнулась. Каким-то образом в этом людском водовороте Ротгар очутился рядом с Марией.

- Мне так хочется тебя поцеловать, - прошептала она. - Но Хью требует, чтобы я сидела рядом с ним, он не так легко говорит на сакском языке, как я, а знания норманнского у Эдит относятся в основном к области религии. Нет, только не смотри на меня. - Он отвернулся, но в это мгновение почувствовал руку Марии в своей. Она обвила двумя пальцами его большой палец, и он приложил их к бедру.

- Давай уйдем сейчас. Насколько я вижу, Хью вполне дееспособен. В этой суете никто не заметит, как мы выскользнем наружу. - Он пытался отвечать ей шепотом, но шепот оказался таким громким, что его мог любой легко услышать. Сердце его откликнулось на предложение яростным, почти мятежным биением, но он посчитал уместным сейчас это скрыть. Он не спускал глаз с Хью, но какое-то сверлящее ощущение в затылке напоминало ему, что Гилберт рядом. Внутри у него зазвенел тревожный голос судьбы.

- Сейчас, - повторил он. - Меня всего трясет лихорадка от грызущей меня тревоги, я хочу увезти тебя отсюда, покуда с нами не стряслось что-нибудь ужасное. Ты уверена, что твой брат теперь в состоянии взять бразды правления в свои руки?

Она молчала. Если бы только не острое ощущение от ее пальцев, он мог бы подумать, что она уже замешалась в толпе.

- Я не знаю, - ответила она наконец, и в голосе ее чувствовался надрыв.

- Мария! - Пронзительный зов Хью заглушил музыку и гул окружающей их толпы.

- Я не могу оставить его одного сейчас. Он не знает этих людей. Он может испугаться, и демоны снова примутся за его больной мозг. - Она отдернула пальцы, но он их перехватил.

- С ним ты только сейчас, а со мной будешь гораздо дольше. Скажи "да", Мария.

- Мария! - вновь позвал ее Хью.

- Скажи, что ты убежишь со мной сегодня же ночью, - сказал Ротгар, все крепче сжимая ее пальцы.

- Ладно, мы бежим сегодня ночью, ты, упрямый сакс.

- Как мне хочется тебя поцеловать, - повторил он ее слова, удивляясь, почему он при этом не испытывает обычного радостного возбуждения, лишь какое-то тягучее мрачное предчувствие близкой утраты, утраты навсегда.

Они не коснулись друг друга руками, но, когда он, пойдя на риск, глянул на нее, она, скосив свои смеющиеся глаза, внимательно смотрела на него, а ее губы изогнула соблазнительная улыбка. Она заставила чувственно задрожать его губы в ответ, и он почувствовал, как передающаяся ему теплота огнем заливает его чресла. Ее откровенный флирт подавил в нем все страхи.

- Мне так не хочется уходить от тебя сейчас, - сказала она. - Но Хью мы можем понадобиться обе, - и я, и Эдит, чтобы помочь ему разобраться с просьбами этих людей. - Теперь она смело, открыто взяла его за руку, и они тут же забыли об окружающей их толпе. Сердце Ротгара начало успокаиваться; нет, он этого не позволит, с ней ничего не случится, покуда он стоит рядом.

- Кто это такой? - спросил Хью с намеренной холодностью в голосе, когда они подошли и остановились перед ним. От такого отношения Ротгар насторожился. Увидев его, Эдит заметно напряглась. Вся покраснев, Мария сжимала его руку, она смеялась, ее платок слегка сбился у нее на голове.

Ротгар решил отвечать за себя, в каком-то смысле это была их первая встреча.

- Меня зовут Ротгар.

Хью уставился на него; Ротгар ответил тем же. Бледность лица Хью, маленькие морщинки вокруг глаз говорили о его физических страданиях, но в его таких же карих с золотистым отливом глазах, как и у Марии, светился пронизательный разум. Тот безумец, развалина, любитель кукол, кажется, исчез, исчез навсегда.

- Человека, который когда-то правил здесь, из этого дома, звали Ротгар.

- Это я.

- Это правда? - спросил Хью Марию.

- Да, правда, - ответила она.

- В таком случае, почему он жив?

- Без него, Хью, у нас не было бы замка, и все ваши рыцари могли давно отправиться на тот свет. А вот эти люди, которые сегодня здесь празднуют вместе с нами, в этом зале, могли бы, вместо этого, разрабатывать планы, как бы его поскорее сжечь.

- Это правда? - обратился Хью к Ротгару за ответом.

- Может, среди них еще остались такие, которые замысливают сжечь его дотла. Но подавляющая часть принимает вас как своего нового господина и сеньора.

- Это вы выступили в мою защиту перед ними?

- Только потому, что я люблю их. - Эти простые слова, казались такой смехотворной причиной, чтобы беспечно отказаться от всего, что принадлежит ему по праву от рождения, чтобы по собственной воле лишиться свободы, чтобы стоять вот здесь, перед ним, вместо того, чтобы, схватив Марию за руку, бежать с ней в темноту ночи. И все же это было правдой. - Они не понимали, что их в таком случае ожидало впереди. Они не понимали, что сюда неизбежно прибудет другой, такой же, как вы. Я лишь хотел защитить их.

- Как отец непокорного ребенка?

- Совершенно верно, - ответил Ротгар, удивляясь, как быстро Хью удалось ухватить суть сложившейся ситуации.

- В таком случае я - ваш должник. Я подумаю и пожалую вам соответствующую награду.

Гилберт, не давая возможности Ротгару назвать ту награду, которую он ожидал от Хью, плечом протиснулся между ними, разорвав их сплетенные руки. Громадным усилием воли Ротгар подавил в себе острое желание кулаком расквасить потное, бледное его лицо. Пот стекая со лба норманна, волосы его на голове спутались; казалось, что он просто задыхается от чрезмерных усилий возратить свое бывшее положение. Может, на самом деле, что-то было в признании Марии в его медленном отравлении. Если это и так, ему лучше попридержать язык и представить свою просьбу Хью позже, когда не будет рядом лишних ушей. У Гилберта на поясе висел меч; у Ротгара ничего не было, кроме уставших от дневной работы рук.

- Я не ожидал, что ты захочешь председательствовать на этом сборище, сказал, обращаясь к Хью, Гилберт.

- Поздравляю тебя со славным праздником Пасхи, Гилберт. - Хью похлопал норманна по плечу. Было сразу видно, что он испытывал искреннюю радость от встречи со своим товарищем по оружию.

Боже праведный, кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я в последний раз видел тебя.

"Да, давненько", - подумал Ротгар, понимая, что Хью и не представляет, что Гилберт плетет против него заговор.

- Садись, садись, - Хью, протянув руку к табурете, придвинул ее поближе к себе. Он похлопал по сиденью рукой, приглашая Гилберта сесть. Тот исполнил просьбу. Посмотрев на Ротгара с самодовольной ухмылкой триумфатора, он, схватив Марию за руку, потащил ее к себе. Она попыталась вырваться, но не смогла.

Хью внимательно изучал их - лоб его прорезали глубокие морщины. На какое-то мгновение его взор закрыла пелена, и он, тряхнув головой, попытался от нее избавиться.

- Ну, начнем, пожалуй, - сказал он. Жители Лэндуолда выстроились в линию, чтобы

попросить у своего нового господина пасхальной милости. То, что казалось прежде простым капризом Марии, ее желанием удерживать Ротгара возле себя, вдруг обернулось для всех счастливым выбором. Грубый сельский акцент местных жителей искажал сакский язык до неузнаваемости, и она смогла лишь раз правильно перевести просьбу просителя. Вместо нее переводил Ротгар, постепенно самообладание возвращалось к нему. Гилберт, сидя, как мешок, на табурете, наконец отпустил руку Марии, а свою положил на то и дело вздрагивающее колено.

- Сыса теся, стучи дось.

- У него течет крыша, нельзя ли поставить ему новую кровлю? - расшифровал Ротгар.

- Лоса час умер. Кобыля военный коня. Бяка, норманн. - Крестьянин сплюнул. - Сто делаеть?

Мария, ничего не понимая, взглядом обратилась к Ротгару.

- У него сдохла лошадь. Виноват какой-то норманн. Может ли он кормить вторую кобылу, чтобы сдать ее в качестве боевого коня.

Великодушным взмахом руки Хью удовлетворял все прошения. Они, как и обещал отец Бруно и Мария, не были слишком обременительны. По мере того, как число просителей постепенно убывало, зал все больше наполняли дразнящие запахи искусно приготовленной пищи. Последний проситель, на сей раз женщина, в плаще и густой вуали сделала несколько шагов вперед. Когда она сняла головной убор, Мария и Эдит вскрикнули в один голос. Ротгар почувствовал, что вся его ненависть, разочарования, предчувствия горькой судьбы вот-вот выплеснутся наружу.

Это была Хелуит, лицо у нее распухло, все было покрыто синяками, изуродовано до неузнаваемости. Кровь запеклась у нее на нижней губе, слова со свистом вылетали через щель сломанного зуба.

- Кто тебя изуродовал? - Пораженный увиденным, Хью обратился к ней на норманнском. От его слов она вся сжалась и неуклюже распахнула плащ. Левая ее рука безжизненно повисла, а кожа на предплечье неестественно вздувалась, в том месте, где из плоти торчали концы переломанной кости.

Гилберт, словно очнувшись от охватившего его оцепенения, постарался выпрямиться на табурете. Хелуит, задрвав подбородок, глядела на них, но продолжала молчать.

- Кто тебя изуродовал? - повторил Ротгар на родном ее языке, но ей никак не удавалось выдать из себя хотя бы несколько слов. Ротгар знал, чьих рук это дело, но лучше пусть Хью услышит об этом от самой Хелуит.

- Мама! - закричал маленький Генрих, удрав от удерживавшей его женщины. Он обнял ее за ногу, но тут же отпрянул в полной смущении, когда Хелуит закричала от острой боли. Разревевшись, он панически оглядывался вокруг, покуда не заметил стоящего впереди Ротгара. Вприпрыжку он бросился к нему в объятия.

- Милорд, - Хелуит протянула здоровую руку к Хью умоляющим жестом.

- Прошу вас будьте ко мне милостивы. В своем лоне я ношу норманнского ребенка. И этот норманн изувечил меня.

- Пусть заткнется! - прогремел Уолтер, вероятно, не в силах поверить, что кто-то из ему подобных мог обращаться подобным образом с беззащитной женщиной. Возмущенный гомон голосов шумно отреагировал на ее сообщение, перекрыв окрик Уолтера.

- Кто же этот норманн? - спросил Хью, повышая голос, чтобы его все слышали, невзирая на гвалт.

Гилберт сидел, глубоко опустившись на стуле, покачивая головой, устремив опасливый взгляд в сторону Уолтера, словно боялся наказания со стороны этого рыцаря за свой подлый поступок.

За долгие месяцы, проведенные в плену, Ротгар выучил множество норманнских ругательств. Он осыпал ими Гилберта, добавив еще, не обращая внимания на публику, и самые крепкие из собственного языка, которые пришли ему в голову.

- Подлый выблядок! - заорал он в последний раз, исчерпав весь свой запас. Он почувствовал острую, режущую боль под ложечкой от мысли, что эта норманнская свинья может сотворить с Марией, стоит ему захватить ее в свои клешни. Груз ответственности камнем давил на него, он упрекал себя за слишком большое внимание к своим собственным делам, за неумение постоять за жену своего погибшего брата.

Работая локтями, вперед вышел отец Бруно.

- Вы не должны позволять такое, господин Хью.

- Проваливай отсюда, - приказал Гилберт Хелуит, угрожающе напирая на нее. Отец Бруно весь съежился от страха, а Хелуит не отступала.

Ротгар схватил Гилберта за плечо, чтобы остановить его, мечтая о том, чтобы сейчас в эту минуту, у него в руках оказался бы меч. Безоружный, он был вынужден лишь с силой проталкивать пальцы через кольца кольчуги, покуда не нащупал его крепкие, напрягшиеся мышцы. Он снова вздрогнул от мысли, представив себе, как эта приобретенная в битвах дикая сила могла обрушиться на хрупкое тело Хелуит, что она могла с ней сделать. Он что было сил сжал пальцы, и, когда норманн тяжело задышал от пронзившей его боли, чувство глубокого удовлетворения охватило всего Ротгара.

- Это ты сделал, Гилберт? - В голосе Хью чувствовалась плохо скрываемая, готовая вырваться из-под контроля ярость.

- Н-е-е-т, - ответил Гилберт, снова опускаясь на табурет, освободившись от хватки Ротгара. Он стрелял глазами вокруг себя, словно ожидая поддержки от враждебно настроенной толпы, съеживаясь от убийственного взгляда, брошенного на него Уолтером. Наконец он успокоился, почувствовав еще большую ненависть к Хелуит и дав себе твердое обещание отомстить Ротгару.

- Тогда кто?

- На кого же ты должен в таком случае указать пальцем, как не на себя? эхом отозвался Уолтер, и в его словах чувствовалась зловещая угроза.

- Давай, давай, Гилберт, обвини одного из своих приятелей, - поддразнивал его Филипп. Лицо Гилберта потемнело.

- Я никого не обвиняю. Не обращай на это внимания, Хью. Она хочет лишь расшевелить осиное гнездо, чтобы на нас пролились дождем новые беды. - Ложная, лъстивая улыбка исказила черты его лица. - Ты же не станешь игнорировать совет своего старого, пользующегося доверием воина, и прислушиваться к безумным обвинениям какой-то враждебно к нам настроенной шлюхи, не так ли, Хью?

- Прошу вас, господин Хью, исполнить мою справедливую просьбу, настаивала на своем Хелуит, не обращая внимания на угрозы Гилберта.

- Говори, женщина, - приказал Хью, с отвращением взирая на Гилберта.

Все в холле, не отрываясь, смотрели на шатающуюся, избитую фигуру Хелуит. Но, несмотря на дрожащий, слабый от боли голос она донесла его до каждого уха. Не было не слышно ни звука, лишь несколько приглушенных рыданий.

- Мне необходима защита, милорд. Как для меня, так и для ребенка, которого я ношу под сердцем.

- Ты ее получишь, готов тебе поклясться, - сказал Хью.

- Я хочу его. - Она подняла дрожащий палец. Из-за ее неуверенной, слабой руки было трудно предсказать, куда она указывала.

- Гилберта? - спросил Хью. - Ты хочешь, чтобы я покарал его за его отвратительные деяния? Хелуит отрицательно покачала головой.

- Я сама за все отомщу, милорд. Мне нужен муж, способный защитить меня и моего ребенка. Я прошу вас дать свое согласие на заключение моего брака с Ротгаром Лэндуолдским сегодня же ночью.

Глава 19

Это в моих силах.

Совершенная ясность, необычайная простота этой высказанной мысли тут же прервала оглушительный гвалт и возбужденную болтовню, которые угрожали снова лишить Хью рассудка.

Казалось, бесконечная вереница просителей, предшествовавшая появлению перед ним избитой сакской женщины, слилась перед его глазами в одно большое пятно, а их грубые слова не давали ему как следует вникнуть в их смысл из-за плохого знания их родного языка. Он ловил одно слово там, другую фразу здесь, но что он понимал в новых соломенных кровлях, лоханях для стирки белья, о пшеничных отрубях? Поэтому он соглашался со всеми просьбами, на которые ему было по сути дела, наплевать; он только заботился о том, чтобы рядом с ним сидела, сжимая его руку, гордо улыбаясь, его жена и сестра, сиявшая от одобрения его действий.

Почему он не последовал совету Эдит удалиться вместе с ней в спальню после появления перед людьми, предоставив Марии возможность самостоятельно рассмотреть все их просьбы. Но потом появилась эта женщина. У него сразу заныло на затылке, когда он увидел ее покрытое синяками лицо; голова у него, казалось, распухла и вся горела от мысли, что пришлось вынести этой несчастной. Бедная, бедная женщина. Он не мог оторвать от нее взгляда, хотя вспышки внезапно разгоревшегося огня проникали через глазные яблоки прямо в мозг, отражаясь там невыносимой знакомой болью.

- Ты хочешь выйти замуж за Ротгара? - повторил он просьбу этой сакской женщины, чтобышний раз убедиться в том, правильно ли он ее понял.

- Нет, она не хочет, это несерьезно, - возразил, словно в шоке, Ротгар. Я не столь строго следил за ней, но, клянусь, теперь я не позволю ей страдать.

- Я имею право этого требовать, - упрямо твердила сквозь плотно сжатые зубы женщина, сердито поглядывая на него.

- Это в моих силах. Но должен ли я так поступать?

"Может, тихо посоветоваться с женой?" Нет, нет, его тревожили какие-то неясные, неприятные воспоминания, связанные с Эдит и Ротгаром, воспоминания, которые никак не поддавались окончательной формулировке. Мария, побелев, как полотно, вся напряглась; она бросала упорные взгляды то на него, то на эту сакскую женщину. Неужели она опасалась, что он откажет ей в помощи? Его жена, его сестра, эта сакская женщина.., они все настолько беспомощны, не в состоянии противостоять ни одному из его рыцарей, и не только Гилберту, Уолтеру, даже этим рослым молодым оруженосцам. Женщины, военные трофеи, но как глупо, как невеликодушно со стороны таких мужчин злоупотреблять теми,

кто не могут оказать никакого сопротивления? Нужно поговорить с ними со всеми - от оруженосца Роберта до верного рыцаря Стифэна. Ну, а где эти оба неблагодарных?

- Я требую этого по праву, - повторила еще раз сакская женщина. Она, казалось, покачивалась, с трудом удерживаясь на ногах, словно вот-вот была готова упасть в обморок. Чьи-то сострадательные руки протянулись к ней, чтобы поддержать ее. Мальчик освободился из объятий Ротгара Лэндуолдского. Оруженосец Гилберта резко бросился к нему и схватил за руки. Он стремительно кинулся к Гилберту с таким зверским видом, словно хотел превратить его в котлету. Ротгар пытался вырваться из рук оруженосца, а ребенок побежал к матери. Он, задрвав голову, глядел ей прямо в глаза, а черты его лица были поразительно похожи..., похожи...

- Как твое имя, женщина?

- Меня зовут Хелуит.

- И почему ты выбрала этого человека?

- Потому что других нет. Все мужчины в Лэндуолде либо уже женаты, либо умерли, откликнувшись на зов Гарольда выступить с оружием в руках. Кроме того, мальчик от него без ума.

Этот мальчик, - не выходило у него из головы, - этот мальчик так похож на Ротгара, и вот эта женщина говорит о своих правах на него как на мужа, этот мальчик так и льнет к Ротгару, покуда, чего-то испугавшись, не отбежал в сторону. Может, перед ним сын и отец, бывший господин и его возлюбленная? Он очень обязан Ротгару, он это сам признавал. Но если между ними когда-то пробежала искра, то, может, после заключения брака пламя любви заполыхает с новой силой?

- Нет, Хелуит. Я позабочусь о тебе и о твоём сыне, но я не могу жениться на тебе, - сказал Ротгар.

Хелуит не обращала никакого внимания на сакса.

- Мне нужен мужчина, чтобы он защищал меня, господин Хью, чтобы он обрабатывал принадлежащий мне участок земли.

- На самом деле эта Хелуит владеет землей? - спросил Хью у Уолтера.

- Да, несколькими акрами расчищенной под пашню земли в хорошем состоянии и очень уютной хижинкой, но я прошу вас не удовлетворять ее просьбу. Ничего удивительного. После стольких лет, проведенных в боях, где он со свойственным ему военным искусством уничтожал саксов, такому человеку чести, как он, претило, что такое богатство передавалось в руки бывшего врага, а он, безземельный холостяк Уолтер, ничего не получал. Но Уолтер не понимал, в каком долгу находится Хью у Ротгара, Боже! В тот момент, когда Хью обдумывал эти мысли, Уолтер незаметно отвесил Гилберту подзатыльник.

- Не следует этого делать, Хью, - взмолился Гилберт.

- Вы не имеете никакого права так поступать! - взвизгнул Филипп. Лэндуолд - это вам не задняя часть оленьей туши. Его нельзя рубить на части. Она не имеет права ни на акр! Я расскажу об этом Вильгельму, когда представлю ему петицию...

- Ну-ка немедленно выйди из зала, Филипп! - заорал Уолтер. Или ты опять сморозишь какую-нибудь глупость и потом горько пожалеешь об этом.

Хью не обращал на них никакого внимания. От Ротгара он получит эти земли, даже свою жену, и в один прекрасный день у него, с Божьей помощью, появится сын. Одним своим великодушным жестом он мог все уладить. По декрету Вильгельма, эти несчастные несколько акров земли, несомненно, принадлежат ему, Хью, но он мог пожаловать их

Ротгару вместе с хужиной, не такой, вероятно большой, как этот зал, но все равно пристанище, кроме того, в придачу миловидную хрупкую женщину и этого крепыша-сына. Хью манила к себе спальня, обещая ему сладостный отдых после всего этого шума, яркого света...

- Вы, сэр священник, выйдите вперед. Отец Бруно подошел и стал рядом с Хелуит.

- Вы, Ротгар Лэндуолдский, станьте рядом со своей невестой!

К изумлению Хью, Мария негромко, отчаянно вскрикнув, начала безжизненно опускаться на пол. Никогда нельзя заранее предугадать, что может произойти с этими женщинами и этими браками. Но нужно было все же что-то предпринять, так как, Мария, вероятно, лишившись чувств, пошатываясь, медленно оседала на пол. Оруженосец Гилберта, оставив в покое Ротгара, бросился со всех ног к ней и ловко подхватил под руки. Да, в нем заложены рефлексы прирожденного рыцаря., нужно обратить внимание на его подготовку. Потом он заметил, как, грузно ступая по полу, из зала вышел Уолтер, словно разуверившись в его способности правильно понимать суть вещей.

Гилберт пробормотал что-то невразумительное о сокровищах, о возможных препятствиях к браку, о кровном родстве, что-то гнусавил по поводу предостережения священника, который уверял, подчеркивал возможность вступать в брак только после Пасхи.

- Подумайте о том, что я вам говорю, милорд, - убеждал его Гилберт, обращаясь к нему на вы, почтительно, так как они уже давно не обращались в разговорах между собой. - Этот человек - ваш враг. Эта женщина - возмутитель спокойствия. Вдвоем они начнут плести сеть заговора против вас, и в результате наверняка возникнут проявления явного недоброжелательства. Мне кажется, такой шаг решает значительно больше проблем, чем создает. Мы поговорим с тобой по этому поводу поподробнее позже, - сказал Хью, зная, что Гилберт обязательно пойдет на попятный, стоит только немного надавить на него. Соблюдая внешние приличия, Гилберт, фыркнув от неудовольствия, вышел из зала пошатывающейся неуверенной походкой, что совсем было на него непохоже. Мечтая о тишине спальни, Хью повернул раскальвающуюся от головной боли голову к священнику.

- Нужна ли вам для этого особая богослужбная книга, сэр священник?

- Нет, для этого не требуется, - последовал ответ.

Хью снова заметил, как этот остроглазый оруженосец, мгновенно оценив, где требуется его помощь, подошел к Ротгару и, взяв его за руку, подвел к Хелуит. Ротгар словно окаменел, он был весь мертвенно-бледный. Само собой, Ротгар утратил дар речи от его, Хью, невиданной щедрости, но ему не нравились такие эмоциональные вспышки, когда его так благодарят. В толпе все саксы, одобрительно кивая головами, улыбались, ожидая развязки.

Ротгар отбросил от себя руку оруженосца, и сам предстал перед Хью, широко расставив ноги, словно человек, вот-вот готовый вступить в рукопашную. Это насторожило Хью и лишь вызвало еще более острую головную боль. Улыбающиеся, кивающие головами саксы сразу поняли, что зреет столкновение, и тут же умолкли.

- Вы, господин норманн, говорите, что являетесь моим должником. - Голос у Ротгара был сильный, ясный, напористый. - Поэтому я прошу отдать мне в жены вашу сестру.

Из груди саксов вырвался один громкий выдох, но даже он не заглушил отчаянного яростного рева Хью. Он весь кипел, изо рта вырывалась пена, он мучительно искал нужные слова, чтобы осадить зарвавшегося выскочку, этого сакса. Но он, по-видимому, в это мгновение лишился дара речи, а сакс спокойно продолжал:

- Я буду защищать Хелуит и ее сына, но я люблю только вашу сестру.

- Заткнись! - наконец заорал он. В голове он ощущал сильные удары, словно в затылке кто-то долбил киркой. Неужели любой из этих людей, присутствующих сейчас в зале, мог позволить себе бросить вызов его воле в первый же день, когда он занял место правителя. Неужели его сестра флиртует с его врагом, побуждая его к подобным действиям? Он ловил ртом воздух, волновался, не обращая внимание на заботливую суету со стороны Эдит.

- Ты, сакс, берешь на себя слишком много. Я лучше отошлю ее в монастырь, чем позволю выйти замуж за такого, как ты.

- Хью, умоляю тебя! - начала было Мария, но он взмахом руки заставил ее замолчать.

- Что? Ты хочешь рассказать мне о любви к этому понесшему поражение трусу, Мария? Я уже имел возможность лицезреть, как ты вышла однажды замуж за безземельного, бедного, как церковная крыса, человека. Больше такого не будет. Теперь все обстоит иначе, сестра. У меня есть земли, у меня есть деньги, и я найду тебе достойного жениха.

- Хью...

- Хватит! Еще одно слово, и я прикажу отрубить ему голову.

- Я люблю ее, господин норманн. Не нужно... Хью в ужасе обхватил руками голову.

- Если ты любишь ее, то попридержи язык, не то я и ей сломаю шею. Она будет в монастыре или лежать на кладбище - мне все равно. - Он оторвал руки, увидев, как побледневший Ротгар отошел на несколько шагов. - Так-то лучше, сакс. - Прищуривая глаза, чтобы лишить света того, кто у него в затылке отчаянно работал киркой, он гневно оглядывал свой народ. - Так. Я отдал приказ. Сэр священник, исполняйте обряд венчания. Я не потерплю дальнейшего промедления.

Хью взял Эдит за руку. Он должен довести все до конца, и лишь потом отправиться к себе в спальню. Разболевшаяся голова, разливающаяся по всем членам слабость из-за непривычной напряженной активности вряд ли будет способствовать сегодня ночью любовным брачным утехам, глядя на пошатывающуюся Хелуит, он пришел к выводу, что и Ротгару Лэндуолдскому придется сегодня сохранить в равной степени свое целомудрие. Значит, Мария любит этого человека; как хорошо, что к нему вернулся рассудок, и он теперь сможет сам найти ей более подходящего парня. В любом случае, он сегодня неплохо доработал. Ни один человек не смог бы добиться большего. Жители Лэндуолда, пребывавшие в мрачном настроении со времени норманнского завоевания, воспользовались организованной на скорую руку брачной церемонией, чтобы вдвойне повеселиться. Не проявляя никакого благоговейного трепета при отправлении святого таинства брака, они беззастенчиво пели, плясали, шумно выражая свое удовлетворение, поэтому слов отца Бруно, соединяющих Ротгара с Хелуит священными узами навечно, почти не было слышно из-за поднятого дикого шума. Но Марии и не хотелось слышать эти слова. Судя по всему, отца Бруно сильно сбивал этот гвалт, - он бормотал какие-то странные фразы, которые ей прежде никогда не приходилось слышать во время брачных церемоний, не правильно выговаривал имя Ротгара, все время бросал на него долгие косые взгляды. Но может, именно так саксы проводят обряд обручения?

Неважно. Голова у нее шла кругом, она отказывалась поверить тому, что происходило у нее на глазах, ее тубы все время беззвучно шептали - нет, этого не может быть. Но отец Бруно осенил крестом врачующихся, закрепив тем самым их вечные узы.

Все кончено, Хью с Эдит вышли из зала, направляясь к своему святилищу-спальне. Теперь нужно было подавить в себе все противоречивые давящие ее чувства, рвущиеся наружу крики. "На ее месте должна стоять я!", "Мы должны были бежать вместе с ним

сегодня ночью!" Слишком поздно, чтобы внимать мрачным предзнаменованиям судьбы, на которые ей намекал Ротгар, слишком поздно осуществлять их желание тайно бежать прочь.

Даже сходи в могилу, она будет вспоминать эту картину, - как он стоит, склонив голову к Хелуит, перед священником. Невыносимыми, обжигающими, словно клеймо, мозг, будут воспоминания о том, как Ротгар останавливает одной рукой за плечо Гилберта, а другой удерживает ребенка Хелуит, как Ротгар бросается, чтобы вцепиться в глотку Гилберта, и его порыв останавливает лишь вмешательство оруженосца.

Мария знала, что Ротгар любит ее; его отважное противостояние воле Хью лишь подтвердило это, но узы, связывающие теперь его с этой женщиной, которая стала его женой, простирались так далеко, что Мария даже не могла себе этого представить. Она вдруг вспомнила тот день, когда они очутились во дворе господского дома, этого мальчика, который назвал его "папа", тоску в глазах Ротгара, прикованный к нему взгляд Хелуит, по щекам которой струились слезы.

Теперь он был для нее потерян.

Она слышала, как он громко крикнул: "Сара, Гвинет!" в притихший зал. Две женщины поспешно вышли вперед. Они подошли к Хелуит, и он, нежно глядя на нее, передал ее им на руки; он следил за ними, пока женщины не вывели из зала его новую супругу. Уход Хелуит оказался своеобразным сигналом для крестьян, и они начали шумно занимать места за импровизированными столами. Девушки и парни с кухни вбегали в зал с дымящимися, уставленными пищей досками, и вскоре уже никто не обращал внимания на то, что только Ротгар и Мария молча стояли в разных концах зала лэндуолдского дома и взирали друг на друга в упор.

Он сделал шаг ей навстречу; она сделала то же самое. Потом второй, третий. Боже, какой же он высокий! Какие у него широкие плечи, какие восхитительные формы тела, как непохож этот мужественный славный человек на ту развалину, того истощенного голодом мученика, который еще совсем недавно беспомощно лежал у ее ног. И даже тогда он ее притягивал к себе, точно так, как и теперь.

- Сара - отличный костоправ, а Гвинет вылечит все ее раны с помощью целебных трав, - сказал он, когда они настолько приблизились друг к другу, что могли разговаривать не повышая голоса.

- Я и не знала, что они обладают таким искусством, - ответила она, невольно скривившись от бессодержательности затеянного разговора. Но она ничего не могла с собой поделать, иначе дала бы волю слезам, которые уже обжигали ей веки. - Нам потребуются их услуги для Стифэна и Роберта.

- Я об этом позабочусь позже.

- Ты боишься, Мария?

"Да!" - так и подмывало ее закричать. Я боюсь Гилберта, боюсь жить без тебя. Но вместо этого она только вымолвила:

- Кажется, теперь Хью на самом деле намерен выступить в мою защиту.

- Только потому, что он выслушал меня. - Ротгар нахмурился, не принимая ее попыток развеять собственные страхи.

- Ротгар, неужели ты ее любишь?

- Люблю ли я Хелуит? Я не испытываю к ней ничего другого, кроме уважения, может, еще восхищаюсь ее стойкостью.

Эти слова тяжелым камнем упали ей на сердце. Уважение, восхищение - такие эмоции

очень просто затем переходят в подобие любви. Может, здесь нет никакой страсти, зато наверняка представление об уюте, понимание того, что он на своем месте.

Ее брак с Ранульфом был очень похож на этот. Поэтому она наперед знала, чем это все обернется для Ротгара с Хелуит. Вначале между ними возникнет легкая напряженность, тем более если их первоначальный союз был нарушен, вызывая менее дружеские чувства с обеих сторон. Ротгар может провести несколько вечеров, стоя возле ее земельного участка, бросая пытливые взгляды в сторону большого дома, вспоминая ее, Марию. До того времени, покуда не исцелится Хелуит. В одну прекрасную ночь Хелуит снова залучит его в свою кровать. Появятся другие дети, кроме этого мальчика, и в один прекрасный день Мария выследит его в толпе изможденных, озабоченных работяг и станет лишь удивляться силе той страсти, которая могла сейчас вот просто убить ее; он бросит на нее горький, угрюмый взгляд и отметит про себя, что его Хелуит - все же самая лучшая женщина.

Или она могла разделять и впредь незаконную страсть с ним, придумывая способы, чтобы завлечь его к себе в кровать по ночам, сделать его своим личным слугой, телохранителем. Боже, какие греховные, далеко не святые мысли, и все же они будоражили ее, горячили кровь, заставляли бешено биться сердце.

- Мне нужно посмотреть, как она себя чувствует.

У Марии заняло в горле от предпринимаемых усилий, чтобы не закричать, не выплеснуть всю свою горечь, охватившую ее от того, что она, собрав всю силу воли, отказалась от этой греховной нереальной мечты. Он всегда будет уходить к Хелуит, он всегда будет волноваться по поводу того, как она себя чувствует.

- В таком случае иди, - хриплым, больным голосом сказала она.

У него вдруг перехватило дыхание, он задрожал всем телом, словно противник нанес ему сильнейший удар в живот крепким кулаком в железной перчатке. Впервые, после того, как он стал чужим мужем, он поглядел ей прямо в глаза. Сквозившая в его голубых глазах безутешность настолько точно отражала состояние ее охваченной острой агонией отчаяния души, что она была готова лишиться чувств от этих разделяемых вместе с ним эмоций. И, - какой стыд! внезапно все ее тело пронзило непреодолимое желание, она вся затряслась в предвкушении его теперь запретного прикосновения, которое ей так захотелось сейчас ощутить.

- Кажется, мы с тобой обречены судьбой во всем руководствоваться преданностью братьям. Ах, Мария, - он вдруг осекся, отвернулся в сторону. Мария, ты знаешь, только тебя я люблю.

Как ей хотелось броситься к нему, почувствовать в последний раз его длинные, крепкие руки, очутиться в его объятиях, но она постепенно начала осознавать, что на них все больше бросают украдкой многозначительные взгляды, посылают нагловатые улыбки. Боже, будь проклята эта постоянная необходимость блюсти свое высокое положение.

- Преданность делу моего брата слишком долго удерживала меня от тебя, ответила она, - но я не знала, что и у тебя есть брат.

Он рассмеялся, и его короткий, лающий смех говорил, что он ей не верит.

- Неужели ты не знала, что Хелуит была жена моего брата?

- Откуда мне это знать? - прошептала она, прижимая трясущиеся пальцы к губам. - Значит, этот малыш не твой сын?

- Ну если она жена моего брата, значит, и сын его, - ответил Ротгар. Просто не могу поверить, даже сейчас, когда все уже позади, как мог отец Бруно благословить этот отнюдь

не священный союз. Мария, пусть Бог меня покарает за такие слова, но я никогда не смогу быть мужем Хелуит. Мое сердце, моя душа стремятся только к тебе. Нужно что-то придумать, чтобы быть по-прежнему вместе.

Они стояли близко друг к другу, но никогда еще два человека, - чувствовала Мария, - не были так далеки друг от друга. Она чувствовала исходившие от него запахи, следы тяжелого, честного труда, ей казалось, что она даже ощущает физически его глубокое разочарование, его любовь, которая окатывала ее всю своими невидимыми теплыми волнами. Ей нужно было сделать меньше шага, чтобы своей пышной грудью стремительно прижаться к его широкой груди, - нет, она уже никогда не прикоснется к нему. Чувство преданности долгу, несчастливое стечение обстоятельств, даже Бог, все было против них, все состояло в заговоре, чтобы разлучить их.

Может, только до наступления глубокой ночи?

Когда все жители Лэндуолда улягутся спать, когда небо Божие потемнеет, что может остановить ее, кто может отговорить от желания прибежать ночью к Ротгару?

У нее так сильно билось сердце, что она даже не замечала, что рядом с ними стоит Уолтер, пока тот не заговорил:

- Этот сакский пес не дает вам подойти к столу, миледи?

Уолтер вернулся на праздник. Он нервно сжимал рукоять меча, готовый по малейшему ее слову выхватить его из ножен. Багровое его лицо потемнело. Как и большинство норманнов, он перенял сакскую привычку носить бороду, и его красное лицо безобразно контрастировало с седыми усами.

Кажется, он был слишком взволнован событиями этого дня.

Рука Марии, до которой так и не прикоснулся Ротгар, хотя она этого желала всем сердцем, казалось, совсем онемела, лишилась чувствительности, когда она опустила ее на руку Уолтера, чтобы его успокоить, убедить оставить в покое свой меч.

- Я не так голодна, Уолтер. Оставьте его в покое.

- Его нужно заковать в цепи. Гилберт прав в отношении этого человека. Он может в любой момент убежать и присоединиться к этим голодранцам и разбойникам, чтобы творить повсюду зло. Как это только угораздило Хью пойти на это? - Звенящая в голосе Уолтера ненависть лишь подчеркивала в глазах Марии его неизбывную верность Хью.

- Брак с Хелуит будет удерживать меня крепче любых цепей, норманн, сказал Ротгар. - Мне нужно сохранить собственную шею, чтобы я мог защитить ее. Даю слово, что не причиню вам никаких беспокойств.

- Трус! - плюнул Уолтер.

- Уолтер! Ротгар! Опомнитесь! - Оба они оцетинились друг на друга, охватившую их ярость, казалось, можно было физически ощутить в воздухе. Мария бросилась между ними. Она прислонилась спиной к Ротгару, закрыв глаза и наслаждаясь этим прикосновением к нему, несмотря на растущую между ними напряженность. На какое-то мгновение, он, сдавив ее плечи и наклонив к ней голову, мягко прошептал ей на ухо, хотя ей показалось, что она не совсем правильно его поняла.

- Сегодня в полночь. Я жду тебя в своем сарае.

- А, прячешься за женской юбкой, - ухмыльнулся Уолтер.

- Этому я научился у норманнов, - парировал Ротгар, на всякий случай плотнее прижимаясь к Марии, своей защитнице.

Голос отца Бруно положил конец их опасной перебранке.

- Ротгар, если ты покончил с разговорами, то ступай к Хелуит, ты ей нужен. Успокой ее, если она волнуется о ребенке. Им займется жена Бритта, куда она не выздоровеет.

Уолтер сбросил руку с рукоятки меча. Ротгар в последний раз сильно сжал руку Марии, а потом, ослабив хватку, провел пальцами по всей длине ее рукава. Бросив на нее горячий, полный тоски и боли взгляд, он пошел вслед за священником. Оставив ее одну в этом зале, одну, дрожащую всем телом, страдающую, испытывающую такие муки из-за него.

Она почувствовала приступ стыда. Несомненно, все в этом зале слышали признание в любви к ней Ротгара, все стали свидетелями ее распутного поведения, когда она бесстыдно прижималась к нему, все могли заметить, что она до сих пор находится во власти своего желания. Зубы у нее застучали, и она обняла себя руками, словно стараясь немного согреться, но на самом деле она тем самым пыталась уберечь себя от соблазна.

Сегодня в полночь, в сарае. О, с какой радостью она побежала бы через поля, зная, что он ее там ждет!

Она, Мария де Курсон Фитп Герберт, желает стать наложницей женатого сакса. Она готова стащить облачение монахини, презреть Закон Божий, сделать все, что угодно, лишь бы побыть вместе с ним. Как долго могло все это продолжаться, если каждый из них будет замечать все больше бесчестия в другом? Ротгар уже подозревал, по каким причинам она не могла выскользнуть из дома и прийти к нему тогда, когда он ночами ждал ее. Может, теперь наступает ее очередь? Теперь у него не будет возможности встретиться с ней. Может ли она представить, как он лежит с Хелуит рядом, как переплелись их тела, а она в это время проводит холодные, одинокие ночи в своей неудобной постели?

- Нет. - Вероятно, она произнесла это слово вслух. Уолтер, от лица которого уже отливала краска, уставился в изумлении на нее. - Что вы сказали, миледи?

"Я... Я не пойду на это, - молча, казалось, кричала она. - Я не могу стать его шлюхой".

Нет, она ею станет. Она будет становиться ею всякий раз, когда он поманит ее, у нее не хватит сил, чтобы находиться вдали от него. Может, до тех пор, пока ей не удастся найти святилище, надежное место, где она могла бы укрыться, недосыгаемый приют, где она сможет сдерживать свою далеко не святую, похотливую страсть. Может, такое святилище, которое ей сегодня предлагала аббатиса Марсторнского монастыря, того самого монастыря, которым ей угрожал Хью.

- Мне нужно поговорить с леди Эдит, и после этого.., я уйду. Мой брат сказал, что отправит меня в монастырь. Отлично, я сегодня же ночью отправляюсь туда верхом вместе с аббатисой и сестрой Мэри. Целомудренной.

- Я буду вас сопровождать, миледи.

Уолтер глубоко задумался. Казалось, он понимал охватившее ее отчаяние, так как не сделал никакой попытки разубедить ее в принятом решении. Ему, по-видимому, очень нравилась идея сопровождать ее до монастыря, - он, несомненно, сильно опасался за ее безопасность. Отлично, ей потребуется его уверенная рука, если они случайно столкнутся с разбойниками-саксами. Более того, его присутствие остудит горячее желание Марии вдруг прервать поездку и опроретью поскакать назад, броситься в объятия Ротгара. Она не сможет унижить своего брата перед лицом одного из его рыцарей.

- Благодарю вас, Уолтер. Мы выедем немедленно, как только сестры насытятся. Как вы думаете, не понадобится нам более внушительный эскорт?

- Ничего не бойтесь, миледи, - заверил ее Уолтер. - Я лично позабочусь о вас.

Хелуит удобно расположилась в глубине повозки, а две целительницы заботливо хлопотали над ней, подкладывая под сломанную руку пучки соломы, подсовывая ей под голову набитую сеном шерстяную подушку. Ротгар трясся, сидя на скамеечке в дальнем углу повозки. Положив свои свободно свисающие руки на колени, он не хотел разделять с весело настроенным отцом Бруно неприятную для него его компанию на удобном извозчиьем облучке. Ротгар настолько пал духом, его так угнетали разные мрачные мысли, что все его тело, словно отяжелело, окаменело под ним.

Последние отблески дневного света исчезли, и теперь только яркие лучи полной луны, словно путеводная звезда, делали видимой дорогу. В мрачном настроении он глядел на убегающую позади, изборозженную колесами, мерзлую землю. Он видел, как колеса крушат смерзшиеся твердые комки земли; у его мечтаний была похожая судьба; каждое поскрипывание, каждый поворот колеса, каждый удар, болью отражающийся в спине, также крушил его надежды, перемалывал их, превращая его несчастную любовь в обычную грязь. Лишь час назад он женился, и вот сейчас спешит к брачному ложу с женой, не расставаясь с тщательно разработанной, чаемой всей душой мыслью о супружеской неверности. Какие еще божьи заповеди предстоит ему нарушить, до того как солнце осветит все вокруг и настанет самый святой в жизни день - Пасха.

Например, убийство. Он мог проигнорировать Божью заповедь: "Не убий!" Нужно найти меч, и где-то во время отлучки от супруги и встречей с возлюбленной снести голову с плеч Гилберту Криспину. Мертвый, этот норманн уже не будет угрожать ни Хелуит, ни самому Хью. Одного удара, может, двух, если шея у этого норманна окажется крепче, чем у других, будет достаточно, чтобы больше никогда его не опасаться. Десять, даже двадцать таких негодяев может лежать и гнить в могилах, но, тем не менее, он, Ротгар, по-прежнему будет женат на Хелуит. А от такого состояния не найдешь простого средства, никаким волшебным мечом не разрубить узы, выкованные Богом.

Он уловил запах дыма в тот момент, когда отец Бруно, хлестнув вожжами лошадей, ускорил их бег залихватским свистом. Ротгар резко ухватился за борт, чтобы нечаянно не свалиться, не переставая удивляться по мере приближения лошадей к хижине Хелуит ее расточительности. Клубы дыма валили из-под крыши. Через щели в ставнях повсюду был виден свет от костра. Как же ей удалось в ее нынешнем состоянии, с перебитой костью, с такими ужасными синяками развести такой ошалевший огонь? Может, адская боль притупила ее чувства, и она забыла умерить пламя, прикрыть валежником тлеющие головешки перед тем, как отправиться в долгий путь до Лэндуолда? Дверь в хижину внезапно распахнулась. Яркое освещенный светом от огня, на пороге стоял его брат Эдвин.

- Ротгар! - воскликнул он.

Неожиданное появление брата, которого он считал давно погибшим, а также прозвучавшие в его голосе веселые нотки приветствия ошеломили Ротгара, заставили его погрузиться в глубокое молчание.

- Ах, наконец-то ты осмелилась, моя бедняжка, - замурлыкал Эдвин и, растолкав всех плечами, прошел мимо поверженного в немоту Ротгара, чтобы взять на руки Хелуит.

- Да, она осмелилась, - похвастался отец Бруно. - Я расскажу тебе обо всем подробно.

- Прежде ее нужно уложить в кровать и заняться ее рукой, - сказала Сара.

Быстрыми, ловкими движениями они положили Хелуит на тюфяк, а Ротгар по-прежнему стоял неподвижно в полном смущении. Казалось, он напрочь лишился дара речи. Эдвин опустился перед ней на колени, держа в своей ее здоровую руку, а она слабо

улыбалась ему. Две целительницы, нежно улыбаясь, словно снисходительные матери, смотрели на них, а отец Бруно потирал над огнем руки с выражением человека, которому очень нравилось то, что он видел.

- Черт подери, хоть кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит? заорал Ротгар, обретя наконец дар речи.

- Ах, Ротгар. - Эдвин, оторвавшись от Хелуит, заходил по хижине, жестикулируя руками. - Сядь. Подкрепись перед уходом.

- Уходом? - переспросил Ротгар. Как так, ведь Эдвин никак не мог ничего знать о его уговоре с Марией.

- Вот это тебе, Ротгар. Здесь достаточно еды тебе на неделю. Ты уже будешь далеко, если потребуются восполнить съестные припасы.

- Вы что, все сошли с ума? Я теперь лишен всякой возможности совершать путешествия в будущем. Теперь я женат на Хелуит.

- Как вы только могли об этом подумать, Ротгар? Вы ведь знаете, что она жена Эдвина. - Отец Бруно недовольно насупился.

- Да, вот она, моя несчастная, бедная девочка, - согласился с ним Эдвин. Ротгар ткнул пальцем в отца Бруно.

- Вы знали, что Эдвин жив и, тем не менее, стояли передо мной и произносили слова брачной церемонии.

- Нет, я этого не делал. - Отец Бруно выпрямился в полный рост. - Я цитировал мой любимый отрывок из "Исповеди" Святого Августа. Разве вам неизвестно различие между этим замечательным трудом и священным обрядом бракосочетания, Ротгар?

Отец Бруно с таким же успехом мог стать на голову и исполнять друидские песнопения, и Ротгар наверняка этого бы не заметил, - так его интересовала эта брачная процедура.

Священник поглядывал на всех с робкой, как у ягненка, улыбкой.

- Должен признаться, у меня были кое-какие опасения в отношении религиозной сути намерения. Мы с отцом Болсовором обсуждали этот вопрос, но так и не пришли к общему заключению, хотя наш спор не касался вашего частного случая. Поэтому я для большей уверенности называл вас Эдвином.

- Он на самом деле называл его Эдвином, сама слышала, - сказала Сара.

- И я тоже, - подтвердила его слова Гвинет.

- К тому же я вам подмигивал, Ротгар. Неужели вы не заметили?

- Хватит! - заорал Ротгар. - И потом, уже более спокойно, повторил: "Хватит". Он грубой рукой тер лоб над переносицей, чувствуя, как его всего охватывает возбужденная дрожь, когда он постепенно начинал отдавать себе отчет в том, что же произошло.

- Значит, я по-прежнему холост?

- Да, вы не женаты, - откликнулся отец Бруно.

- И брат мой жив.

- Хочется надеяться, - отозвался Эдвин. Все они широко разинули рты, когда он, издав дикий радостный вопль, высоко подпрыгнул и шлепнул по соломенной кровле, чтобы счастье ему не изменило. Мария! Известие об этом, несомненно, утолит ее боль, которая чувствуется у нее в глазах. Сегодня ночью, когда он будет сжимать ее в жарких объятиях, он все подробно ей объяснит.

- Для чего вы это сделали? - спросил он, чувствуя, как в глупой ухмылке широко расплываются его губы.

- Чтобы спасти тебя, само собой разумеется, - сказал отец Бруно. - Вы сами все делали так неумело.

Потом Эдвин объяснил ему все по порядку.

- Ты находишься здесь, ты выскользнул из их цепких рук, и теперь вправе воспользоваться своей свободой. Мы все вместе разработали этот план втроем, сегодня утром. Моей бедной девочке пришлось наверняка крепко стиснуть зубы, чтобы преодолеть дикую боль от этих повреждений.

"Никогда еще ни один человек, - подумал про себя Ротгар, - не оценивал так низко благородную попытку спасти его". Он попытался изобразить на лице благодарную улыбку, чувствуя себя виноватым перед Эдвином за то, что заставляет его так долго ждать, перед отцом Бруно, гордо выпячивающим грудь, перед Хелуит с ее искаженной от боли улыбкой, но ему ужасно хотелось, чтобы они уехали оттуда без него.

- Мы также решили, что Эдвин, пока тебя не будет, должен играть вашу роль, притворяться, что он и есть Ротгар, - сказал отец Бруно. - Ведь вы так похожи. Если повезет, то они не догадаются о подмене.

Ротгар очень сомневался в успехе такого плана, но все может быть, тем более, что тот человек, который обладал самыми сокровенными знаниями о чертах его лица, о всех частях его тела, будет далеко отсюда, рядом с ним. Хью вообще едва ли хорошенько его рассмотрел, а Уолтер вряд ли станет интересоваться сельскохозяйственной деятельностью какого-то крестьянина. В таком случае оставался один Гилберт.

- Должен заметить, что Хелуит обладает значительно большей силой и мужеством, чем многие мужчины, - сказал он, стараясь отделаться от всех своих сомнений и сожалений. - Он по-братски коснулся грубой руки Эдвина. Расскажи-ка, как тебе удалось восстать из мертвых.

Слушая Эдвина, Ротгар, казалось, вновь переживал неудачную военную кампанию, которую он провел рядом с Гарольдом: гул битвы, вызывающий удушье, медный привкус крови, страх и боль, звериными когтями вонзающиеся в души воинов, когда на них обрушивается дождь норманнских стрел, от которых падают на землю их товарищи по оружию.

- Норманны подумали, что я мертв, - сказал Эдвин. - Я видел, что все, все потеряно. Поэтому встал и пошел домой.

По дороге назад он присоединился к группе разбойников, которые грабили все, что попадалось под руку, чтобы остаться живыми, причиняя немалый урон попадавшимся им на пути норманнам.

- Те, из последнего отряда, с которыми мы схватились, нагнали меня и, связав, бросили в вонючую яму, которую они называют "забвением", неподалеку от Кенуика. - Эта яма была лишь высохшим колодцем с абсолютно отвесными, гладкими стенами. Даже кошка не смогла бы добраться до его сруба. Клянусь тебе, Ротгар, бывали такие моменты, когда я был готов отдать жизнь за глоток свежего воздуха, глоток воды.

- Понимаю тебя, брат, - сказал Ротгар. - Кажется, нам обоим посчастливилось убежать из этих норманнских дыр.

- Да, я вышел оттуда свободным человеком, - продолжал Эдвин.

- Можешь себе представить? Один из их священников сказал, что нас следует отпустить на волю, перед Пасхой. Он привел в пример имена нескольких разбойников, которых освободили во времена Христа, и сказал им, что норманны не могут быть менее

милосердными. Могу тебе откровенно сказать, когда они увидели, что мы свободны и уходим, то рожи у них чуть не лопнули пополам.

- Как долго ты здесь, Эдвин?

- Со вчерашнего дня, и, казалось, демоны вгрызлись мне в печенки, когда я увидел, что здесь происходит. - Наклонив голову Эдвин, бросил тревожный взгляд на Хелуит. Подойдя к ней поближе, он нежно поцеловал ее в лоб.

- Я ни о ком не думал, кроме моей бедной девочки, которая ждала меня здесь, - сказал Эдвин, давясь слезами и поглядывая с виноватым выражением лица на тело стонущей Хелуит. - Я летел сюда, как вольный журавль с зимнего кочевья, и увидел рядом с ней этого норманна. Да это было жуткое зрелище, уверяю тебя, Ротгар. В голосе Эдвина что-то хрустнуло, но он, откашлявшись, продолжал:

- Я хотел убить его, как только он окажется на достаточном расстоянии от нее и моего мальчика. Я опасался, что он может причинить им непоправимый вред, если вдруг я ворвусь, а они окажутся в пределах досягаемости его поганых рук. Сердце у меня рвалось наружу от мысли, чему подвергается в данный момент моя жена. Я слышал ее вопли, но я думал, что он все же доставляет ей удовольствие. Клянусь, я никогда не мог даже представить себе, что мужчина может учинить такую зверскую расправу над женщиной. Нужно было знать, прости меня, Боже, нужно было знать.

- Но каким образом? - спросил Ротгар, пытаясь успокоить своего брата.

- Нужно было понять все сразу, когда я узнал трусливое, подлое истинное лицо этого человека, наносящего удар из-за спины. Все эти месяцы передо мной стоит лицо этого сукина сына норманна, который наносит страшный удар по голове своего господина. Человек, который совершает такой поступок, а потом возлагает вину на другого, не ведает глубин своего бесчестия. - Слезы текли у него из глаз, он их даже не старался утереть. - Бедный господин Хью. Он, вероятно, и не знает, какую змею пригрел на груди.

- Господин Хью? Значит, ты видел, как на него напал кто-то из своих? Ротгар тут же вспомнил о слабом подозрении, возникшем у него, когда Мария подробно описывала ему нападение, во время которого был сражен Хью.

- Конечно, один из его людей. Правда, тогда я не знал, что он будет нашим господином. Но я видел, как норманнский рыцарь с каштановыми волосами вывалился из седла, словно ему нанесли удар секирой, и этот норманн, который трахнул его по голове, схватил меня за шкуру, обвинил меня в этом преступлении. Вот после этого они и бросили меня в эту дыру, то бишь яму. Признаюсь, я очень испугался, Ротгар. Если бы я вошел в хижину в тот момент, когда он был с моей женой, то непременно снова оказался бы в "забвении", и только одному Богу известно, какую кару он бы выбрал для меня.

Ты только посмотри, как он ее изуродовал, и все из-за чего? Я слышал, как она кричала ночью, а утром увидел своего сына, который сидел неподалеку от хижины, весь сжавшись от холода и страха. Мне нужно было ворваться сюда, когда на нем не было штанов.

В голове Ротгара все мысли смешались, закружились хороводом, но на передний план все же выступал страх за Марию. Пусть Эдвин сам казнит себя за то, что он такой глупец; Ротгар опасался наихудшего, зная до каких глубин человеческой подлости может дойти Гилберт, а он оставил ее в полном одиночестве, у нее не было никаких средств для защиты, кроме горшочка с отравленной мазью и бестолкового брата. Вдруг одна, пока еще не сформировавшаяся до конца мысль пронеслась у него в сознании. Он подошел поближе к отцу Бруно.

- Не скажете ли вы мне, что вам известно о тех разбойных нападениях и актах саботажа, происходящих в районе строительной площадки?

- Ба, я могу тебе рассказать об этом, - откликнулась Хелуит, собрав все оставшиеся силы, чтобы сплунуть на пол. - Всем этим занимается этот сукин сын норманн с помощью бандитов с большой дороги в районе Стиллингхэма. Он платит нашим крестьянам, чтобы они поднимали побольше шуму по этому поводу, и этим развлекается.

- Тот же норманн?

- Да, тот же.

Эти сведения бросали новый свет на угрюмое нежелание местных жителей назвать виновника этих действий.

- Вы должны рассказать об этом, оба, и ты, Эдвип, и, ты, Хелуит.

- Предоставь нам только возможность, и мы прокричим об этом с высоты замка, который ты помогаешь строить.

- Думаю, не стоит ждать так долго. - Ротгар быстро оглянулся. Какое оружие ты намеревался применить против этого норманна?

- Твоя пика всегда мне неплохо служила, - ответил Эдвин, кивнув на дверь, где возле стены стояло копьё с зазубренным острием.

- Что вы замышляете, сын мой? - спросил отец Бруно.

- Одно дельце, которое должен был завершить давным-давно, отец, - ответил Ротгар, сжимая в руке копьё. Он знал, что никакие слова отца Бруно не поколеблят его решимости выбрать для Гилберта Криспина более милосердной смерти, чем он на самом деле заслуживал.

- Хелуит, ты мечтала об отмщении, - сказал он, подбрасывая в руке копьё и пытаясь определить точку его равновесия. - Клянусь тебе принести сюда его сердце, но оно, конечно, будет черного цвета, я в этом уверен, такое же черное, как и его волосы на отвратительной башке.

Хелуит, застонав, тревожно зашевелилась.

- Черный? Нет, под его шлемом у него были волосы серого цвета, щедро усеянные сединой, - сказал Эдвин.

- У Гилберта Криспина волосы на голове черные, как вороново крыло. Только у сэра Уолтера седые.

- Да, вот этот дьявол с серой шевелюрой нанес по голове удар своему господину, он сжигает строительные материалы, он изуродовал мою жену, сказал, кивая головой, Эдвин. Этого сукина сына, этого негодяя зовут Уолтер. Он действует заодно с этим подлецом Филиппом Мартелом.

Глава 20

Хотя праздник Пасхи предполагает торжества до рассвета, было еще очень темно, когда Мария с монахинями, собрав свои узлы, направились к конюшне. Во дворе их поприветствовал Уолтер, держа в руках фонарь, освещавший целое стадо - кобылу Марии, коня Уолтера, двух безмятежных ослов, принадлежащих монашенкам, и замыкал его, сидя верхом на своем мерине, Филипп.

- Почему вы так рано уезжаете с праздника, Филипп? - спросила его Мария, не испытывая особой радости от его компании.

- Разве могу я вам позволить совершить эту поездку до монастыря лишь в сопровождении Уолтера в качестве вашего защитника, миледи? Сейчас в пути, особенно

ночью, полно опасностей.

- Вы на самом деле хотите, чтобы эти люди нас сопровождали? - прошептала аббатиса. - Наверняка можно найти других.

- Но я никому так не доверяю, - ответила Мария, влезая в седло. Ее только беспокоило, что придется разделять неприятную компанию Филиппа, нет, все же нужно с этим смириться, даже приветствовать, так как в таком случае он лишится возможности совать свой нос в дела Хью, если он будет у нее на виду. Она осадилась на свою нетерпеливую кобылу, пропуская вперед Уолтера с Филиппом.

Следуя позади, она внимательно следила за ними. Она никогда не замечала, как они похожи, - такие же широкие плечи, почти одинаковый рост, их волосы также отливали серебром, отражая лунный свет, - единственное различие в лошадях. Но, вероятно, любой одетый в кольчугу, едущий верхом рыцарь отбрасывал ночью точно такую же тень.

Лошади сразу же ускакали далеко вперед, оставив позади ослов. Мария, открыв рот, хотела было крикнуть им, чтобы всадники умерили свой пыл, но в эту минуту впереди замаячил фундамент строящегося замка. Черный зев рва, кучи нагроможденных бревен, сарай, в котором Ротгар обещал ждать ее ровно в полночь. Она отвела от него взор и вонзила шпоры в бока кобылы, надеясь, что сумеет найти верную дорогу в ночи и не споткнуться.

- Леди, Мария! - донесся до нее крик аббатисы в холодном ночном воздухе. Проехав благополучно мимо сарайчика и избежав тем самым соблазна, Мария натянула поводья. Кобыла, задрав голову, захрипела от неудовольствия, - почему ото ее сдерживают, когда лошади впереди продолжают свой бег рысцей?

Вдруг она себя почувствовала абсолютно беззащитной, - она находилась на полпути между отставшими монахинями и далеким светом фонаря Уолтера, где рядом с ним маячила фигура Филиппа. Луна, казалось, лила свой свет прямо на нее, освещая ее со всех сторон.

- Лесные твари, - громко сказала Мария.

"Нет, это волки", - подумала она.

Вдруг облачко на небе, набежав на луну, скрыло ее, и вокруг упала непроницаемая мгла. Цоканье ослиных копыт становилось все ближе, впереди фонарь замер, - очевидно, Уолтер, заметив ее отсутствие, решил подождать ее. Наконец луна освободилась от взявшего ее в плен облака, и Мария снова тревожно оглядела то место, где могли притаиться волки.

Там, на краю, у кромки леса стоял Фен. При виде его страх перед волками покинул ее. Но Фен никогда не оставлял Хью. Может, что-то случилось за то Короткое время, которое она находится в пути?

Кобыла, чувствуя растерянность Марии, закусив удила, рванула вперед к своим друзьям, норманнским боевым коням. Ее внезапный рывок застал Марию врасплох. Она беспомощно пыталась натягивать на себя поводья, но потом, отказавшись от затеи, отчаянно прижалась к лошадиной гриве. Она все же сумела оглянуться назад, надеясь, что Фен, увидев, в какое положение она попала, придет ей на помощь, но этот таинственный, бесплотный не то мальчик, не то ребенок пропал, растворился в ночи, и нигде не было видно сквозь деревья его бегущей фигуры, не слышалось топота его ног, свидетельствовавшего о его нахождении где-то рядом.

Может, его там вовсе не было.

- Где леди Мария, вы ее видели? , - Я сразу же заставлю тебя позабыть о леди Марии. Только станцуй со мной, Ротгар.

Он оторвал от себя руки девушки, отшатнувшись от сильного запаха эля из ее рта. Все люди вокруг него прыгали, кружась под музыку, смеялись, набивали свои животы едой и питьем.

- Где леди Мария, где она? Бритт, лицо которого покраснело от удовольствия, хлопнул Ротгара по спине.

- Ну, что Ротгар, вы уже устали от брачного ложа? Тогда испытайте нашу Гиту. Когда-то она давным-давно вам очень нравилась.

- Где леди Мария, мне нужно с ней поговорить! - Решительно действуя плечами, Ротгар прокладывал себе путь через веселящуюся толпу, обращаясь к любому, кто еще, по его мнению, не до конца окосел от вина, с одним и тем же вопросом, но в ответ видел лишь недоуменное пожимание плеч, беззаботные улыбки. Наконец он достиг дальней стены зала, все время повторяя ее имя, подчиняя его слова ритму биения сердца. В ее алькове никого не было.

Он немедленно потребовал разрешения войти в спальню к Хью. Эдит прикрыла руками глаза от неожиданного снопа света. Хью крепко спал рядом.

- Мария. Где она? Ей грозит ужасная опасность. - Ротгар чуть не задыхаясь, едва произнес эти слова.

- Она заходила сюда перед тем, как уснул Хью. - Нежные слова Эдит вызвали блаженную улыбку на лице Хью даже во сне. - Она поехала в монастырь, вместе с монахинями. Хью сказал, что он ее сразу же вернет, как только она снова образумится. Ротгар, ей не грозит никакая опасность. Уолтер вызвался сопровождать ее до монастыря.

Уолтер подъехал к ней, когда по цокоту копыт бросившейся вперед галопом кобыле понял, что Марии грозит опасность. Он, перехватив у нее поводья, остановил лошадь.

- Ах, Уолтер! - вскрикнула Мария, вся съеживаясь в седле. Сердце у нее беспорядочно билось после такой быстрой гонки через ночной холод. - Умерьте ваш пыл. Нельзя так рисковать в темноте. К тому же монахини сильно отстали.

- Они знают дорогу домой, миледи, - сказал Уолтер, хотя он и перевел своего коня на шаг, и они вскоре присоединились к Филиппу. Кокетливо задрав голову, кобыла терлась носами с конями. Вдруг Филипп бросил своего мерина в галоп. Уолтер, выхватив у нее из рук поводья, тоже пришпорил своего коня.

- Нет! - закричала Мария, пытаясь одной рукой вернуть себе поводья, а другой удержать равновесие. - Мы должны подождать аббатису. Ей там страшно.

- Мария, они прекрасно знают дорогу, - повторил Филипп слова Уолтера. - К тому же, кому в голову придет идея напасть на святых сестер?

- Отдайте поводья!

В ответ Уолтер только молча пришпорил своего коня. Теперь фонарь был в руках у Филиппа, его горящий луч растворялся в лунном свете. Филипп бросил его в канаву, где он еще продолжал слабо светить в темноте.

- Леди Мария! - доносился до нее жалостливый голос аббатисы. - Эти люди...

- Уолтер, я прошу вас, верните мне мои поводья. - Сердце Марии сильно стучало в груди, что только добавляло ей неуверенности и уменьшало ее шансы совладать с кобылой. Никогда прежде Уолтер перед ней себя так не вел. - Мне страшно.

- Держитесь покрепче, миледи, - сказал Уолтер, тяжело дыша. - Мы опасаемся погони, а мерин Филиппа отлично знает дорогу и в темноте.

Марии стало немного легче. То, что прежде ей показалось странностью в характере Уолтера, теперь предстало перед ее глазами, как разумная предосторожность. Хотя Гилберт ничего не знал об их отъезде, он вполне мог отправиться за ними вдогонку, и сейчас его фигура маячила где-нибудь в темноте.

Слава Богу, что с ней рядом Уолтер, он всегда так печется о ее безопасности. Она крепче ухватилась за гриву кобылы.

- Леди Мария! Это тот самый..., предатель..., не доверяйте...

Этот предостерегающий крик был настолько слаб, что она едва разобрала слова, но ничего не смогла понять.

- Мне казалось, что эта дорога ведет к Стиллингхэму, а чтобы добраться до монастыря, нужно взять правее, - сказала Мария, когда их маленькая группа повернула у развилки налево.

- Не беспокойтесь, Мария. Нам нужно ехать в этом направлении, - ободрил ее Филипп. Уолтер что-то проворчал в знак одобрения.

Она заметила какое-то движение среди деревьев, услышала легкое шуршание пожухлой листвы. Нет, это не хищник, так как лошади не подавали никаких признаков беспокойства. Оно напоминало ей колдовской, ускользающий образ Фена, стоявшего у кромки леса, но, как и прежде, оглянувшись через плечо, она никого не увидела.

Ему угрожает казнь за кражу лошади - наплевать. Ротгар стремглав побежал к конюшне. Кляча Эдвига не шла ни в какое сравнение с откормленными норманнскими лошадьми, поэтому ему нужно поскорее завладеть одной из них, если только он надеялся настичь Марию.

При слабом свете фонаря он увидел Гилберта Криспина, который уже стоял в конюшне, в своей боевой кольчуге неуклюже пытаясь оседлать своего коня. Вздвогнув от неожиданности, он повернулся к Ротгару, и на какое-то мгновение их взгляды встретились, - в черных глазах Гилберта сквозила адская боль, а в голубых глазах Ротгара - осмотрительность и беспокойство.

Гилберт повернулся спиной к коню. Крепко сжав зубы, стараясь заставить себя забыть о синяке на руке Марии, Ротгар прошел мимо, подыскивая себе подходящую лошадь. Он потом поговорит с Гилбертом.

- Я не нашел ее за столом. Думал, что она с тобой. - Дрожащий от трудно сдерживаемой ярости голос Гилберта заставил Ротгара остановиться.

- Она с Уолтером. - Ротгар снова посмотрел в глаза своему врагу. Чувствовалось, что оба они ужасно взбудоражены.

- Боже мой, - произнес Гилберт, обхватив обеими руками коня за шею, словно опасался упасть на соломенную подстилку.

- Ты знал о нем все давно, не так ли?

- Он не всегда был таким, только после того, как Вильгельм назначил Хью господином этого поместья. Ну, а чем ты лучше? Вспомни, как ты поступил с миледи в хижине дровосека?

- Ах, да. - Вероятно, пришло время, чтобы выразить их обоюдное разочарование. - Да, у нас есть что-то общее, норманн, - мы оба в равной степени виновны в изнасиловании.

- Но я не...

- И я этого не делал. Можно называть это как угодно, только не изнасилованием.

Гилберт тяжело, дрожа всем телом, вздохнул, и этот странный звук говорил о его невольном принятии не столь приятной для него истины. Затем он снова заговорил, хотя его слова были лишены внутренней силы.

- Посмотри, сакс, стоит ли мерин в деннике по твою правую руку.

- Нет, он пуст, - ответил Ротгар, бросив короткий взгляд на денник и удивляясь способности норманна подавлять свои личные чувства.

- Это значит, что Филипп вместе с ними. Я давно подозревал о существовании дьявольского заговора между ним и Уолтером. У нас нет времени. Обеспечь меня с тыла, и я спасу Марию, если только не подведет рука. Я чувствую ужасную слабость.

- Побереги спину! - закричал возмущенный Ротгар. - Я спасу Марию, ты, норманнский подлец, и отомщу за все, что ты ей причинил.

- Ах, вот оно что. Значит, теперь я должен бежать в испуге от каждого куста, ходить кругами, опасаясь твоего нападения? - Норманн хмыкнул, довольный собственным остроумием, не замечая мрачной решимости Ротгара.

Гилберт недовольно ворчал, седлая лошадь. Он зарычал от удивления, когда рука Ротгара обвила его за шею. "Все будет очень просто, - думал Ротгар, стоит сильнее надавить ему на горло, и норманн рухнет, его руки, словно клешни, будут бессильно сжиматься и разжиматься, он весь побагровеет из-за нехватки воздуха, доступ которого ему перекроет Ротгар. Норманн сразу стих, понимая, что сейчас может с ним сделать Ротгар.

- Да, тебе стоило все же опасаться каждого куста, - ехидно заметил, сплюнув, Ротгар. - Мне ничего не стоит лишить тебя твоей абсолютно бесполезной жизни, но я считаю нечестным делом расправляться с тем, кто пробует свою силу только на женщинах. Кроме того, если Филипп Мартел на самом деле действует заодно с Уолтером, мне может пригодиться твоя помощь, чтобы освободить Марию.

Слабая краска залила лицо Гилберта, - единственный признак, что Ротгар одолел его.

- Я не хотел причинять вреда Марии. Этому приему меня научил Уолтер.

- Неважно, кто научил тебя этой подлости, важно, что ты применил ее по отношению к женщине. Если ты только посмеешь еще хоть раз дотронуться до нее, я убью тебя, норманн, слышишь? Клянусь! - Мощным толчком он пододвинул его к коню.

- Она способна спровоцировать любого мужчину, заставить его потерять голову, - ворчал Гилберт, стараясь не потерять равновесия.

Ротгар бросил на него холодный, презрительный взгляд.

- Только попробуй еще раз к ней прикоснуться, и я отправлю тебя на тот свет. Клянусь!

А теперь собери все свои силы и мужество, - сегодня ночью нам предстоит выступить против настоящих мужчин. Какая из этих лошадей самая быстроногая, норманн? Не пытайся меня обмануть или я перережу тебе горло, после того, как расправлюсь с Уолтером и Филиппом.

Гилберт, махнув рукой, указал на дальний конец конюшни.

- Там, в углу, стоит кобыла Хью. Но на ней давно уже не ездили. Она не допустит к себе сакса, могу побиться об заклад. Заранее предвкушаю удовольствие от того, как ты попытаешься совладать с ней, как, впрочем, и от того, как сломаешь себе шею, когда с нее свалишься.

- Бог создал лошадей на этой земле, чтобы на них ездили.

- А саксов, чтобы из них делали кровавый бифштекс.

Оба они напоминали перевозбужденных самцов оленей, которые с ненавистью бодали друг друга в то время, как браконьер преследовал не поделенную ими самку. Ротгар решил больше не препираться, отложить свой гнев на потом.

- Мы тут с тобой обмениваемся колкостями, г, в это время расстояние между нами и ими растет. Нужно позабыть о распрях, норманн, покуда мы не спасем ее.

Задумавшись на минуту, Гилберт одобрительно кивнул.

- Ты знаешь, куда они поскакали?

- В монастырь.

- Я почти готов, - сказал Гилберт, подтянув подпругу.

Кобыла Хью выкатила на него свои большие глаза и прижала уши, но Ротгар был так решительно настроен, что оказался у нее на хребте значительно раньше Гилберта, который все еще влезал в седло.

Гилберт бросил презрительный взгляд на копьё, которое Ротгар сжимал в руке.

- Ну-ка, сакс, возьми это, - сказал он, бросая ему широкий меч. - Надеюсь, ты умеешь им пользоваться?

- Это покажет поток крови, который польется у тебя из головы, когда я им пройду по нему острым лезвием, - ответил Ротгар, довольный своим новым оружием. Он прочно удерживал под собой капризную, своенравную кобылу. Когда они, ругая друг друга на чем свет стоит, пытались одновременно выехать из узких, рассчитанных на одного седока ворот, Ротгар признал, что они с Гилбертом - самые неподходящие товарищи по оружию.

Лошадь Филиппа, вероятно, забыв, что знает хорошо путь в темноте, оступилась, и ее передняя нога глубоко провалилась в борозду. Кость с хрустом треснула, и этот хруст был похож на отзывающийся эхом, сопровождающий яркую, шипящую молнию гром; этот звук даже заглушил ее душераздирающие вопли, когда она, как подкошенная, упала на колени.

Лошадь Марии резко остановилась, присев на задние ноги, - она вся дрожала от страха. Уолтер, бросив поводья, пытался совладать со своим возбужденным конем.

- Филипп! - неистово заорал он.

- Я не пострадал, отец!

Каким-то образом Филиппу удалось прыгнуть с лошадиной спины до того, как его

большой, тяжелый мерин рухнул на землю. Он лежал на безопасном расстоянии от дрыгающихся ног лошади, уткнувшись лицом в землю, и поэтому слова его были глухими, невнятными.

Мария намотала на кулак поводья. Теперь она ни за что не отдаст их Уолтеру, что бы тот ни говорил или его дружок Филипп.

Она слышала, как Филипп назвал Уолтера даже отцом.

Но, может, она ослышалась? Скорее всего. Ее глаза и уши все время подводили ее: то ей показалось, что отец Бруно неверно произнес имя Ротгара во время брачной церемонии, то что она увидела Фена, то была уверена, что аббатиса не доверяет Уолтеру. Может, если бы она оказалась на месте Филиппа, лежала лицом вниз, дрожа от страха, что ей удалось так легко отделаться, то и ее обращенный к Уолтеру призыв на помощь мог показаться чем-то похожим на слово "отец".

Наконец Филипп встал на ноги, отряхиваясь.

- Когда ходишь, не болят кости? - поинтересовался Уолтер сиплым голосом.

- Чепуха! Только царапины. - Филипп протянул ему обе руки, на ладонях были заметны какие-то пятна, то ли кровь, то ли грязь. - Не о чем беспокоиться, Уолтер.

"Не о чем беспокоиться", - упрекала себя Мария, весьма довольная тем, что не осмелилась спросить у Уолтера, как именно его назвал Филипп. Он подошел к тяжело дышащей, вздрагивающей всем телом лошади, присел на корточки возле ее головы. Ловким, быстрым движением руки он перерезал ей ножом горло. Только лезвие сверкнуло при лунном свете.

- Жаль, конечно, этого мерина, - пробормотал он сквозь зубы, снова присоединившись к ним.

- Подойди поближе, Мария. Мы поедем верхом вместе.

Волна отвращения окатила ее:

- Эта кобыла слишком хрупкая, у нее тонкие кости, и ей не выдержать двух седоков.

- Но не идти же мне пешком?

- Забирайте в таком случае кобылу, а я пойду пешком. - Мария лихо соскочила с седла.

Лучше идти одной, чем чувствовать обнимающие талию противные руки Филиппа.

- Но ты не сможешь дойти..., очень далеко.

- Вы только что уверяли, что совсем близко от монастыря.

- Садитесь за мной, миледи, - Уолтер хлопнул ладонью по широкому заду своего коня.

Глубокое боевое седло прогнулось под тяжестью фигуры Уолтера, и на нем оставалось совсем немного места, лишь чтобы уцепиться, но если положить позади луки свернутую тунику, можно будет удержаться на спине животного.

Сжав протянутую руку Уолтера, Мария, почувствовав ее надежность, легко взобралась на лошадь.

- Черт бы тебя побрал, отвратительное вонючее дерьмо! - рычал Ротгар. Стоя в стременах, он изо всех сил пытался остановить вырывающуюся из-под него, хрипевшую лошадь, чтобы не задавить выросшее перед ним, молча стоявшее бездомное существо. Вероятно, недовольный тем, что он выжил при первой стычке со смертью, Фен кинулся наперерез коню Гилберта, который, вскрикнув от неожиданности, чуть не вылетел из седла. Фен стоял посередине дороги между ними. Вытянув руки, он прикоснулся к животным, пощекотал им ноздри, давая себя обнюхать. Вскоре лошади успокоились и стояли смирно.

- Отойди в сторону, Фен. - Ротгар с трудом подавил в себе желание переехать через мальчишку. - Мы ужасно спешим. Леди Марии угрожает опасность.

Фен махнул рукой в сторону леса. Лошади, как по команде, повернули туда головы, заинтересованно запрядали ушами.

- Ну-ка прочь с дороги, ты, чудовищный каприз природы! - заорал Гилберт. Рука его нащупала меч.

- Погоди!

На лице Фена ничего не отразилось. Трудно было понять, оценил ли он по достоинству заступничество со стороны Ротгара. Он пошел в сторону леса, потом оглянулся на них. Он делал какие-то бессмысленные жесты, которые в конечном итоге убедили Ротгара в том, что Фену все известно о монахинях, рыцарях, об опасности, о Марии.

Она доверила ему жизнь Хью. Фен снова поманил их. Теперь он лихорадочно размахивал руками. Никогда прежде он не был так похож на лесного эльфа, за которого некоторые его принимали. Кто же мог лучше лесного эльфа знать, как найти его возлюбленную?

- Поедем через лес, - сказал Ротгар.

- Какого черта мы там не видели, ты, сакский идиот! Монастырь находится в стороне. Кроме того, в густую лесную чащу почти не проникают солнечные лучи. Мы никогда оттуда не выберемся.

- Но нас поведет Фен. - Задрав голову, Ротгар издал громкий боевой сакский клич и, прищорив коня, бросился за Феном.

- Будь ты проклят, вонючий сакс, прекрати и возвращайся на дорогу!

- Отправляйся по ней сам, норманн, ты потеряешь лишь время на кружной путь, - бросил Ротгар через плечо. - Меня ждут неотложные дела, и я не намерен попусту тратить время. - Ротгар лишь улыбался, слушая доносившиеся до него сзади отборные ругательства. По стуку копыт коня Гилберта, он понял, что тот едет за ним следом. Вслед за Феном они въехали в густой лес. Он вел кобылу Ротгара, она послушно, вытянув морду, шла за ним. Конь Гилберта шел рядом, почти тычась носом ей в хвост.

В этом непроницаемом мраке не пробивался ни один луч света. Темные расплывчатые тени, которые могли быть деревьями, казалось, кружились перед глазами Ротгара, сбивая его с толку. Когда наступила полная темнота. Фен увлек их в непроглядную тьму.

Они словно ослепли. Кроме этого неприятного чувства мозг сверлила настойчивая мысль, что, судя по всему, они удалялись от монастыря, что их путешествие впотьмах уводило их все дальше от Марии. Черт подери, ему следовало бы послушаться норманна.

Он почувствовал безотчетное желание наброситься с мечом на эту крошечную темноту, сразиться с этим неуступчивым, непроницаемым мраком.

Вдруг неожиданно гнетущая темнота слегка рассеялась. Фен пошел быстрее, лошади побежали за ним легкой трусцой. Их манило к себе открытое поле, с узкой лентой дороги.

Несколько человек стояли, освещенные луной. Один из них, довольно грузный, пытался вдеть ногу в стремя, но лошадь поддавалась, ходила вокруг него кругами. Другой уже сидел верхом, позади на дополнительном седле восседал еще один всадник. Фен жестом показал на них, а сам тут же растворился в темноте. Подул резкий ветер.

- Мария!

Ротгар вогнал шпоры в бока лошади. Гилберт ускакал вперед, а ему приходилось, крутясь на месте, пресекать попытки этой сухопарой, горбатой кобылы сбросить его на

землю. Ему удалось все же подчинить упрямое животное своей воле, но за это время Гилберт уже преодолел половину расстояния, отделявшего их от Марии. Ротгар ударил поводьями кобылу по шее, чтобы резким броском догнать норманна. Теперь и у него, и у норманна появился шанс. Неважно, кто из них первым доберется до Марии, важно, чтобы она в полной безопасности стояла в сторонке, пока они будут разбираться с этими предателями - Уолтером и Филиппом. Гилберт направил своего коня прямо на Уолтера с Марией, словно хотел протаранить лошадь Уолтера.

Глаза у нее широко раскрылись при виде Гилберта. Она, порывшись рукой у себя на поясе, вытащила ее и вскинула вверх. Лунный свет отразился от острого лезвия кинжала, украшенного драгоценными камнями. Она была готова всадить его глубоко-глубоко в горло приближавшегося к ней норманна.

- Мария, не смей!

По какому жестокому капризу судьбы они опять должны продолжать обманывать друг друга, особенно сейчас, когда нужно было лишь сосредоточиться на одном, на гибели этого проклятого, несущегося навстречу ей норманнского рыцаря? Он хохотал, как безумец, прижавшись к шее своей лошади. Он летел к ней со всех ног. Но, как это ни странно, она не испытывала ужаса, заставлявшего обычно учащенно биться ее сердце, - нет, благодаря слуховому обману ей показалось, что она услышала голос Ротгара в ночи, и все ее существо обрадовалось и запело от счастья.

Да, это кричал Ротгар.

- Мария, не смей! Гилберт не причинит тебе вреда!

Ах, вон оно что! Она разглядывала залитую лунным светом дорогу, пытаясь увидеть там человека, которого там никак не могло быть.

- Мария!

Нет, ее глаза не обманули ее - это был он. Он летел, почти стоя в стремях на кобыле Хью, размахивая над головой мечом, издавая воинственные вопли. Расстояние между ними быстро сокращалось. Грубо выругавшись, Уолтер осадил лошадь, чтобы избежать удара меча Гилберта. Мария прижалась к луке седла, чуть не выронив из рук кинжал. Она так и не успела всадить его в горло норманну. Она пригнулась еще ниже, когда Ротгар пронесся мимо них. Его меч поразил того, где промахнулся Гилберт. Рассекая со свистом воздух, меч Ротгара глубоко вошел в руку Уолтера, и он издал какой-то дикий рев, в котором отразились и его ярость, и боль, и отчаяние. Никогда прежде ей не приходилось слышать такого дикого воя. Ротгар молнией пронесся мимо, быстро сокращая расстояние между Уолтером и Филиппом. Он огрел плащом мечом Филиппа по спине, и тот свалился на землю.

- Слезай, Мария, - крикнул Ротгар, не давая своей лошади наступить на лежавшего на земле Филиппа. - Уходи поскорее отсюда, сейчас начнется драка. Беги поскорее прочь!

- Почему ты ударил Уолтера?

С каким бы удовольствием он вонзил свой меч в руку Гилберта! Но тот продолжал сидеть в седле, с трудом переводя дыхание. Он был настороже, но не рвался к ней, вероятно, пытаясь подтвердить заверение Ротгара, что не причинит ей вреда.

Ротгару удалось развернуть лошадь.

- Поверь мне, Мария. Уолтер - твой враг!

- Уолтер? Не может...

- Ну-ка расскажи ей, как ты ударил ее брата по голове, Уолтер, и сколько ты заплатил тем наемным убийцам, которых ты подослал, к нам к хижине дровосека? Расскажи ей, как

прихлебатели Филиппа грабили Лэндуолд, пытаюсь бросить подозрение на его жителей, - едко поддразнивал его Ротгар.

- К тому же Расскажи, как ты изнасиловал и избил эту сакскую женщину, а вину свалил на меня, - закричал Гилберт.

Дрожа всем телом, испытывая необычное смущение, она ожидала опровержения со стороны человека, которому так доверяла.

- Уолтер? Неужели это правда?

- Глупая сучка, - сказал Уолтер. - Посмотрим, понравится ли твоему идиоту-братику, если у него похитят одну из его женщин, как он украл у меня сегодня ночью Хелуит.

Неожиданный страх охватил ее; любовь и вера, которые она испытывала к нему на протяжении чуть ли ни всей своей жизни, боролись с тем, что видели ее глаза, что слышали ее уши. Она попыталась выпростать свою тунику из-под седла, чтобы сползти с крупа лошади, но Уолтеру удалось перехватить ее одежду.

Пришпорив лошадь, Гилберт начал приближаться к ним с левой стороны. Справа наседали Ротгар. Казалось, они просто хотят раздавить Уолтера между собой, но Уолтер бросил лошадь вперед, ему как-то удалось совладать с ней. Он гоготал, словно маньяк, бормоча что-то о выкупе.

- Ах, Уолтер, - прошептала она, обхватив его за талию двумя руками и прижавшись щекой к спине. Она слышала удары его предательского сердца, - раз, два, три, и с третьим ударом она вонзила свой кинжал ему в горло. Заплакав, она вся сжалась; слезы ее смешивались с горячей, солоноватой кровью Уолтера.

Гилберт пришпорил своего коня, но сакс опередил его. Схватив Марию, он посадил ее рядом с собой в седло, обнял ее, горячо прижавшись лицом к ее лицу. Лошадь Уолтера, не понимая, почему никто не удерживает ее за поводья, озабоченно ходила кругами и, подойдя к лошади Гилберта, сбросила свою ношу на землю. Нужно все же отдать должное этому гадкому саксу за его мужество в бою. Филипп все еще лежал на земле. Ротгар отлично справлялся с кобылой Хью, даже лучше, чем он, Гилберт, если принять во внимание ту слабость, которая время от времени охватывала его. Боевое искусство этого сакса сильно беспокоило его. Он хотел убить Ротгара, надеясь, что сакс не сумеет отбить его нападение верхом. Как это ни странно, но напряжение целого дня не лишило его сил, как это было прежде, голова у него была ясной, несмотря на то, что Мария не втирала ему в шею эту целебную мазь.

Развернув лошадь, он увидел их силуэты, - Ротгара и Марии на фоне ярко освещенного лунным светом неба. Они спешили, а лошадь шла за ними, выискивая в замерзшей земле траву. Он всем сердцем стремился к ней; большими неуклюжими пальцами он стирал бегущие по щекам слезы, нашептывая нежные слова.

- Выходит, ты не женат? - радостно воскликнула Мария. Она не скрывала своего восторга. - Нет, это был всего лишь хитрый трюк. Мы можем...

Гилберт пытался не прислушиваться к их беседе, желая при этом вообще закрыть глаза, чтобы их не видеть вдвоем. Она прижималась к Ротгару, ее бедра похотливо прижимались к его бедрам, ее распущенные волосы рассыпались у нее на спине, она улыбалась, глядя в его лицо.

Знакомый, на сей раз желанный розоватый туман возник опять у него перед глазами, окутывая, словно ватой, его мозг. Слава Богу, он теперь не видел подробностей, не видел, как тесно они прижимались друг к другу. Он обнимал его невесту, - она поклялась выйти за

него замуж тогда, в хижине дровосека. Он все время сдерживал свое нетерпение, постоянно попадался на удочку. Она легла вместе с этим саксом по своей собственной воле! Рука его нащупала рукоятку меча. Проткнуть его, один только раз, именно сейчас, когда этот сакс думал лишь об одном оружии, о том, которое болталось у него между ног.

Гилберт покачал головой. Эта соблазнительная мысль ничего ему не принесет, кроме разочарования. Она упадет на кровоточащее тело сакса, завопит о вечной к нему любви. Ему уже приходилось наблюдать подобные сцены. Нет, лучше всего разлучить их. Если только его не будет рядом, она придет к нему. И такое ему приходилось видывать - женщины выражают всегда протест против насильного брака, против рабства, но, тем не менее, они смирялись с судьбой, и некоторым даже потом начинает все нравиться.

Легко, конечно, будет обмануть этого сакса, перехитрить его. В конце концов, норманны завоевали англичан с такой простотой, которая даже вызывала омерзение. Соскочив с коня, он наклонился над Филиппом, сжал его вывихнутое плечо. Тот негромко застонал и быстро задергал головой. Он оставил его лежать на месте, подошел к Уолтеру и пнул его ногой. Послышался глухой стон. Он пнул его посильнее, теперь стон стал громче.

- Да они оба живы, - крикнул Гилберт. - Давай их допросим.

Им очень хотелось узнать, чем руководствовался Уолтер в своем вероломстве, и они подошли поближе.

- Ты же был рыцарем Хью. Для чего ты пытался убить его? - прокричал Гилберт ему на ухо.

- Иди ко всем чертям, Криспин!

Гилберт пожал плечами. Вернувшись к Филиппу, он снова сжал его больное плечо. Он начал выламывать его до тех пор, пока у него не выступил на лбу пот. Мария вскрикнула и еще плотнее прижалась к саксу, что заставило Гилберта удвоить свои старания, пока он не услышал бормотание Уолтера.

- Отстань от него, я расскажу вам о том, что вы хотите узнать.

"Простая, вероятно, надрывная история", - бесстрастно подумал Гилберт. Уолтер продолжал рассказывать. Кто мог подумать, что у этого норманнского рыцаря была такая буйная молодость, что у него даже родился внебрачный сын, Филипп, от одной знатной леди. Или о том, что его семья не разрешила ему жениться и отправила его в ссылку после того, как он разорил их дочь. Принимая во внимание его отношение к Хелуит, можно было понять, что ему самому приходилось несладко.

Уолтеру удавалось не выпускать из поля зрения своего мальчика все эти годы, и он принимал очень близко к сердцу, когда многие отказывались понести за него расходы, связанные со службой в роли оруженосца. Больше всего его разозлило, когда и Мария, и ее брат Хью не пожелали взять его под свое крыло. Герцог Вильгельм, сам внебрачный ребенок, мог, конечно, понять его и решить вопрос в его пользу, но вместо этого поручал Филиппу лишь конторские, чиновничьи обязанности.

Уолтеру удалось бежать вовремя из ссылки, и он предложил план заставить Хью заплатить за то, что его отец отказался когда-то финансировать его безродного сына. И вот наступил день битвы. Уолтер с ней связывал свои надежды на вознаграждение для себя и для сына, он мечтал о том, что такой наградой может стать поместье Лэндуолд, но, к сожалению, Вильгельм подарил его Хью. Уолтеру ничего не досталось. Филиппу предложили такие бедные земли, что такой дар иначе как оскорблением не назовешь.

- Стиллингхэм. Ба! Одно убожество. - Уолтер тяжело дышал, а кровь по-прежнему

струилась у него из горла. Жизнь постепенно покидала его. Какие-то несчастные акры, а Хью де Курсону досталось все самое лучшее.

- Но ведь так распорядился сам Вильгельм, Уолтер, - возразила Мария дрожащим голосом. - Хью не имел никакого отношения к его выбору, и не он виноват в нежелании финансировать Филиппа в молодости. Почему же ты хотел убить Хью?

- Потому что я хотел отобрать у него Лэндуолд вместе с Кенуиком и передать их Филиппу, чтобы хоть чем-то заплатить ему за те годы унижения, через которые ему пришлось пройти. Незаконнорожденный сын. Черт бы побрал этого смуглого лесного эльфа, который тогда отвел мой удар! Черт бы его побрал и за то, что он постоянно торчал рядом с Хью, не позволяя мне завершить поставленную перед собой задачу. Лэндуолд должен был перейти Филиппу, а моя уверенная рука позаботилась бы о том, как это нужно сделать.

- Да, ну теперь все кончено, старик, - сказал Гилберт.

- Нет, не все, - возразил Уолтер, в его глазах сверкнула безумная решимость. - Все начинается снова. Моя женщина Хелуит, вместе с моим ребенком, которого она носит у себя под сердцем, отданы этому саксу. На сей раз я буду бороться до конца за то, что принадлежит мне, покуда я дышу.

Гилберт заметил, как стиснул зубы Ротгар. Отлично! Может, он сумеет воспользоваться проявляемой этим саксом жаждой справедливости, чтобы награвить Ротгара на Уолтера, отвлечь внимание сакса и тем временем отрубить ему голову, как он и намеревался сделать давным-давно.

- Кончай его, сакс, - льстиво уговаривал он. - Ты заработал это право. Бросив косой взгляд, чтобы удостовериться, заглотив ли Ротгар наживку, он привязал концы поводьев к ножнам меча, прикрепленного к луке седла. Все четыре лошади теперь находились под его полным контролем.

- Нет! - закричала Мария, умоляюще нежно взяв Ротгара за руку. Он мягко ее высвободил. - Можно сделать все иначе.

- Не глупи, Мария, - с упреком в голосе сказал Гилберт. Он знал, что нужно поскорее прекратить это слюнтяйство, если он только не хочет, чтобы она добилась своего от сакса. - Этот Уолтер лежит перед вами и мечтает о возмездии. Тем самым вы ставите под угрозу жизнь других людей, если позволите этому негодяю прожить хоть еще один день. Не забывай, ты уже нанес ему первый удар. Ротгар кивнул в знак неохотного согласия.

- Хотя это противоречит сакским понятиям о торжестве справедливости, нам нужно пойти на такой шаг, любовь моя. Он олицетворяет постоянную угрозу как для тебя, так и для твоего брата. Хелуит никогда не избавится от его похотливых желаний. К тому же он почти уже мертв.

- Я.., мне кажется, ты прав, - слабым голосом произнесла Мария.

- Ступай, Мария, ступай. Тебе не стоит этого видеть, - произнес Гилберт. Она была так расстроена грядущей расправой над Уолтером, что совсем не сопротивлялась, когда Гилберт, обняв ее, отвел в сторону подальше от Ротгара. Она прижалась к его руке, позволив усадить себя в седло. Потом он сам уселся рядом, за ее спиной. Когда он навалился на нее всем своим весом, она не смогла сдержать тревожного крика, но крика от удивления не получилось, - лишь один тяжелый выдох.

Сакс занес меч, но теперь, когда Гилберт усадил Марию туда, куда хотел, ему показалось, что Ротгар слишком долго медлит с расправой, не желает поскорее отправить душу этого человека к дьяволу. - Я тебе сейчас помогу сакс, - крикнул Гилберт, подъезжая

поближе к Ротгару.

В битве при Гастингсе саксы валились, как снопы, на землю перед напором всадников. Этот сакс тоже падет по той же причине. Гилберт взмахнул мечом, целясь не в Уолтера, а в самое уязвимое место у Ротгара - между шеей и плечом.

- Не смей, Гилберт! - Мария снова очнулась от оцепенения. Догадавшись, что тот затеял, она в ужасе закричала. Она повисла у него на руке всем телом, и ее вес при других обстоятельствах никак не повлиял бы на точность его удара, но ведь он до сих пор еще страдал от этой проклятой слабости. Он промахнулся, задев только руку Ротгара, чем помог вогнать меч сакса поглубже во вздымающуюся грудь Уолтера. Конец его меча вонзился в бедро сакса. Гилберт удовлетворенно хмыкнул. Из раны сразу же заструилась кровь.

Издав радостный вопль, Гилберт опять взмахнул мечом. Вновь Мария повисла у него на руке, и удар, который мог бы размозжить ему череп, пришелся ему по затылку. Сакс свалился, словно подрубленный дуб. Гилберт выругался. Если сейчас слезть, то он мог бы вогнать меч в голову сакса. Но в таком случае Мария непременно от него убежала бы. Увидев, сколько крови льется из раны Ротгара, Гилберт, будучи уверен в силе своего удара, решил, что и так сакс долго не протянет. Он лежал тихо, словно мертвец.

- Прекрати эту суету, женщина! - заорал Гилберт, стукнув ее по голове, чтобы немного оглушить ее. Он перевел свою лошадь на трусцу, уводя за собой остальных. Он громко рассмеялся. Наконец-то он хотя бы частично выполнил то, что собирался сделать. Сакс лежа на земле умирал, а они с Марией скакали прочь от него, в темноту ночи.

Глава 21

Пария боролась. Она боролась с сильным Гилбертом, восставала всем своим существом против жестокой судьбы, которая самым чудесным образом вернула ей Ротгара, и тут же вырвала из его объятий. Она ничего не могла сделать - пальцы только скользили по железной кольчуге. Она, Мария, хватала ртом воздух, когда он, схватив ее за волосы, закинул ей голову и припал жадными теплыми губами к ее шее. Она визжала, рыдала от собственного бессилия, от охватившей ее ярости и разочарования, а Гилберт только смеялся в ответ, легко удерживая своими мускулистыми руками ее тонкие руки.

Ей было невыносимо мерзко от того, что приходилось опираться на него, но без этого ей бы не удержать равновесия. Наклонившись вперед, она обхватила двумя руками качающуюся то вниз, то вверх шею лошади, и, не обращая внимание на упершееся ей в живот седло, погрузила лицо в пахнущую потом жесткую гриву.

- Куда вы везете меня?

- Точно не знаю. Скорее всего в Стиллингхэм. Потом что-нибудь придумаем.

- Что вы намерены со мной сделать?

- Ничего особенного. Только то, о чем мы с вами договорились тогда, в хижине дровосека, - ответил он. - Я намерен взять вас в жены.

- Но за мной все равно придет Ротгар. "Торопись, любовь моя", - мысленно молилась она.

- Пешком? На почти оторванной ноге? - Вновь послышался злобный гортанный смех Гилберта. - Если он не истечет кровью и не умрет, то в следующий раз он увидит вас тогда, когда на одной ноге вы будете качать моего ребенка, а второй будет ворочаться у вас в животе.

- Его ребенок, может, уже сейчас находится в моем лоне, и я с большой радостью произведу его на свет.

- Это неважно. Если ровно через девять месяцев после этой ночи вы родите ребенка, я его просто утоплю.

Значит, Гилберт намеревался овладеть ею. И как доказало ее слабое сопротивление, ее силам никак не справиться с его физической мощью. Тихие, мучительные слезы потекли у нее по щекам.

Как мудро назвала церковь отчаяние - смертным грехом. Ее отчаяние в эту минуту было настолько велико, что она думала лишь о том, чтобы броситься в реку и испытать радостное облегчение, точно так, как пообещал поступить с ее ребенком от Ротгара этот злой норманнский рыцарь. Вместе со своим горячо любимым ребенком они окунутся в успокаивающую водяную толщу и больше не станут беспокоиться ни по поводу могущественных королей, ни дающихся с таким трудом землях, ни о неверных рыцарях, ни о несчастной, обреченной любви.

- Я обещаю не причинять вам вреда, Мария.

Как будто простое, чисто физическое неудобство могло прекратить терзания ее сердца!

- Мне наплевать, что вы намерены со мной сделать, Гилберт, - сказала она, и в голосе ее чувствовалась горечь. Какой же кодекс рыцарской чести позволял ему удерживать ее рядом против ее воли, не решаясь при этом воспользоваться ею в качестве "военного трофея".

- Я люблю вас, Мария. И всегда любил. - У него был до странности сдавленный голос. - И вы тоже со временем меня полюбите.

- Никогда! - сплюнула она от злости.

- Любовь придет в свое время.

- В свое время придет Ротгар. И Хью. - Ободренная такой мыслью Мария вскинула голову. - Да, Хью наверняка придет. Аббатиса непременно сообщит ему в Лэндуолд, когда станет известно, что я не появилась в монастырских стенах.

- Хью нездоров и немощен, - ответил Гилберт, хотя в голосе у него угадывалась нотка сомнения. - Все его рыцари почти целиком уничтожены.

Остался один Данстэн.

- Хью командует всеми людьми, проживающими в пределах Лэндуолда, напомнила ему Мария. Ваш собственный оруженосец сочтет своей обязанностью убить вас за это, как, впрочем, и другие рыцари, помоложе.

- В таком случае, - возразил Гилберт, останавливая лошадь, - придется заставить аббатису замолчать, опередить ее, не допустить, чтобы она пожаловалась Хью.

Боже, что же она наделала своими предостережениями? Вряд ли Гилберт пойдет на убийство дочери Христа. Он натренированным взглядом смотрел на небо, пытаясь по звездам определить их местоположение. Повернув лошадь, он прищпорил ее и направил туда, где, по ее представлениям, находился монастырь.

Визг собственной любимой лошади заставил Гилберта выругаться. Она споткнулась, ударив еще раз по передним ногам железными копытами другую лошадь.

- Мы не можем ехать быстрее, если они связаны, - пробормотал сквозь сжатые зубы Гилберт. Подобрав поводья, он освободил остальных лошадей. На какое-то мгновение радость охватила Марию, она надеялась, что одна из лошадей тут же отправится назад к тому месту, где лежал сраженный Ротгар. Может, он, хромя, даже шел следом за ними. Но лошади, эти создания, подчиняющиеся силе привычки и твердым инстинктам, проигнорировали обретенную свободу и с довольным видом продолжали идти за ними, словно были привязаны невидимыми веревками к луке седла Гилберта. Даже

травмированная лошадь исправно хромала позади, оглашая окрестность жалобным ржанием в ночи по мере того, как увеличивалось расстояние между ними.

Мария... Лэндуолд... Хелуит... Эдвин... Мария...

Гилберт... Мария... Мария...

Сладость, головная боль, предательство, любовь.., что это все - пустой сон? Ротгару очень хотелось постонать, чтобы унять ужасную головную боль, но он знал, что любой произнесенный им звук, даже легкое, как перышко, дыхание, могут определенно привести к смерти. Он должен притвориться, что находится в таком же состоянии, что и другие, - околел, замерз, на грани гибели, - до наступления кромешной темноты, когда он смог бы попытаться еще раз испытать свою судьбу и вырваться из рук своих норманнских сторожей.

Мария. Он видел ее перед глазами, казалось, чувствовал ее нежную, мягкую кожу, вдыхал ее сладкие запахи. Нет, она не была сном. Он когда-то давно бежал из навозной ямы, чтобы обрести рай в ее объятиях. Отчего же его память постоянно возвращает его к этим трупам, почему все его тело напряглось, одеревенело... Он неохотно приоткрыл один глаз, и к нему при мертвенном лунном свете постепенно возвращалось сознание. Под собой он чувствовал окаменевший, неестественно холодный труп Уолтера.

Осторожно, пошатываясь от слабости, он неуверенно встал на ноги. Где же Мария? Никаких признаков его возлюбленной. Никаких признаков Гилберта, лошадей. Тяжело дыша, Ротгар извлек свой меч из тела Уолтера и вытащил кинжал Марии, застрявший у него в горле. Гилберт увез Марию.., но куда? Скорее всего, в Стиллингхэм. Он бросил опытный взгляд охотника на землю.

Замерзшие следы четырех лошадей ясно уходили в сторону Стиллингхэма. Если Филипп тоже мертв, никто не помешает Гилберту в полной безопасности доехать. Принимая во внимание состояние его ноги и боли в голове, которые, насколько он помнил, возникли из-за нанесенного ему Гилбертом удара и из-за потери крови, Ротгар понимал, что ему никак не добраться до Стиллингхэма пешком.

Он разглядывал пустой горизонт. Не было видно и признаков Фена, который мог бы ему указать прямую дорогу через густой лес до Лэндуолда. Если он в таком покалеченном виде предпримет путешествие, то у него скорее отрастет до колен борода, прежде чем он выйдет на дорогу на Лэндуолд, где ему могут оказать помощь. Нет, лучше всего идти по направлению к монастырю. Сестра Мэри Агнес могла приготовить какое-нибудь снадобье, чтобы унять острую головную боль, а в конюшне он, конечно, мог выбрать приличную лошадь, чтобы совершить поездку до Стиллингхэма.

Оторвав лоскут от туники Уолтера, он замотал им бедро, надеясь, что кровотечение прекратится.

Он, хромя, пошел вперед, опираясь на меч, как на костыль. Он шел по направлению к монастырю.

- Не отчаивайся, любовь моя, - шептал он на ходу, желая, чтобы его мысли донеслись до Марии. - Я обязательно тебя найду.

Мария почувствовала, как лошадь замедлила шаг, когда они въезжали в монастырскую конюшню, где царило оживление. Одетые в черное женщины окружили двух тяжело дышащих, ужасно уставших осликов, а сестра Мэри Целомудренная оказалась в центре внимания сестер.

Она взвизгнула, увидев Марию, сидевшую на лошади впереди Гилберта.

- Ах, слава Богу, миледи. Мы так за вас беспокоились.

- Где аббатиса? - спросил Гилберт.

- Она молится, возносит благодарения, - ответила сестра Мэри Целомудренная, а остальные монашенки шепотом выразили свое недовольство грубостью Гилберта.

- Кто вы такой, и кто позволяет вам разговаривать со мной в таком тоне? Вы не из тех, кто сегодня ночью сопровождали миледи. Слава Богу и за это. Мы знаем, что тот, который помоложе, предатель.

Выходит, Филипп Мортел сообщил монахиням о тяжелом состоянии здоровья Хью. Гилберт, проигнорировав замечание монахини, слез с лошади. Потом не столь уж вежливо стащил с седла и ее, поставив рядом с собой. Он схватил ее в железной перчатке за запястье рукой, и холодный металл больно впился ей в кожу.

- Проводите меня к аббатисе, - приказал он.

- Я этого не сделаю. - Сестра Мэри отважно выпрямилась. - Мужчинам не разрешается находиться в монастырских стенах. Даже отцу Бруно.

- Тогда прочь с дороги. Я сам ее найду. - Он проложил себе плечами проход между группой почти не оказывающих никакого сопротивления монахинь.

- Вы ищете меня, господин норманн? - Властный голос настоятельницы заставил Гилберта остановиться. Он резко обернулся. Аббатиса нахмурилась.

- Надеюсь, вы не станете прибегать к оружию на священной земле монастыря?

- Он намерен убить вас, матушка, - взвизгнула Мария. Выругавшись, он с силой привлек ее к себе и прикрыл ей ладонью рот.

Аббатиса, казалось, была абсолютно спокойной. Указав рукой на окружавших ее монахинь, поинтересовалась:

- Прямо здесь? Перед этими свидетелями? Прошу вас образумиться, господин норманн. Я уверена, мы сможем решить все, что вам требуется.

- Не мели вздор, ведьма, - плюнул Гилберт. - Я намерен удерживать возле себя эту женщину. И я не позволю вам вызвать из Лэндуолда дополнительные силы.

- Что мне от того, намерены вы ее удерживать или не намерены? И разве наши несчастные изморожденные животные способны совершить еще один переход до Лэндуолда?

- Аббатиса бросила презрительный взгляд на Марию, которая изнывала от отчаяния. Все ее надежды рушились, когда она услышала такие слова:

- На мой взгляд вы разработали неудачный план, намереваясь лишиться меня жизни, а затем овладеть ею. Святая церковь непременно покарает вас за убийство одной из христовых дочерей. Почему бы вам просто не жениться на ней? В таком случае никто не станет спрашивать, что вы с ней делаете и на каком основании.

- Именно это я и намерен сделать, - упрямо сказал Гилберт, хотя в его голосе чувствовалась определенная неуверенность.

- В таком случае Бог привел вас в нужное место, - сказала аббатиса с лучезарной улыбкой на лице.

- Вы не забыли, господин норманн, что завтра Пасха? Сюда приедет отец Бруно, чтобы отслужить мессу в этот самый святой из всех дней.

- Этот почтенный священник сам обещал обвенчать нас в понедельник, подтвердил, кивая головой, Гилберт. - Отлично. В любом случае мы расположимся здесь, у вас.

- Матушка, не делайте этого, - запричитала Мария. - Не будьте безучастны, когда он начнет выполнять задуманное!

- Женщинам следует принимать то, что им посылает Господь, - огрызнулась аббатиса. - Прекратите болтовню. Бог посылает вам такую возможность, за которую тут же ухватилась бы любая здравомыслящая женщина в такую ночь. - Она изменила тон, обращаясь к Гилберту:

- А теперь, милорд, не угодно ли подкрепиться?

- Гм... Скоропалительное принятие настоятельницей доминирующей роли Гилберта его немного раздражало.

- Конечно, вы не против, - ответила она за него. - Сестра Мэри Целомудренная, отправляйтесь на кухню и подогрейте этот прекрасный говяжий бульон. Сестра Мэри Агнес, господин норманн немало проехал сегодня верхом. Видно, как ему досаждают рана на шее. Отправляйтесь в кладовку и принесите немного той мази, за которой приезжала недавно к нам леди Эдит.

Во время плена Ротгар овладел одним трюком, который снимал как физическую, так и душевную боль. Опиравшееся на меч, тело его вскоре подчинялось четкому ритму - шаг, гулкий удар, волочение ноги; шаг, гулкий удар, волочение ноги. Он позволял себе думать и фантазировать о чем угодно: вот Гилберт Криспин нанизан на острый конец его меча, - Богу было угодно, чтобы он не затупился и сыграл свою роль при возмездии; он держит в своих объятиях Марию; вот он поносит себя на чем свет стоит за то, что угодил в расставленную норманном ловушку. Мария. Потом он видел перед глазами кобылу, на которой сидит Мария. Вот она с распущенными волосами наблюдает за тем, как он работает на строительной площадке замка. Лошадь пошла вперед, сделала короткий, как у него, неуверенный шаг. Причем он видел ее так явственно, что даже заморгал глазами, чтобы получше ее рассмотреть. Поводья тащились по земле, а темные, поблескивающие полосы струились по передним ногам лошади. Увидев перед собой Ротгара, она захрапела, откинув голову, потом застучала копытом и заржала, словно обвиняя его в чем-то, словно она была уверена, что он несет ответственность за какой-то дурной поступок.

- Ну-ка спокойнее, спокойнее, девушка, - мягко позвал ее Ротгар. Он мечом придавил поводья к земле, но лошадь вовсе не выказывала никакого намерения бежать от него. Она только сильнее заржала и забила копытом, когда он подошел к ней поближе. Потом успокоилась.

- Что случилось, - заботливо спросил он ее, опускаясь на корточки перед ее передними ногами. Два небольших полумесяца рваной плоти красовались прямо под коленной чашечкой. - Кажется, кто-то ударил тебя копытами.

При обычных обстоятельствах Ротгар Лэндуолдский никогда бы не сел на раненое животное. На сей раз он был вынужден это сделать, вздохнув с облегчением, когда его вес перестал давить на больную ногу. Испытываемое им облегчение, а также смена положения тела способствовали уменьшению острой боли в голове. Он помотал ею, пытаясь набраться как можно больше решимости, чтобы непременно отыскать Марию.

- Впереди нас ждет утомительное ночное путешествие, - сказал он, натягивая поводья и заставляя лошадь переступить ногами. Он направил ее в сторону Стиллингхэма.

Едва несчастная лошадь сделала два-три шага, он осознал, что на ней ему не поймать Гилберта Криспина. Нельзя было и помышлять, что она с такими ранами доберется до Стиллингхэма. Тем не менее ее шаг, по сравнению с его шагом, был, конечно, крупнее, и она передвигалась быстрее его. Сидя в седле, он увидел струйку дыма, поднимающуюся над

соломенной кровлей Марстонского монастыря.

- Ну, покажи все, на что ты способна, девушка, - тяжело вздохнув, обратился он к ней. Они поехали к монастырю. Он на ходу проклинал несправедливую к нему судьбу, которая так круто изменила его жизнь.

Глава 22

Аббатиса приняла из рук одной из монахинь щедро уставленный поднос и, повернувшись к Марии, сказала:

- Подойди ко мне, дочь моя, помоги мне управиться с этим.

- Она никуда не пойдет, - угрожающе сказал Гилберт.

- Но дверь в комнату можно закрыть на замок. Она никуда от вас не денется.

Мария подумала, что даже у таракана возникнут трудности при попытке бежать из этой голой, мрачной кельи. В ней не было окон, слабо горевший в углу огонь не давал ни света, ни тепла и не мог согреть. Но даже в такой ситуации у нее мог возникнуть шанс, каким бы незначительным он ни был.

- Заприте келью! - приказал он. Настоятельница дала знак одной из монахинь, стоявшей на пороге. Дверь громко захлопнулась.

- Не могли бы вы меня отпустить? Нужно помочь матушке.

Гилберт освободил ее руку, а сам уселся у огня, чтобы немного согреться. Потирая ноющее запястье, Мария подошла к аббатисе. Две высокие пивные кружки с говяжьим бульоном стояли на подносе, и исходивший от них чудесный, аппетитный запах в студеном воздухе вызывал урчание в животе. Рядом с кружками стояла солонка и горшочек с мазью, которую по просьбе настоятельницы принесли сестре Мэри Агнес, - точно такой, каким она пользовалась, чтобы лишить Гилберта физических сил.

- Благодарю вас, преподобная матушка. - Так и подмывало сказать Марию, но все это напрасно, - нужно ждать слишком долго, пока это снадобье проникнет через рану в кровь.

- Мне показалось, что вы хотите овладеть искусством приготовления этой мази, - сказала аббатиса, но мягкий тон ее разговора никак не вязался с ее твердым, суровым взглядом. - Интересно отметить, что говяжий жир, который является основой рецепта приготовления целебной мази, употребляется и для придания лучшего, более тонкого запаха укрепляющему бульону. Причем очень трудно отличить запах одного от другого.

- Да, действительно интересно, - как завороченная, произнесла Мария, вспоминая околевшую, мертвую собаку. Неудивительно, что это глупое животное принялось лизать мазь.

Аббатиса, указывая на лежащую рядом с горшочком ложечку по очереди ткнула пальцем в снадобье и солонку, - двух мер будет вполне достаточно. Если их как следует смешать с горячим бульоном, то можно добиться..., нужного эффекта.

Собака, как известно, сдохла, полизав эту мазь. Может, и Гилберт отправится на тот свет?

Мария всыпала в мазь две ложки соли. Мазь быстро растворилась в горячем бульоне, и от нее не осталось и следа. Она старательно помешивала питательную жидкость. От кружки исходил еще более дразнящий, аппетитный запах.

- Ну а теперь угости этого человека, дочь моя, - велела ей аббатиса. - Он вполне заслуживает такого к себе внимания.

Гилберт, довольный, рассмеялся. Он не спускал жадных глаз собственника с фигуры Марии, когда она направилась к нему со своим отравленным бульоном.

- С каким нетерпением я ожидаю множества подобных приятных, семейных сцен после нашей свадьбы, - радовался он, принимая из ее дрожащих рук высокую пивную кружку. Запрокинув голову, он сделал большой глоток. - Очень вкусно, но ужасно горячо, - сказал он, шумно выдохнув и замахав ладонью перед открытым ртом, чтобы остудить обожженный язык.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он решился отпить еще один глоток, теперь поменьше. За это бесконечно тянувшееся время Марии удалось еще раз подумать над тем, что ее ожидает впереди, если совершенный ею подвиг приведет к желательному результату. Он проглотил густую жидкость, с удовольствием почмокал толстыми губами, не имея никакого понятия, что он выпил. Имела ли она право лишить его жизни только потому, что он был человеком тщеславным, уверенным в том, что наступило время завладеть Лэндуолдом только потому, что он желал ее, а ее сердце было отдано другому человеку. Были ли достаточным основанием синяки, которые время от времени он ей наставлял, чтобы убить его? Да, да, да. Хотя, конечно, другим женщинам приходилось и похуже. Но это совершенно неважно.

Подув на бульон, он снова его поднял и сделал большой глоток. Потом поставил ее на стол.

Вновь у нее перед глазами возникла картина подошедшей собаки.

Гилберт снова взял кружку. Нет, если она этого не прекратит, то чем же она лучше его?

- Нет! - закричала она, выбивая кружку него из рук.

- Что такое?..

- Ах, дочь моя, - тяжело вздохнула аббатиса.

В ее печальных глазах промелькнуло уважение.

Мария, подавляя в себе острое желание расплакаться, вспомнила, о чем она думала, когда впервые попала в эту келью. Отсюда даже таракану нет выхода. Нет, не выбраться ей отсюда, даже если она отравит Гилберта.

- Я подам вам другую, - сказала Мария. - Я заметила, как из вашей кружки выползал отвратительный таракан.

- Сюда!

- Быстро!

- Шпл...

Перешептываясь и шикая друг на дружку, монахини в своих длиннополых сутанах вели Ротгара в самый конец коридора.

- Вы уверены, что леди Мария находится там, за этой дверью? - спросил он еще раз дрожащим, хриплым от возбуждения голосом. Только подумать, та же самая судьба, которую он проклинал за нанесенные ему раны, за бесполезную лошадь, попавшуюся ему по дороге, теперь безошибочно привела его в нужное место! Он послал ей мимолетную молитву в знак благодарности и теперь мечтал только о том, чтобы поскорее, как только представится случай, умиротворить Бога под этой священной крышей и во всем перед ним покаяться.

- Да, леди Мария, норманн и преподобная матушка, - прошептала в ответ сестра Мэри Целомудренная.

- Впустите меня.

- Для чего?

Ротгар, ничего не понимая, уставился на монахинь:

- Чтобы спасти ее.

- Но они закрыты, господин Ротгар, кроме того дверь на засове и с той стороны. К тому же из вас хлещет кровь, как из забитой свиньи. Если кого-то и нужно здесь спасти, то только вас в первую очередь.

Сестра Мэри подкралась ближе к двери.

- Наши ослы ужасно утомились в дороге, поэтому мы посадили сестру Марию Магдалену на лошадь Нормана и отправили ее в Лэндуолд за подмогой. Нам остается только ждать.

- Как же вы сможете драться с поврежденной ногой? - спросила монашенка. Я могу заняться вашей раной.

- Но ведь он... - Ротгар осекся. Нельзя говорить об угрозе изнасилования перед невинными монахинями. - Он же значительно сильнее ее.

- Но не станет же он насиловать леди Марию прямо на глазах у преподобной матушки, - саркастически заметила сестра Мэри Целомудренная, и слова ее вызвали насмешливое переглядывание между монахинями, которые, раскрыв широко глаза, явно проявляли интерес к этой теме.

Маленькая молоденькая монахиня, бросив на него любопытный взгляд, стыдливо закрыла лицо руками и захихикала.

- Я... Черт подери, что это он здесь делает, забившись в этом углу в коридоре вместе с этими монахинями, раскрывшими от удивления рты. Только дверь отделяла его от Марии.

- Ну-ка отойдите прочь! - потребовал он.

- Но?..

- Боже, вы только посмотрите на его упрямое, как у мула, выражение лица, спохватилась сестра Мэри Целомудренная, покачивая головой в знак осуждения. Позвольте, я вытащу засов. Я умею это делать совершенно бесшумно.

- Давай, вытаскивай засов, - пробормотал сквозь зубы Ротгар.

- Надеюсь, ты обучалась этому искусству не на мне, когда я здесь запиралась, чтобы избежать глаз людских? - упрекнула сестру Мэри Целомудренную одна из монахинь.

- Отойдите все прочь! - заорал Ротгар. Мощным рывком он распахнул дверь, и громкий треск эхом отразился по коридорам монастыря.

- Ротгар! - удивленно прошептала Мария. - Я знала, что ты обязательно придешь.

Гилберт запустил в стену пивную кружку.

- Это что еще за трюки? - зарычал он, спотыкаясь, делая первый шаг навстречу Ротгару. Ротгар тоже бесстрашно сделал шаг вперед, весь изогнувшись от боли, когда перенес свой вес на больную ногу.

Боже, почему же она помешала Гилберту выпить отравленный бульон? У охромевшего Ротгара не было, по сути дела, никаких шансов против тренированного, искусного в бою норманнского рыцаря. Зарыдав от глубокого разочарования и самобичевания, Мария оглядывалась вокруг в поисках оружия, а Ротгар с Гилбертом в это время смотрели в упор друг на друга, словно оценивая силы противника. Она нашла пустую кружку, затем другую и швырнула их в голову Гилберта. Но они не достигли цели и, ударившись о стену, отскочили от нее, не причинив ему никакого вреда.

- Преподобная матушка, уведите Марию и закройте дверь на замок, - приказал Ротгар. Он смотрел прямо в глаза Гилберту; холодная решимость овладела им. "Только один из нас покинет эту комнату живым сегодня вечером", - решил Ротгар.

- Нет! - закричала Мария, дергая аббатису за руку. Она не оставит Ротгара одного,

никогда, даже если ей придется умереть рядом с ним.

Сакс и норманн скрестили мечи. Раздался громкий звон сшибки. От сильного удара мужчины отпрянули назад; они стояли, с ненавистью глядя друг на друга, жадно хватая ртом воздух, собирая силы для следующего удара.

Мария бросила горшочек с мазью в Гилберта, но тот ловко увернулся.

- Пошли, дочь моя, тебе угрожает опасность. - Аббатиса попыталась оттеснить ее к двери.

- Нет, я не оставлю его одного. - Мария попыталась было бросить в норманна поднос, но не смогла как следует ухватиться за тяжелую, неуклюжую вещь. Он с грохотом упал на пол всего в нескольких дюймах от ее ноги. Гилберт рассмеялся.

- Мария, ступай!

Ротгар вздымал свой меч снова и снова, пытаясь загнать Гилберта в угол, но, по сути, не причинял ему вреда, так как норманн искусно парировал все его удары. Гилберт снова засмеялся, но на сей раз не столь самоуверенно, и его лоб покрылся каплями пота. Ноги его становились все более непослушными, ватными. Мария наблюдала за ним с широко раскрытыми глазами, все тело ее дрожало. Неожиданная слабость Гилберта могла быть и хитростью с его стороны. Если бы только у нее было оружие, но под рукой ничего не было, даже стула, чтобы разmozжить ему голову, - лишь слабо мерцающий огонь в углу.

Ротгар занес свой меч еще раз и сумел пробить защиту Гилберта. Его чувствительный удар пришелся по его прикрытой кольчугой брюшине. Гилберт зарычал и с яростным воем устремился на Ротгара. Мария оцепенела от страха, когда Гилберт, сделав ложный резкий выпад, в последний момент схватил ее и, превратив в живой щит, прикрылся ею.

- Ну-ка бросай меч, сакс, - тяжело сопел Гилберт. Ему не хватало воздуха из-за потраченных усилий. Мария пыталась вырваться, но он лишь крепче сжимал пальцы у нее на руках, не давая ей ни малейшего шанса убежать.

- Негодяй! - презрительно плюнул Ротгар, но выполнил приказ Гилберта. Мария вздрогнула от приглушенного звона, когда его меч упал на пол. Да, во всем виновата она, только одна она. Ведь Ротгар велел ей выйти из комнаты. А теперь ему придется умереть, - а скорее всего они умрут вместе, - от руки Гилберта. Она встретила его упорный взгляд, но в нем она не заметила никакого упрека, лишь настороженную уверенность, словно Ротгар был уверен, что он сможет спасти ее, несмотря на то сложное положение, в которое она попала из-за собственной небрежности. Его уверенность передалась ей, сердце ее застучало с новой силой, позволяя ей немного расслабиться, чтобы не чувствовать боли от железной хватки Гилберта, который все сильнее сжимал ее. Норманнский рыцарь вдруг зашатался, крепче ухватился за нее, словно она была для него последней опорой.

- Мария, немедленно наклонись! - заревел Ротгар.

Мгновенно подчиняясь приказу, Мария нырнула головой вниз и лишь краем глаза заметила отблеск украшенного драгоценностями ее кинжала, который Ротгар, быстро вытащив из-под туники, метнул со страшной силой в Гилберта. Бросок оказался точным. С глухим ударом кинжал вошел по самую рукоятку. Он взревел от дикой боли и сразу выпустил из объятий Марию, которая упала на пол. Визжа от боли, он напрасно пытался выдернуть кинжал. И вдруг, охватив себя за живот, словно кто-то выпустил ему кишки наружу, Гилберт упал.

Ротгар, опустившись перед ней на колени, прижал Марию к груди. Ее мягкое прикосновение успокоило его, ее ароматные запахи ласкали его обоняние, постепенно

умеряя его животное, взбудораженное волнующейся кровью желание распороть Гилберту грудь и извлечь оттуда его подлое сердце.

- Тебе больно? - спросил он ее, как только обрел дар речи.

- Нет, что ты, Ротгар. Посмотри, ты весь в крови!

Но Ротгар, не обращая внимания на ее лихорадочные восклицания, с любопытством взирал на стонущего рыцаря.

- Но я ведь не ударил его в живот, Мария. Смотри, твой кинжал по-прежнему торчит у него в плече.

- Это действует мазь, которую вы дали ему вместе с бульоном, - вмешалась стоявшая у них за спиной аббатиса. - Оно вызывает страшные судороги у него в желудке.

- Ты дала ему снадобье? - спросил Ротгар; - Прямо здесь?

- Да. Но потом я выбила кружку у него из рук, - прошептала в ответ Мария.

- Но перед этим он уже успел выпить смертельную дозу. Он выпил достаточно, чтобы вызвать такой эффект. - Настоятельница подошла к ним поближе и, указывая на мчающегося извивающегося от острых болей норманна, сказала:

- Теперь он в твоей власти, Ротгар. Ему никогда не прийти в себя после этого.

- Он всегда будет мучиться от этих болей? - спросил Ротгар. С одной стороны, он был доволен, что этому негодяю предстоят такие страдания в течение всей жизни, а с другой, ему становилось жутко при мысли о таком суровом приговоре.

- Да, всегда.

- Ну и пусть. - Это была суровая кара, на самом деле суровее смерти, которой Ротгар хотел его предать, но он не мог в полном сознании поднять меч на Гилберта, находящегося в таком тяжелом состоянии. Ротгар встал, поднял Марию, держа ее, словно ребенка, на руках. - Пойдем, моя любимая. Мы оставим его на попечение монахинь.

Аббатиса кивком головы дала понять, что принимает на себя такую обязанность, и Ротгар подвел Марию к двери.

Глухой, хриплый голос Гилберта остановил его.

- Сакс! Помни о данной клятве. Ротгар бросил на него взгляд через плечо. Гилберт, еле приподнявшись на локте, глядел на него.

- Там, в конюшне, ты поклялся убить меня, если только я дотронусь до нее, - сказал Гилберт, сжав зубы от боли. Ротгару казалось, что он видит, как спазмы выворачивают его всего изнутри.

- Теперь она в безопасности, - ответил Ротгар, понимая, что не в силах в такую минуту нанести Гилберту удар. Кажется, ей больше не нужно опасаться, ты ей больше не сможешь причинить никаких страданий.

Но Гилберт не давал ему уйти:

- Ротгар! Я.., умоляю тебя. Сдержи данную клятву.

Он говорил так тихо, что Ротгар едва его слышал. Аббатиса прошептала что-то на ухо Марии, и она, высвободившись из его объятий, пошла за монахиней. Они вышли из комнаты. Разговор Предстоял между двумя мужчинами.

- Ты наверняка поступил бы так с собакой, которая наелась гнилого мяса. Гилберт тяжело дышал, его голос сильно ослабел. Я слышал, что сказала монахиня. Нет никакого смысла жить такой жизнью, которую она мне уготовила. Но я могу с гордостью умереть, получив последний, смертельный удар от такого человека, как ты, господин Ротгар, Ротгар Лэндуолдский.

- Не стоит до такой степени унижать себя, - ответил Ротгар, выражая искреннее удивление такой формой обращения к нему со стороны норманна.

- Нет большого унижения в том, чтобы признать победителя победителем, сказал Гилберт.

Ротгар явно колебался, не зная, как ему поступить. Его представление о милосердии настойчиво заставляло его помочь норманну, но его всего охватила какая-то странная слабость, словно дух мести переполнял его только тогда, когда Марии угрожала опасность, и покидал его, когда она находилась в полной безопасности. Голова у него болела от нанесенного Гилбертом удара. Его нога дрожала от нанесенной этим норманном раны. Он, конечно, не проявит к Гилберту никакого милосердия, если только найдет в себе достаточно сил, чтобы нанести ему последний, смертельный удар.

- Прошу тебя, - прошептал Гилберт, не понимая колебаний Ротгара. - Речь идет о проявлении ко мне доброты, которой я, конечно, не заслужил.

Ротгар не мог найти слов, чтобы сказать ему о своем намерении исполнить его просьбу. Он просто кивнул, умоляя Бога придать ему сил, ужесточить разящую его руку.

Опасаясь, как бы удар не получился неловким, не соскользнул по железной поверхности кольчуги, Ротгар изо всех сил вогнал меч в сердце Гилберта. Послышался резкий выдох, кровь забила слабым фонтанчиком, а потухающие глаза Гилберта говорили о том, что на сей раз Ротгар не промахнулся.

Он постоял немного перед норманном, пытаясь понять, для чего нужна Богу душа такого человека, как Гилберт Криспин.

- Я люблю тебя, - прошептала Мария, когда он вышел из кельи, которая стала местом казни для Гилберта.

Вдруг он почувствовал прилив диких, первобытных эмоций. Не обращая внимания ни на стоявшую рядом преподобную матушку, ни на столпившихся возле двери монахинь, он, наклонив голову, крепко поцеловал ее.

Когда наконец он оторвал губы после продолжительного страстного поцелуя, он почувствовал, как кровь закипает у него в жилах, как затуманивается здравый смысл. Он сказал:

- Пошли отсюда. Нельзя оставаться под этой крышей с теми мыслями, которые мечутся у меня в голове.

- Прошу тебя, Ротгар, давай вернемся в Лэндуолд!

Сердце у Ротгара упало. Опять Лэндуолд. Между ними всегда будет стоять Лэндуолд.

- Может, на короткое время, - ответил Ротгар, выражая свое согласие, чтобы только скрыть захлестнувшую его печаль.

- Во всяком случае, не слишком долго, - сказала Мария. - Мне нужно объяснить все Хью, чтобы он понял и не гневался на меня, когда мы вместе уедем и будет искать собственный дом. Только после этого мы сможем покинуть Лэндуолд.

Ротгар почувствовал, как воспрянул духом, но все равно нужно ее еще раз предостеречь. - Нам предстоит преодолеть немало препятствий. А это может оказаться ужасно трудным делом.

- Да, очень трудным, - согласилась она.

- Ротгар, - окликнула его аббатиса, когда они выходили из комнаты. - Могу ли я надеяться, что это будет последняя женщина, которую вы умыкаете из монастырских стен?

- Абсолютно точно, преподобная матушка. - Он улыбался, глядя на Марию. - Я не имею

права вызывать у нее приступа ревности. Она слишком хорошо овладела искусством приготовления "целебных снадобий".

- И не только им, - подхватила, блаженно улыбаясь, Мария.

Эпилог

Август 1067 года

"Ястреб парил высоко в небе, делая медленные, ленивые круги, оглашая окрестность пронзительными резкими криками. Мария, прикрыв ладонями глаза, наблюдала за ним, ей так хотелось поменяться с птицей местами, позаимствовать у нее ее острое зрение, тая как ее глаза уставали от бесплодного разглядывания далекого горизонта. Семь дней, две недели, и вот уже прошло целых два месяца. Храни, Боже, Ротгара и Хью.

- Мария! - визгливо закричала Эдит, заботливо поглаживая себя по животу, что она теперь делала постоянно с того времени, как у нее прекратились месячные. Голос у нее дрожал от возбуждения. - Вернулся Фен!

Мария резко обернулась, вглядываясь туда, куда указывала Эдит. Да, это на самом деле был Фен, его легкая фигура, казалось, скользила, над почвой, не дотрагиваясь до земли, прокладывая себе путь вперед. Потом она увидела отразившийся от сверкающей кольчуги солнечный луч, услышала нетерпеливое, резкое ржание голодной лошади, учуявшей близость своей конюшни. Два всадника один с волосами каштанового, как и у нее, цвета, а другой с шевелюрой развевающихся на ветру рыжевато-коричневых волос, запутавшихся в его такой же огненно-рыжеватой бороде. Вероятно, она на самом деле превратилась в ястребицу, судя по тому, с какой скоростью летела она, не чуя под собой ног, через весь замок и мост через ров, навстречу Ротгару. Вероятно, у нее отросли сразу десять рук - так жадно она обнимала ими Ротгара, который, подняв ее на руки, усадил перед собой в седло. Она все крепче прижималась к нему, сердясь на кольчугу, которая прикрывала от нее его обнаженное тело, и одновременно благословляя ее за то, что она спасла ему жизнь для нее; она ворошила его длинные волосы, полагая, что была права тогда в ту далекую, словно вся прошедшая жизнь, ночь, когда подумала, что спадающие до плеч волосы будут ему к липу; она поглаживала ладонями его бороду, осыпая его поцелуями. Она чувствовала его сильные руки, которые, словно железными клещами, обвили ее за талию.

- Поосторожней, сестра, - предостерег ее Хью, несмотря на то, что сам наслаждался таким же бурным приемом, оказанным ему Эдит. - Будет неловко, если Вильгельм узнает, что Ротгара задушила в своих объятиях женщина, когда еще чернила на его помиловании не высохли.

- Значит, он его помиловал? - Хотя этот день, несомненно, должен был стать самым счастливым в ее жизни, Марии с трудом удавалось сохранять спокойствие духа. - А одобрил ли он брак между нами?

- Да, хотя, конечно, нам пришлось отдать ему немало золота, чтобы переубедить его, - ответил Ротгар. - Конечно, ему было от этого не по себе, но живые деньги все же перевесили все остальное. Вильгельм, конечно, считает Англию весьма ценным для себя приобретением. - Ротгар порылся в седельной сумке и извлек из нее пергаментную бумагу, смятую, с обвисшими краями из-за длительного путешествия на потной лошади под жарким летним солнцем. Написанные жирными чернилами строки, какие-то таинственные завитушки, украшения сообщали, что Марии предоставлено право выйти замуж за сакса, и гарантировали им подорожные для беспрепятственного передвижения по территории всей Англии.

Теперь они могли уехать из Лэндуолда. Теперь они могли попрощаться с Хью и Эдит. Ну, а теперь к замку, к этому недавно завершённому замку, такому неприглядному снаружи, но удивительно приспособленному изнутри к повседневной жизни.

О, с какой радостью она бы ехала рядом с Ротгаром, высоко подняв голову, испытывая такую сильную к нему любовь. Да, теперь они могли покинуть Лэндуолд, но все же какая-то маленькая частичка ее сердца будет постоянно ныть из-за тоски по тому дому, который она могла бы иметь.

- У меня тоже есть бумага, - сообщил Хью. Эта новость отвлекла Марию от мрачных мыслей.

- Но тебе не нужно прощение, Хью.

- Этот пергамент для тебя. Пораженная известием, Мария взяла в руки документ.

- Смелость твоего брата проявляется не только на поле боя, - сказал Ротгар. - Хью осмелился признаться Вильгельму в том, что с ним произошло и как ты здесь в Лэндуолде управлялась одна, когда его лечили.

- Твой сакс, по-моему, отличается сверхскромностью, - вмешался Хью. - Я также сообщил Вильгельму, что нам никогда бы не видеть вот этих прочных стен, если бы Ротгар не мобилизовал на строительство всех местных крестьян. Не забыл я рассказать ему о том, как Ротгар спас нас от верной засады на лесной опушке возле хижины дровосека, как он организовал нашу оборону после предательства Уолтера и Филиппа.

- Ну и что сказал Вильгельм обо всех этих известиях? - прошептала Мария. Подумать только, как она опасалась, что вся эта информация достигнет ушей всемогущего правителя, и вот на тебе, ему обо всем рассказал ее брат Хью!

Хью нежно, приветливо ей улыбнулся, и в этой улыбке чувствовалась гордость брата за свою сестру.

- Вильгельм заметил, что если бы все его рыцари поступали так, как эта слабая женщина и его заклятый враг, то на его земле уже давно бы воцарился мир.

- Значит, в течение всех этих долгих тревожных месяцев..., не было вообще никакой необходимости опасаться Вильгельма?

- Нет, ты правильно делала, что его опасалась. Когда я все выложил ему, он объявил Лэндуолд конфискованным.

Хотя Эдит тяжело задыхалась в унисон с тревожно забившимся сердцем Марии, утрата Лэндуолда, судя по всему, мало волновала их мужчин. Вероятно, по пути домой они к этой потере сумели привыкнуть.

- Нам незачем так огорчаться и переживать, - сказал Хью. - Вильгельм не лишил нас дома. Он передал земли, принадлежащие этому предателю Филиппу, мне, прирезав к ним существенную площадь, ведущую прямо к морю. - Бросив косой взгляд на стены замка, он добавил:

- Вероятно, мне самому придется построить новый на пожалованных мне новых землях.

Значит, Хью получил Стиллингхэм и еще кое-что в придачу, но все усилия Марии, все эти месяцы, проведенные в полной неуверенности, беспокойстве и тревоге, вся проделанная Ротгаром работа пошли, выходит, прахом. Ну а что же будет с той любовью, которую она питает к этому славному месту? От допущенной несправедливости всю ее охватил бесплодный гнев.

- Ну и что же будет с Лэндуолдом в таком случае? - с трудом выговаривая от растерянности слова, спросила она.

- Вильгельм сказал, что тот, кто несет ответственность за поддержание порядка в эти смутные времена здесь, в Лэндуолде, должен и впредь всегда распоряжаться этим поместьем, - пояснил ей Ротгар. В глазах у него поблескивали озорные искорки. - Эта пергаментная бумага, Мария, по сути дела, декрет, передающий Лэндуолд в твоё владение.

Она думала, что ослышалась.

Хью фыркнул, не обращая внимания на её смущение.

- Но это уже второй декрет. В первом Вильгельм постановил передать всю собственность в Лэндуолде в руки Ротгара. Но он отклонил этот дар.

Ничего не понимая, Мария бросила на Ротгара вопрошающий взгляд.

- Передача Лэндуолда..., мне? Ты отказался? Почему?

- Потому что только твоя сила воли, твоя решимость позволили отстоять Лэндуолд. Я тебе немного помог, правда, в самом конце.

Она чувствовала эту почти невесомую бумажку в своих руках; такая неприметная вещь, и все же она принесла ей все, о чем она мечтала - дом, Ротгара.

Хью отъехал в сторону. Сердце у нее вырывалось из груди, принимая во внимание всю важность этого документа.

Ротгар тихо заговорил, хотя Хью уже отъехал на порядочное расстояние.

- А теперь я должен тебе кое в чем исповедаться, Мария. Должен сказать тебе о своих сомнениях. Я подумал, если я теперь, когда Лэндуолд снова принадлежит мне, женюсь на этой женщине, то ради чего она это делает, - ради меня или ради земли и дома?

- Выходит, ты передал мне Лэндуолд, чтобы те же сомнения теперь терзали меня? - прошептала она. Почему-то Ротгар сейчас совсем ничего не говорил ей о своей любви. Может, его чувства к ней уже остыли? - Так как ты являешься моим господином, моим супругом, то все, что принадлежит мне в Лэндуолде, принадлежит одновременно и тебе. Таким образом, я вправе задать тебе точно такой же вопрос.

- Я отдал Лэндуолд тебе, Мария, поэтому тебе и решать. У тебя теперь есть свой дом, независимо от того - выйдешь ли ты за меня замуж, или откажешься от меня.

Что за безумная мысль! Как она сможет в одиночку управлять всей этой землей, которую так любила.

- Забудем обо всем, Ротгар. Давай отдадим Лэндуолд обратно Хью и уедем отсюда, будем добиваться всего сами, собственными силами, как мы и мечтали, чтобы между нами не возникало никаких сомнений.

Подчиняясь мгновенному движению души, даже не оглянувшись, Ротгар, прищпорив коня, направил его в противоположную от лэндуолдского замка сторону.

Яркие лучи солнца падали ей на лицо, но их жар не мог сравниться с той охватившей её всю изнутри теплотой из-за такого легкого отказа Ротгара от Лэндуолда.

- Считаешь, что я поступаю глупо?

- Я хотел тебе предложить то же самое и даже не надеялся, что ты сама первой заговоришь об этом.

- Неужели Лэндуолд так мало значит для тебя?

- Ах, конечно, нет, дорогая. Когда-то он был для меня важнее самой жизни. Но теперь я нашел такое сокровище, которое ценю больше всего на свете. - Голос Ротгара погрубел, а он все сильнее сжимал её в своих объятиях. - Мария, пойми, Лэндуолд - это всего лишь лес и земля, если тебя нет рядом со мной. Я особенно четко это осознал, когда Вильгельм вручил мне декрет. Лэндуолд ничего не значит для меня, если только он не становится моим вместе

с тобой, его хозяйкой.

Какой же властью обладал над нею этот человек?! Достаточно услышать всего несколько его слов, чтобы сердце ее затрепетало от счастья.

- Именно об этом думала я, когда день за днем ожидала вашего возвращения. Ах, Ротгар, несмотря на то, что земли Лэндуолда окружали меня, что вокруг меня в замке были его люди, я чувствовала себя такой одинокой, такой потерянной и несчастной, словно я уехала куда-то далеко от дома, заблудилась и не могу отыскать дорогу обратно, не чувствую твоей уверенной руки в своей. Он быстро поцеловал ее в затылок.

- Ротгар? - робко начала она. - Давай вернемся домой.

Он остановил лошадь, но не разворачивал ее в сторону замка.

- Там, где мы будем вместе с тобой, и будет наш дом, - прошептал он.

Он просунул руку под ее тунуку, ощупывая ее легкое летнее белье. Ей хотелось знать, чувствует ли он, как еще больше округлились ее груди, как слегка увеличился живот, понимал ли он, что даже если он заключит брак сегодня, то до появления их ребенка месяцы можно пересчитать по пальцам.

- Мне нужна ты, Мария, а не Лэндуолд, - сказал он.

- А мне нужен ты, Ротгар, а не Лэндуолд. Он нахмурился, глядя на нее, но это было притворство, которое напрочь опровергали его смеющиеся, поддразнивающие ее чудесные голубые глаза.

- Вильгельм будет недоволен, что ты отказалась от его дара.

- В таком случае, моя неприятная обязанность как его верноподданной принять его, - сказала она с насмешливой серьезностью. Но что мы будем делать с поместьем, которого ни один из нас не желает?

Ротгар пришпорил коня, направив его обратно к Лэндуолду. На лице у него появилось свирепое выражение, словно его терзали неприятные, тревожные мысли. Вдруг его лицо посветлело.

- В этом замке есть одна спальня, где я, вероятно, смогу кое-что придумать. Может, мы там обоснуемся с тобой..., вместе?

- Для того, чтобы доставить удовольствие Вильгельму? - съязвила Мария.

- Нет, Мария, - прошептал, чуть слышно, Ротгар. - Чтобы доставить его мне.